

ANNE DAR

Один год жизни

Глория Пейдж всю жизнь стремилась вырваться из провинциального городка, чтобы в итоге добровольно в него вернуться. У Глории всегда были цели, которых она непременно достигала, и она наверняка знала, чего хочет от своей жизни. Неожиданно для самой себя ей приходится изменить русло своей целеустремленности, определяющее её будущее. Карьера терапевта откладывается на неопределенный срок для поиска работы в глухом городке. Долгое время не окончившая университет студентка не может найти себе место, пока однажды удача не улыбается девушке кривой улыбкой. Неожиданное везение оборачивается знакомством с мальчиком по имени Мартин...

- [Anne Dar](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)

- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
-

Anne Dar

Один год жизни

Глава 1

Когда я была еще совсем маленькой, я, в попытке покормить диких уток, чуть не утонула в пруду, находящемся за нашим домом. На самом деле я смутно помню тот момент, но с тех пор я начала бояться любой жидкости, в которой можно было бы хоть как-то умудриться утонуть. Впредь к пруду я больше не подходила более чем на триста метров, потому как он стал для меня символом смерти. И хотя с каждым годом пруд становился всё мельче, а утки в нём всё упитаннее, я, к своим двадцати двум годам, так и не научилась плавать.

Однако приобретенная мной в детстве аблутофобия^[1] никак не влияла на мою любовь к дождливым дням и особенно вечерам. Конечно я никогда не была мазохисткой, обожающей гулять под дождем, любящей возвращаться домой после тяжелого дня с промокшими ногами или бежать по грязным городским лужам в тщетной попытке остановить свободное такси. Я скорее всегда была из тех многих, кто обожает во время дождей смотреть в окно, за которым начинают сгущаться осенние сумерки, и, согреваясь теплой чашкой кофе, думать о чем-то своем, далеком и непонятном даже для самих себя. Сегодня был именно такой вечер — вечер, когда капли дождя, отскакивающие от крыши нашего небольшого, старого, двухэтажного домика, заставляли мою душу расслабиться под звучанием ненавязчивой, вибрирующей тяжести своего падения.

Две недели назад, после неполного четырехлетнего обучения в одном из лучших университетов страны, я вернулась из столицы в родной городок, который резко отличался своим размеренным темпом жизни от пульсирующего ритма мегаполиса. Я почти отучилась на терапевта и мечтала в ближайшем будущем стать дипломированным специалистом, но в свете последних событий не могла позволить себе платное обучение. В итоге мне пришлось бросить учебу и продолжить жить с тягостной надеждой на то, что со временем у меня получится восстановиться в университете.

Коротко о моей семье. Мой отец, брюнет с большими ярко-голубыми глазами и средним телосложением, отличался своим необычным чувством юмора, которое зачастую лишь отражало суровую реальность окружающего его мира, и пристрастием к вкусному ужину, что почти не отражалось на его плотной фигуре. За свою жизнь он освоил две профессии: вальцовщик стана горячей прокатки и радиомеханик. После десяти лет на металлургическом заводе, второе место работы казалось для него манной небесной, которой он опасался лишиться последние полгода, в связи с массовыми сокращениями, связанными с фактическим разорением его работодателя. За минувшую зиму было уволено пятьдесят человек из семидесяти восьми и уже ни для кого не было секретом, что до конца весны фирма отца испустит последний вздох. Но об этом в нашей семье негласно договорились молчать, дабы не думать о, и без того плачевной, финансовой ситуации нашего очага.

Мою мать можно определить в разряд опытных домохозяек, которые с закрытыми глазами способны одновременно кормить ребенка, гладить рубашку и решать вопрос с коммунальными платежами. Сначала она трепетала над своими четырьмя детьми, затем появились внуки и дедушка с бабушкой. Так она навсегда осталась вечной домохозяйкой, полностью довольная своей должностью женщины, на которой, в буквальном смысле, держится весь дом. Вставая в шесть утра, чтобы приготовить завтрак для домочадцев и ложась в десять часов, после финальной глажки белья или протирания пыли, мама всегда всё

успевала.

Она никогда не была пышной женщиной, однако за последние месяцы совершенно похудела от свалившихся на нашу семью проблем. На волосах появилась первая седина, которую она тщательно замаскировала дешевой краской цвета коньяка, вокруг глаз проступили новые морщинки, а в глазах начала отражаться первая за всю жизнь усталость.

Мой старший брат, Дэниел, в отличие от меня, совершенно не представлял, чего хочет от своей жизни. Если я мечтала выучиться, получить диплом и сделать успешную карьеру медика, тогда он мечтал просто прожить очередной день, не сломав себе при этом шею. Жаль, что в итоге у него это не получилось. Когда ему было двадцать, он заявился домой с новостью о том, что готовится стать отцом. До сих пор помню, каким шоком стала эта новость для нашей семьи. И не столько потому, что парню было всего два десятка от роду, он не имел образования и зарабатывал копейки, работая водителем, сколько потому, что матерью его ребенка собиралась стать семнадцатилетняя Линда Фейн, еще даже не окончившая A-levels^[2]. Родители не успели проглотить эту новость не поперхнувшись, как уже через неделю к нам, на постоянное место жительства, переехала будущая мать моих племянников, которая была всего на год старше меня. Она заселилась в спальню брата, поэтому ни я, ни мои сестры не встали на дыбы, из-за нашего притеснения на собственных квадратных метрах и, в итоге, мы неплохо ужились под одной крышей.

Линда запомнилась мне тихой девушкой — намного тише, чем я или мои сестры. Она обладала мягкими, светло-русыми волосами до лопаток и невероятно быстро растущим животом. Родители сразу с ней поладили, так как всерьез считали, будто девушка в буквальном смысле пострадала от домогательств со стороны их старшего недотепы.

Линду нельзя было назвать умной, но и глупой она тоже не была. Её смело можно было отнести в разряд «простых» девушек, любящих пожевать корочку лимона и послушать сплетни о соседях. Её родственники, живущие в соседнем городе, выгнали девушку из дома сразу после того, как узнали о том, что она залетела. Это было неудивительно — Линда была далеко не из обеспеченной семьи, в которой помимо нее воспитывалось еще два ребенка. В итоге её родители долго со сгруппившей девчонкой не церемонились, молниеносно выставив её на улицу.

Первые две недели, из-за острого токсикоза, Линда почти не выходила из своей спальни. Затем токсикоз сменился зверским аппетитом и к пятому месяцу, когда родители повели её на второе УЗИ, мы все уже всерьез верили в то, что её невероятно большой для своего срока живот — это всего лишь следствие активного поглощения углеводов. По словам мамы, когда наш отец узнал, что Линда беременна двойней — он с минуту немо стоял с выпученными глазами. Безусловно, все радовались подобной новости, тайком от Линды подсчитывая сбережения на черный день и экономя мелочь на проезд. Один младенец — это большое счастье, два младенца — это слишком большое счастье, с которым ближайшие несколько лет, едва ли не единолично, предстояло справляться родителям отца ребенка.

Родители моего отца в нашей семье являлись эталоном по-настоящему сильной любви. Такое редко случается, но дедушка с бабушкой родились в один день с разницей в пять лет. Они познакомились, когда бабушке было всего восемнадцать, но она уже буквально болела мечтой стать фотомodelью. Именно с этой целью она пришла к молодому, но к тому времени уже весьма преуспевшему фотографу, Кристоферу Пейджу. Именно он сначала сделал её фотомodelью, затем сделал ей предложение руки и сердца, и, уже после её согласия, сделал ей ребенка. Так в свои двадцать лет моя бабушка успела стать узнаваемой

личностью, любимой женой и любящей матерью.

Вскоре после рождения моего отца, молодая семья переехала в этот город, влюбилась в него и добровольно решила навсегда в нем застрять. По неизвестным причинам, дети у пары больше не рождались, поэтому их безумно радовал факт наличия четверых внуков и они приходили в полный восторг от приближающегося рождения сразу двух правнуков.

На фоне возвышенной любви дедушки и бабушки отношения моих родителей выглядели более потертыми, хотя, в отличие от стариков, они прожили вместе «лишь» двадцать восемь лет. Скорее всего, так получилось потому, что у них было больше детей, больше обязанностей и меньше времени на себя. Но они были неплохой парой. Отец постоянно подшучивал над мамой, а мама постоянно «гоняла» его за разбросанные вещи и ставки на скачки. Они ссорились пару раз в год, и-то потому, что так положено в долгой супружеской жизни. Родители никогда не шушукались между собой, в попытках выразить нежные чувства друг к другу, как это иногда делали Дэниел и Линда, которые регулярно ссорились по мелочам ровно один раз в неделю и лишь изредка проявляли «любовь» на людях. Со стороны эта молодая пара вообще выглядела так, будто она держится на куда более обыденных вещах, нежели любовь. Например, на подаче воды друг другу или массаже ног.

За семь месяцев Дэниел так и не смог найти хорошо оплачиваемую работу и купить в наследство своим детям нечто большее, нежели пару синих и розовых пинеток. Не то чтобы он не мог изменить хотя бы финансовую сторону своей жизни, просто он даже не пытался. Со стороны казалось, будто Линда уже устала ожидать чуда. В её взгляде появились нотки отстраненности и безразличия к своему избраннику, пока в её животе просыпался всё больший голод. Однако не только Линда — все видели, что Дэниел слишком несамостоятельный для отцовства и слишком страдающий юношеским максимализмом, чтобы хотя бы попытаться взять себя в руки. На этом фоне родители частенько пытались вставить в черепную коробку моего брата хотя бы подобие мозга. В основном это происходило, когда Дэниел тратил деньги на пиво, пытался прогулять работу или забывал купить фрукты для Линды. Зачастую всё заканчивалось ссорами, из-за чего обстановку в доме, на тот момент, сложно было назвать спокойной. Дэниел никогда не был примерным сыном, братом или мужем и тем более не собирался становиться идеальным отцом лишь потому, что однажды не сумел правильно воспользоваться контрацептивом. Картина была плачевной и именовалась она «Расхлёбанный отец с женой-малолеткой».

В конце июля Дэниел взял отцовский автомобиль, чтобы съездить с Линдой на запланированное обследование, так как её срок беременности подходил к концу. Лондон расположился не так далеко от нашего городка и брат настоял на том, что сопроводит Линду самостоятельно, без родительской опеки. В конце концов, он работал водителем, что могло произойти?

Они задержались в Лондоне из-за очередного набега Линды на всевозможные бистро, поэтому возвращались домой поздней ночью. Как позже выяснилось, причиной аварии стал бесхозный пони, выбежавший на проезжую часть. По заключению экспертизы, Дэниел пытался вывернуть руль, что привело к перевороту машины при съезде в кювет. Автомобиль буквально впечатался в дерево, что усугубило ситуацию. Авария была обнаружена не сразу, из-за чего скорая помощь прибыла лишь спустя час. После того, как парамедики зафиксировали смерть Дэниела, у Линды был обнаружен слабый пульс. Если бы скорая помощь оказалась на месте чуть раньше, возможно её смогли бы спасти. Смерть Линды была зарегистрирована в 23.56. В 00:01 из нее буквально вырезали мальчика и, спустя полминуты,

девочку. После этого события наша семья изменилась навсегда.

В детстве мы всегда ссорились. Дэниел постоянно нас задирали, Эмилия, хотя и была всего на два года старше меня, всегда отбирала у меня игрушки, а я, в свою очередь, отнимала игрушки у Тэмми, которой не повезло родиться спустя два года после меня. Если честно, до сих пор не понимаю, что именно сподвигло моих родителей завести четверых детей подряд, с разницей рождения всего в два года. Более чем уверена в том, что я на такое никогда не решусь.

После смерти Дэниела пыл между мной и сестрами словно утих и, если раньше мы ссорились каждый день, сейчас мы начали ограничиваться одной ссорой в месяц. Отец, ранее выглядевший на пять лет моложе своего возраста, вдруг постарел до своих лет, мама стала так тихо передвигаться по дому, словно лишилась своего веса, а нас с сестрами словно контузило первой в этой жизни потерей.

Как выразились врачи, нам еще повезло — дети не просто выжили, они остались совершенно невредимыми после подобного месива. Двойняшки появились на свет недоношенными, поэтому некоторое время провели в местной поликлинике, в инкубаторах, днями и ночами находясь под бдительным наблюдением врачей. Когда же пришло время забирать детей домой, родители всё еще не отошли от шокового состояния. В тот день мама снова не смогла встать с кровати, поэтому за детьми отправился отец с бабушкой и бабушкой, а мне с Тэмми пришлось заниматься самым страшным. Перед уходом отец виновато на меня посмотрел, но я понимала, что заставлять его это делать — слишком несправедливо. От Эмилии можно было не ждать помощи, так как она наотрез отказалась принимать в этом участие и отправилась на очередное собеседование, по итогам которого позже стала секретарем.

Помню, как Тэмми иступленно смотрела на меня, стоя на пороге спальни Дэниела, не в силах заставить себя переступить порог, отчего самую мучительную часть работы мне пришлось выполнять самостоятельно. Я буквально швыряла вещи брата и Линды в огромные картонные коробки, почти не пытаясь хоть как-нибудь их отсортировать. Быть в комнате брата спустя всего лишь две недели со дня его смерти было тяжело, но дотрагиваться до его вещей было просто невыносимо. Тэмми нервно наблюдала за тем, как я с остервенением металась по комнате, хватаясь за фоторамки, книги и духи Линды, как швыряла в коробки носки, компакт-диски и бейсбольные мячи Дэниела. Она терпеливо поправляла неровно уложенные рубашки, после чего подписывала коробки черным маркером: «Одежда», «Постельное белье», «Книги и канцелярские принадлежности», «Мелочи»... Мы должны были успеть справиться с «очищением» комнаты за полтора часа, но, благодаря моей поспешности, мы смогли уложиться в час: укомплектованные картонные коробки были подняты на чердак и оставлены в самом дальнем углу; разложенная тахта, которая прежде служила кроватью для Дэниела и Линды, не без труда была сложена пополам; все необходимые принадлежности для младенцев (от памперсов и присыпок, до влажных салфеток и игрушек) были разложены в новом комод, который отец купил накануне вечером; две колыбельные кровати, которые дедушка собрал за пару дней до трагедии, были заправлены чистым постельным бельем...

Начались бессонные ночи.

В первую же ночь мы поняли, что не справляемся с малышами. Мама до сих пор не пришла в себя от шока, папа тоже не до конца понимал, что с ним происходит, Эмилия твердила, что ей необходимо выспаться перед первым рабочим днем и вскоре вообще отказалась принимать во всем этом «балагане» участие. Тэмми же смотрела на всё округлившимися глазами и спустя два часа полноценной борьбы окончательно сдалась, отправившись спать, в то время как я пыталась успокоить сразу трех детей — Дина, Элис и папу.

Около четырех часов утра, по призыву папы, к нам явились дедушка с бабушкой, которые буквально спасли ситуацию. Следующую неделю старики ни на шаг не отходили от правнуков. Они были настоящим тандемом, умело делая всё в паре — от замены памперсов, до кормления младенцев. Их изредка подменяла только я — единственная, кто не игнорировал, или не имел причин игнорировать вопли двойняшек. Чуть позже подключилась и рассыпающаяся от горя мама. В этот момент дедушка с бабушкой решили некоторое время отстраниться от помощи с младенцами, посчитав, что мама быстрее придет в норму, как только начнет самостоятельно заниматься внуками. В итоге, мама с каждым днем всё больше и больше втягивалась в работу с детьми, и я понемногу начала отходить от состояния вынужденной бессонницы. Вскоре мама и вправду обрела во внуках новую волю к жизни, но прежде чем она это осознала, мне пришлось провести еще один месяц без сна и покоя.

Я и прежде не была сильна в учебе, так что не было ничего удивительного в том, что последние два месяца не самым лучшим образом повлияли на статистику моих оценок. Хорошо, что в шестнадцать лет, вещи вроде подтягивания спортивных показателей или изучение французского даются гораздо легче, чем в тридцать. Я не только снова нагнала свои прежние показатели, но и подняла их на двадцать один процент. После всего, что я увидела за прошедший год (несовершеннолетняя беременность Линды, смерть брата, рёв младенцев), я с уверенностью пошла к поставленной перед собой цели, с болтающимся на ней ярлыком, на котором курсивом было выведено слово «Независимость». Прежняя мечта поступить в университет впервые стала реальной миссией. Мне с детства сложно давалась учеба, но в старших классах я изо дня в день трудилась на школьной скамье и мои труды постепенно начали приносить плоды. За следующие два года я поднатаскалась по базовым предметам и, в итоге, смогла поступить на терапевтическую кафедру, на которой денно и ночью грызла гранит науки.

Всё шло по плану, пока не объявилась мать Линды с громким заявлением о том, что желает усыновить двойняшек. С этого момента между нами начались дорогостоящие судебные тяжбы. Почти весь семейный бюджет уходил на немощного адвоката, но другого мы просто не могли себе позволить. В итоге дедушка с бабушкой переехали к нам, чтобы сдавать свою двухкомнатную квартиру по неоправданно-низкой цене, так как в нашем городе в принципе сложно сдать в аренду то, что превышает размер десяти квадратных метров, а мне пришлось покинуть университет, так как я больше не могла себе позволить оплачивать обучение. Во время учебы я работала в ночной забегаловке, но мои доходы не могли покрыть и половину стоимости моего обучения за год, из-за чего большую часть денег мне приходилось брать у родителей. Именно поэтому я сделала вид, словно ушла из университета по собственному желанию. Родители, конечно, вздыхали для приличия, но в их вздохах больше слышалось благодарное облегчение, нежели настоящее сожаление. Зарплата

отца покрывала коммунальные платежи и непредвиденные расходы вроде пластыря на разбитые колени Дина или новые сандалии для Элис. Пенсия стариков плюс деньги за сдачу их квартиры уходили на тяжбы в суде и юридические вопросы. Небольшой же заработок Эмилии делился на нужды самой Эмилии и мелкие потребности семьи, после чего у нас оставалась только мизерная зарплата Тэмми, которая подрабатывала горничной в местном четырехзвездочном отеле — эти деньги уходили на пропитание семьи из девяти человек. Мы в буквальном смысле сводили концы с концами ради того, чтобы наших двойняшек не отобрали незнакомка, которая, в свое время, не побоялась вышвырнуть из дома собственную, беременную дочь. Судебные тяжбы тянулись невыносимо долго и невероятно мучительно. Спустя два месяца безрезультатных тренировок, крыша нашего дома всё еще тряслась от дрожи своих обитателей над их личным счастьем в виде двух пятилетних детей.

* * *

Миновало две недели после моего возвращения из Лондона, а я всё еще не смогла найти себе работу. В таком небольшом городке эта задача оказалась действительно проблематичной. На одно рабочее место претендовало минимум трио, максимум — квинтет^[3]. Я снова и снова просматривала, уже затертые до дыр в мониторе, объявления о работе, практически потеряв надежду найти что-то стоящее. Да что там стоящее — я готова была идти работать уборщицей сортиров, лишь бы только не обременять семью. Благодаря бирже труда, за последние двенадцать дней я побывала на десяти собеседованиях, но никуда так и не смогла устроиться. Чаще всего очередь до моей кандидатуры даже не успевала доходить — кто-то успевал отхватить лакомый кусок पहले меня, реже я попросту не подходила по параметрам. Точнее сказать, не подошла я всего дважды: на вакансию бармена, так как не умела жонглировать бутылкой, не разбивая её или нос собеседника (отчего на бирже на меня стали смотреть с опаской), и на вакансию официанта, так как я на первой же минуте случайно опрокинула поднос с кремовым супом на администратора.

После седьмого собеседования через биржу труда, я отправилась на поиски в интернет, но большинство поданных вакансий уже были закрыты, хотя еще и не были удалены с информационного ресурса. Правда три собеседования я всё же смогла выбить для себя именно через интернет: визажист, диджей и закройщик. После этих собеседований, в резюме, в разделе «коротко о себе», мне можно было смело дописывать: «Не умею красить физиономии престарелых дам; у меня отбито чувство ритма; мои пальцы настолько неуклюжи, что вполне способны покончить жизнь самоубийством, проколов швейной иглой с десятков раз каждую из своих фаланг». Еще чуть-чуть и я готова была поверить в собственную никчемность, но пока я еще готова была побороться хотя бы за место разносчика прессы.

Моя спальня была невероятно маленьких размеров — пять на пять шагов. Однако, не смотря на всю свою скромность, она являлась едва ли не верхом роскоши в этом доме. Все спальня комнаты располагались на втором этаже, кроме скромной комнатки дедушки с бабушкой, которая, впрочем, была минимум в два раза больше моей. Сразу за моей комнатой следовала спальня Дина и Элис, в которой зачастую происходили дикие вещи, вроде «поединка смеха», суть которого заключалась в перехохотании друг друга посредством криков. По другую сторону коридора располагалась самая просторная комната в нашем доме — комната Эмилии и Тэмми, в которой, не смотря на весь простор, чаще всего вспыхивали скандалы на пустом месте. Как же счастлива я была, когда, по возвращению домой, додумалась разгрести кладовую для швабр (которая, благо, была оборудована небольшим, прямоугольным окошком) и затащить в нее старую, двуспальную раскладушку, которую прежде, на случай ночевки гостей, мы хранили на чердаке. Тэмми тихо завидовала моей смекалке, я же тихо жалела её заторможенность.

Со старшей сестрой было сложно ужиться. Кто как не я знала об этом, съезжая из шикарных апартаментов в захудалую кладовку. Свой переезд я провернула после скандала, который Эмилия закатила в первое же утро после моего приезда, доказывая, что я без спросу взяла её фен. Да, я взяла его на минуту, но не видела в этом той трагедии, которую умудрилась рассмотреть под увеличительным стеклом прав на частную собственность моя старшая сестра. После этого инцидента я вдруг решила реализовать недавно прокрававшуюся в мою голову идею. Перенеся из кладовой все швабры, тряпки и чистящие средства в подвал, я за полчаса избавилась от въевшейся пыли, вымыла платяной шкаф, проветрила свои новые «апартаменты», после чего перетасила в них раскладушку и все свои вещи — благо у меня их всегда было не так уж и много. Когда сестры вернулись домой после рабочего дня, одна из них невольно обрадовалась произошедшей перемене, а вторая всхлипнула от того, что не додумалась до этой гениальной идеи сама.

На широком деревянном подоконнике я организовала себе уютный столик и поставила на него свой ноутбук десятилетней давности, который прежде принадлежал моему отцу. Он буквально достался мне по наследству, так как на семейном совете было решено купить новую модель старшей сестре — ведь она к тому времени уже работала секретарем, и ей ноутбук был просто жизненно необходим! — а мне отдать старую, потому как я усердно готовилась к вступительным экзаменам. Бедной Тэмми, на правах младшей, снова ничего не досталось, но на тот момент, когда в нашей семье началась дельба ноутбуков, отсутствие части Тэмми родители выставляли в качестве наказания за её хулиганское поведение. Сейчас же, в свете последних событий, она и вовсе лишилась даже малейшего шанса на приобретение подобной вещи, но, если честно, она в ней уже и не нуждалась. Тэмми не была зарегистрирована в социальных сетях и, кроме как для погашения задолженности по мобильному счету или редкого просмотра новостей, ей больше ни для чего ноутбук был не нужен. И-то для этих целей она пользовалась либо услугами общественных компьютеров в библиотеке, либо моим ноутбуком, который стал для нее доступен лишь по моему возвращению из Лондона. Ноутбуком Эмилии безнаказанно могли пользоваться только родители, для созвона с друзьями по скайпу. Остальные не имели ни желания, ни сверхмощных нервных клеток, чтобы лишний раз терзать фибры хрупкой души этой

Я в сотый раз обновила своё резюме на сайте РНГ^[4] и чуть не ударилась головой о низкий потолок, вскочив со своего скрипучего стула. Так как я уже с десятков раз билась макушкой о наклонный потолок, я инстинктивно резко присела и прижала ладонь к затылку, боясь в очередной раз нарваться на наказание свыше. Кто-то впервые обратил внимание на моё резюме! До этого момента только я делала попытки откликнуться на вакансии, но почти никто не обращал на меня внимание. Я не была уверена в том, что моё резюме не имело популярности из-за отсутствия моего фото — скорее всего, в этом городе попросту не было вакансий и с этим уже пора бы было смириться. Однако сейчас я зашла на свою страницу в РНГ как раз с целью загрузить своё изображение, чтобы хоть как-то привлечь удачу к своему фейсу, как вдруг увидела единицу напротив пометки «Мой успех». Я всё еще не могла поверить в свой успех, поэтому мысленно улыбнулась тому, как эта информация выглядит: «Мой успех — 1». Вдруг появилось ощущение, будто я, незаметно для самой себя, с нуля перекатилась за грань дозволенного невезения в нашей семье — на минус одну ступень. Не в силах выкинуть подобные мысли из головы, я грешным делом подумала, что это всего лишь спам или просьба не сорить своей никчемной резюмешкой по всем сайтам. Поэтому, прежде чем открыть письмо, я успела заранее разочароваться.

«Мы ознакомились с Вашим резюме и предлагаем пройти собеседование завтра в 10.00 по адресу Б***-стрит-10».

Всего одна строчка, заставившая меня улыбаться до ушей в течение следующей минуты. Впервые не я напросилась, а меня пригласили на собеседование! Как мало нужно человеку, ищущему работу вторую неделю к ряду, чтобы ощутить терпкий вкус успеха, разливающийся по ухмыляющемуся сознанию.

«Кто завтра определенно не пойдет на биржу труда, как планировал это еще пару минут назад? Я не пойду! Я отправлюсь на Б***-стрит-10 и получу свой кусок от трудоустроенного пирога!» — Возбужденно пронеслось в моем, затуманенном от счастья, подсознании. Я была настолько возбуждена, что чуть не упала лицом на клавиатуру от отчаяния, когда пробила адрес своего собеседования. Как я могла забыть, что переулок Б***-стрит живет отдельной жизнью от нашего города и фактически является отдельным государством? Аристократическая улица с исключительно изысканными коттеджами, фигурно подстриженными газонами и роскошными автомобилями, от названия марок которых язык заплетается в узел. Мысленно я уже шла в сторону биржи труда, как вдруг что-то внутри меня щелкнуло. Я называю подобные щелчки внутри себя «бойцовой кнопкой». Моей семье нужны деньги и если эти буржуи готовы раскошелиться хотя бы на фунт, тратя время на моё убогое резюме, я возьму этот фунт.

С утра моя решимость немного потускнела и скукожилась в уголке моего сознания.

Субботние завтраки в нашей семье всегда состоялись чуть позже привычного времени, так как отец, Эмилия и Тэмми обычно предпочитали хорошенько отоспаться после трудовой недели. Однако сегодня все, за исключением Дина и Элис, встали с утра пораньше, в остром предвкушении моего собеседования у миллиардеров (если верить словам отца, я шла минимум к нефтяным магнатам).

— Вот им наказание за роскошь, — начал «подбадривать» меня отец, намазывая масло на еще теплую булочку, которую с утра купила в лавке на соседней улице Тэмми. — Пусть вкусят нашей Глории кусочек, чтобы жизнь им медом не казалась.

— В данном случае не вкусят, а выкусят, — остроумно заметила Эмилия.

— И всё же я надеюсь, что Глория как-нибудь умудрится вернуться к нам целой, а не покусанной. Ты думаешь пойти в таком виде? — спросила мама, только сейчас обратив внимание на мои черные джинсы, легкую алую рубашку с небольшим декольте, которую я купила всего полгода назад для «особенных дней», даже не подозревая о том, что такими «особенными днями» станут дни моих собеседований.

— Я на все собеседования так хожу, — непонимающе встряхнула плечами я.

— Но в *такое* место нужно было бы одеть что-нибудь поприличнее.

— Боюсь, что это самое приличное, что есть в моем гардеробе.

— Ладно, займу тебе один из своих костюмов, — выдохнула Эмилия, делая мне столь лестное одолжение.

Её предложение прозвучало так, словно у нее в гардеробе имелось как минимум десять костюмов, хотя на самом деле их было всего два и, причем, не самых фешенебельных: серый (её любимый) и коричневый. Если серьезно, я даже расчувствовалась, так как Эми редко бывала такой щедрой. Наверное, сегодняшняя её щедрость была напрямую связана с её уверенностью в том, что у меня ничего не получится и таким образом она пыталась меня подбодрить.

— Не нужно, правда. Я так пойду. Не хочу запачкать твой костюм, — попыталась как можно более вежливо отказаться я, чтобы не задеть самых нежных сестринских чувств.

На самом деле Эмилия была всего на один размер крупнее меня, но эта единица много значила. К тому же, её одежда катастрофически не подходила мне по фасону. И если с бедрами я еще могла смириться, то за грудь было всё же немного обидно.

Доев свой тост и поправив элегантно заколотые на макушке, пышные волосы, ради которых я встала в семь утра, чтобы их вымыть, высушить и придать им «достойный» объем, я, наконец, переступила порог родительского дома под бурные, не лишённые сарказма овации и пожелания со стороны родни, в частности отца, вроде: «Облажайся красиво» или «Пусть узнают, где раки зимуют!».

* * *

Я поднялась вверх по улице, села на тридцать седьмой автобус и к холму, на котором расположилось около двух десятков элитных домов. Выйдя на нужной остановке, я проводила взглядом автобус, завернувший влево от величественных и нагнетающих, в этой ситуации домов, расположившихся на вершине холма, которые словно давили на наш маленький городок, высокомерно смотря на него сверху вниз. До начала Б***-стрит

оставалось около двухсот пятидесяти метров мимо яблоневого сада по правую сторону от меня и просторного поля слева, зеленеющего весенней свежестью. Подобным пейзажем можно было бы насладиться, если бы не подступающий к моему горлу комок необоснованного страха.

Пройдя большую часть пути, я машинально посмотрела на старые часы, которые мама одолжила мне на время собеседования. Они были позолоченными, и вся наша семья считала их едва ли ни самой роскошной вещью под крышей нашего дома, за исключением обручальных колец родителей, но мне вдруг показалось, что они выглядят смешно, по сравнению с ручкой садовой калитки особняка, который я только что успешно миновала. Судорожно подумав о том, что дешевую одежду мне еще смогут простить, но дешевую подделку часов, марка которых была очень популярна еще пять лет назад, минимум высмеют, я сняла их и положила в свой маленький черный клатч из искусственной кожи.

Дойдя до нужного дома, который оказался последним на улице, я громко выдохнула и еще раз поправила пальто из серой плащевки, которое всё-таки согласилась занять у Эмилии на время собеседования. Пальто мне было почти впору, поэтому я не чувствовала себя в нём недорослей младшей сестрой, которой достается одежда в наследство от старших детей, или переросшим хоббитом-лепреконом, нашедшим шмотку по пути к сказочному замку. Посмотрев на роскошное, двухэтажное поместье, я попыталась представить его хозяина. Не знаю почему, но я была уверена в том, что этот дом принадлежит именно хозяину, а не хозяйке. Наверное потому, что обычно хозяйки подобных поместий обожают усаживать свои палисадники душно пахнущими розами, буквально заставляющими лёгкие сжиматься от приступов удушья. Идя по этой странной улице, олицетворяющей иную, роскошную сторону медали нашего города, я не смогла не обратить внимания на несколько таких домов, хозяйки которых буквально утопили свои особняки в розах, не смотря на то, что сейчас был далеко не сезон их цветения.

Я была уверена в том, что как только достаточно потеплеет, прелестные дары флоры буквально начнут душить Б***-стрит своими терпкими ароматами. Палисадник же этого дома был практически пуст, по крайней мере сейчас, в прохладном апреле этого года. Справа, чуть поодаль от входа в странно-пустующий палисадник расположилась шикарная терраса внушительных размеров, рядом с которой стоял небольшой, трехступенчатый, посеревший от частых дождей и северных ветров, фонтан из белого мрамора. Зрелище было даже слегка унылым, отчего я не сомневалась в том, что здесь проживает именно представитель сильного пола. По устоявшимся стереотипам, я сразу же представила пожилого, плотного мужчину, с сигарой в правой руке и яйцом Фаберже в левой. Он наверняка провел разгульную молодость и завел нескольких незаконнорожденных детей от разных женщин. Естественно детей он либо признал и теперь ежемесячно платит их матерям огромные суммы алиментов, если дети еще несовершеннолетние, либо отказался от них и сделал всё возможное, чтобы вычеркнуть их из своей жизни, а вместе с тем и из завещания, составленного на молодую любовницу. В свои сорок он решил остепениться и женился на двадцатилетней дочери какого-нибудь начинающего депутата, который жаждал добиться успеха на своем поприще. Его молодая жена, недалекая красавица, родила ему законного наследника и либо отказалась больше рожать, так как мужа она не любит и фигуру из-за него портить не собирается, либо вообще развелась со стариком, отобрав у него половину его имущества. Ну или хотя бы сорок пять процентов, ведь подобные девушки берут дорого за вынашивание и рождение именно законного ребенка. И теперь он переехал

из столицы сюда, в свою резиденцию, чтобы отойти от потрясения, и сейчас, в тишине пустых комнат, вынашивает новый план, как в очередной раз обанкротить какую-нибудь слабую фирму и заработать на этом неплохие проценты. Вокруг него кружат молоденькие служанки, предлагающие ему фуа-гра, лобстеров и кое-что другое, от чего он наверняка не отказывается. О, ужас! Неужели рабочее место мне предлагает старик-извращенец?! Загнав себя в тупик подобным развитием собственных безумных мыслей, я резко нажала на дверной звонок, пытаясь развеять бред, навеянный паническим состоянием, нависшим над моим здравомыслием.

Мне открыли даже не поинтересовавшись, кто именно соизволил трезвонить в их отполированную дверь. Наверняка у них есть камеры, которые засняли, как долго я тупила, думая о старикашке-извращенце. Если они это видели — я уже не принята на работу. Кто захочет нанимать ненормальную, способную с минуту смотреть «в никуда» ошарашенным взглядом? Правильно — только старик-извращенец. Моя черепная коробка была настолько мелкой, что как только в ней появилась мысль об извращенце — она моментально вытеснила из моей головы всё то небольшое, что в ней помещалось прежде: неуверенность в себе и своем плаще, который я передала встречавшему меня швейцару, мысль о забытом дома амулете удачи и навязчивую идею о потребности организма успокоиться при помощи чашки горячего кофе. И всё же... В запросе не было указано, на какую именно должность я претендую.

Подтянутый, пожилой швейцар сопровождал меня налево от входа по короткому коридору и оставил у стульев обитых бархатом, на которых уже расположились семнадцать женщин разных возрастов и мастей. Пожалуй, это единственная вакансия в моём многострадальном опыте, на которую конкурс оказался настолько большим. Идя по коридору вслед за швейцаром, я мельком заглянула в приоткрытую слева дверь и поняла, что за ней расположился шикарный кабинет с большой библиотекой и мебелью из красного дерева. За столом, в высоком, обитом черной кожей кресле, повернувшись спиной к выходу, кто-то сидел. Я не смогла различить фигуры человека, но была уверена, что в кресле находился именно хозяин дома. Задумавшись о тайной личности, я чуть не врезалась в вытянутую спину старика-швейцара, который вдруг обернулся ко мне и, движением руки, указал на крайний бархатный стул. Поблагодарив его, я присела рядом с женщиной лет пятидесяти, после чего сделала глубокий вдох.

Спустя минуту, осмотрев ожидающих, я признала своё поражение. Мама была права — стоило одеть что-то более серое и строгое, в стиле Эмилии. Все присутствующие женщины были в возрасте от тридцати до сорока лет, за исключением моей пятидесятилетней соседки и меня, и абсолютно все были в строгих костюмах. Казалось, будто вязаная синяя шаль сидящей рядом женщины и моя алая блузка автоматически определяли нас в папку с ярлыком «Невпопад». Я слегка расстроилась подобному раскладу, а вот моя соседка приободрилась, явно радуясь тому факту, что теперь она была не одинока — в её команду белых ворон, прежде состоящую из одного человека, прилетела еще одна редкая птица. Из-за разницы в росте я смотрела на нее сверху вниз, отчего могла с уверенностью утверждать, что она была слишком низкой. Её густые, коротко стриженные волосы были выкрашены в карамельный блонд. Для своего роста она была достаточно плотной женщиной, с веселым и одновременно умным, слегка застенчивым взглядом. Не стану скрывать, она располагала к себе. Если бы я была нанимателем, я бы выбрала доброжелательную тётушку в возрасте, нежели напряженную и вытянутую в струнку девчонку. Хо-о-отя... Если бы я была стариком-извращенцем...

На этой моей мысли дверь справа от нас открылась и из нее вышла тридцатилетняя женщина в строгом костюме цвета индиго. Было видно, что она подготовилась к этому собеседованию лучше многих из здесь присутствующих и сейчас была вполне довольна своим результатом. По её удовлетворенному выражению лица было ясно, что она сделала всё

от себя зависящее, чтобы прибрать в свои белые ручонки это шоколадное место.

Очередь быстро таяла и, спустя час, нас осталось всего пятеро: я, моя соседка, и еще три молодые красотки, пришедшие сразу после меня. Отлично, если нас нанимает извращенец, мне даже не придется придумывать отговорку, чтобы отказаться от этого места — он определенно выберет пышногрудую блондинку или девушку в короткой юбке, окрашенную в ярко-черный цвет.

Швейцар, только что зашедший и немедленно вышедший из кабинета, в котором проводились собеседования, направился в сторону кабинета, который, по моим предположениям, принадлежал хозяину дома. Мои догадки о том, что собеседование проводит не хозяин поместья, полчаса назад подтвердил шепот одной из женщин, давно просидевшей в очереди. Она что-то говорила рядом сидящей девушке о высоком хозяине дома, который единожды выходил из кабинета чуть более часа назад, но больше из этого кудахтанья я толком ничего не смогла расслышать. Но если собеседует не хозяин, тогда кто? Три варианта: жена, любовница или всё-таки домоправитель... Ница. Домоправительница.

— Как до сих пор не выбрала?! — раздался раздраженный, мужской голос из кабинета, в который только что вошел швейцар. — Третий день подряд, пять десятков женщин и до сих пор ни одной? Она что там, порно-актрису выбирает?

«Всё-таки извращенец. Хотя, судя по голосу, определенно не старик», — подумала я как раз в момент, когда в коридор вышел молодой мужчина, лет двадцати шести, и уверенным шагом направился в нашу сторону. Он был хорошо сложенным, статным, высоким брюнетом с аккуратной укладкой густых волос, не затронутых страшно-модными стрижками — это всё, что я успела заметить прежде, чем он мгновенно промелькнул мимо нас, уверенно распахнув дверь, в которую только что вошла пышногрудая блондинка с V-образным декольте.

«Ну, всё, — пронеслось у меня в голове, — место точно отойдет этой порно-актрисе».

За дверью впервые раздалась достаточно громкие голоса мужчины и женщины, отзвук которых можно было расслышать даже с моего крайнего в очереди места, после чего дверь снова распахнулась.

— Дамы, прошу вас, — произнес молодой человек, тем самым приглашая нас войти внутрь.

Мы все одновременно оторвали свои пятые точки от бархата, но вошли в дверь строго по одной, словно представительницы разных пород куриц, солидарно пропуская друг друга вперед. Парень казался рассерженным, поэтому на сей раз я отличилась сверх учтивостью и пропустила сразу всех своих соперниц, зайдя самой последней. На всякий случай я даже не до конца закрыла дверь, чтобы не вызывать дополнительных раздражителей посредством лишних хлопков и щелчков, на которые этот мужчина мог бы случайно неправильно отреагировать, после чего встала позади остальных кандидаток.

— Пожалуйста, встаньте в ряд, — достаточно учтиво попросил молодой человек. Я встала крайней слева и снова оказалась рядом с моей соседкой, с которой мы негласно успели поладить, пару раз мимолетно улыбнувшись друг другу сидя на бархатных стульях.

— Раз ты не смогла выбрать из пятидесяти женщин за три дня, мы выберем из пяти за пару минут, — обратился парень к шикарной блондинке, сидящей за столом из красного дерева, в кожаном кресле без подлокотников. На ней была блузка из натурального шелка, с которой не шла ни в какое сравнение моя дешевая мулета ^[5]. Всем своим видом эта молодая женщина демонстрировала социальное превосходство над нами и умеренное недовольство

мужчиной, ворвавшимся в процесс собеседования. Девица скрестила руки на своей миниатюрной груди, которая была минимум на два размера меньше моей, что меня изрядно порадовало. Не всем же иметь и грудь, и деньги одновременно. Мне хоть за мою бедность идеальные формы достались.

— Итак, представьтесь и расскажите, чем вы занимались до прихода в этот дом.

Присутствующие начали представляться.

Пышногрудой Эбби было двадцать пять лет, до прихода на собеседование она работала учителем французского языка в старших классах. Выкрашенная в колоритный черный, двадцатидевятилетняя Карен работала гоу-гоу танцовщицей в одном из элитных клубов столицы. Двадцатисемилетняя Люси, буквально характеризующая своей внешностью выражение «серая мышка», прежде работала парикмахером. Моя соседка по стулу и построению, пятидесятипятилетняя Доротея, ранее трудилась библиотекарем.

Парень смотрел на каждую из говорящих с таким пристальным вниманием, что почти каждой становилось не по себе от его пронзительного взгляда — только танцовщицу гоу-гоу это подзадоривало. Не удивительно, что когда очередь дошла до меня, я невольно запнулась. Мысленно заставив себя не сгорбиться под тяжестью его энергетики и не опустить глаза, я достаточно четко произнесла, чем позже сильно гордилась:

— Меня зовут Глория Пейдж, мне двадцать два и я бывшая студентка ***— университета.

Взгляд слушающего требовал от меня еще чего-то. Наверное, он ожидал услышать что-то яркое из моей жизни, что могло бы автоматически зачислить меня на службу, вроде истории Эбби о её несостоявшемся романе со своим учеником, но у меня подобного туза в рукаве не было. В итоге, быстро моргнув, я добавила:

— Временно приостановила своё обучение на терапевтическом факультете на четвертом году.

Идя домой под теплым солнышком мимо яблоневого сада, я вдыхала свежий аромат весенних трав и мысленно прокручивала последние полчаса.

«Здесь и думать нечего, — пронеслось у меня в голове сразу после краткого „обзора“ кандидаток. — Возьмет пышногрудую учительницу французского или длинноногую гоу-гоу танцовщицу».

— Здесь и думать нечего, — словно эхом отозвался молодой человек, обращаясь к оскорбленной блондинке, всё еще сидевшей с кислой миной за столом, после чего снова обернулся к нам. — Беру самую пожилую и самую молодую.

Услышав эти слова, я машинально попыталась убедить себя в том, что действительно являюсь самой молодой из претенденток, глядя на стоящую рядом со мной, улыбающуюся девушку в короткой юбке, которая наверняка была уверена и в своем возрасте, и в своей победе.

— Но ведь тебе нужна была всего одна женщина, — заметила блондинка, наблюдая за выходящими из кабинета отклоненными кандидатурами. — Я хотела подобрать идеальную работницу, в которой будут все необходимые качества.

Всё-таки решив, что довольно улыбающаяся до ушей девушка с длинными ногами от тех же ушей, моложе меня, я отправилась к выходу.

— Что ж, я выбрал сразу двух кандидаток, которые в сумме представляют идеальный вариант. С чем не справится одна из них — справится вторая. Пусть страхуют друг друга. Девушка... Эм-м-м... Глория, Вы куда?

— М? — резко остановившись и обернувшись, откликнулась я.

— Вы и миссис Аддингтон приняты на работу, — встретившись со мной взглядом, произнес парень. От услышанного у меня вдруг закололо в области сердца, и я едва не схватилась за него, наблюдая за тем, как признавшая своё поражение девушка в короткой юбке проходит мимо меня в расстроенных чувствах.

— Извиняюсь, а в чем заключается суть работы? — неожиданно спросила Доротея.

— Интересно... Вы пришли на собеседование, не зная, на какую должность претендуете? — поинтересовался молодой человек, скорее обращаясь к блондинке, сидящей за столом, нежели к самой Доротее.

— Роланд, ты готов на меня сегодня спустить всех своих цепных псов? — изогнув бровь, начала полуоправдываться, полубоижаться блондинка. Однако мужчина решил не развивать эту тему, явно будучи недовольным сложившейся ситуацией. Повернувшись к нам, он сдержанно начал говорить:

— Всё что Вы должны узнать от меня — это то, что Вы, мисс Пейдж, будете работать восемь часов — с девяти утра до шести вечера, а Вы, миссис Аддингтон, приняты на вечернее время, на четыре часа с шести до десяти часов. Работать придется и на выходных, рабочее время которых вы спокойно можете согласовывать между собой. Ваша ставка — двадцать фунтов в час.

Двадцать фунтов в час! Я чуть не рехнулась от удивления, счастья и страха, слившихся воедино. Мысль о том, что в нас видят потенциальных любовниц, отпала вместе с вышедшей из кабинета гоу-гоу танцовщицей, но как только парень озвучил сумму нашего заработка, я невольно представила шест и с подозрением покосилась на старушку, миловидно

улыбающуюся работодателю. Я не собиралась следовать её примеру и мило улыбаться, пока мне не станут известны мельчайшие подробности вакансии, на которую меня с такой сказочной легкостью зачислили. Может, нас берут электромонтерами?

После сказанного, Роланд вышел из кабинета, оставив нас наедине с гремучей блондинкой, которая с первой же секунды начала нас презирать то ли как людей среднего класса, то ли из-за того, что мы являлись следствием не её выбора. Однако деваться было некуда ни ей, ни нам — ей нужно было ввести нас в курс дела, а нам жизненно необходимо было выслушать её презрительную лекцию.

* * *

— Двадцать фунтов в час?! — буквально выкрикнул мне в лицо отец, как только я сообщила ему о результате своего собеседования. — Не для того я растил свою дочь, чтобы она протирала шест своей попой. Твоя пятая точка всегда была развитой, но только в сфере поисков неприятностей.

— Пап, прекрати так остро радоваться успехам моей пятой точки, — самодовольно улыбнулась я, выхватив из рук отца бутерброд с сыром и ветчиной, которым он частенько промышлял за маминой спиной, после чего откусила от него большой кусок.

— Что за шум? — поинтересовалась мама, быстрым шагом спустившись по лестнице и сиюсекундно очутившись на кухне между мной и отцом. — Дерек, ты снова ешь бутерброды перед обедом?

— Это не я, — демонстрируя свои пустые ладони, начал оправдываться отец. — Это всё твоя дочь.

— Неважно кто из вас, господа, так как я застала вас с поличным. А ну-ка отдай сюда, — попыталась отобрать у меня бутерброд мама, но я ловко увернулась.

— Мне можно, — победоносно ухмыльнулась я.

— С чего это вдруг? — всё еще не понимая причины моего приподнятого настроения, поинтересовалась мама, до сих пор надеявшаяся лишить меня кусочка счастья в виде мягкого хлебушка с ветчиной, в который я жадно вцепилась. На секунду стало даже немного обидно от того, что родившая меня женщина совершенно забыла о таком важном для меня и всей нашей семьи собеседовании. Невольно создавалось впечатление, будто она и не надеялась на то, что её предпоследнюю, ничем особо не одаренную дочь, могут хоть куда-нибудь принять. Но я списала всё на то, что мамина забота о лишних калориях, которые члены её семьи частенько неблагоразумно потребляют как раз перед едой, затмевает своим величием всю мою победную ауру.

— Меня приняли на работу.

— Тебя? — не отрывая своего азартного взгляда от бутерброда, переспросила мама.

— Да, — улыбнулась я, после чего невозмутимо откусила заветный кусок.

— Какая у тебя будет зарплата?

В этом была вся моя мать — она еще не успела обрадоваться или хотя бы задаться вопросом о том, кем именно будет работать её дочь, как уже успела рассчитать месячную прибыль семьи с учетом минимальной для Британии зарплаты, на которую я могла претендовать с отсутствием законченного образования, и разделить её на потребительские расходы табора из девяти человек. Однако, именно благодаря тому, что эта женщина была

единственным человеком, который виртуозно справлялся с ВВП нашей семьи, мы до сих пор могли себе позволить воровать бутерброды с её кухни.

— Двадцать фунтов в час — это восемьсот фунтов в неделю и три тысячи пятьсот двадцать фунтов, если я буду работать двадцать два дня в месяце, без учета выходных, на которых я также могу добыть себе неплохие чаевые, — радостно сообщила я, автоматически облегчив своей матери процесс расчета моей прибыли.

— Доченька, ты наше спасение! — вцепилась в меня мама, явно убежденная в том, что это всего лишь крепкие объятия, а не жестокий метод удушения собственной дочери.

— Скорее наше чревоугодие, — отпустил отец, смотря на меня из-за спины обнимающей меня мамы, всем своим видом выражая просьбу вернуть в его руки заветный бутерброд. Не вылезая из крепких объятий матери, я незаметно протянула отцу покусанный бутерброд, от которого осталось чуть больше половины, и сильнее прижала к себе ликующую женщину, предоставляя отцу шанс незаметно скрыться с места преступления.

Оставшиеся выходные вся наша семья только и говорила о моем, еще не до конца состоявшемся, успехе. Из-за этого, с приближением понедельника, я всё сильнее начинала переживать и одновременно с нетерпением ожидать того самого момента, когда мне, наконец, впервые придется встретиться со своей работой лицом к лицу.

Мне предстояло работать с ребенком. Всё, что я знала о нём — это то, что мальчику девять лет, его зовут Мартин Олдридж и он — моя прямая обязанность. Больше ничего. От нарастающего напряжения, которое было лишь привкусом устрашающей неизвестности, я решила разведать в интернете хоть какую-нибудь информацию о своём нанимателе. Долго искать не пришлось. От того факта, что википедия достаточно много знает о Роланде Олдридже, в то время как о моём существовании даже не подозревает, мне стало немного неловко.

Роланд Брайан Олдридж — основатель успешной IT-компании «Freedom». За пять лет своего существования «Freedom» вошла в топ-10 успешных молодых компаний Великобритании. Является сыном Альберта Уэйна Олдриджа, основателя крупного ювелирного бизнеса, который сразу после его смерти перешел сыну вместе с одной из самых крупных частных коллекций раритетных автомобилей в Великобритании.

До поступления в Кембридж Роланд Олдридж обучался в *** и *** — одних из самых элитных школах-пансионах Британии. В совершенстве владеет французским, испанским и немецким языками. Увлекается футболом, скачками и дайвингом. Большинство свободного времени и денег тратит на путешествия по миру, занятия различными видами спорта и собственный благотворительный фонд «Your chance», существующий чуть более года, но уже имеющий более десяти влиятельных спонсоров: (перечисление спонсоров, в число которых вошли: нефтяной магнат, оперная певица, поп-звезда и известный на всю Европу стилист — это все, с кем я давно была заочно знакома через СМИ, остальных толстосумов я попросту не знала).

Имя, данное при рождении: Роланд Брайан Олдридж.

Дата рождения: 03.06. (двадцать шесть лет).

Место рождения: Восточный Йоркшир, Англия.

Гражданство: Великобритания, Франция.

Род деятельности: Бизнесмен.

Рост: 1.80.

Цвет глаз: Серый.

Цвет волос: Брюнет.

Дважды пересмотрев фотографии с церемонии открытия благотворительного фонда, я закрыла ноутбук и откинулась на кровать. Около получаса я неподвижно лежала на спине, переваривая полученную информацию о своём работодателе, параллельно прислушиваясь к глухим возмущениям Эмилии на лестничной площадке и бессвязной песенке Элис за стеной.

Установив будильник на 07:00, я достаточно быстро погрузилась в сон, добровольно бросившись в гипнотические объятия звездного неба, которое сегодня отличалось своей яркостью.

Глава 6

Еще в субботу я подписала контракт на год, потому было совершенно неудивительно, что за завтраком всё моё семейство смаковало малейшие подробности минувшего собеседования и предвкушало светлое будущее для нашего сообщества. По мнению мамы, заполучив эту должность, я переокрасила черную полосу невезения нашей семьи в белую. Но как по мне, абсолютно всё равно, какого цвета полоса невезения — черная, белая или розовая в синий горошек. Чего скрывать, я была не до конца уверена в том, что моя зарплата, пусть даже и сказочных размеров для провинциальной няни, в итоге сможет положительно повлиять на исход судебного процесса с двойняшками, но я предпочла молчать по этому поводу, как, собственно, и остальные представители семейства Пейдж. Но в одном я была уверена наверняка — слой масла на моём тосте вырастет на полдюйма и у Тэмми появится возможность приобрести новую сумочку, так как нынешняя подверглась жестокой творческой атаке со стороны Дина и теперь более походила на ловца снов^[6], нежели на аксессуар дамского гардероба.

Воспользовавшись прерогативой «первого рабочего дня», я впервые не повела детей в детский сад. До моего возвращения из Лондона эта миссия лежала в основном на маме, сегодня же вызвалась помочь Эмилия. Всё равно ей было по пути — она ехала в магазин за очередными дешевыми колготками, так как её последние чулки пустили предательскую стрелку вдоль всей голени. Как по мне, не только проще, но и выгоднее было бы привыкнуть обходиться без чулков.

* * *

Без двадцати девять я остановилась напротив элитной улицы, решив пока не заходить на нее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Пунктуальностью я отличалась исключительно во время важных встреч, но зато какой мощной она была! Перед важным событием я просыпалась на пять-десять минут раньше будильника и оказывалась в нужном месте за полчаса до назначенного времени. Скорее всего, моя пунктуальность была лишь результатом моих переживаний перед экзаменами, собеседованиями или посещениями стоматолога, но я ничего не могла с собой поделать.

Стоя на вершине холма, спиной к шикарным особнякам, я словно разглядывала макет своего города, который был не слишком отчетливым, из-за газовой дымки утреннего тумана. Перед рассветом прошел тихий, холодный дождь с хрупкими раскатами грома, походящими на мурчание большой кошки. От тёплых выходных не осталось и намека. Над головой нависали тяжелые, свинцовые тучи, от которых, впрочем, нельзя было ожидать дождя. И всё же, на всякий случай, я взяла мамин зонт-трость, чтобы снизить до нуля свои шансы прийти на работу мокрой в свой первый рабочий день. Зонт был окрашен в цветную полоску, символизирующую порядок цветов радуги. Еще в детстве я заметила, что мама всегда приобретает только яркие вещи, тем самым хоть как-то пытаюсь раскрасить свою жизнь позитивными эмоциями. Иногда мне даже казалось, будто яркие вещи из супермаркета приносят в её жизнь больше позитива, нежели её регулярно плачущие дети. Конечно, это были всего лишь мысли десятилетней Глории, но с возрастом они заставили меня по-

другому посмотреть на материнское счастье.

И всё же, мамина страсть к яркому совершенно не отражалась на её выходном гардеробе — она всегда предпочитала сдержанные тона, особенно почитала кремовый и терракотовый цвета. Именно от мамы я узнала о том, что у одного цвета есть множества оттенков, которые делятся на тёплые и холодные гаммы. Помню, мой детский мозг не сразу смог понять, что камелопардовый, охра и терракотовый — это оттенки одного лишь коричневого цвета. Лет до пяти я всё называла синим, красным или желтым, но позже именно от матери я узнала все прелести индиго, джеральдина и шафрана. И сейчас, именно благодаря расширенному диапазону цветового спектра в своем обыденном сознании, я наверняка могла утверждать, что поле справа от меня было цвета грязного хаки, яблоневый сад отливал аспарагусом, извечную сепию городских крыш покрывала пелена циркониевого тумана, а над головой у меня разлился беспросветный гейнсборо.

Съездившись от очередного порыва ветра, я подняла воротник своего идеально-приталенного, грифельного пальто из букле, после чего продолжила своё движение в сторону дома под номером десять.

И всё же я пришла на пять минут раньше назначенного времени. На мой короткий звонок дверь открыл уже знакомый мне Джонатан, после чего, натренированным движением опытного швейцара, он ловко помог мне снять своё пальто. Джонатану было около шестидесяти пяти лет, но он умудрялся так прямо держать свою осанку, что на фоне его я начинала чувствовать себя Квазимодо и инстинктивно выпрямлялась в струнку.

Я надела сменную обувь, которую меня заранее предупредили взять с собой, после чего отправилась вслед за Джонатаном (в субботу мне пришлось сходить за новыми тапочками, чтобы в этом доме никто не увидел моих протертых, общажных чешек, которые я купила два года назад лишь потому, что на них была пятидесятипроцентная скидка).

Мы прошли квадратную прихожую, украшением которой была деревянная лестница, ведущая наверх, после чего завернули в крыло правой части дома и прошли по достаточно широкому коридору мимо просторной гостиной. Миновав широкий коридор с тройкой закрытых дверей в стене слева, Джонатан открыл дубовую, обрамленную искусной резьбой дверь, возникшую перед нами в самом конце коридора. Оказавшись по другую сторону двери, мы перенеслись во внутренний дворик без крыши, с четырех сторон окруженном деревянными стенами поместья и примыкающими к ним дорожками из полированных темных досок, находящимися под наклонной, деревянной крышей.

Место, в котором я вдруг оказалась, словно соединяло два совершенно контрастных, отдельных друг от друга мира, и делало это всего лишь внутренним двориком под открытым небом, и примыкающими к нему крытыми дорожками из дерева. Этими мирами были элитный, двухэтажный особняк миллионера и уютный, одноэтажный, загородный домик хозяйственного семьянина.

Дворик был достаточно просторным и одновременно небольшим. На первый взгляд он был пуст, но это была лишь иллюзия. Всю его территорию занимал неестественно зеленый, я бы даже сказала малахитовый, газон. В четырех его углах стояли небольшие, но увесистые, закругленные вазы из фарфора цвета слоновой кости, весь вес которых удерживали их фигурные ножки с причудливой резьбой. Наверняка они служили клумбами, потому как были заполнены черноземом, создававшим иллюзию пустого пространства, отчего можно было подумать, что эти вазоны попросту полые. Деревянные перила трех из четырех дорожек, отсоединяющие лакированные тропинки от дворика (сторона, соединяющая два

дома крытой тропинкой, на которой я сейчас стояла, не была оснащена перилами), были увиты тонкими, ровно остриженными, голыми ветвями плюща, наверняка не успевшего до сих пор распуститься лишь из-за недостатка солнечных дней этой весной. На мгновение я представила, как должно быть чудесно здесь в теплую пору года, когда вазы наполняются лазурными, пунцовыми и аметистовыми цветами, начинает зеленеть плющ и воздух наполняется невообразимыми ароматами тихого счастья.

Внутренний двор оказался для меня чем-то неожиданным, невообразимым, местом из параллельной, сказочной вселенной, в которой всё еще живут самые настоящие самураи в льняных кимоно. Наверное поэтому я не сразу заметила, как очутилась внутри домика Белоснежки и семи гномов, хотя наверняка знала, что в его сторону от двери замка злой мачехи я сделала ровно пятнадцать шагов.

Мы оказались в небольшом, темном коридоре, выводящем в уютную, незахламленную гостиную и я сразу же отметила, что хозяин поместья является большим любителем красного дерева. Даже представить сложно, сколько он вложил в отделку обоих домов.

— Мистер Мартин сегодня предпочел заниматься в своей спальне, так что Вам придется подождать его в гостиной, — с отчетливостью, присущей только дикторам и швейцарам, произнес Джонатан.

— А чем он занимается?

— Сегодня у него уроки математики, литературы, истории и французского. По обыкновению он занимается с девяти утра до часа дня.

Наверное «наследника» не хотели отдавать в школу для «обычных» детей и так как его отец вынужден, по неизвестным мне причинам, на некоторое время застрять в нашем стареньком городишке, мальчику наняли целый штаб из прислуги. Только сейчас я задумалась о том, что если Роланду Олдриджу двадцать шесть лет, а Мартину девять, это значит, что этот парень «состряпал» мальчишку еще в семнадцатилетии? И кто, в таком случае, мать ребенка? Я была более чем уверена в том, что ей точно не является собеседовавшая нас блондинка. Её максимум при Олдридже — это должность любовницы.

Убедившись в том, что мне больше ничего не нужно, Джонатан удалился в главный дом к хозяину поместья, оставив меня посреди гостиной. Нельзя было не отметить две изюминки этой комнаты — горящий камин и панорамные окна на всю противоположную от входа стену. По идее они должны были показывать великолепный пейзаж в виде шикарного палисадника, начинающегося сразу после небольшой каменной террасы, но холодная весна не давала ни малейшей надежды увидеть в ближайшее время хоть чуточку ярких красок.

Я знала, что за дверью слева молодой Олдридж сейчас занимается науками, поэтому решила пока ознакомиться с оставшейся частью дома. Рассмотрев узорчатый ковер цвета сгущенного молока, я отправилась направо по коридору и оказалась на просторной кухне, отделанной исключительно светлыми тонами. Долго не задержавшись на изучении кухонного гарнитура, я снова вернулась в гостиную, параллельно заглянув за закрытые двери в коридоре — миниатюрная спальня для гостей, ванная комната и отдельный туалет.

Чуть отодвинув кресло-качалку от стены так, чтобы оно всякий раз не билось о дорогую обшивку, я удобно устроилась напротив камина и до часа дня размышляла о том, зачем же Олдридж нанял меня на время, когда мальчик занимается обучением. Ведь до часа дня он поглощен образовательным процессом.

В итоге, к часу дня, медленно покачиваясь в кресле и подперев правой рукой подбородок, я задремала. Всё это время из комнаты моего подопечного никто не выходил, поэтому я вздрогнула, когда дверь спальни внезапно распахнулась. Резко встав со своего места, я быстро заморгала, чтобы не дать своим отяжелевшим векам опуститься вновь.

В гостиную вошел парень со светло-каштановыми волосами, лет около двадцати восьми, в вязанном синем свитере и темных джинсах. Заметив меня, он доброжелательно улыбнулся и подошел ближе.

— Вы, должно быть, новая няня? — пожимая своей теплой и сильной рукой мою холодную и немощную, поинтересовался он. — Меня зовут Рик Белл. Я учитель Мартина.

Рик был выше меня минимум на три дюйма. У него были голубые и словно печальные глаза, он обладал хорошо сложенным телосложением, но слегка осунувшимися плечами, словно он носил на них когда-то очень тяжелый груз. Рик походил на человека, много видевшего и многое прочувствовавшего, но всё еще не до конца разобравшегося с собственной жизнью.

— Глория Пейдж... — только и успела представиться я, прежде чем из комнаты выбежал светловолосый мальчишка, ростом чуть выше моего локтя.

— Как бы ни так! Я давно уже вырос из возраста, в котором требуются няньки, — остановившись в двух шагах от нас и внимательно рассматривая меня с головы до пят, громко выпалил мальчишка, в ответ на замечание Рика о моей должности.

— Что ж, моё время истекло и, пожалуй, я оставлю вас наедине. Мартин, не вздумай обижать свою новую... — «Няню», хотел произнести учитель, но осекся. — Подругу.

После своего краткого наставления, Рик слегка улыбнулся мне, явно желая хоть как-то меня подбодрить, после чего развернулся и вышел из комнаты, оставив меня наедине с мальчишкой.

Первые несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Я поняла, что в качестве работы мне достался сильный соперник, которому я должна с первой минуты нашего знакомства показать, что не собираюсь сдаваться без боя. Гляделки продлились около двух минут, пока голубоглазый не сдался, раздраженно спросив:

— Где мой обед?

— Что?

— 13.00 — пора есть. Что ты приготовила?

Я растерялась.

— Я не знала, что должна была приготовить обед.

— Тупица. Ты здесь и двух недель не продержишься. Сегодня же расскажу Роланду, что ты оставила меня без обеда!

— Ничего подобного, — скрестив руки на груди, поджала губы я. — До часа дня еще целых пять минут. Это значит, что твой обед начнется максимум на двадцать минут позже, а задержанный обед и несостоявшийся — это две разные вещи.

Мартин сощурил глаза от неприкрытого раздражения и отправился в свою спальню, гневно выкрикивая что-то о том, что я не успею до двадцати минут второго приготовить обед, после чего он обязательно всё расскажет Роланду.

Легко поддавшись злобе, я быстрым шагом отправилась на кухню, в надежде найти в

холодильнике хоть что-нибудь съедобное. В итоге, через пятнадцать минут на столе стояли две порции яичницы с беконом, парой сосисок, жареным хлебом, грибами и двумя чашками свежесваренного чая.

— Ты всерьез собираешься меня этим кормить? — театрально сморщив нос, отозвался вошедший на кухню мальчишка. — Это всего лишь жалкий завтрак нищего из девятнадцатого века, с пережаренными сосисками начала двадцать первого века. Где моё первое блюдо, салат и десерт?

— Не хочешь — не ешь, — отодвигая от него тарелку, заявила я.

— Хочешь заморить меня голодом?

— Не желаешь подвергнуться диете — садись рядом и молча вкушай свой королевский обед, — наигранно спокойно ответила я, садясь за стол.

— Еще чего! Чтобы я сидел с тобой за одним столом?! — возмутился Мартин, после чего ловко схватил свою порцию. Всё-таки голод победил своего хозяина. — Я поем в своей спальне, а ты оставайся здесь!

Я проводила Мартина округленным от недоумения взглядом и, пытаясь дышать как можно ровнее, быстро расправилась со своим обедом, изо всех сил стараясь не выходить из себя. В конце концов, мне было нужно это место — за него платили баснословную сумму. Однако теперь я знала тайну этих денег — видимо мне будут платить за мои страдания. Недаром говорят, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

Около двух часов дня я зашла в комнату мальчишки. Она была достаточно уютной, с двуспальной детской кроватью, в виде корабля со штурвалом у ног, и изобилием разбросанных игрушек (которые, по-видимому, он разбросал специально для меня сразу после ухода Рика). В комнате было выделено специальное место для учебы и отдельное место для игр. О такой спальне мои племянники и мечтать не могли.

Мартин лежал на диване возле окна и, демонстративно всматриваясь в окно, громко слушал классическую музыку, что меня немного удивило — если бы девятилетний мальчишка слушал тяжелый рок, я бы с меньшим изумлением к этому отнеслась.

Забрав грязную посуду, я снова вернулась на кухню, после чего перемыла и протерла всё, что только можно было придумать, и снова заглянула в спальню Мартина. Он всё еще лежал на диване, но уже без наушников и с закрытыми глазами.

— Хватит лениться — подай мне плед, — вдруг приказал он, когда я уже собиралась выходить. Заметив моё каменное выражение лица, он добавил. — Тебе за это платят.

На сей раз, он был прав. Взяв с кровати плед, я положила его на Мартина, даже не потрудившись его развернуть.

— Можешь быть свободна. И не вздумай меня разбудить.

Оставшийся день я занималась подкладыванием дров в камин и ожиданием окончания своей первой рабочей смены.

Мартин проспал с двух до четырех, последующие два часа проведя взаперти в своей спальне. Когда в шесть часов в гостиную зашел Джонатан, и из-за его спины показалась веселая Доротейя, я уже хотела с облегчением выдохнуть и отправиться к выходу из этого давящего места, но швейцар сообщил нам, что хозяин поместья просит своих новых сотрудниц составить ему компанию во время ужина. Я замаялась, из-за чего Джонатан решил доброжелательно мне напомнить о том, что дополнительные часы пребывания в этом доме положительно влияют на наши заработные выплаты. Сразу после этого уточнения все мои сомнения немедленно рассеялись в пространстве и, в итоге, я с меньшей тягостью приняла

приглашение на ужин. Интересно, сколько зарабатывал в этом поместье Джонатан?

Впоследствии Доротея сделала несколько тщетных попыток познакомиться с Мартином, но он решительно заявил, что до ужина не выйдет из своей комнаты. Без десяти семь мальчишка быстро выбежал из своей спальни в сторону главного дома, наверняка с расчетом на то, что мы не успеем его догнать. В итоге нам пришлось самим искать путь в столовую и в процессе мы даже умудрились слегка заблудиться, но вовремя возникший перед нами Джонатан указал нам верное направление.

* * *

Я ожидала, что во время «трапезы» нас будут обслуживать разношерстные официанты, поэтому заранее была настроена негативно к данному приглашению. Однако мои опасения были напрасны. В просторной столовой, больше напоминающей зал, нас было всего четверо, и обслуживали мы себя сами, отчего в воздухе не витал дух неловкости.

Роланд занимал место во главе стола, справа от него расположился Мартин, сбоку от Мартина сидела Доротея, я же находилась по левую руку от нанимателя и, одновременно, напротив мальчика.

— Как Вам Ваш первый рабочий день? — наливая красное вино Доротее, затем мне и только после себе, поинтересовался Роланд.

— По правде говоря, я не до конца разобралась в расписании... — призналась я.

— Она оставила меня без нормального обеда, — заявил вдруг мальчишка и в этот момент мы обменялись с ним испепеляюще-ледяным взглядом.

— Судя по всему, вы оба смогли поладить, — улыбаясь, заметил Олдридж, после чего обратился конкретно ко мне. — Наверняка Вы уже поняли, с чем связались.

— Хочу ростбиф, — обратился Мартин к Роланду, очевидно не выдержав того, что мужчина перевел своё внимание с него на меня.

— Скорее, нам еще предстоит найти общий язык, но как я уже сказала, я не до конца понимаю, что именно входит в мои обязанности, а что нет.

— Разве Кэрол не выдала Вам расписание?

— Кто такая Кэрол?

— Девушка, беседовавшая Вас.

— Ничего подобного она не выдавала, по крайней мере мне, — ответила я, после чего перевела взгляд на Доротею.

— Оу, нет, мне тоже ничего подобного не было вручено, — заерзала на своем стуле женщина, слишком сильно заинтересовавшаяся тигровыми креветками.

— Видишь, Мартин, в том, что произошло, нет абсолютно никакой вины Глории. Пора бы тебе уже научиться сначала слушать и только после рассуждать о том, стоит ли обвинять человека. Поумерь список своих претензий.

После замечания Роланда, мальчик потупил взгляд, ковыряя свою овощную запеканку. Нельзя было не заметить того, что Роланд имеет над Мартином большую власть и обладает в его глазах едва ли не чрезмерно раздутым авторитетом.

В конце вечера я получила от Джонатана небольшой реестр с расписанием основных пунктов своих обязанностей и, с ощущением легкой потерянности, отправилась домой.

Основные задачи няни:

- 1) — Онлайн-закупка продуктов к обеду на сайте *** (деньги находятся в шкатулке над камином; все чеки в конце месяца предоставляются нанимателю).
- 2) — Приготовление обеда.
- 3) — Организация досуга.

Сидя на своей раскладушке с ноутбуком на коленях после своего первого рабочего дня, я внимательно изучала сайт доставки продуктов, с которым мне предстояло работать. Он был простецким, но я всё равно боялась упустить какую-нибудь мелочь. Зарегистрировавшись, я заполнила корзину самым необходимым: картофель, рыба, вода, овощная смесь для супа и куриное филе, свежие овощи и фрукты, печенье и шоколад. Трижды перепроверив адрес доставки и убедившись в том, что указала для курьера именно «черный вход со стороны одноэтажного дома», как было прописано в данной мне Джонатаном инструкции, я кликнула по кнопке «Оформить» одновременно с восклицанием Дина за стеной, который с хохотом боролся со срывающейся на крик Эмилией. Спустя некоторое время Элис решила взять пример со своего старшего брата и тоже отказалась укладываться спать без битвы, однако её смех был не таким убедительным, как смех Дина. В итоге, за тонкой стеной моей спальни, развернулись нешуточные бои подушками. Обняв себя руками и стараясь не сойти с ума от шума, я смотрела на сообщение: «*Ваш заказ оформлен. Время доставки — 10.00–11.00*». С моих мокрых волос, замотанных на макушке в слабый пучок, по шее аккуратно скользнула прохладная капля воды и, как раз в момент её скольжения, в спальню детей зашел отец. Крики стихли, Эмилия отправилась готовиться к свиданию с Эмметтом, а дети устроились слушать сказку от лица её автора.

Эмметт Бланкар работал диктором на местной радиостанции, являясь одним из двух ведущих передачи «С добрым утром, Англия!», транслировавшийся с шести до семи часов ежедневно, чем он лично был сильно горд. Телосложения он был среднего, приближенного к стройному (по полтора часа один раз в неделю проводил в тренажерном зале). Частенько его взгляд выдавал его слабые стороны, например, иногда проявляющуюся глупость или рассеянность. Однако он не был из «долбанутых», как выразился мой отец, когда познакомился с ним лично и узнал, что он старше Эмилиии на целых девять лет (печальный факт для мамы):

— Ну, он хотя бы не из долбанутых, — заключил отец, после семейного ужина, на котором впервые присутствовал новый парень Эмилиии.

Долбанутыми папа считал предыдущих парней своей старшей дочери. Вся семья знала, что девственность Эми потеряла в семнадцать, переспав с одноклассником, с которым они расстались спустя неделю после их совместного «приключения». Вторым её парнем стал Энди, продавец мороженого в парке, с которым она провстречалась четыре страстных месяца, пока не застала его с поличным на измене с какой-то крашеной эмо. Эмметт же стал третьим парнем Эмилиии и, судя по всему, она надеялась сделать его последним.

Они познакомились на ежегодной ярмарке в Скарборо, где Эми отдыхала во время

своего первого в жизни отпуска (это случилось спустя полтора месяца после происшествия с Дэниелом и Линдой). После «красочной» ярмарки, Эмметт переехал в наш город специально ради своей любимой (право это было не сложно, так как прежде он жил всего лишь в соседнем городе, а не на краю Аляски). С тех пор они вместе. Они встречались уже почти шесть лет, но делать предложение Эмметт не спешил. Он жил на съемной квартире, но уже успел нафантазировать план своего будущего жилища с двумя спальными комнатами, на которое, по расчетам самого Эмметта, он сможет накопить всего лишь через три года (пять лет ведь уже прошло). И причина, по которой Эмметт всё еще не женился на Эмили, заключалась именно во второй спальном комнате в его, пока еще только нафантазированной, квартире. Он безумно хотел детей. Для него это словно была идея фикс — передать свою громкую фамилию потомку. Дело в том, что Эмметт всерьез считал себя потомком Амабля Ги Баланкара^[7], хотя и не имел ни единого тому доказательства. Отца он не знал, рано лишился отчима и пять лет назад, в возрасте шестидесяти лет, скончалась его мать. Всё её наследство, включая небольшую квартиру, ушло на погашение её же долгов. Братьев же или сестер у Эммета не было, что еще больше подпитывало его желание завести большое потомство. Именно в этом была загвоздка его отношений с Эмилией.

После расставания с Энди, Эмилия обнаружила у себя осложнения по женской части, виной которых мог стать предыдущий половой партнер. Последствий можно было бы избежать, обнаружив проблему сразу, но у нее оказалась запущенная форма, после которой доктора пророчили ей сложности с зачатием. Сначала Эмилия винила в произошедшем безбашенного Энди и не сильно расстраивалась из-за диагноза, ведь «сложности с зачатием — это не сам факт бесплодия», — говорила она. Но когда Эми стала старше, она начала винить и себя за собственное безрассудство в подростковом возрасте, и мучиться от слова «сложность», которое, в итоге, почувствовала всем своим телом. Уже спустя два года отношений, Эмметт сказал Эмили, что готов на ней жениться, в случае её беременности. Вернее он поставил условие: беременность — затем брак и никак не наоборот. До этого момента Эми ничего не рассказывала Эмметту о своей «сложности», а он, словно предчувствуя неладное, сначала захотел убедиться в том, что сможет обзавестись семьей с этой девушкой. Спустя полгода тщетных попыток зачать ребенка, Эмилия, наконец, призналась парню в своей проблеме. По словам самого Эмметта, он «так сильно прикипел к Эми, что даже столь прискорбное обстоятельство не позволило ему расстаться с ней». Однако это же обстоятельство до сих пор не позволяло ему жениться на той, к которой он так сильно «прикипел». Итак, они вместе уже почти шесть лет, четыре из которых тщетно пытаются зачать ребенка. Всё это время Эмметт, для поднятия своей потенции, питается исключительно вареной скумбрией и сырой репой, Эми читает медицинские журналы и рассчитывает дни своей жизненно важной, в прямом смысле этого слова, овуляции, а мы тактично не говорим об их помолвке, называя сложившуюся ситуацию деликатной, и скрещиваем пальцы в надежде на то, что у Эмили всё-таки получится когда-нибудь стать миссис Бланкар, после чего она, наконец, переедет к своему мужу. Главное, чтобы не привела его жить в этот дом — он и так трещит по швам.

* * *

Входная дверь нашего дома хлопнула в двадцать два пятнадцать — хороший знак для

Тэмми, свидетельствующий о том, что наша старшая сестра сегодня снова попытает удачу залететь от своего бойфренда, после чего наверняка останется у него на ночь. Лучшие ночи для Тэмми — ночи, когда она оставалась в спальне без старшей сестры.

После происшествия с Дэниелом и Линдой наша семья пребывала в некоем диком транс. В короткие часы, в которые мы не были заняты орущими двойняшками, каждый из нас был сосредоточен на собственной боли. Душевная травма из-за потери Дэниела и снижение внимания со стороны родителей к детям сильно сказались на младшей сестре. Всё началось с плохих отметок в школе и закончилось трагедией в клубе. К семнадцати годам Тэмми стала неуправляемым подростком, постоянно воюющей с окружающим её миром.

Однажды Тэмми не вернулась ночевать. Родители обзвонили всех предполагаемых друзей Тэмми, половина из которых давно с ней не общалась. Всю ночь родители, в компании со мной, сходили с ума (я к тому времени уже поступила в университет и приехала на выходные) — Эмилия снова отказалась участвовать во всём этом бардаке, под названием «семья», после чего отправилась ночевать к Эмметту, будучи абсолютно уверенной в том, что беглянка вернется к утру. Отчасти она была права. Около четырех утра нам позвонили из полицейского участка и попросили забрать девчонку. Она оказалась под действием легкого наркотика (только сейчас я осознала, как же нам повезло, что в итоге Тэмми не стала наркоманкой!), который ранее приняла в клубе. После смерти Дэниела родители второй раз в жизни выглядели оглушенными, но на сей раз были уверены в том, что они еще в силах всё исправить.

После этой ночи Тэмми немного притихла, словно сама не могла до конца осознать, что именно с ней произошло. Начитавшись статей по психологии, родители решили дать Тэмми недельный отгул от школьных занятий, не смотря на то, что экзамены уже были буквально на носу. Они тщательно следили за потрясенным состоянием Тэмми, каждый вечер созваниваясь со мной, чтобы обсудить все подробности поведения моей младшей сестры. Эмилия же полностью отстранилась от взъерошенной семьи, пытаясь больше времени проводить вне дома — на работе, с Эмметтом или на прогулках с друзьями, но только не с проблемными родственниками.

К четвергу сестра постепенно отошла от потрясения, отчего родители уже хотели было с облегчением выдохнуть, как вдруг, в конце следующей недели, Тэмми в первый раз стошнило. Опасаясь того, что у младшей дочери началась наркотическая ломка, мама начала отпаивать её бабушкиными травами. По словам отца, всё утро понедельника Тэмми снова выворачивало, но около полудня ей немногим стало легче, из-за чего они решили, что обострение позади и отказались от запланированной поездки в больницу, после чего Тэмми легла спать. В тот день отец взял отгул на день и остался дома с мамой, чтобы следить за состоянием дочери.

После четырех часов сна Тэмми проснулась от сильной боли в животе. Мама едва не сошла с ума, обнаружив у нее кровотечение. Сбежав с лекций, я смогла приехать в больницу только вечером. Помню бледную мать на коридоре и потерянного отца, которому стоит отдать должное — впоследствии он быстро собрался и отлично смог поддержать своих женщин в столь сложной ситуации. Оказалось, что у Тэмми случился выкидыш. Спустя несколько часов я узнала от сестры, что она не знала о своей беременности. Более того — она даже не была уверена в том, что с кем-то переспала. Она удержала в памяти только клуб и то, что с ней был незнакомый парень, лицо которого она не помнила и вспоминать не хотела. Еще Тэмми помнила, что они оба были под действием алкоголя и легкого наркотика,

но до сих пор она не была уверена в том, что между ними что-то было.

Всю последующую неделю я провела рядом с сестрой. Её буквально раздавило осознание того, что она потеряла девственность в обкуренном состоянии с неизвестным пьяным парнем в туалете затхлого клуба, после чего у нее случился выкидыш. Предыдущую бунтарку Тэмми сменили тихоней, боящейся собственной тени. Её душа была словно растоптана, а сознание искажено. Вскоре стало ясно, что прежней Тэмми у нас уже не будет, а нынешней Тэмми будет достаточно сложно вписаться в общество. Первое время она боялась даже собственного отражения, которое словно напоминало ей об ошибках прошлого. Она стала принимать душ пять раз в день, словно пытаясь смыть с себя налипшую на нее грязь. Тэмми стала бояться привлекать к себе внимание, поэтому в основном молчала, а когда говорила — делала это слишком робко и тихо.

Со временем все эти острые углы сгладились, но не исчезли полностью. Тэмми стала молчаливой мышкой, которую часто гоняла кошка Эмилия. Если после произошедшего я сильно сблизилась с Тэмми, то Эмилия наоборот, словно почувствовала своё превосходство над одной из своих младших сестер. Мы никогда не были дружными сестрами, но во всех наших стычках нас отличали следующие черты: Эмилия любила доказывать свою правоту, смотря на нас сверху вниз, я старалась отстоять своё право, если его затрагивали, или игнорировать конфликтную ситуацию (если она не задевала моих прав, соответственно), Тэмми же с детства пыталась избежать ссор. Сейчас же промах Тэмми, если эту трагедию можно так называть, словно дал Эмилии окончательное и бесповоротное чувство собственного превосходства над младшей сестрой, в то время как я наоборот, впервые прониклась к Тэмми настоящей сестринской любовью. Для себя я объясняла поведение Эмилии результатом зависти. Но, как позже оказалось, к подобному выводу пришла не я одна. Однажды с утра, когда еще все спали, а я собиралась уезжать в университет, я услышала разговор бабушки с дедом. Она тоже считала, что старшая сестра притесняет младшую не только из-за детской привычки показывать своё превосходство. Дело в том, что после перенесенного выкидыша, по результатам последующих осмотров у врача, Тэмми уверили, что бесплодие ей точно не грозит, и она вполне сможет произвести на свет с дюжину цветов жизни. После этой новости все вздохнули с облегчением, и лишь Эмилия вздохнула с хорошо скрытой завистью, в которой сама себе до сих пор не могла признаться. У нее ведь не было выкидышей после первого же сексуального опыта — всего лишь два половых партнера, после одного из которых она подхватила несчастное воспаление (пропади оно пропадом!), от последствий которого она до сих пор страдала и заставляла страдать остальных. Так почему же от этого недуга должна страдать она, а не Тэмми?

Думаю, не сложно догадаться, что всё происходящее в нашей семье отразилось незримой печатью на мне: неспособность Дэниела и Линды в несозревшем возрасте стать родителями двойни; бесплодие Эмилии, заработанное беспорядочными половыми связями; выкидыш Тэмми в возрасте семнадцати лет. На горьком опыте своих близких я многому научилась и в итоге твердо решила не наступать на их грабли. Я отчаянно не хотела стать молодой мамашей орущего человека, которому на протяжении года буду служить пищей, а впоследствии еще и грушей для битья. Я безумно боялась быть посредственной, недалекой, глупой девчонкой. С тремя этими страхами я боролась через университет. Меня нельзя было назвать гением, у меня не всё гладко получалось в учебе, но я искренне старалась. После каждого сданного мной экзамена я признавала, что родилась с маленьким мозгом, который, из-за пребывания в университете, работал до изнеможения. Мне откровенно сложно

давалась учеба, но я буквально грызла гранит науки, опасаясь собственного провала. Мне не хотелось становиться среднестатистической секретаршей в захудалом городишке и гордиться этим так, как гордилась этим Эмилия, или быть горничной, как Тэмми. У меня была твердая уверенность дойти до конца, пусть даже через пот, боль и слёзы. И я шла. Шла не оглядываясь на парней, которые не обделяли меня вниманием. На примере брата и сестер я знала, каким коварным бывает мужское внимание. Наверняка мужчины даже не подозревают о вреде, который могут нанести своей избраннице.

Конечно я не была сухарем, выстраивающим всех парней под одну гребенку. У меня было много друзей мужского пола, иногда я выпивала в пабах, есть даже вещи, вспоминая которые я краснею. Например, однажды я на спор затащила красавчика Брюса Уокера в женский туалет, мимолетным взглядом всего лишь намекнув ему на незабываемый вечер, после чего мы с друзьями высмеяли развратника и я сорвала куш в пятьсот долларов, а Уокер еще неделю пытался ко мне подкатить. Но в свои двадцать два я так и оставалась девственницей. Если бы об этом вдруг узнала Эмилия, боюсь, она бы просто треснула от своего, весьма относительного, превосходства. Так что я хранила эту тайну за семью печатями. Наверное, мою целомудренность психологи назвали бы «травмой детства на фоне сложившейся в семье стрессовой ситуации», но я её называю «здравым смыслом на фоне жестокой реальности».

* * *

Я спустилась на кухню спустя час после ухода Эмилии, когда все уже легли спать. В доме было достаточно прохладно, а на улице снова начался проливной дождь, от которого этой промозглой весной не было никакого спасения. Не включая свет, я разогрела чашку молока и запила им оставшуюся после завтрака, нежнейшую пахлаву, которую каждое утро дедушка с бабушкой покупали в частной лавке булочника, развернувшего свой сдобный бизнес на соседней улице. Завтра предстоял очередной день борьбы с наследником Олдриджа, за моё право продолжать подсчитывать деньги его отца, ежечасно капающие в мой карман. Ощукая приближение не самого легкого утра, я отправилась в постель и, распустив не до конца просушенные волосы, легла под тонкое одеяло, после чего укрылась шикарным пледом крупной вязки из шерсти мериноса, заполучить который мечтала больше трех лет своей жизни и который на двадцатилетие мне, наконец, подарили дедушка с бабушкой.

— Немедленно прекратите это безобразие! — обратилась мама к двойняшкам, скатывающим хлеб в шарики, но почему-то на её призыв отреагировали только папа с дедушкой, пытавшиеся наложить себе на тарелку больше положенных трех нарезок бекона. Они претендовали на бекон Эми оставшийся нетронутым, из-за её отсутствия во время завтрака, по причине очередной попытки залететь от Эмметта (как выразился отец), которая должна была состояться прошедшей ночью. В итоге ветчину Эмили бойко разделили между собой дед, отец и Тэмми. Некоторые из нас радовались отсутствию Эми по утрам из-за дополнительной порции еды, некоторые из-за возможности позавтракать без лишних склок, но все предпочитали об этом молчать. Одна лишь мама частенько скучала по старшей дочке, словно не замечая её недостатков. Если честно, Эми была не такой уж и плохой, так как остальные члены нашей семьи тоже не состояли из сахарной ваты. Хотя, если честно, в порывах негодования, я зачастую считала, что недостатков в остальных членах нашей семьи было в сумме ровным счетом столько же, сколько в одной Эмили, но такие мысли были не совсем справедливы по отношению к старшей сестре.

— Одри, дорогая, у нас не будет дополнительной порции хоть чего-нибудь? — обратился отец к маме.

— Перестань клянчить, Дерек. Давай, собирайся на работу и не забудь своих внуков где-нибудь на полпути к детскому саду.

— Это было всего один раз.

— А дедушка Кристофер говорил, что он чуть не потерял маленького дедушку Дерека, когда гулял с ним в парке, — заявил пятилетний Дин, заставляя задорно расхохотаться свою младшую сестру. Так как дети не понимали, чем именно отличается дедушка от прадедушки и бабушка от прабабушки, они называли оба вида дедушек и бабушек по именам.

Заявления Дина и громкий смех Элис заставили смутиться деда, который встретился с изумленным взглядом бабушки. Эту и многие другие истории мы знали наизусть (о выбитом молочном зубе моего отца дверной ручкой, разбитой вазе бабушки, случайно отрезанных телефонных проводах, съеденных пончиках в честь дня рождения королевы, постиранном портмоне), и лишь бабушка, снова и снова слыша одну и ту же историю, с изумлением смотрела на деда, заставляя его всякий раз смущаться своих затёртых признаний, словно в первый раз. В нашей семье эту милую пару называли «Неостывшими», проводя параллель с фильмом «Выживший»^[8].

— Они провели вместе полвека и к началу второй половины не остыли, — говорил отец.

— А представь, что бы было, если бы мы спали в одной лошади на двоих и делили одну медвежью шкуру, — подхватывал дед. — Вот это была бы сила любви!

— Будто тебе уж силы не хватает, — смеялась вставной челюстью бабушка.

Наконец отец с детьми ушел в садик, и мама начала прибираться со стола. Я и Тэмми помогли ей, пока дед с бабушкой усаживались на диван напротив телевизора.

На сей раз я пришла ровно в девять — ни минутой раньше. По правде говоря, я даже хотела задержаться, но мне слишком хорошо платили за каждую минуту моей жизни, так что потраченное мной время впустую напрямую играло против меня.

По обыкновению дверь открыл Джонатан. «День начался!», — мысленно вздохнула я, после чего перешагнула порог.

Швейцар показал мне, куда обычно привозят продукты — оказалось, что за кухней есть коридор с неприметной дверью. Когда Джонатан ушел, я села в уже полюбившееся мне кресло-качалку, застеленное пледом из мягких помпонов, и напряженно начала ожидать курьера, мысленно прокручивая в голове, что именно приготовлю из заказанных продуктов. В пятнадцать минут одиннадцатого раздался звонок, заставивший меня вскочить с насиженного гнезда. Быстрым шагом направившись к задней двери и пытаясь ступать как можно более тихо, чтобы Мартин и Рик не расслышали моей суетливости, я едва удерживалась, чтобы не сорваться на бег. Расплатившись с курьером, я положила сдачу вместе с чеком в большую деревянную шкатулку, специально разделенную на две секции, после чего снова отправилась на кухню.

К часу дня первое, второе, салат и десерт были приготовлены. Я редко готовила нечто большее, чем яичница с тостом, но криворукой меня точно нельзя было назвать. Обед на двоих выглядел более чем просто аппетитным.

Ровно в час, когда я заканчивала сервировку стола, на кухню вихрем ворвался малолетний Олдридж и с криком: «Это просто ужасно!», — выбежал вон. Я столько сил и нервов потратила на приготовление обеда, чтобы этот избалованный сопляк в итоге посмел заявить нечто подобное?! Выпустив из легких сдавленный поток воздуха и облокотившись двумя руками о спинку дорогостоящего барного стула с изысканной резьбой, я нагнулась вперед, чтобы рассмотреть кончики своих тапок. Я зачастую отстранялась от происходящего вокруг подобным образом, чтобы попытаться сосредоточиться или перестать злиться.

— Что тут такого ужасного? — спросил тихо вошедший на кухню Рик, тем самым заставив меня поднять голову. — Обожаю ужасы.

— Обед. Он пахнет отвратительно! — заявил появившейся из-за его спины Мартин.

— То, что нас не убивает, делает нас сильнее, — подмигнув мне, выдал Рик, после чего сел за стол. — Ты уверен в том, что отказываешься от обеда?

— Хм, — надувшись, отвернулся Мартин, осознав, что потерял союзника в лице Рика.

— Тогда я стану сильнее за счет твоего обеда. Раз уж ты отказываешься от силы...

— Я не отказываюсь от силы, я лишь опасаясь быть отравленным этой жижей, — резко выпалил мальчишка и, схватив яблоко, выбежал из кухни.

— Приступим? — улыбнувшись, поинтересовался Рик, словно приглашая меня сесть рядом. — Он всегда такой... Ну, знаешь... Шумный.

— Может быть, его нужно кормить фуа-гра и черной икрой?

— Неплохая идея.

— Думаешь? — искренне любопытствовала я, отметив, что мы успели перейти на «ТЫ».

— Он точно не почувствует разницы между черной и кабачковой икрой, но ты ведь её ощутишь. Я имею в виду, что ты вполне можешь позволить себе царские обеды за счет вредности этого мальчика. Можешь в сутки съесть двадцать банок икры — Роланд будет лишь счастлив, что в чеке указан нормальный рацион для его младшего.

— Разве это честно? погоди, что значит «младшего»? У него еще есть дети?!

— Дети?! — неожиданно рассмеялся Рик. — Мартин его младший брат.

— Просто они так не похожи друг на друга... — спустя несколько секунд произнесла. — Я думала, что причина их несхожести в том, что Мартин больше похож на свою мать, а не на Роланда.

— Это просто смешно, честное слово, — продолжал хихикать Рик. — Роланд никогда не был женат, хотя с женщинами он отроду не имел проблем.

«Кто бы сомневался. С миллионами в карманах и привлекательной внешностью обычно подобных проблем не возникает. Хотя второй пункт не обязателен — просто совпало», — пронеслось у меня в голове.

— Мартин его сводный брат по отцу, который чуть более года назад погиб в авиакатастрофе вместе с мачехой Роланда. После их гибели Роланд забрал Мартина к себе, не захотев поместить мальчика в пансион, так как сам провел почти всё детство в учреждениях подобного типа. Первое время они жили в Лондоне, но Мартин подхватил сначала серьезную ангину, затем не менее серьезный грипп и в итоге Роланд решил переехать ближе к свежему воздуху. Лучшим местом оказался загородный дом, доставшийся Роланду по наследству от отца. Они переехали сюда перед Рождеством, а вместе с ними штат из нескольких кухарок, повара, швейцара, горничных и, с января, к ним присоединился я. Из-за слабого здоровья мальчика, с которым сейчас уже всё в порядке, было решено, что Мартин некоторое время будет на домашнем обучении. Собственно поэтому мы сейчас и обедаем на этой кухне, и жаль, что ты не купила устриц. Поверь мне, ты на самом деле можешь тратить на еду целое состояние. Если Мартин не ест — это проблема Мартина, ешь сама. Считай, что зарплату тебе платят за терпение, а возможность поесть фуа-гра — это всего лишь компенсация за испепеленные нервы.

Совместный обед с Риком стал единственной приятной вещью за весь мой рабочий день, не считая первых утренних часов, когда Мартин был занят учебой. После обеда мальчишка пытался выбрать подходящую мне кличку. Он откровенно долго пытался понять, какой именно ярлык больше подходит ко мне, как к индивидууму: «Посредственность» или «Тупица». Решив, что все и так видят, что я посредственна, он решил, что всем будет любопытно узнать о том, что я еще и тупая, поэтому выбор пал на второй вариант. Затем он решил поддержать огонь в камине, из-за чего разбросал щепки от дров по всему дому. Пока я самостоятельно нашла пылесос (Мартин категорически отказался раскрывать его местоположение), мальчишка приклеил жвачку к столу из красного дерева и раскатал её по поверхности так, что мне пришлось удалять её не меньше часа, панически опасаясь испортить идеально гладкую поверхность. Во второй половине дня мой подопечный почувствовал, что проголодался, и отправился на кухню, где успешно порезал себе палец, пытаясь очистить яблоко от кожуры. От произошедшего я едва не потеряла сознание, но не из-за вида тонкого пореза на указательном пальце мальчишки, который даже не кровоточил, и не из-за его злостных воплей о том, что во всем виновата моя невнимательность, а от одной только мысли о том, что старший Олдридж сотрет меня в порошок. Это в лучшем случае, в худшем — уволит уже на второй рабочий день. Когда я наложила пластырь на многострадальный палец Мартина, он с мокрыми глазами побежал напрямик в главный дом, оставив меня посреди кухни. Я не знала, что именно должна сделать в подобной ситуации — отправиться за мальчишкой или дожждаться его в гостиной, поэтому стала топтаться на месте, откровенно боясь выйти из этого уютного домика в страшный мир соседнего двора.

Не прошло и пятнадцать минут, как оба Олдриджа заявили в гостиную. При виде старшего из них, у меня впервые в жизни так четко засосало под ложечкой, словно в меня выстрелили дробью. «Только не увольняй меня из-за этого эгоистичного хама!» — с умоляющим вызовом подумала я, параллельно пытаюсь придумать тысяча и одно оправдание.

— Мартин, — приподнял бровь Роланд и, только после этого я заметила, что мальчишка не выглядит удовлетворенным результатом своего похода.

— Потом, — буркнул мальчик и уже хотел отправиться в сторону своей комнаты, когда Роланд остановил мальчишку за шиворот его дорогой рубашки.

— Нет, давай как договаривались.

— Ты мне не веришь?

— Просто хочу присутствовать при выполнении договоренности с твоей стороны.

— Прости, я больше так не буду, — вдруг пробурчал Мартин, и я даже не сразу поняла, что его извинение адресовано мне. Спустя секунду после произнесенных слов, мальчик с вызовом посмотрел на меня и удалился в свою спальню, явно дав мне понять, что этими словами он объявил мне войну. Внутри меня всё сжалось. Что может придумать его детский ум против назойливой няньки? Да всё что угодно! Мои размышления прервал невозмутимый голос Роланда:

— Ваша задача — следить за тем, чтобы Мартин до ужина не врывался в главный дом с воплями и не мешал мне работать. В следующий раз наложите ему пластырь вместо пальца на рот, если это будет необходимо.

Еще раз осмотрев меня с головы до пят отстраненным взглядом, он развернулся и твердой походкой, которая обычно присуща лишь настоящему хозяину дома, ситуации и собственной жизни, вышел вон. Проводив его взглядом, я невольно осмотрела свой старенький, просторный свитер из альпаки и, подумав над тем, что могла бы удосужиться одеть что-нибудь и получше, тихо заглянула в открытую спальню Мартина. Мальчишка лежал на софе, отвернувшись лицом к окну. «Один — ноль, в пользу альпаки», — подумала я и тихим шагом вернулась к своему креслу-качалке.

Оставшийся день я провела не с Деятелем, но Мыслителем в лице Мартина. И, думаю уж лучше слушать оскорбления по поводу своей прически, терпеть кривляния и неуместные шуточки, от которых смешно было лишь их автору, нежели очищать от жвачки красное дерево или носиться по дому с пылесосом.

Казалось, моя смена не закончится никогда! Доротея пришла ровно в шесть, когда Мартин, после очередной дурацкой шутки по поводу моей «уродливой сумки», отправился в свою спальню. На её лице красовалась улыбка, которую я никак не могла понять. Я негодовала от результатов сегодняшнего дня, как вдруг поняла, что улыбка Доротеи может быть связана с тем, что она не страдает на своей работе так, как это умудряюсь делать я. А ведь прошло всего лишь два дня!

— Доротея, как Вы ладите с мальчишкой? — вплотную подойдя к женщине, будто пытаюсь услышать некий могущественный секрет, поинтересовалась я.

— Оу, абсолютно никак! — доброжелательно заулыбалась в ответ женщина.

— Никак?! — удивленно вздернула брови я, пытаюсь понять, чему она так радуется.

— Это совершенно неудивительно, ведь мы с мальчиком провели вместе всего лишь несколько часов. Он совершенно некоммуникабельный и не идет со мной на контакт, а когда я пытаюсь с ним заговорить — он обязательно грубит. Но это абсолютно не страшно,

так как вскоре мы идем ужинать, после чего Мартин проводит время с мистером Роландом, а я смотрю телевизор. Можно сказать, что в сумме я нахожусь с мальчиком наедине где-то полтора часа.

Несправедливо! Всего лишь полтора часа наедине? Доротею явно пожалели. Видимо принимая нас на работу, Роланд решил, что старушка долго не протянет с мальчишкой, а вот молодую можно ушатать до потери пульса.

Я попыталась улыбнуться женщине, но, боюсь, у меня это получилось слишком неестественно, отчего, в итоге, Доротея лицезрела мой нервный оскал. *В конце концов, я ведь хотела услышать великий секрет, а им, как и всё великое, оказалась горькая правда.*

Домой я шла глядя лишь себе под ноги, мысленно выругиваясь и совершенно не обращая никакого внимания на теплый вечер, и первые звезды, появляющиеся на просторном небосводе.

Обычно я ладила с детьми. Я это определила по своим племянникам, с которыми искусно возилась всё своё свободное время, не занятое учебой. Естественно шум исходящий изнутри карапузов минимум — утомлял, максимум — доканывал, но я никогда не срывалась на мысленную нецензурную брань. А после Мартина сорвалась. Пожалуй, это был первый признак приближающегося нервного срыва, ну или тика (если повезет).

Каждый вечер после работы я запиралась в ванной, садилась на корточки и просто пыталась сосредоточиться на потоке прохладной воды, падающей на меня откуда-то сверху. Дважды за прошедшую неделю я просидела в подобной позе в течение целых двадцати минут, не издавая ни единого звука или шевеления, после чего мама или Эмилия начинали тарабанить в дверь, чтобы убедиться в том, что со мной всё в порядке и потребовать дать возможность принять душ другим.

За эту неделю произошли следующие вещи:

- 1) Мартин пролил мне на руку кипяток в виде чая, и теперь я ходила с перемотанным участком кожи на правом предплечье.
- 2) Мартин подложил мне на стул пару кнопок, которые буквально впились в нежную кожу моей пятой точки.
- 3) Мартин остриг пса повара (несчастливая зверушка жила в главном доме).
- 4) Мартин разбил вазу, стоимостью в тысячу фунтов, которые, как объяснил мне мальчик, теперь вычтут из моей зарплаты. Так что я не только проработала неделю в счет разбитой Мартином вазы, но еще и осталась должна. И это было самое обидное — целая неделя мучений впустую, а телесные увечья в виде ожога на предплечье и прокола на пятой точке не компенсировались!

Мартин, Мартин, Мартин!.. Кажется, я не справляюсь, но не могу самой себе признаться в этом.

Я договорилась с Доротеей, что в пятницу, с девяти утра до десяти вечера, я присмотрю за Мартином самостоятельно, чтобы хоть как-нибудь компенсировать утраченные мной деньги из-за разбитой вазы, а всю субботу и воскресенье возьмет на себя она. Это была самая мучительная пятница в моей жизни! Итоги дня:

- 1) О том, что я тупица, с подачи мальчишки уже знал весь штат дома.
- 2) Остриженная собака повара начала хромать.
- 3) Джонатан обзавелся фиолетовым бакенбардом — Мартин в прыжке нарисовал жирную линию на левой щеке швейцара новым маркером, накануне подаренным ему его старшим братом.
- 4) Пол на кухне стал липким от пролитого литра мёда.
- 5) Курьер заработал нервную улыбку, слушая от мальчика содержательную инструкцию о том, как именно необходимо подавать пакеты с едой.
- 6) Люстра в гостиной накренилась от удара футбольным мячом.
- 7) Мой правый глаз начал нервно дергаться.

Когда в без пятнадцати десять Роланд явился в «наш маленький мир хаоса», я чуть не расплакалась от счастья, обрадовавшись тому, что этот порочный круг, под названием «Рабочая пятница», наконец разорвался. Схватив свою сумочку, я буквально вылетела из

дома, мимолетно буркнув на «Добрый вечер» Олдриджа что-то вроде «До встречи» и мысленно добавив: «Видеть вас обоих не желаю».

Всю прошедшую неделю я ожидала субботу, словно манну небесную. Не смотря на то, что я каждый вечер очень рано ложилась спать, за всю неделю я так ни разу и не выспалась, поэтому в ночь с субботы на воскресенье я спала до начала одиннадцатого и, при этом, никто из моей многочисленной семьи меня ни разу не потревожил! Кажется, родители начали догадываться о том, что мне приходится несладко, хотя я и старалась тщательно скрывать данный факт, из-за чего сегодня они буквально спасли мой сон от внезапных набегов Дина и Элис или склок между Эмилией и Тэмми. Я тщательно пыталась скрыть своё депрессивное настроение от родных, но, если подумать, моя молчаливость во время ужина, получасовые уединения в ванной и попытки рано заснуть в какофонии звуков нашего дома, вполне могли меня выдать. Однако сейчас, проснувшись после долгого, очищающего сна, я совершенно об этом не задумывалась.

Начиная со среды и до сих пор светило яркое, теплое солнце, заставляющее хрупкую природу провинциального городка воскреснуть после долгой, холодной зимы и затяжных, промозглых недель весны. Я предвкушала отличную субботу...

Приняв утреннее умывание и стянув с себя розовую пижаму с голубым слоником на груди, я переделалась в старые джинсы, которые одевала лишь когда была уверена в том, что в течение дня не захочу уходить дальше своего двора, и тонкую толстовку на молнии, сделанную из бледно-розового хлопка, которую я обожала носить в «разгрузочные дни» — дни, когда экзамены, похмелье или месячные позади. Отныне такими днями могли стать все мои грядущие выходные, но я желала об этом не думать, чтобы не вгонять себя в еще более глубокую депрессию.

После запоздавшего завтрака в одиночестве (всё семейство уже давно позавтракало), состоявшего из тоста со сливочным сыром и тонкого кусочка ветчины, по просьбе мамы, я отправилась во двор, чтобы присмотреть за Дином и Элис — мама постоянно жила в страхе за свои клумбы, которые подвергались регулярным набегам со стороны печенегов-двойняшек. Выйдя на улицу и заключив с детьми «пакт о ненападении» на мамины крокусы, которые и так в этом году цвели на последнем издыхании, я устроилась на деревянном шезлонге, купленном дедом позапрошлым летом и сейчас стоящем справа от бабушкиного. С полным умиротворением на душе, я безмятежно закрыла глаза, позволяя своей бледной коже насладиться, первой для нее в этом году, солнечной ванной. Изредка я приоткрывала один глаз, чтобы убедиться в том, что Дин всё еще прожигает папиной лупой молодой листок лопуха, а Элис раскрашивает цветными мелками любимую бабушкину клумбу из бутового камня.

«Идеальные дети! Никакой занозы в заднице», — подумала я, в очередной раз прикрыв глаза, как вдруг услышала звук остановившегося автомобиля напротив нашего дома. Я неохотно приоткрыла глаза, но не сразу поняла, что за рулем автомобиля находится Рик. Рик — это хорошо, когда это просто Рик. А вот Рик, говорящий: «Муж Доротеи попал в больницу, поэтому её нужно будет сегодня подменить», — это не хорошо. Это очень нехорошо. Я не успела отказаться или хотя бы возразить, как внезапно возникшая на пороге нашего дома мама, достаточно громко заявила: «Езжай, я присмотрю за детьми».

— Я только переоденусь, — начала отнекиваться я, пятясь в сторону дома, чтобы максимально потянуть время.

— Ничего страшного, запрыгивай так, — взмахнул рукой Рик.

Посмотрев на свои джинсы, я уже хотела сказать, что мне всё-таки стоит переодеться (я тайно питала надежду на то, что дверь в моей комнате захлопнется и, по уважительным причинам, я не смогу подменить Доротею), но мать подтолкнула меня в спину, после чего тихо прошептала: «Дорогая, не заставляй ждать джентльмена». Для мамы джентльменом являлся всякий мужчина, сидевший за рулем относительно нового автомобиля.

«Прощайте, ангелочки», — мысленно обратилась я к своим племянникам, которые с завистью смотрели на свою тётю, с несчастным видом садящуюся в шикарную машину «джентльмена». Они хотели поменяться местами со мной, я жаждала поменяться местами с ними — всё было по честному, но схема всё равно не работала. Пытаясь взять себя в руки, чтобы не прослезиться, я пристегнула ремень безопасности как раз в тот момент, когда Дин начал обрисовывать кофточку Элис розовым мелком, а мама начала закатывать глаза на фоне происходящего.

* * *

— А. Это ты, тупица, — с порога обрадовался моему приходу маленький бандит. — Какое убожество на тебе одето. Тебя привез Рик? Наверняка ты испачкала всю обивку в его автомобиле.

Я скрестила руки на груди. Около года назад бабушка где-то вычитала, что скрещенные руки являются невидимым барьером, за которым человек пытается скрыться от неприятных эмоций или ситуаций. Еще год назад я не придавала этому факту никакого значения, сейчас же словила себя на мысли о том, что за прошедшую неделю я как никогда часто стала скрещивать руки именно во время общения с Мартином, или закидывать ногу на ногу, когда приходилось с ним бороться сидя.

— Мне повезло, что на выходных обед готовит повар. Не придется есть твою стряпню.

— Поверь мне, моя стряпня — не самое страшное, что может случиться с человеком.

— И что же может быть страшнее твоей готовки? Твой прикид?

— Досуг, проведенный с тобой.

— Точно! Досуг, проведенный с тобой. Как я мог такое забыть?

Для своего возраста Мартин был: *а)* слишком агрессивно настроен по отношению к посторонним людям, *б)* слишком подвешен на язык. И поверьте мне, оба эти качества неплохо потворствовали друг другу. Как сказал бы мой отец: «Не тронь какашку, чтобы не завоняла». И это еще мягко сказано. Почему-то именно сейчас, смотря на Мартина, я глубоко осознавала, как же часто наши с отцом взгляды на мир сходятся. Просто поразительно.

Мои отношения с Мартином были похожи на затяжную борьбу за власть. Он не хотел видеть моего лица — я предлагала ему закрывать глаза в моем присутствии. Он не хотел слышать моего голоса — я предлагала затыкать ему уши. Он не хотел, чтобы я готовила ему обед — я предлагала ему голодать. Это был замкнутый круг борьбы за уважение. Мальчишка попросту не мог уважать малознакомого человека, который вынужден работать нянькой, чтобы содержать свою семью, я же не могла уважать человека, пусть даже несовершеннолетнего, капризы которого оплачивает платиновая карточка родственника.

До обеда мы ссорились (дело дошло до швыряния лего), во время обеда ситуация не улучшилась, так как Роланд был в отъезде, поэтому за столом творился хаос из хлебных

крошек, которые периодически летели мне в лицо, и разорванных салфеток, так как моё воспитание мне не позволяло бросаться едой. Всё закончилось тем, что я выплеснула в лицо наглеца полстакана воды. Всхлипнув носом (благо ему нечем было мне ответить, так как свой сок он давно выпил), Мартин выбежал из столовой, а я еще долго извинялась перед кухаркой, помогая ей убирать со стола.

Дальше — хуже. Когда я вошла в гостиную, меня ожидал поэтический беспорядок — вся зола из камина волшебным образом перенеслась на ковёр. Больше часа я пыталась вернуть ковру прежний цвет, думая о том, что если с меня еще и за него вычтут из зарплаты — смысла работать в этом доме нет. Всё равно весь заработок пока уходил на погашение задолженностей по вредности Мартина и, с такими темпами, я уже скоро в кредиты здесь начну влезать! На пару с пятновыводителем, я более-менее справилась с ковром, но всё равно он выглядел изрядно пострадавшим. В итоге пришлось просить Джонатана о помощи со стороны уборщицы.

Пока я разбиралась с ковром, Мартин и звука не издал из своей комнаты. Когда же я обратила внимание на тишину, у меня чуть сердце не остановилось от предвкушения. Я медленно открыла дверь в спальню маленького лепрекона и с облегчением выдохнула, застав его за игрой в очередную, модную компьютерную стрелялку. Примерно через час мы снова вступили в противостояние: кому достанется кресло-качалка, кто управляет пультом от телевизора, кто на самом деле тупица, кто войдет первым в туалет — всякий раз, когда я шла в уборную, он вскакивал со своего места и запирался там минимум на десять минут! Я даже начала иногда имитировать желание посетить уборную, чтобы побыть наедине с собой. У нас всё решалось через неминуемые дебаты.

Около шести часов вечера мы с Мартином отправились в сторону цветущего сада, расположенного в пятистах метрах за поместьем.

— Ты редкая тупица. Как Кэрол вообще могла принять тебя на работу?

— Меня принял Роланд.

— Наверное не вынес твоей тяжелой энергетикой обиженной и нуждающейся. Ты ведь наверняка нуждаешься в деньгах, раз уж взялась работать нянькой.

— Раз уж я всё еще терплю тебя...

— Наверняка копишь на какую-нибудь подержанную тачку, чтобы потом хвастаться перед друзьями ржавой клячей. Или на супердорогие мега-лабутены, чтобы сверху вниз смотреть на подруг-неудачниц, таких же как и ты.

— У меня хоть какие-то друзья есть, в отличие от его величества Мартина.

— У его величества Мартина, как ты выразилась, есть больше, чем какое-то жалкое внимание друзей.

— Да? И что же это?

— Брат.

— Ты хотел сказать — кошелек брата.

— Я хотел сказать то, что сказал. Никто, кроме тебя не виноват, что ты не умеешь слушать. Хотя, может это передалось по наследству и ты тут и вправду ни при чем.

— Закрой рот, — тяжело вздохнув, попросила я.

— Твоя работа слушать то, что я тебе говорю, так что лучше не хлопай своими покрасневшими от негодования ушами. И, кстати, у меня есть друзья, но они все остались в Лондоне...

Мы направлялись к деревянным качелям на двоих, но я так рассердилась на Мартина из-за сказанных им слов, что не заметила лежащего на газоне шланга, слившегося по цвету с травой, отчего неудачно споткнулась. Если бы я упала удачно — это была бы не я. Моё правое бедро растянулось на большом, полукруглом камне, лежащем рядом с горсткой других камней, предназначенных для создания новой клумбы. Я упала так резко и с такой скоростью, что камень буквально прощупал мою кость. Давно я не испытывала столь сильной физической боли. Сморщившись, я попыталась резко встать, но поняла, что боль в бедре слишком острая. Только злость на смеющегося Мартина не позволяла мне расплакаться.

— Неуклюжая утка! — заливался смехом мальчишка. — Аха-хах! Ты бы видела своё лицо! Белая, как мел! — разрывался от счастья паршивец. — Жаль, у меня нет с собой фотоаппарата. Такой бесценный материал! Тупи-и-ица-а! — мальчик присел на корточки, от невозможности твердо стоять на ногах из-за смеха, а я пыталась понять, почему боль не утихает, неужели я могла повредить кость с такой высоты падения?

Встав на ноги, я с облегчением поняла, что нога у меня в целости, но далеко не в сохранности, как и мой мобильный телефон, экран которого безжалостно треснул. Сильно хромя, я отправилась в сторону дома, сопровождаемая безудержным смехом мальчишки. Как считаете, ненавидеть ребенка — это плохо? Я считала, что это плохо, поэтому я его не ненавидела, я его просто «недолюбливала». Первую минуту после падения я подавляла желание плакать, вторую минуту желание открутить голову негодному мальчишке, в третью

же минуту боролась с искренним желанием ударить негодника больной ногой.

С утра Рик передал мне, что я должна просидеть с Мартином до момента возвращения Роланда из Лондона, но я не знала, когда именно он вернется. Моё терпение иссякло, когда Мартин принялся забрасывать легионы в камин — это было около девяти часов вечера. В итоге, я решила уйти до возвращения Роланда. Хромая, с взъерошенными волосами, бледным лицом и горящими глазами, я сквозь боль улыбалась и сквозь крепко стиснутые зубы говорила с Джонатаном, стоя у выхода:

— Ничего страшного, правда. Просто небольшой ушиб.

— Глория, уже уходите? — оторвавшись от каких-то бумаг, поинтересовался проходящий мимо нас Роланд, внезапно возникший ниоткуда и явно направляющийся в сторону домика Мартина. У меня так и отвисла челюсть.

— Вы уже вернулись? — стараясь скрыть своё негодование, что у меня наверняка получилось весьма дурно, поинтересовалась я.

— Да, почти час назад. Забыл Вас предупредить, засиделся за бумагами, из-за чего теперь придется поздно ужинать. Поужинаете с нами?

— Нет! — выпалила я так резко, что глаза обоих стоящих передо мной мужчин сразу же округлились. — Нет, спасибо, я не голодна, — попыталась исправить положение я, начав пятиться спиной к двери. — Я, пожалуй, пойду...

— Глория, Вы хромаете? — начиная подозревать неладное, поинтересовался Роланд, смотря на меня, как на человека, только что выкравшего из его сейфа фамильную драгоценность и теперь пытающегося скрыться на его глазах.

— Нет-нет, ничего подобного. До встречи.

— Подождите, Вы без плаща. На улице уже ночь...

— До понедельника, — только и успела ответить я перед тем, как взять из рук Джонатана незнакомый мне плащ, хлопнуть за собой дверь и быстрым шагом, насколько мне могла позволить моя пострадавшая нога, проковылять по ступенькам крыльца.

Я пыталась идти как можно быстрее, но с каждым шагом всё больше выдыхалась. *На улице и вправду было очень холодно. Казалось, будто ледяные лучи далеких звезд пронзают меня прямо в макушку, а изо рта вылетает не пар, а клочья разорвавшейся души, летящей в сторону застывшего ночного сада, в надежде зацепиться за его ветви.*

Проехавшая мимо меня одинокая машина развернулась где-то за моей спиной, но я совершенно не обратила на это никакого внимания, полностью уйдя в недры своей души, которую я из последних сил пыталась сохранить в дрожащем теле, а не выплюнуть её изо рта где-нибудь по дороге, вместе с густыми клубками пара. Плащ на мне был огромен, словно я стащила его с огромного колёсса, отчего сейчас чувствовала себя палаткой с отросшими ножками, одна из которых была хромой.

— Тебя подвезти? — послышался знакомый голос из остановившейся рядом машины.

— Пожалуй, можно, — вздрогнув от неожиданности, согласилась я и уже спустя несколько секунд сидела рядом с Риком.

— Ты что, хромаешь?

— Небольшой ушиб. Ничего страшного.

— Знакомый плащ. Украла у Роланда?

— В качестве компенсации за потерянный выходной. Поверь мне, денег, которые он мне платит, будет недостаточно.

— Мартин настолько невыносим?

Я предпочла промолчать и Рик, из солидарности, решил не напрашиваться на диалог. Едва ли прошло больше пяти минут с момента нашей встречи у сада, когда мы оказались возле моего дома. На шезлонге, на котором еще утром нежилась я, сейчас сидела Тэмми. Со стороны, в лучах холодного полнолуния, она выглядела загадочно, словно сирена. Не хватало только пруда.

— Твоя сестра? — неожиданно поинтересовался Рик, остановившись чуть поодаль от моего дома, после чего я словила его взгляд на Тэмми, которая и мускулом не повела в нашу сторону.

— Д-да. Младшая.

Интересно, мы с ней так сильно похожи, что он сразу догадался о происхождении Тэмми, или всё же это обыкновенное предположение? На самом деле, мы все были похожи друг на друга — вся наша семья. Все мы были темноволосыми шатенами с разными оттенками голубого цвета глаз и невысоким ростом разницей в несколько дюймов. У меня были густые каштановые волосы до лопаток, у Эми волосы были камелопардового цвета и едва доставали до закорок, а у Тэмми волосы были цвета шоколада и опускались чуть ниже плеч. Мои глаза были сизыми, глаза Эмилии голубыми, а у Тэмми васильковыми. Мой рост составлял один метр и семьдесят один сантиметр, в то время как Эми была на целых четыре сантиметра выше меня, а Тэмми ниже нее на шесть. Изюминкой моей внешности была красивая линия пышных губ и хорошо очерченные скулы, Эмилия гордилась искусственной линией бровей, а Тэмми предпочитала вообще ничем не гордиться, хотя на самом деле у нее был потрясающий, аккуратненький курносый носик, который из всей семьи достался только ей. Несмотря на некоторые схожести, по которым можно было определить, что мы являемся сёстрами, всё же мы были как внешне так и внутренне очень разными.

— Ладно, мне пора. Передай плащ Роланду, окей? — спросила я, совершенно не обращая внимания на то, как Рик наблюдает за моей сестрой-нимфой, залитой лунным светом.

— Окей.

Тэмми заметила меня лишь после того, как я подошла к ней впритык. Странности её поведения, например необъяснимая отрешенность во время оживленного разговора, внезапные улыбки во время ужина, скомканность ответов на сложные вопросы и часто возникающая замкнутость, никогда не вводили меня в тупик, как бывало с остальными членами нашей семьи. Возможно, именно поэтому я ладила с ней лучше, чем остальные. Все прекрасно понимали, что у Тэмми глубокая психологическая травма, пережить которую сложно без последствий, и всё же они не всегда были способны её понять. Сестра часто замыкалась потому, что ей было стыдно за то, что произошло с ней в прошлом, и она часто думала о том, что её должна стыдиться вся семья. Тэмми в буквальном смысле была очень застенчивым и ранимым человеком, доверие которого постороннему сложно завоевать не потому, что она недотрога, а потому, что она слишком уязвима.

— Что ты здесь делаешь так поздно? — спросила я, остановившись напротив сестры и загородив собой луну, на которую она так пристально смотрела.

— Глория, ты уже вернулась! Я тебя совершенно не заметила. Я ждала тебя... Луна сегодня просто очаровательна.

— Это ты сегодня очаровательна, — улыбнулась я, вспомнив, как Рик смотрел на Тэмми, после чего заправила выбившуюся прядь её волос за ухо красавицы.

Дедушка, бабушка и папа смотрели новое шоу талантов, мама развешивала выстиранное

белье, которое сушилось в гостиной и потому стиралось только перед сном, Дин и Элис играли под столом в Дарт-Вейдера и Лею, Эмилия, сидя за столом, добивала на ноутбуке последние строки своего ежемесячного отчета, а я с Тэмми, облокотившись о кухонный гарнитур, медленно цедили теплое молоко. Все были настолько заняты своими делами, что смогли выдать в качестве внимания к моей персоне лишь глухое «привет» и только мама, не отрывая глаз от белья, предложила отужинать, от чего я отказалась, солгав, что уже поужинала у Олджриджей. Сегодня мой аппетит приравнялся к моему настроению — он был нулевой. Мою же хромоту заметила лишь проницательная Тэмми, но еще на улице я успела убедить её, что со мной всё в полном порядке.

— У парня антофобия, — в общем гуле голосов раздался голос папы, который в данную секунду был поглощен просмотром шоу. — Парень боится цветов, вот у кого реальные проблемы в этой жизни!

— Кто бы говорил, — вмешалась мама, — сам страдаешь подобным.

— Я?! — изумился отец.

— Разве нет? Больше двух лет моей жизни прошло без единого цветочка.

— Бабушка-бабушка, Дин отобрал мой световой меч!

— Дин, верни сестре её меч.

— Он ей не нужен. Пусть лучше возьмет арбалет.

— Мне не нужен арбалет.

— А мне нужен хоть грамм тишины для завершения своего отчета!

— Тетя Эми начинает злиться, отдай мне мой меч.

— Дорогая, я не дарю тебе цветы лишь потому, что сам в них нуждаюсь...

И снова какофония. Не допив молоко, я поставила кружку в раковину и, под тяжелым взглядом Тэмми, поковыляла на второй этаж.

Зайдя в спальню, я взяла свою фланелевую пижаму с махровым полотенцем и отправилась в душ. Ванная комната у нас была небольшая, но в ней отлично помещались ванная и отдельный душ, унитаз, раковина с трельяжем и стиральная машина, расположенная под огромной подвесной полкой, в которой хранилось всё необходимое для хрупкого существования нашего мирка. В общем — идеальное место для депрессии.

Я зашла в душевую кабинку, закрылась и, включив теплую воду, которая, после холодного уличного воздуха, прожигала мою кожу насквозь, села на корточки. Впервые после смерти Дэниела мне захотелось плакать. Первый месяц после этой утраты плакали все, особенно двойняшки, постоянно жаждущие внимания. Помню, как рыдали бабушка и мама, которая несколько недель после похорон не могла даже подняться с постели. Помню, как завывал на кухне папа, как охал дедушка, как Эми и Тэмми заливали ночами подушки (тогда мы еще жили втроем в одной спальне). После этого мне начало казаться, будто я выплакала столько слез, что больше никогда не смогу заплакать. Но вот — сейчас к моему горлу подкатил комок... Нет, Мартин никогда не заставит меня плакать!

— Эй, ты там уже целых двадцать две минуты, давай выходи, — послышался раздраженный голос Эми, после чего в ванную дверь буквально вlepили ладонью. — Слышишь? Не ты одна в этом доме хочешь помыться.

— Но я одна в этом доме всю субботу провела на работе! — вдруг выпалила я, едва не сорвавшись на крик. — Так что если кто-то так сильно жаждет помыться, пусть молча ждет. Раньше нужно было думать о своих желаниях, тогда бы соизволили дойти до душа до моего прихода!

Тишина. В этой семье, в которой каждый норовит перекричать себя, телевизор или еще кого-нибудь, я редко говорила на повышенных тонах. По-моему, я вообще не поднимала голос с тех пор, как поступила в университет, так как меньше времени стала проводить внутри своей семьи. Но как только я вернулась домой, я начала ловить себя на нетерпеливости и частых попытках пресекать её на корню. Наверное поэтому сила моего ответа оказалась для Эми слишком неожиданной и она предпочла тихо ретироваться.

Уже через пять минут я вернулась к себе в спальню, медленно ступая по подозрительно притихшему дому.

— Можно? — спросила Тэмми, протиснувшись через приоткрытую дверь. Я уже минуту как лежала в постели, но всё еще не решалась накрыться одеялом, словно как только я войду в зону комфорта, за мной сразу же приедут и выдернут с корнем из-под моего тепленького одеяльца, чтобы отвезти на растерзание к Мартину. Ужасное ощущение.

— Да, конечно, — отозвалась я, тяжело выдохнув и потеряв себе переносицу.

Тэмми тихонько, словно мышка, закрыла за собой дверь, после чего легла рядом со мной.

— Эми в подробностях рассказала всем внизу диалог с тобой. У тебя всё в порядке?

Я знала, что она задаст этот вопрос. И не потому, что была уверена в том, что Эмилия рассказала всем о моем срыве, а потому, что была уверена в том, что Тэмми хотела задать этот вопрос как только увидела меня, но тянула из-за своей нерешительности, мешающей ей последние несколько лет жить нормальной жизнью.

— Да, просто немного... — я хотела сказать «устала», но у меня язык не поворачивался жаловаться на работу, на которой платят двадцать фунтов в час. — Просто непривычно работать, да еще и няней.

— Ясно.

Ей и вправду было ясно. Моя младшая сестра была настолько пронизательным человеком, что я была уверена на все сто пятьдесят процентов в том, что из сказанных мной слов она уже знает, что мой подопечный невыносим и что мне приходится несладко.

— Родители распереживались. Так что тебе завтра придется нелегко с ними. Хотя, думаю, этот факт поможет тебе выспаться.

— Угу. А ты как?

— Я нормально. В отеле почти никакой работы нет. Из-за холодной весны посетителей мало, но скоро должен начаться сезон туристов.

У нее и вправду всё было «нормально». Всегда. С тех самых пор, как она «потерялась в себе», с ней всё всегда было «нормально». Не замечательно, хорошо, ужасно или плохо, а именно «нормально». И меня это беспокоило. Она словно замерла в своем маленьком мирке, в котором быть горничной в местном отеле и жить с родителями куда безопаснее, чем съездить на пару часов в Лондон или сменить работу. Тэмми была неглупой девушкой и в учебе она могла бы превзойти меня, вот только ей это было не нужно. Год назад она самостоятельно выучила испанский язык лишь потому, что ей понравилось произношение женщины-туристки, остановившейся в отеле нашего города на неделю. Месяц назад она осилила «Основные начала» Спенсера, а вчера взялась за «Илиаду» Гомера. Нет, она определенно была умнее меня, да и вообще всех живущих под крышей этого дома. Вот только для того, чтобы снова научиться дышать полной грудью, ей этого было недостаточно.

Еще пять минут мы молча лежали, после чего Тэмми отправилась к себе, а я залезла под одеяло, уже не опасаясь срочного вызова Олдриджа.

Все болезни от нервов. Нервы от мыслей. Все мысли от того, что нам не всё равно. А зря. Именно такой вывод я сделала перед тем, как заснуть и мне вдруг стало легче от осознания того, что мне всё равно. Всё равно, что Мартин — очередной невоспитанный наследник миллионов; всё равно, что болит бедро; всё равно, что ближайшее время мне придется работать на Олдриджа, чтобы моя семья не жила впроголодь; всё равно, что в понедельник на работу.

С утра ушиб совершенно не болел, если только я до него не дотрагивалась. А если не шевелила ногой, тогда его словно вообще у меня и не было, как, собственно, и самой ноги. Во второй раз в жизни у меня было хромое утро. Первый раз я познала хромоту в десятилетнем возрасте из-за того, что носилась по палисаднику босиком, и меня в пятку ужалил бомбус, как выразилась на латыни бабушка. Я же кричала, что это никакой не бомбус, это «озверелый» шмель, которого я напроочь раздавила ногой. Тогда я прохромала неделю, прежде чем опухоль сошла. Однако та хромата значительно отличалась от нынешней. После укуса пятка сильно чесалась, и иногда мне было приятно прилечь на диван для того, чтобы вручить ногу в широкую ладонь отца и позволить ему тихонько почесывать место укуса или прикладывать к нему компресс из льда с лимоном. Сейчас же мне просто хотелось не шевелиться, однако зов мочевого пузыря был куда сильнее желания скопытиться. По крайней мере, сначала мне точно нужно было сходить в туалет и лишь после думать о том, как без лишних движений отсоединить от своего тела душу. Уже с утра я была уверена в том, что к вечеру, с приближением понедельника, подобные мысли станут посещать меня чаще. Впрочем, я отлично выспалась под звуки капель дождя, ударяющиеся о моё окно, и, потянувшись, вспомнила о том, что еще перед сном решила, что я должна оставаться равнодушной ко всему, что связано с моей работой, если хочу сохранить свою нервную систему.

С утра родители отправились на очередное слушание по делу опеки над двойняшками, дедушка с бабушкой сидели в гостиной у тихо работающего телевизора и смотрели повтор программы ВВС «Гиганты ледникового периода», Эмилия еще с вечера была у Эммета, а Тэмми, вместе с двойняшками, отправилась на утренник в детский сад. Ближайшие два часа обещали быть самыми спокойными в этом доме, не считая ночей, когда все его обитатели спали.

Бабушка оставила для меня на столе еще не успевший остыть завтрак, что могло означать только одно — остальные домочадцы ушли недавно. Вся наша семья собиралась минимум один раз вместе — во время ужина. Мы ели за старым деревянным столом, рассчитанном на десять персон, что было весьма удобно, так как к нам иногда присоединялись Эмметт или тетя Саманта. Стол занимал почти всё пространство между лимитированной кухней и небольшой гостиной, вмещающей в себя стеклянный журнальный столик, подаренный отцу металлургическим заводом в честь его увольнения оттуда, тумбу, стоящий на тумбе телевизор и мягкий уголок десятилетней давности, состоящий из трехместного дивана и двух кресел. Когда вся семья собиралась в гостиной, например чтобы посмотреть очередную новогоднюю речь королевы или серию «Шерлока», дедушка с бабушкой занимали кресла, родители, по праву старшинства, оккупировали диван, третье же место на диване обычно доставалось тому, кто первый успевал до него добежать. Остальные

рассаживались на полу (в подобных семейных посиделках перед телевизором я всегда сидела на полу, так как не желала вступать в споры за место для своего афедрона). Таким образом, между гостиной и кухней образовался маленький коридорчик, по которому невозможно было пройти, когда за столом кто-нибудь сидел. Мне повезло — моё место было с противоположной стороны стола, возле окна, и мне не приходилось всякий раз во время ужина вставать, чтобы пропустить кого-нибудь в туалет. «Прыгучие» места достались Тэмми, сидящей с самого края у гостиной, следующим за ней Эмили, Элис и маме, расположившейся по правую руку от отца, сидящего во главе стола, спиной к кухне. Слева от папы и напротив мамы, на самом лучшем месте — спиной к окну, разместились я, слева от меня сидел Дин, а за ним следовали бабушка с дедушкой. Таким образом, центральное место напротив папы обычно пустовало.

Сев на свое место, я подтянула к себе сливочное масло и тарелку с не успевшими остыть булочками, и солеными рогаликами, за которыми в лавку на соседней улице, не смотря на моросящий дождь, снова сходили наши старики. Завтракать в подобной тишине мне доводилось чуть больше недели назад, когда я еще была безработной и могла себе позволить вставать попозже остальных, чтобы поесть без выслушивания очередной неразберихи в семейных отношениях.

Плотно позавтракав, я села рядом со старой гвардией нашей семьи и ушла в просмотр натуралистических передач. Примерно через полтора часа вернулись родители, бледные, как и всегда после судебных заседаний.

— Ну что там? — напряженно поинтересовалась я, отложив пульт от телевизора в сторону.

— Эта маразматичка будет приходить к нам, — пробурчал отец.

— Адвокат?

— Адвокат у твоего отца дегенератка. Отныне в нашем доме маразматичкой считается Джудит Фейн, мать Линды и всё еще несостоявшаяся бабушка двойняшек.

— Раз изначально не состоялась, значит и сейчас не состоится! — выпрямившись, сделал громкое заявление отец, словно имел власть решать подобные вещи.

Джудит Фейн была сорокачетырёхлетней женщиной, с коротко остриженными волосами, слишком рано пронзенными густой сединой, которую она не пыталась скрыть даже малейшим окрашиванием. Она являлась бывшей алкоголичкой, начавшей лечение от зависимости только после смерти старшей дочери. Джудит развелась с мужем, который так и не смог завязать с зеленым змием, из-за чего регулярно наносил ей постоянные побои. После развода она переехала в соседний городок, получила жилье для реабилитированных граждан и начала новую жизнь, а её муж, спустя два года, умер от алкогольного отравления. Две её младшие дочери уехали в Норфолк к матери отца и сейчас всячески поддерживают свою мать, и её желание отобрать у нас двойняшек, от которых Джудит отказалась еще до их рождения на свет, почти шесть лет назад.

Вся соль вопроса с двойняшками заключалась в том, что Джудит Фейн вполне могла добиться полной опеки над ними, как «реабилитированная в обществе» и «начавшая новую жизнь», законная бабушка этих детей. Мы осознавали, что с каждым слушанием наши шансы на победу постепенно тают и вот уже Джудит может посещать моих племянников, чтобы успеть привязать их к себе перед тем, как оформить над ними единоличную опеку. Это было ужасно — видеть своё поражение издалека и знать, что времени осталось немного.

— Замечательно. Нет, правда, замечательно, — рассеянно заключила мама, после чего

плюхнулась рядом со мной на диван, не собираясь вылезать из своего терракотового костюма восьмилетней давности, который сейчас выглядел великоватым на этой женщине, изрядно исхудавшей за последние месяцы. — Я приму эту Джудит хлебом-солью.

— Я предпочитаю только соль, предварительно заряженную в ружьё. Нам определено необходимо сменить дегенерата, — начал отец, нервно расхаживая за нашими спинами. — Она ни слова не сказала в нашу защиту, когда адвокат Фейн начал доказывать, что у нас нет подходящих условий для проживания детей. Представляешь, мама, у нас нет условий! — обратился отец к бабушке. — Она начала с того, что дети живут в одной комнате, а каждому ребенку, видите ли, нужна своя отдельная спальня, тем более что дети разнополые, и закончила тем, что детский сад, в который мы водим детей, находится дальше от нашего дома, нежели садик, в который Джудит собирается отдать наших внуков. Слышишь, папа, она уже нашла для наших внуков подходящий садик! — отец мощно выругался, пока дедушка с бабушкой испуганно переглядывались, а мама, откинув голову на спинку дивана, молча смотрела в потолок.

— Неужели ничего нельзя сделать? — выдохнула я, глядя на сыплющий за окном дождь.

— Можно — сменить адвоката! И почему у этой пьянчужки адвокат лучше нашей? Откуда у нее деньги на оплату такого подкованного специалиста?

— Она ведь работает швеей, — тихо отозвалась мама.

— А я радиомехаником, Эмилия секретарем, Тэмми горничной, а Глория вообще нянькой! — воскликнул папа, и я постаралась не заострять своё внимание на том, с какой интонацией он сказал о моём месте работы (судя по всему, он перечислил наши рабочие места по рейтингу «уважения»).

— Дело не в том, кто и кем работает, — встав, вздохнула мама, — а в том, кто в каком статусе находится.

— Мы благополучная семья, — начал отец, но мама его оборвала.

— Мы относительно благополучная семья, о чем знает весь этот серый городишка (наверное, она имела в виду ошибку подросткового возраста своих детей, но я не стала на этом заикливаться). А Джудит кто?

— Кто?! — наигранно поинтересовался отец. — Пьянчужка?

— Нет. Она БЫВШАЯ пьянчужка, у которой не было рецидива на протяжении последнего года. Эта женщина имеет неплохую работу и квартиру с двумя пустующими спальными комнатами, которая расположена рядом с детским садом. Знаешь, что это значит? Что эта женщина имеет второй шанс в обществе.

— Но почему этим «шансом» должны стать именно мы? Вообще-то, наши внуки скоро в школу пойдут и им даром не нужен будет детский сад через дорогу, — парировал отец.

После этого мама нервно ударила себя ладонями по бедрам и вышла из комнаты, гулким шагом поднявшись наверх. Папа же отправился к холодильнику и, увидев в нем повесившуюся мышь, раздраженно хлопнул старой дверцей.

— Не сможем мы нанять нового адвоката, а следующее слушание, если только его не перенесут, состоится уже десятого мая, — глухо констатировал он.

Тэмми с детьми вернулась примерно через полчаса после возвращения родителей. Мама расставляла вымытую посуду в кухонный гарнитур, отец, сидя в своем кресле, читал утреннюю газету, давно отказавшись от такой роскоши, как потягивание «выходного» пива, бабушка с бабушкой занялись прослушиванием счастливого щебетанья детей о том, как Питер Пэн (Дин) спас Динь-Динь (Элис) от Капитана Крюка (мальчика с соседнего двора). Судя по всему, постановка их сценки прошла замечательно. Во всяком случае, Тэмми обещала отличный видеофильм с участием двойняшек, сделанный ей при помощи старой видеокамеры Дэниела.

После шумного обеда родители решили устроить себе совместный тихий час с двойняшками и отправились к себе в спальню. Я последовала их примеру, оставив Тэмми со стариками напротив телевизора. Обед был далеко не сытным, а так как апрель уже подходил к концу, и в этом месяце нам пришлось потратиться на целых два заседания в суде, ужин обещал быть еще более скромным. Хорошо, что Эмилия частенько ест за счет Эмметта, а у меня появилась возможность обедать на работе, однако это всё равно не решало наших проблем.

Мысли о предоплате для меня были просто недопустимы. Вдруг Мартин разобьет еще что-нибудь? Тогда придется не работать, а отрабатывать круглосуточно в том особняке или вообще уйти к Олдриджу в рабство вплоть до совершеннолетия мальчишки. Но самое угнетающее во всей этой ситуации было то, что родители еще даже не подозревали о том, что в этом месяце мне не доплатят целую тысячу фунтов! Боюсь, для них это может оказаться слишком сильным ударом, для которого сейчас было далеко неподходящее время. Пусть для начала справятся с тем, что Джудит будет проводить время с их внуками.

* * *

— Если вас будут спрашивать, с кем вы хотите жить, вы ведь не бросите своих любимых бабушек, дедушек и тётъ? — не унималась во время ужина мама. Знакомство детей с Джудит должно было произойти в эту субботу, что сильно наэлектризовало всю нашу семью, за исключением Дина и Элис, которые не понимали, что вообще происходит.

— Одри, дорогая, если на следующем заседании в суде выяснится, что ты настраивала детей против их... Гм... Новой бабушки, — начал отец, но мама его резко оборвала, параллельно засовывая ложку с овсяной кашей Дину в рот (то же самое я проделывала с Элис, сидя напротив мамы и машинально воспроизводя её движения).

— И что с того?! Дерек, ты как дитя малое. Естественно эта Джудит будет настраивать детей против нас.

— Но ведь она не сможет этим заниматься в нашем присутствии.

— Кто такая Джужит? — поинтересовалась Элис.

— Не Джужит, а Джудит, глупая, — передразнил сестру Дин.

— Не кривляй сестру, — снисходительно потребовала Эмилия.

— Понял? — довольно улыбнулась Элис.

— Джудит — это ваша новая... — мама запнулась. Видимо она не могла произнести

словосочетание «новая бабушка», так как считала, что кроме нее иной бабушки для двойняшек в принципе не может существовать в природе, ну или, по крайней мере, в нашей семье — прабабушка не в счет.

— Это ваша новая бабушка, — закончил начатое мамой предложение папа.

— Но-о-овая ба-а-абушка?! — буквально прокричал Дин, прежде чем очередная ложка с овсянкой залетела ему в рот.

— Еще одна? — более скромно поинтересовалась Элис.

— Зачем нам третья бабушка? Нам хватает бабушки Одри и бабушки Пэт, — возмутился Дин.

— Да, больше не нужно, — подхватила Элис, которая зачастую подражала своему старшему брату.

— Правильно дети, я тоже так считаю, — взбодрилась мама и тут же изогнула бровь, словив на себе неодобрительный взгляд отца, словно мысленно бросая ему посыл: «Что?!».

— А можно обменять эту бабушку на братика? — поинтересовался Дин.

— Или на сестренку, — подхватила Элис.

— Нет, нельзя, — отозвалась Эмилия, громко отхлебнув горячий чай, и я впервые задумалась о том, что у двойняшек ни со стороны отца, ни со стороны матери больше никогда не будет брата или сестры, так как оба их родителя погибли. Максимум двоюродные, если Эмилия всё-таки умудрится зачать от Эмметта или Тэмми решится завести отношения, что еще менее вероятно. Ну, или, в крайнем случае, я перестану быть монахиней.

— Может быть, её можно обменять на щенка? — не унимался Дин.

— Если бы можно было, я бы лично обменяла её на щенка, — ответила мама и у детей сразу же округлились глаза, так как до сих пор именно их бабушка выступала против идеи завести щенка. Собственно, никто не жаждал делить крышу нашего дома с еще одним живым существом, но общее мнение выражала именно мама, не желающая прислуживать в этом доме еще и собаке.

После произнесенных мамой слов, в глазах у двойняшек вспыхнули пылкие огоньки — они впервые получили смутную надежду затащить в дом комок шерсти. Хорошо, что мама дала им эту надежду. Теперь они точно обменяют Джудит на собаку, чего бы им это не стоило.

* * *

Наступил понедельник. Хотя утро было заволочено мягкими, белоснежными облаками, не пропускающими ни лучика солнца, день, всё же, обещал быть погожим.

Я всё еще прихрамывала, хотя уже значительно меньше, что немного радовало, если что-то вообще способно было радовать человека, идущего напрямиком в тартар^[9].

Сидя у горящего камина с девяти до десяти часов, я медленно раскачивалась в кресле, пока не поняла, что это не успокаивает, а наоборот напрягает, как иногда напрягает тиканье часов. В начале одиннадцатого курьер доставил заказанную мной еще с вечера еду, и я принялась за готовку. К этому времени за окном появилось яркое, весеннее солнце, отчего на душе вдруг стало немногим спокойнее. Все окна дома были обращены на запад, поэтому солнце в дом проникало лишь при закате и лишь при условии чистого горизонта. Но из

широкого кухонного окна можно было наблюдать за золотистыми лучами солнца, заливающими сочный газон, большую часть которого занимала падающая на него тяжелым весом тень, принадлежащая особняку, возвышающемуся над домиком, в котором мне необходимо было куковать с маленьким Олдриджем.

Когда из гостиной послышались первые шаги, я выпрямила спину и поставила тарелку с супом на край стола.

— Привет, — улыбнулся зашедший на кухню Рик.

— Привет. Будешь обедать? — поинтересовалась я, на всякий случай приготовив обед на троих.

— Не откажусь, — довольно улыбнулся учитель.

Занеся порцию Мартина в его спальню, так как он отказался есть с нами, я вернулась обратно на кухню и, до конца оформив сортировку стола, села за барный стол напротив Рика.

— Тебе необходима помощь, — вдруг заметил он.

— Мне помогает Доротея.

За прошедшую неделю я неплохо поладила с этой женщиной. Она была весьма добродушной и легкой в общении, и хотя всякий раз по завершению рабочего дня я хотела побыстрее удалиться в сторону своего дома, всё же я уделяла десять минут на общение с только что принявшей вахту женщиной. Обычно она спрашивала меня о том, как в течение дня вел себя Мартин, а я всякий раз жаловалась на его отвратительное поведение. В итоге я поняла, что Доротея — единственный человек, которому я могу пожаловаться на трудности своей работы, ведь, по сути, она была моей напарницей.

— Прости, не правильно выразился. Тебе нужен совет.

— Правда? Возможно.

— Суть твоей работы заключается в проведении досуга с Мартином. Ты могла бы придумать что-нибудь интересное. Возможно, занимаясь чем-то интересным, Мартин отвлечется от своих шалостей, — слово «шалости» заставило меня мысленно усмехнуться, так как оно слишком мягко характеризовало издевательства мальчика надо мной. — Тем более Роланд предоставляет тебе автомобиль для подобных занятий и полностью их оплачивает.

— Правда? Откуда ты знаешь?

— Это должно было быть прописано в приложении к договору, ты разве не читала его? По крайней мере, предыдущая няня пыталась воспользоваться дополнительными «плюшками» со стороны работодателя, пока однажды Мартина не стошнило в салоне автомобиля и ей не пришлось за ним убирать.

— Была и другая няня? — нельзя сказать, что я была удивлена, так как изначально я догадывалась, что имела предшественников. Всё-таки на дворе стоял конец апреля, а Олдриджи, со слов Рика, жили здесь с Рождества. Должен же был кто-то всё это время присматривать за акселератором.

— Бэтти. Нервная женщина за тридцать. У нее у самой была дочь школьного возраста, на что она любила частенько пожаловаться, так еще и Мартин её доканывал. Бэтти была матерью-одиночкой, которой срочно нужны были деньги, так что она пыталась зацепиться за это место. Женщина стойко продержалась чуть больше трех месяцев, но её терпение треснуло, когда после дневной дремы она обнаружила, что мальчишка остриг ей волосы на целых три дюйма. Причем сделал это достаточно криво. Роланд выплатил рыдающей Бэтти

компенсацию в виде пяти тысяч фунтов, после чего она ушла из этого дома с широкой улыбкой на лице и, в буквальном смысле, творческим беспорядком на голове.

Я мысленно содрогнулась, узнав о том, на что способен Мартин, после чего решила спрятать в дальний угол все колюще-режущие предметы. Везет же Рик — Мартин не смеет его задирать так, как меня. По-видимому, всё дело в мужском авторитете.

После обеда Рик ушел, Мартин отвлекся на очередную компьютерную игру, а я начала изучать копию приложения к договору найма, которую всегда носила в своей сумке со всеми необходимыми копиями важных документов, словно чувствуя, что они могут пригодиться в любой момент — вдруг я уже через час буду писать заявление по собственному желанию и рыдать словно Бэтти?.

В дополнении к договору говорилось, что в моё распоряжение поступает хэтчбек BMW 1-series, которым я могу пользоваться исключительно в рабочее время и исключительно в рабочих целях. Полный техосмотр и обслуживание автомобиля остается за владельцем — Роландом Брайаном Олдриджем. На всякий случай отдельно была вынесена пометка: **автомобиль застрахован с декабря 20** года*. То есть если я её поцарапаю или помну, или, например, размножу на миниатюрные запчасти — с меня не вычтут. Очень мило. Вот только за рулем я в последний раз находилась в то смутное время, когда у папы еще была машина, а племянники всё еще находились в животе у Линды. Так что я прочла приложение к договору скорее из любопытства, нежели из желания воспользоваться «плюшками», как выразился Рик.

Кажется, я начинала понимать тех мамочек, которые громко ругаются со своими малолетними детьми в общественном транспорте. Раньше я недоумевала, как можно повышать голос на маленького человека, который еще не успел понять, что размазывать слюни по окну маршрутки — непростительное кощунство. Особенно непростительное со стороны родной матери. Особенно если твоя мать забыла снять последнюю папильотку с затылка.

Когда Мартин заявил, что желает пойти погулять в палисаднике за главным домом, сначала у меня заныла нога, явно вспомнив, откуда именно прилетел злосчастный ушиб, но я решила воспринять это предложение без лишних проблем с моей стороны, так как сама была не прочь подставить своё бледное лицо под ласковые лучи весеннего солнышка. Однако когда мальчишка отобрал у садовника Якоба кусторез и обрезал им шланг для поливки крокусов, всё снова пошло наперекосяк. Прежде чем Якоб догнал хихикающего Мартина, а я выхватила из его рук острый кусторез, мальчишка умудрился вырезать целую клумбу солнечных эрантисов, напоминающих миниатюрных танцовщиц хулы. В итоге Мартин, лежа на газоне, закатывался от смеха, а я с Якобом растерянно смотрели друг на друга, видимо одновременно думая о том, с чьей именно зарплаты взыщут за испорченный шланг и искореженную клумбу.

— Наверное, у тебя большая семья, — обратился ко мне Мартин за полчаса до прихода Доротеи.

— С чего ты взял?

— У таких тупиц, как ты, всегда большие семьи. Наверное, большие семьи даются тупицам кармой, чтобы они смогли выжить и не умереть от первого же падения на садовый камень. Ставлю десятку на то, что в прошлой жизни ты была садовым гномом. Ты как раз напоминаешь мне одного из тех гномов, которых я случайно разбил в марте. Возможно ты — это гномье наказание мне, за их разбитых сородичей, — и вправду поверив в своё предположение, вздернул брови Мартин. Иногда дети умеют так драматизировать, что невольно сами начинают верить в свои выдуманные истории.

— Выходит ты — наказание мне за сломанный ноготь старшей сестры, палец которой я прищемила кухонной дверцей.

— Значит, у тебя всё-таки есть сестра. Наверняка она умнее и красивее тебя, и ты чувствуешь себя серой мышкой на фоне нее, из-за чего вы постоянно ссоритесь. Это хорошо, что у меня только Роланд...

И тут я поняла, что мальчику не хватает семьи. От Доротеи я узнала о том, что Роланд практически все свои вечера проводит с братом, что я считала немного странным для молодого человека со столь большим статусом, внушительным богатством и притягательной внешностью. Хотя, может он жаворонок и с девицами кувыркается исключительно по утрам?

— Добрый вечер, — улыбаясь, вошла в гостиную Доротея, после чего Мартин, не удосужившись даже поздороваться, скрылся в своей спальне.

— Вы сегодня рано.

— Просто забыла о том, что мои наручные часы шалят. Нужно будет как-нибудь собраться и отнести их в ремонт.

— Как прошло воскресенье? — поинтересовалась я, отправившись на кухню за собеседницей, которая взмахом руки дала понять, что хочет со мной уединиться. Я же была не прочь поболтать с единственным добродушным человеком в этом доме, тем более до конца моей смены оставалось чуть меньше получаса.

— Замечательно, — ответила Доротея на мой вопрос, после чего на меня нахлынула волна белой зависти. Она ведь все выходные провела с Мартином!

— Как замечательно? — не поверив своим ушам, переспросила я.

— Вот так вот, замечательно. С утра Мартин хотел запускать воздушного змея, но погода была дождливой, так что мы играли в шашки. Мальчик сердился от того, что я не могла его выиграть и вскоре мы закончили игру... Он вообще со мной отказывается общаться, что меня немного удручает, однако он совершенно не создает мне проблем. Ведет себя тихо и сознательно: читает книги, сидит за компьютером, собирает конструктор.

«Удручает то, что он молчит и тихо делает свои детские дела?! Отдала бы половину заработка за подобное счастье!» — Мысленно раздосадовалась я.

— Самое интересное произошло в обед, — неожиданно тихо произнесла женщина, наклонившись ко мне через стол, — когда пришла Кэрол.

— Кэрол? Это та блондинка, которая нас беседовала? — спросила я и сразу же, по выражению лица Доротеи, поняла, что должна была задать свой вопрос тише.

— Нехорошо громко обсуждать личную жизнь работодателя, — заметила женщина, а я в свою очередь подумала о том, что вообще в принципе плохо обсуждать чью-либо жизнь. — Да, это та блондинка, — шепотом продолжила Доротея. — Оказывается, она — побочная дочь Кевина Вуда!

Я ничего не знала о том, кто такой Кевин Вуд, что, видимо, было написано у меня на лбу, отчего Доротея решила мне пояснить:

— Он хозяин одной из крупнейших в Англии фабрики по производству мраморной плитки, а его нынешняя жена, между прочим являющаяся пятой по счету, возглавляет какой-то популярный журнал о моде, название которого я не запомнила, так как не читаю подобного. В сумме у него пять дочерей и один сын, но ни одного ребенка от нынешней жены, хотя они состоят в браке уже четыре года. Представляешь, старику семьдесят, а его нынешняя жена младше него ровно на три десятка! — отвлеклась Доротея и я уже ожидала осуждений вроде: «На что способны женщины ради денег», как вдруг она совершенно неожиданно выдала. — Каков мужчина! Семьдесят, а он всё еще силен.

Я чуть не прослезилась от замечания этой любопытной женщины.

— Так вот, дом отца Кэрол расположен на противоположной стороне этой улицы. Со слов прислуг, девушка, под предлогом присмотра за отцовским домом, частенько приезжает сюда из столицы, но вся загвоздка заключается в том, что старик уже лет пять не живет в Британии — он давно переехал в Бразилию и ему глубоко наплевать на здешние владения. И как ты думаешь, зачем Кэрол приезжает сюда? — вдруг поинтересовалась Доротея, словно ответ лежал на поверхности. — Хочет заполучить старшего из наших братьев! — резко заключила женщина и я непроизвольно попыталась вспомнить, когда именно братья Олдриджи стали «нашими».

— Ммм, — только и смогла протянуть я, всё еще пытаюсь понять, в чем суть вопроса.

— И как тебе это нравится?

— Ну, они бы неплохо смотрелись, — задумчиво ответила я, вспоминая, как элегантная блондинка выглядела рядом с Роландом в день нашего знакомства.

— Неплохо бы смотрелись?! — очевидно не поддерживая моего умозаключения, переспросила Доротея. — Они бы вообще никак не смотрелись! Во-первых — ей уже почти тридцать, а Роланду всего лишь двадцать шесть (по видимому Доротея была из тех женщин, которые считали разницу в возрасте достаточной причиной для окончания еще даже не успевших начаться отношений, хотя при этом она совершенно иначе отреагировала на разницу семидесятилетнего старикашки с сорокалетней бизнесвумен), во-вторых — она выше нашего Роланда на целых два дюйма (как же резало уши это странное слово «наш»!) и в-третьих — у нее отвратительный характер. Между штатом прислуг ходят слухи, будто эти двое уже встречались в студенческом прошлом и теперь блондинка хочет возобновить эти отношения. Только представь её хозяйкой этого дома. Представь «её» хозяйкой Роланда! Бедный мальчик, — хлопнула в ладоши искренне обеспокоенная женщина.

После длительного монолога Доротеи меня мучали следующие вопросы:

А) Откуда служебный персонал так хорошо осведомлен о личной жизни Роланда?

Б) Когда Доротея успела так сблизиться с этим самым персоналом?

В) Как давно она стала испытывать материнский инстинкт по отношению к работодателю?

Г) РОЛАНД ОЛДРИДЖ — БЕДНЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК??? БЕДНЕНЬКИЙ?! МАЛЬЧИК?!

Из-за подобного утверждения у меня едва не начался истерический смех, который, по обыкновению, в моем исполнении зачастую заканчивался слезами. Однако на сей раз я смогла себя сдержать, ограничившись лишь глухим хихиканьем. Если Роланд — мальчик, тогда я — девочка, если он — бедненький, тогда я вообще нищенка. Но я не хотела вдаваться в подробности моих умозаключений, поэтому решила поинтересоваться хоть чем-нибудь в тему, чтобы не выглядеть грубиянкой:

— С чего Вы взяли, что она метит в невесты?

— Она трижды на прошлой неделе ужинала с нами, а в воскресенье Роланд ужинал у нее!

Впервые я уходила из поместья Олдриджей с приподнятым настроением. Меня откровенно веселила та забота, с которой Доротея говорила о своем нанимателе. По её словам, перед ней был маленький мальчик, который еще совершенно ничего не смыслит в жизни. Впрочем, у нее вроде как была дочь, которая была намного старше Роланда, так что неудивительно, что Доротея смотрит на него сквозь розовые очки.

Всё еще широко улыбаясь (у меня даже щеки порозовели от хорошего настроения и слишком хорошего отопления), я уже надевала ботинки, когда вздрогнула от того, что обнаружила в десяти шагах от себя старшего Олдриджа. По-видимому, он давно наблюдал за мной, и наверняка со стороны я могла показаться ему глупо улыбающейся самой себе идиоткой.

— Добрый вечер, — поняв, что я его заметила, поздоровался Олдридж.

— Добрый вечер, — отозвалась я, слегка приподняв голову, и в этот момент в дверь раздался звонок. Джонатан молниеносно вылетел из соседней гостиной и направился к двери.

— Вы сегодня улыбаетесь, — заметил Роланд, с любопытством рассматривая мою фигуру. Я была уверена в том, что на его фоне выгляжу ужасно и, почему-то, это веселило меня еще сильнее. Он стоял передо мной в идеально подобранном гардеробе от Армани: черная рубашка, брюки и туфли, на правой руке шикарные коллекционные часы, которые наверняка стоят не менее пары тысяч долларов. От него пахло лучшим мужским одеколоном, его волосы, не затронутые страшно-модными прическами, были уложены достаточно ровно, но при этом создавалось впечатление, словно он до них сегодня дотрагивался только утром, и-то из-за острой необходимости почесать затылок. Я же стояла перед ним в скромном плаще пятилетней давности, который до сих пор существовал лишь за счет маминых внутренних стежков, в обыкновенных темных джинсах и купленных прошлой весной ботинках, которые я рассчитывала пронести еще минимум три сезона, прежде чем они успеют расклеиться. Волосы же у меня были далеко не искусно распущены, и пахло от меня только мной — никаких духов или туалетной воды, которая закончилась у меня еще три недели назад, благодаря стараниям трудолюбивых сестер.

Интересно, если бы я случайно разбила его часы, он бы принял в качестве расплаты мою почку? Подумав об этом, я улыбнулась сама себе, но так как в этот момент я смотрела на него, он принял мою улыбку на свой счет и из вежливости решил улыбнуться в ответ.

— Просто неплохое настроение, — пояснила я.

— Какая древность, — раздался высокомерный женский голос за моей спиной и я, приняв подобное замечание на свой счет, не прекращая улыбаться, обернулась на входную дверь. — Роланд, ты решил украсить свой палисадник раритетным велосипедом? И сколько же он стоил? Хочу себе такой же.

— Это транспортное средство принадлежит новой няни Мартина, — заметил Джонатан, имея в виду Доротею, параллельно помогая Кэрол снять шикарный плащ от Барбери.

— А, так это Ваш, — обратилась блондинка ко мне, после чего её внимание к «раритетной» вещице резко упало. — Очень... Мило.

«Точно милее Ваших новых сисек», — хотела заметить я, но решила не терять рабочее

место из-за силикона, который принадлежал даже не мне. Я была уверена в том, что блондинка увеличила себе грудь хирургическим путем — на собеседовании её сиськи выглядели как две новогодние мандаринки. Роланд точно должен был оценить старания этой девушки!

Из-за мыслей о мандаринах я снова улыбнулась.

— Желаю вам приятного вечера, — обратилась я сразу ко всем присутствующим, после чего самостоятельно открыла себе дверь, не дав Джонатану даже шанса добраться до дверной ручки быстрее меня.

— Да-да, — хмыкнула блондинка.

— До завтра, — каким-то странно-вкрадчивым тоном отозвался Олдридж, но я уже не видела его лица, так что не могу предположить, о чем он думал в момент своего ответа.

* * *

На ужин у нас был рис с тушеной фасолью. Конечно не пир, но и не худший вариант. Худший вариант ожидал нас через пару дней, когда денег ни у кого из семьи не останется, а до ближайшей зарплаты, коей являлась зарплата Эмилии, необходимо будет протянуть еще девять дней.

— Всё потому, что у нас адвокатша, а у этой Джудит хренов адвокат, — заключил отец, прожевывая разварившийся рис.

— Дерек! — возмутилась мама.

— А дедушка сказал «хренов», — своевременно заметил Дин.

— Я же просила не выражаться при детях.

— Нет, серьезно, она совершенно не смыслит в своем деле. Ведь она адвокат, а не ветеринар, если я не ошибаюсь? Вроде как пытается защищать наши права, а отвлекается на то, чтобы заглянуть нам в рот. Точнее в карманы. Вытрясла всё до гроша и еще просит. Если хорошенько подумать, её саму можно судить, за безответственное отношение к собственной работе, вследствие чего, в буквальном смысле этого слова, страдают её же клиенты — обычные люди, имеющие несчастье связаться с этой особой. Я вам говорю, если бы она была мужиком — всё было бы в порядке.

— После данного монолога тебя самого могли бы привлечь к ответственности яркие представительницы феминизма, — заметила Эмилия.

— Хорошо, что в нашей семье никто не страдает подобной фигней, — жизнеутверждающе заметил отец.

— А дедушка сказал «фигня», — заметил Дин, бесцельно гоняющий по тарелки отдельные рисинки.

— Дерек! — возмутилась мама. — Дин, перестань повторять за дедушкой всякое безобразие и начни, наконец, есть этот рис, будь он неладен, а не лепить из него замки.

— Я, например, феминистка, — вдруг заявила Эми, — просто не ярко выраженная.

— Ты сама по себе не ярко выраженная, — в точку заметила Тэмми. — Не ярко выраженная феминистка, вегетарианка, сестра. Ты в любой момент можешь быть кем угодно или не быть никем.

— Зато я не страдаю сдвигами крыши, и проблем в отношениях с парнями у меня нет, — язвительно огрызнулась Эми, на справедливое замечание сестры. Эмилия всегда

жалила сестру в самое больное место, тем самым пытаясь её унижить.

— Конечно нет. Кроме одной, — вступилась за сестру я, намекая на невозможность Эмилии зачать ребенка. После моего замечания, Эми бросила вилку и резко встала из-за стола, явно давая понять, что она колоссально оскорблена. Так было всегда — Эми ударяла Тэмми во всё еще кровоточащую рану, но никто, даже сама Тэмми, не смел ткнуть носом Эмилию в её собственную боль. Никто кроме меня. Всякий раз, когда старшая сестра переходила рамки дозволенного, Тэмми замыкалась в себе, а отпор за нее давала именно я.

Эмилия ушла из-за стола «красиво», но никто за столом не упрекнул меня за сказанные мной слова, по-видимому прекрасно осознавая, что я права. Только мама с укором посмотрела на меня, как собственно делала всегда в подобных ситуациях, а Тэмми снова замкнулась в себе. Не представляю, как бедняга умудрялась выживать без меня в этом доме.

С наступлением солнечных дней в «самурайском» внутреннем дворике, соединяющем поместье и дом, в котором я работала, развесили подвесные вазоны с пеларгонией, которая только начинала зацветать красивым, малиново-алым цветом. В горшках, расположенных по углам двора, уже расцветали первые, бледно-розовые тюльпаны, а плющ на перилах, отделяющих деревянные дорожки от газона, зазеленел буквально за двое теплых суток.

Якоб, шестидесятилетний садовник, неплохо справлялся со своей работой. В один из солнечных апрельских полдней, я помогла ему установить по центру внутреннего дворика небольшой, деревянный, садовый столик и тройку шезлонгов, входящих к нему в комплект.

С наступлением мая, всё своё свободное время, которое в основном выпадало до часа дня, когда Мартин был занят учёбой, я теперь проводила не в кресле-качалке у камина, а в цветущем и пахнущем внутреннем дворе. С утра здесь было достаточно прохладно, поэтому я ютилась в его крайнем правом углу, который к половине десятого уже был залит теплыми лучами майского солнышка. К полудню же солнечный свет разрастался почти на всю территорию двора.

Я никогда не боялась, что меня здесь кто-нибудь заметит, хотя именно этот двор соединял главный особняк с домиком Мартина. Джонатан, как и весь штат прислуг, обитал в особняке, и даже если бы он застал меня валяющейся на шезлонге, мирно читающей какой-то невероятно дорогой глянцевоый журнал, который могли себе позволить выписывать лишь жители Б***-стрит, я бы не смутилась, так как проводила здесь своё время только после того, как все мои обязанности были ответственно исполнены.

Что же касается Роланда — он еще ни разу не приходил в маленький дом (за исключением того раза, когда Мартин порезал себе палец). Парень был явно не из тех работодателей, которые проверяют мельчайшую работу своих сотрудников. Он даже не хотел у меня просто поинтересоваться, как идут наши дела с Мартином (а наши дела с Мартином вообще никак и никуда не шли — они стояли). Так что я не боялась встретиться здесь с Олдриджем. Обычно приближающиеся шаги принадлежали только одному человеку — Рик приходил оповестить меня о конце своего персонального элизиума и начале чистилища для меня, по итогам которого, завтра я снова окажусь на этом же месте, в это же время. Замкнутый круг, разрываемый только выходными.

Мы с Доротеей решили, что по выходным работать будет она, так как:

А) У нее с Мартином были более терпимые отношения, нежели у меня.

Б) Деньги ей требовались не меньше моего, но часов работы в будние дни ей выпадало меньше.

В) Большую часть выходных Роланд проводил с Мартином вне поместья.

Г) С меня было достаточно и той апрельской субботы, которая выпала из моей жизни вместе с одним седым волосом.

В прошедшую субботу состоялась первая встреча Джудит Фейн с двойняшками. Мама всё утро злобно замешивала тесто, пытаясь хоть как-то усмирить свой пыл. Когда же Джудит с судебным приставом оказалась на пороге нашего дома, я сначала всерьез подумала, будто маму схватил сильный спазм, но оказалось, что это она всего лишь попыталась улыбнуться. Встреча была более чем просто холодной — она была ледяной. Всё происходило в гостиной: моложавый судебный пристав сидел на кресле; Джудит пыталась изображать нежные

чувства, глядя детей по головам; дети не понимали, чего хочет от них эта странная женщина — у них уже есть две бабушки; старшее поколение стояло на входе в гостиную и, скрестив руки на груди, наблюдало за происходящим; Эмилия, не выдержав нервного напряжения в доме, еще до прихода нежеланных гостей отправилась к Эмметту; Тэмми замкнулась в себе и заперлась в своей спальне; я, заплетя высокий хвост на макушке, сидела на своем месте за столом и искоса наблюдала за происходящим, попивая остывший чай.

Нелепое свидание продлилась всего сорок пять минут, хотя на законных основаниях могло длиться целых два часа. По-видимому, это мучение закончилось столь быстро из-за того, что в итоге женщина так и не смогла выйти на контакт с замкнувшимися в себе детьми. После ухода ненавистных гостей, отец начал вслух говорить такие слова как: «хрень», «фигня», «маразматичка» (в последние дни конкретно это слово в нашей семье стало звучать несколько раз на дню) и прочие неправильные слова, поэтому мама отвела детей наверх и оставила их с тётёй Тэмми, которая всё еще не отошла от стресса. Суббота была полностью испорчена, но, к сожалению, это была не единственная испорченная суббота в нашей семье. На следующей неделе всё повторилось снова, только на сей раз Джудит задержалась на нашем диване на целый час и пятнадцать минут (после ухода этой женщины мама трижды пылесосила мягкий угол, чтобы окончательно стереть запах своей соперницы, хотя и выглядело это со стороны совершенно нелепо). И вот до очередного слушания, как и до моего выходного, оставалось меньше двадцати четырех часов.

День был настолько тёплым, что я могла себе позволить расхаживать по внутреннему двору в одной футболке и сильно рваных джинсах — перед выходом на работу обнаружилось, что бабушка закинула в стиральную машину все мои штаны, кроме тех, которые она хотела подлатать. Перед уходом на работу Эмилия заперла свой шкаф, как делала это всякий раз, выходя из своей спальни, так что её штаны взять было невозможно, а штаны Тэмми не подошли мне по росту — оказались СЛИШКОМ низкие в талии, из-за чего на мне выглядели еще более откровенно, нежели драные джинсы. В итоге я наплевала на то, что рваные, дешевые джинсы — это слишком вульгарно для элитного дома. В конце концов, не в мокрых же штанах или в маминой старой юбке мне идти на работу!

И как назло, именно сегодня, на входе я столкнулась сразу со всеми: с Джонатаном, с которым, впрочем, вижу ежедневно, с кухаркой, садовником, горничной и Роландом. Олдридж, по словам Джонатана, как раз только что вернулся с какого-то важного совещания. Роланд был весь в брендах (не зря начиталась в этом доме глянцевого журнала о моде): туфли от Прада, одежда от Дольче Габбана, швейцарские часы от Ролекс, духи от Версаче и разговаривал он как раз по последней модели айфона. На мне же были носки от прошлого сезона, футболка от старшей сестры, штаны, спасенные от бабушки, пахла я дешёвым ополаскивателем белья, а телефон у меня был, из-за недавнего падения, с отличным 3D эффектом треснутого экрана. Я выглядела как среднестатистическая девушка — не хуже и не лучше многих, но на фоне Олдриджа постоянно чувствовала себя настоящей оборванкой, отчего и старалась как можно реже пересекаться со своим нанимателем (берегла остатки самоуважения).

До тех пор, как Роланд меня увидел, он активно говорил по телефону, рассказывая кому-то подробности только что удачно подписанного контракта, но как только его взгляд «врезался» в меня, он в буквальном смысле завис. Я шла по коридору, в сторону своего рабочего домика, и Олдридж как раз стоял у меня на пути, поэтому мне пришлось тоже остановиться. Не стесняясь, он начал рассматривать меня с ног до головы, словно забыв

слушать собеседника, что-то радостно кричащего ему в ухо. Постепенно поднимая взгляд от моих носок (я нервно пошевелила пальцами ног, проверяя, нет ли на них предательских дыр) он, наконец, дошел до моего лица, после чего наши взгляды пересеклись. В этот момент я почувствовала себя так, как чувствует себя голый человек, стоя перед одетым. У меня было смутное ощущение того, что только что Олдридж раздел меня своим пристальным взглядом, отчего я почти наверняка начинала краснеть. Мысленно сравнив свои натуральные формы с искусственными формами Кэрол, я пришла к выводу, что не только моя одежда разочаровала Роланда, но и моё тело без неё. Придя к такому выводу, я сразу же вспомнила слова Тэмми, которые она адресовала мне еще в подростковом возрасте: *«Ты тот самый Шерлок, который от своих разгадок еще и пореветь может»*.

Мы с Олдриджем, наверное, с минуту молча смотрели друг другу в глаза, отчего я в определенный момент почувствовала себя провинившимся котом, порвавшим тапки своего хозяина. Не выдыхая, я, наконец, попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то разрядить нарастающее напряжение.

— Глория, если Вы будете ходить на работу в этих штанах, — вдруг начал Роланд, не отнимая телефона от своего уха, и я почему-то сразу подумала, что он сейчас скажет что-то вроде: «Тогда у меня случится инфаркт до моего тридцатилетия», но он продолжил другими словами, — тогда обещаю Вам льготы.

В ответ на его слова я растерянно улыбнулась. Что он имеет в виду?

— Я серьезно. Приходите в рваном — Вам очень идет. Взамен же требуйте у меня повысить Вам ставку или, если Мартин вдруг сломает руку, когда Вы будете в этих джинсах, я обещаю, что Вам всё сойдет с рук, — с абсолютно серьезным видом произнес он, после чего, прижав отстраненный мобильный к уху, продолжил своё передвижение по дому. Он говорил такие смешные вещи и так серьезно, что я не знала, радоваться или краснеть от стыда за собственный вид. Как законченный Шерлок, я пришла к выводу, что мои рваные джинсы его изрядно веселят и их вид действительно сделает его более лояльным ко мне, если Мартин вдруг реально умудрится сломать себе руку. Последующий час я была уверена в том, что эти штаны принесут мне удачу и, если я начну в них спать — мне будут сниться исключительно радужные пони.

В субботу, после очередного слушания в городском суде, мама лежала пластом на кровати, даже не сняв с себя свой старенький терракотовый костюм. Бабушка напоила её, отца, деда и себя настойкой валерьяны, после чего отправилась лежать к себе в спальню. На суде, в защиту нашего оппонента, выступил судебный пристав, дважды сопровождающий Джудит во время её свиданий с двойняшками. В основном он говорил только о том, что «обстановка в доме неблагоприятно влияет на контакт истца с внуками». Всё закончилось тем, что адвокат маразматички отвоевал право встречи Джудит с детьми без присмотра со стороны нашей семьи, до окончательного решения суда. Это означало, что двойняшки, каждую субботу с одиннадцати до часа дня будут проводить время со своей новой бабушкой, что значило для нас ровным счетом следующее: дети будут неизвестно где и неизвестно с кем. Они на целых два часа будут выпадать из нашего поля зрения. Это был сильный удар.

С этого момента в доме повисло что-то душашее, как в те дни, когда семья еще не свыклась с потерей Дэниела и Линды. Впервые мы так остро почувствовали, что детей у нас и вправду могут забрать, и произойти это может в ближайшее время — следующее слушание было назначено на середину июня.

* * *

Наконец пришло время зарплаты. К моему огромному удивлению, с меня не вычли разбитую Мартином вазу и еще доплатили за ту субботу, во время которой я заработала себе ушиб правой ноги. В итоге так много денег в наш дом не приносил еще никто. Первым делом мы купили гуся, вторым заплатили за коммунальные услуги, третьим раздали некоторые из многочисленных долгов, а оставшиеся несколько фунтов отложили на нового адвоката, на которого сейчас не хватило бы, даже если бы мы не заплатили за свет и воду.

За всё время работы в поместье у Олдриджа я сблизилась с двумя людьми — Риком и Доротеей. Олдридж продлил Доротее рабочее время и теперь с девяти до четырех я была наедине с Мартином, с четырех до шести ко мне присоединялась Доротея, а после шести я оставляла её наедине с мальчишкой.

Сегодня же я весь день занималась лишь тремя вещами — удаляла канцелярский клей с плитки в ванной, выживала легионеры из туалетного бачка и пыталась отремонтировать сломанную Мартином швабру (к слову, у меня это в итоге так и не удалось).

— Пошли гулять, — неожиданно предложил Мартин.

— Мы только что вернулись из палисадника.

— Тупица, — тяжело вздохнул Мартин. — Мы пойдем гулять по Б***-стрит.

На «тупицу» я больше не обращала никакого внимания. Кажется, мальчик попросту забыл моё имя, напоминать же ему о нём было совершенно бесполезно — снова забудет. За прошедший месяц мы с ним ни разу не выходили за пределы территории поместья, но вспомнив слова Рика о досуге, я была уверена в том, что никаких препятствий тому нет.

— Отправимся в конец улицы, — заявил мальчик, как только мы вышли из дома.

— Окей, — согласилась я, вытянув подбородок вперед, чтобы вдохнуть свежий аромат цветущего рядом сада, который я каждый день проходила, идя на работу и возвращаясь

домой. Отсюда, из-за высоких дорогих особняков, его не было видно, но я знала, что он там, за поворотом справа, из которого я появляюсь на этой улице каждый будний день.

— Знаешь, почему ты мне не нравишься? — неустанно бормотал Мартин. — Ты такая же, как все. Я имею в виду, что ты посредственная. Ничего интересного в твоём существовании нет — ты пресмыкаешься, тебе за это платят деньги и тебя всё устраивает. Как нормального человека может такое устраивать? Это из-за того, что ты безвольная...

Я давно перестала слушать треп мальчишки, запрокинув голову и смотря на лучи уходящего солнца, окрашивающие разорванные облака в розоватый оттенок.

Улица оказалась длиннее, чем я предполагала. Мы прошли около трехсот метров от «моего» поворота и нам оставалось еще примерно столько же, когда я заметила в конце улицы две мужские фигуры, одна из которых была мне знакома, а вторая принадлежала скрюченному старику.

— Это Роланд, он ходил к коллеге по бизнесу, — обрадовался Мартин и окликнул брата, сложив руки в трубочку у рта. По-видимому, Мартин специально вытаскил меня на прогулку, в надежде встретить брата. Роланд сразу же заметил нас и размашисто помахал нам правой рукой. Инстинктивно я чуть не ответила ему взаимностью, но вовремя опомнилась и, в итоге, рукой помахал Мартин. Мальчик слегка ускорил шаг, явно радуясь появившемуся на горизонте брату, как вдруг его кто-то окликнул из двора особняка, расположенного справа. Спустя несколько секунд перед нами возник рыжий мальчик, с веснушками на носу, который был чуть старше Мартина, но значительно крупнее его.

— Гуляешь с нянькой, — ухмыльнулся незнакомый мальчишка, и я сразу поняла, что он не является другом Мартина.

— Она мне не нянька, — взъерошился Мартин, — она всего лишь прислуга брата.

— Нет, я слышал как ты называл её нянькой и тупицей, — не отставал мальчишка и я поняла, что намечается стычка. В этот момент, боковым зрением я заметила, что Роланд уже сдвинулся в нашу сторону.

— Так Вы нянька или тупица? — дерзко обратился ко мне незнакомый мальчишка и сразу же добавил. — Пожалуй, и то, и другое. Только тупица может подтирать сопли детям.

— Не называй её тупицей! — буквально взъелся Мартин, что было для меня неожиданным поворотом. Видимо у моего подопечного было ярко выражено чувство собственности, отчего он всерьез считал, что тупицей меня вправе называть только он один и никто больше. Ну, разве что еще его брат. Ведь Мартин был от него без ума и наверняка бы пришел в восторг, если бы старшенький воспользовался его словечком в мою сторону.

— Мартин, пошли отсюда, — начала отгаскивать мальчика за левую руку я, боковым зрением видя, что Роланд не успеет дойти до нас до начала намечающейся стычки.

— Тебя тащат, как телянку, — задался смехом рыжий. В этот момент Мартин не выдержал и, вырвав свою руку из моей хватки, подошел к обидчику вплотную.

— Твоя мама — бывшая стриптизерша, — обратившись к задире, вдруг выдал мой подопечный, заставив меня буквально застыть на месте. От злости у оппонента в секунду лицо залилось краской. Роланд был всё еще далеко, но уже наверняка начинал подозревать неладное. Оценивая сложившуюся критическую ситуацию, я краем уха слышала за своей спиной мотор автомобиля, приближающегося к нам на слишком большой для Б***-стрит скорости, отчего по моему телу пробежали мурашки (или они пробежали из-за сверкнувшего взгляда хулигана). Неожиданно обидчик Мартина прокричал:

— Бургес, фас!

Сначала я не поняла значения его слов, пока не увидела мчащегося из палисадника прямо на Мартина, огромного черного добермана. В последнюю секунду, когда собака чуть не вцепилась в бедро моего подопечного, я успела сунуть свою ногу между псом и мальчиком, и в итоге пес вгрызся в мою многострадальную, правую ногу. Я еще не успела осознать боль, когда разозлившийся рыжий мальчишка громко прокричал «тупица!» и изо всех сил врезался мне в живот. Только в этот момент собака выпустила меня из своей хватки, отчего я сразу же почувствовала острую боль в правой голени, после чего поняла, что падаю навзничь. Через растрепанные волосы я заметила, что Роланд Олдридж бежит в нашу сторону, как вдруг нечто справа от меня издало дикий скрежет, после чего нечто твердое ударило в мой правый бок. Кажется, меня что-то оттолкнуло вперед, после чего я трижды перекаталась по асфальту. Последнее, что я видела — бампер красного шевроле.

Я проснулась в неприятно ярко освещенном помещении и сразу же услышала знакомый голос:

— Неваляшка очнулась.

Уже спустя секунду, я увидела над собой рассерженное лицо Мартина:

— Ты не могла не вмешиваться, да? Теперь все будут считать меня трусом, и всё из-за глупости няньки!

У меня в голове звенела какая-то отскочившая от мозга пружинка, а во рту стоял металлический привкус крови — кажется, я прикусила щеку. Я почти сразу попыталась встать, но с ужасом поняла, что не могу свободно пошевелить шеей. От страха у меня округлились глаза, и как раз в этот момент надо мной возник Рик.

— Не шевелись, лежи тихо.

— Что со мной произошло? — хриплым голосом, испуганно спросила я, совершенно не в силах ничего вспомнить.

— Сын популярной бизнесвумен в сфере порнографии, натравил на тебя собаку, после чего вытолкнул на проезжую часть, где его мать успешно протаранила тебя своим автомобилем. Так как скорость машины была относительно небольшой, на тебе всего лишь несколько ушибов и ссадин, которые в основном пришлись на правую сторону — сторону столкновения с машиной. Врачи говорят, что ты родилась в рубашке, однако тебе всё равно придется проходить несколько дней с шейным бандажом. Еще доберман немного прикусил твою ногу, но рана, по идее, должна быстро затянуться и шрамов, вроде как, не должно остаться. Про легкое сотрясение мозга я уже говорил?

Без посторонней помощи, я смогла сесть на кушетке и, наконец, ощупать своё тело. Только теперь я поняла, что нахожусь в больнице. Правая сторона моего тела и вправду болела сильнее левой, но благодаря одежде на моей коже почти не осталось царапин. Определенный участок голени, в которую вгрызся доберман, был перемотан белоснежным бинтом и ныл не меньше, чем остальное тело. Самым неприятным из всего оказался шейный воротник. Он буквально контролировал мои движения, самостоятельно решая, с какого именно ракурса я буду смотреть на этот мир. Хорошо хоть лицо не пострадало — лишь на правом виске был едва заметный, уже обработанный ушиб, и на нижней губе справа образовался кровоподтек средних размеров, который наверняка будет проходить дольше остальных царапин.

Осмотрев себя с ног до головы, я, наконец, огляделась вокруг — небольшая больничная палата, с режущим глаза белым светом, исходящим от неоновых ламп.

Рик вышел за врачом, поэтому сейчас я была наедине с Мартином.

— Как я здесь оказалась? — нахмурилась я, снова заговорив с легкой хрипотцой в голосе.

— Брат тебя дотащил, — брезгливо сморщил нос Мартин. — Пока он укладывал твою тушку на заднее сиденье автомобиля, который тебя же и сбил, стриптизерша бегала вокруг нас на своих десятисантиметровых шпильках и что-то страстно причитала. Она довезла нас до больницы, после чего Роланд снова возился с твоим бессознательным телом, стараясь не задеть твоей тупой башкой ни одного косяка в этой поликлинике.

Закрыв глаза, я представила, как Олдридж тащит меня до ближайшей кушетки, и сразу

же поморщилась. Зрелище и вправду было неприятным — растрёпанные волосы, кровь, стекающая от виска до подбородка, висящие в разные стороны руки. Наверное, ему теперь придется сутки обрабатываться от, вьёвшегося в его ароматное тело, дешевого запаха меня.

Спустя минуту, вслед за Риком в палату вошел доктор. Он аккуратными движениями осмотрел мои ребра и лицо, проверил зрачковый рефлекс, подвижность суставов и пришел к выводу, что я вполне могу находиться на домашнем лечении, после чего выписал мне больничный лист на неделю.

— Неделю без те-ебя-а-а, — хитро ухмыльнулась я Мартину, на что он раздраженно хмыкнул.

На выходе из больницы нас уже ожидал Джонатан. Рик сказал ему, что самостоятельно отвезет меня домой, поэтому в автомобиль Джонатана сел только Мартин. Я хотела возразить Рику, чтобы лишний раз не напрягать его, но он был настойчивее моего папы, когда тот жаждал посмотреть скачки. Уже подъезжая к дому, я представила, что именно сейчас начнется, и закрыла глаза от предвкушения: бабушка с дедом примутся глотать настойку из валерианы, отец начнет говорить слово «хрень» и дети весело будут за ним повторять, пока не начнут тыкать в мои самые больные места пальцами, мама примется причитать, Эмилия будет рассуждать о моей неуклюжести, а Тэмми либо впадет в панику, либо уйдет в себя от испуга. Да, пожалуй, только поведение Тэмми для меня было не очевидным.

— Я доведу тебя до дома, — констатировал Рик и, прежде чем я успела отказаться, он уже открывал мне дверцу.

Доковыливая до порога, я уже слышала знакомые быстрые шаги мамы по ту сторону двери и видела любопытствующие лица детей, буквально прилипнувших к окну гостиной.

— Что с тобой?! — еще не успев до конца распахнуть дверь, выпалила мать.

— Ничего страшного. Я просто упала, — попыталась улыбнуться я, сквозь боль в правой ноге.

— Просто упала? — переспросил отец, возникший за маминым правым плечом.

— Пожалуй, это в её духе, — заметила Эмилия, высунувшаяся из-за левого маминого плеча. Зрелище было смехотворным. Казалось, будто за мамиными плечами находятся херувим и аполлион. Ну или мама была трехглавым драконом.

Только после замечания Эми, все резко перевели взгляд с меня на Рика, словно уже и забыв о моем существовании.

— Проходите-проходите, — поторопила нас мама и буквально втянула меня в дом, а за мной и Рика. — У нас как раз ужин готов.

Я была в легком шоке от развития событий, так как на тысячу процентов была уверена в том, что не горю желанием, чтобы Рик познакомился с моей родней и хотя бы краем глаза лицезрел нашу микроскопическую кухню со старой гостиной, пространство между которыми занимала столовая в виде одного, старого стола. Но родителей было уже не остановить.

— Мама, поставь на стол дополнительный прибор, — попросил отец бабушку, подталкивая Рика в гостиную. Все суетились, толкались, но в итоге благополучно усадили Рика во главе стола напротив папы, а меня, как единственную его знакомую, воткнули справа от него. Я была зла на то, что происходило, поэтому не сразу обратила внимание на то, что Рик по второму кругу всматривается в незнакомые лица, словно ища кого-то. Еле ворочая закованной в бандаж шей, я аккуратно осмотрелась по сторонам — вся семья была

в сборе, поэтому я решила, что мне всего лишь показалось. Через пять минут шума и суматохи, когда все, наконец, смогли совладать со своими нервами и усесться за стол, мама поинтересовалась у меня:

— Дорогая, ты не хочешь переодеться?

После кувырков по асфальту, моя тонкая толстовка была местами протертой до дыр и настолько пыльной, что её смело можно было выбивать хлопушкой. Но я не собиралась вставать со своего места, тем самым заставляя всех снова подниматься, чтобы выпустить меня из-за стола. Тем более, в таком состоянии мне предстояло возиться с переодеванием не меньше двадцати минут — за это время ужин уже закончится, а Рик поседет. Нет уж, лучше я останусь контролировать ситуацию.

— Где Тэмми? — вдруг тихо поинтересовался папа, и только после этого я заметила пустующее напротив меня место. Проклятая шейная шина мешала увидеть даже то, что находилось у меня перед носом. В итоге Дин отправился наверх за тётёй, а мама обратилась к Рику и я сразу же поняла, что если парню повезет — он покинет наш дом полуживым, если нет — тогда стоит с ним попрощаться заранее.

— Ваш мальчик очень мил, — улыбнулась мама Рику.

— Вы про Мартина? — вскинул брови Рик. — Оу, нет, он не мой. Я Рик Белл — его учитель. А Мартин мило себя ведет только с Роландом.

— Ой, — смутилась мама от всеобщей ошибки и все мгновенно заулыбались. — Мы приняли Вас за Роланда Олдриджа.

Да ладно! Серьезно?! Он совсем не похож! Хотя откуда моей семье это знать?

Давно я не чувствовала столь острого смятения. Последний раз я ощущала нечто подобное, когда Роланд застукал меня в своем поместье в рваных джинсах.

— Нет, я такой же служащий, как и Глория, — спокойно улыбнулся в ответ Рик и, в этот момент, в комнату вошла Тэмми. Её волосы, которые отросли чуть ниже плеч, были распущены и слегка взъерошены, что выдавало тот факт, что девушка только что уютно лежала на своей кровати. Она выглядела уставшей после работы — сезон туристов начался неделю назад, и теперь Тэмми почти каждый день выглядела замученной, после регулярной уборки чужого постельного белья — но одновременно весьма милой. Видимо Дин ничего не сказал ей про нашего гостя, поэтому она, без присущего ей смущения при посторонних, пролезла через поднявшихся из-за стола членов семьи и села на собственное место, слева от Рика, совершенно не обратив на него никакого внимания. Только заняв своё место за столом, сестра, наконец, посмотрела на меня и сразу же застыла от увиденного. Я же, не имея возможности пошевелить шеей, изо всех сил пыталась глазами указать сестре на Рика, но Тэмми не реагировала, явно оцепенев от моего внешнего вида. Родные гулко болтали между собой о каком-то новом налоге и в эту самую секунду никто на нас троих не обращал никакого внимания (да что там, все уже давно забыли и думать о моём плачевном состоянии! хотя, может даже и не начинали). Ситуация была очень смешной: я, как последняя идиотка, мигала глазами в сторону Рика, чтобы Тэмми наконец обратила на него своё внимание и поздоровалась с гостем, Рик смотрел на Тэмми и улыбался, словно ученый, увидевший ценную реликвию в виде моей сестры, а Тэмми ошарашенным взглядом уперлась в мой бандаж на шее.

— Глория, что с тобой? — полушепотом спросила она, слегка перегнувшись через стол.

— Да со мной всё отлично, — под общий гул семьи о налогах, ответила я. — Я просто неудачно упала, а так всё в порядке. Меня подвез Рик, — кивнула в сторону Рика я. Если это,

конечно, можно было назвать кивком.

Тэмми, наконец, оторвала от меня взгляд, после чего посмотрела на обычно пустующее место, на которое я старательно указывала взглядом и, увидев перед собой мужчину, слегка отстранилась от неожиданности.

— Рик Белл, — улыбаясь и протягивая руку Тэмми, назвал себя гость, — учитель подопечного Глории.

— Тэмми, — смутившись, ответила сестра и, что меня сильно удивило, пожала его руку. Обычно она сторонилась незнакомых мужчин и прежде чем протянуть незнакомцу свою руку, долго боролась с желанием сбежать, но на сей раз всё получилось почти непринужденно, отчего я с облегчением выдохнула. Хоть Тэмми сегодня и не подвела, мне всё еще было за что переживать. Например, за то, что Дин вдруг вспомнит о своей диарее и не начнет рассказывать о ней во весь голос.

— Тэмми, ты без проблем пожала руку неизвестному тебе молодому человеку, — вслух заметила Эмилия, отвлекшись от разговора с дедом, что сразу же заставило меня напрячься. Только язвительности со стороны Эми мне не хватало! — Хороший признак. Обычно ты шарахаешься мужчин, которые пытаются узнать у тебя который час.

— Эми, прекрати, — прошипела мама, но было слишком поздно, Тэмми уже опустила глаза в тарелку, что означало, что на контакт с окружающими она больше не собирается выходить.

— Значит, Вы учитель Мартина, — начал папа, обращаясь к Рику. — Как же Вы нашли это место?

— Очень просто. Мы с Роландом друзья по университету. После получения диплома бакалавра, Роланд ушел в свободное плавание, а я остался в Кембридже. По окончании магистратуры я хотел идти в аспирантуру, но по некоторым причинам отменил свое решение. В этот момент я случайно пересекся с Роландом, который, по стечению обстоятельств, искал преподавателя для своего младшего брата. В итоге я снял квартиру в этом городе, утром занимаюсь обучением Мартина, а со второй половины дня работаю над собственным проектом.

После волшебного слова «Кембридж», все присутствующие за столом мгновенно замолчали и только Дин продолжал панически икать. По-видимому, для семьи тот факт, что перед ними сидит не просто выпускник Кембриджа, но сам магистр, был стрелой в самое сердце. Для Рика было обычным делом рассказать кусочек из своей биографии — ничего особенного или сверхъестественного, но для нашей семьи Кембридж ассоциировался со словами «корона», «победа» и «успех». С минуты все молчали и это постепенно начинало напрягать. Все были шокированы ученостью Рика, я же только его возрастом. Выходит, что ему, как и Роланду, двадцать шесть, но при этом он выглядит на два-три года старше Олдриджа. Уйдя глубоко в свои размышления о возрасте Рика, я запоздало поняла, что его пора спасать. Молчание за столом затянулось настолько, что Рик выпрямился в струнку, смотря в выпученные глаза отца и явно прокручивая в мыслях только что сказанные собой слова, ища в них произвольную ошибку.

— Значит ты магистр, — невпопад ляпнула я, что выглядело еще более нелепо из-за неподвижности моей шеи.

— Ой, как это здорово, — заулыбалась мама.

— Мальчик умён, — пробубнил себе под нос дед, после чего встретил понимающий вздох от бабушки.

— Он что, болен? — поинтересовалась с детской непосредственностью Элис, явно не до конца понимая значения слова «магистр».

— А у меня понос, — вдруг ляпнул Дин, то ли из гордости, то ли из рано развитой мужской солидарности, и я сразу же захотела провалиться под землю. Рик из последних сил пытался сдержать свой смех, за что сейчас я была ему искренне благодарна.

— Дин, прекрати, — нахмурилась мама, после чего обратилась к Элис. — Нет, дорогая, магистр — это умный человек.

— Значит я магистр? — изогнув брови в удивлении, поинтересовалась девочка. — Бабушка сказала, что я весьма неглупая, только плохо управляемая.

— Ты тираннозавр, — вмешался Дин, брызнув смехом.

— Сам ты динозавр, — возмутилась Элис, и за столом снова начался хаос, наконец позволивший Рiku с облегчением выдохнуть и вернуться к своей картошке.

— А кем работают Ваши родители? — не унималась мама и, когда словила на себе мой неодобрительный взгляд, она, словно оправдываясь, красноречиво изогнула свою левую бровь: «А что я такого сказала?».

— Отец кардиохирург, а мать кандидат лингвистических наук.

И снова тишина.

— А братья или сёстра у Вас есть? — Поинтересовалась бабушка.

— Я единственный ребенок в семье.

— И где живут Ваши родители? — встрял отец.

— В основном в Лондоне.

— В основном? — не отставала папа.

— Иногда они проживают в Нью-Йорке, — ответил Рик, явно начиная подозревать, что говорит что-то совершенно из ряда вон выходящее. Наверное поэтому он сделал хитрый ход и решил перевести всё внимание с себя на собеседника. — А Вы чем занимаетесь?

И понеслось! Сначала Рик узнал все подробности того, как работают вальцовщики стана горячей прокатки, потом все прелести работы радиомеханика. Затем начался десятиминутный рассказ мамы о хлопотах домохозяйки, бабушка с дедушкой вдавались в подробности жизни среднестатистических пенсионеров Англии, Эмилия рассказывала о суровых буднях секретарши, а дети хвастались достижениями в садике. На вопрос же о том, чьи это дети, отец ответил, что старшего сына и хорошо, что как раз в этот момент Дин подавился морковным соком. Все отвлеклись на закашлявшегося и забрызгавшего стол ребенка, и забыли рассказать о тяжелой травме семьи.

Во время ужина я постоянно на кого-нибудь косилась и пыталась отдернуть неловкие моменты, например папино любимое слово «хрень» и дедушкины смешки по поводу застрявшей в зубах Эми зелени. Это было тяжелое застолье. Конкретно для меня.

Все уже давно отужинали, когда папа по новой начал рассказ о металлургическом заводе, на котором он трудился в годы своей молодости, и всё понеслось заново, словно хорошо заевшая пленка. И только Тэмми молчала. В момент же, когда все отвлеклись на чихнувшую недажеванной печенькой Элис, Рик вдруг обратился к нашей тихоне:

— А Вы чем занимаетесь?

У младшей сестры неожиданно загорелись глаза — к ней еще никто не обращался на Вы, тем более магистр! Я вдруг обрадовалась ожившей сестре, которая даже позволила себе скромно улыбнуться и готова уже была дать ответ, когда Эмилия всё испортила.

— Она у нас уборщица в местном отеле, — надменно произнесла старшая сестра.

— Не уборщица, а горничная, — с вызовом вступилась за младшую я.

— Какая разница, ведь это одно и то же, — снова потускнела Тэмми.

— Замечательная работа, — неожиданно произнес Рик, обращаясь к смотрящей в свою тарелку Тэмми. Сестра от удивления подняла на него взгляд. — Здесь есть несколько знаковых достопримечательностей, из-за чего этот городок весьма популярен среди туристов. Вы наверняка контактируете с людьми из разных стран.

— Да-да, — подхватила я, изо всех сил пытаюсь поддержать Тэмми. — Тэмми за прошедший год самостоятельно изучила испанский язык, лишь из-за знакомства с одной интересной особой из провинции Валенсии.

— Правда? — заинтересованно спросил Рик у Тэмми.

— *La sonrisa es la ilusión ideal. Nadie nunca sabrá, que es lo que realmente se esconde debajo de ella*^[10], — улыбнувшись произнесла Тэмми, словно пытаюсь доказать, что она не обманщица и на самом деле хорошо владеет языком.

— *Cree en ti mismo con tanta fuerza, que el mundo no pueda evitar creer en ti también*^[11], — неожиданно ответил Рик, и Тэмми сразу же порозовела от осознания того, что её поняли.

— О чем вы говорите? — не выдержала Эмилия.

— Вы тоже знаете испанский? — восхитился отец, обратившись к Рику.

— Чуть хуже, чем французский.

— Это восхитительно! Глория несколько лет углубленно занималась французским в университете, но так и не смогла достичь того уровня, которого в домашних условиях добилась Тэмми с испанским всего за год, — загордился своей младшей дочерью папа, а у меня в голове сразу же зазвучал довольный голос Мартина, констатирующий тот факт, что я действительно являюсь тупицей, отчего мне вдруг стало стыдно перед Риком за свои скромные успехи в французском. — Честно говоря, ни у кого в нашей семье нет такого одаренного разума, как у моей малютки Тэмми, — убедительно продолжал отец. — Вы бы видели, как она рисует!

— Папа, прекрати, — окончательно смущенная, Тэмми явно хотела провалиться под землю.

— Ой, кажется, мне нужно какать, — заявил Дин, и я поняла, что мой корабль самоуважения только что потерпел крушение. Как оказалось, Рик является другом Олдриджа, так что теперь мой работодатель узнает всю подноготную о моей семье и заставит Джонатана обрабатывать комнаты освежителем воздуха сразу после окончания каждого моего рабочего дня.

Глава 19

Самыми мучительными, после мелкого столкновения с машиной, для тела являются первые сутки, когда всю ночь спишь в неудобной позе, чтобы лишний раз не вызывать боли в определенных частях тела, а с утра не понимаешь, почему ты пингвин. Бандаж так сильно мне мешал, что уже на третий день я запротестовала и, вопреки протестам бабушки, освободила свою шею от удавки. Каждое утро и каждый вечер я обрабатывала синяки и мелкие царапины маминой настойкой, так что уже к концу недели у меня остался лишь один единственный шрам от укуса на ноге, который обещал исчезнуть минимум к концу месяца, и мелкая ссадина на нижней губе справа. Папа утверждал, что раны на мне всегда заживали как на собаке, но я скорее чувствовала себя кошкой, имеющей девять жизней за пазухой.

* * *

— Только не любезничайте с этой тётёй, — давала инструкции двойняшкам мама, параллельно причесывая короткие волосы Элис. Сегодня была первая суббота, во время которой Джудит без нашего присмотра проведет время с нашими детьми. Вся семья была как на иголках, а Эмилия даже выдвинула теорию, согласно которой двойняшки по ДНК принадлежат больше к семейству Пейдж, нежели Фейн, так как дети точно скопировали основные черты Пейджей, унаследовав шоколадный цвет волос, овальную форму лица и красивый тип пальцев. Они и вправду были больше похожи на Дэниела, нежели на белокурую Линду, однако они не переставали быть частью своей матери.

Ровно в одиннадцать часов в нашу дверь раздался короткий звонок, барахлящий уже вторую неделю к ряду. Дверь открыл папа, после чего мужественно передал двойняшек нашей новой родственнице, которую мы упорно отказывались признавать. На сей раз, мама была рада тому факту, что с Джудит пришел судебный пристав. Естественно он пришел, чтобы констатировать факт бесконфликтной передачи детей из рук в руки «на временное пользование», как выразился отец. Однако мама была убеждена в том, что он приставлен не к нам, а именно к Джудит, чтобы проследить за тем, что эта женщина не навредит детям и не будет их настраивать против нас.

Следующие полчаса мама металась на кухне, перемывая то, что было вымыто еще вчера вечером, папа молча читал утреннюю газету, сидя в своем кресле, Эмилия, Эмметт и Тэмми отправились за покупкой нового платья для Эми (Эмметт иногда баловал свою возлюбленную подобными штучками, а Тэмми любила наблюдать за примерками сестры, поэтому зачастую соглашалась пройтись с Эми по супермаркетам), а я с бабушкой и дедушкой смотрели повтор «Голос Британии».

Ровно в половину двенадцатого дверной звонок снова прохрипел и мама, громко кинув свою любимую кастрюлю в раковину, буквально бросилась к двери.

— Наверняка эта маразматичка уже успела что-то натворить, — разгоряченно выпалила взбудораженная женщина, и я сразу же побежала за ней, оставив на диване в гостиной стариков, не успевших отреагировать на произошедшее.

— Приве-е-ет! — улыбаясь до ушей, прокричала тётя Сэм, увешанная разнообразными дорожными сумками, после чего широко раскинула свои руки для объятий.

— Сэм, — растерянно выдохнула мама, после чего они обнялись.

— Как поживает моя дорогая племянница? — обратилась ко мне через плечо мамы тётя.

— Нормально, как она может поживать? — ответила за меня мама, затягивая в дом чемодан своей золотки.

— Иди сюда, я тебя обниму, — сказала Сэм, после чего стиснула меня в своих, по обыкновению сильных, объятьях. — Замуж еще не собираешься?

— Хотя бы одна из троих, так даже Эмилия всё никак не справиться с поставленной задачей, — выдохнул появившийся в коридоре отец.

— Бра-а-атец! Как ты? — сняв с себя многочисленные и, очевидно, нелегкие сумки, обняла отца Сэм.

Я уже говорила о том, что у дедушки с бабушкой кроме отца не было больше детей. Но так как эта семейная пара всегда мечтала о большой семье, они решили взять опеку над сиротой. Когда моему отцу было двенадцать, они удочерили семимесячную Саманту. О её настоящей семье совершенно ничего не было известно, так как она являлась подкидышем к женскому монастырю. Саманта была на полтора дюйма выше меня, с голубыми глазами и натуральным рыжим цветом волос, которые густыми лентами опускались на её изящные лопатки. Её образ можно было воссоздать из основных черт внешности Эми Адамс и некоторых штрихов Сары Каннинг — она словно застряла где-то посередине.

Отучившись на этнографа, сразу после университета, Саманта начала колесить по миру эконом-классом, финансируя свои путешествия за счет собственных монографий и статей, частенько занимаясь во время путешествий мелкими подработками. Папа шуточно называл её «Самым Интересным Семейным Инстаграмом», в сокращении СИСИ, за что частенько получал выговор со стороны мамы или затрепину со стороны самой Сэм. Её живой характер не позволял ей сидеть на одном месте дольше пятнадцати минут — рыжей обязательно нужно было что-то делать или куда-нибудь спешить. В свои тридцать восемь Саманта выглядела на все двадцать семь и обладала очень красивой фигурой, которую она умело подчеркивала выгодно подобранным гардеробом. Например, сейчас она была в джинсах с низкой посадкой, украшенными широким поясом, и футболке с красивым декольте, которая слегка приоткрывала её идеально плоский живот.

Уже спустя полчаса после прибытия Саманты, все присутствующие были одарены разношерстными подарками из загадочных стран — последние три месяца Сэм провела в Камбодже, Вьетнаме и Японии. На некоторое время мы даже отвлеклись от того, что двойняшки сейчас находятся под присмотром чужой женщины, но вскоре мама снова впала в отчаяние. Приезд Саманты был как нельзя кстати. Её обожали все и её присутствие благоприятно влияло на маму, так как Сэм была единственным человеком, который был способен выслушать собеседника ни разу его не перебив.

— Лучше до прихода Эмилии и Тэмми определиться с моим спальным местом, чтобы не возникали трения, — мудро заметила тётя, которая в этом сексуальном теле больше подходила на роль моей еще одной сестры. — Я могу расположиться здесь, на диване в гостиной. Или доставайте свою раскладушку с чердака и засовывайте её в спальню к девчонкам.

— Вот еще! — возмутилась мама. — Ты будешь спать на бывшей кровати Глории.

— Воу-воу-воу, Глория, ты съехала от родителей? У тебя появился бойфренд?

— У меня появилось спальное место в кладовой.

Дети задержались на три минуты, что окончательно вывело маму из себя. Она считала недопустимым, что Джудит самостоятельно расширяет рамки времени, назначенного для нее судьей. Теперь на суде этой лжебабушке точно не отвертеться, ведь судебный пристав стал свидетелем задержки!

Когда двойняшки рассказали родителям, что Джудит собирается подарить им щенка, мама покраснела от ярости и отправилась на кухню, чтобы успокоить нервы повторным ополаскиванием посуды, что в итоге закончилось сразу тремя разбитыми стаканами.

На следующее утро я, папа и Сэм парковались на ежегодной сельхозярмарке, которая располагалась в одной миле на север от города. Она проходила дважды в год: весной и осенью. Весенняя ярмарка считалась «бедной», а осенняя «богатой», так как к осени фермеры могли предложить покупателям в десять раз больше, нежели весной. Весной здесь в основном продавались изделия ремесленников, саженцы плодовых деревьев и животные — поросята, ягнята, козлята... Нас интересовали щенята.

Папа отказался «просто взять и проглотить брошенный маразматичкой вызов» и, заняв у друга небольшую сумму денег, а заодно и страшный, старый пикап, сколоченный из нескольких разных моделей-собратьев, втиснул нас в автомобиль. И вот мы уже тряслись по сырому полю (ночью прошел дождь), остро ощущая собственной задницей каждую неровность под колесами старой рухляди, параллельно пытаясь не придавить друг друга. Однако, папе было глубоко наплевать как на то, что скорость нужно было бы поубавить, как и на то, что пикап рассчитан на ДВУХ и никак НЕ НА ТРЕХ человек. Уже когда отец начал парковаться, я поставила Сэм ультиматум по поводу того, что на обратном пути я отказываюсь сидеть между кроликом Роджером и Джессикой Рэббит^[12], как сейчас, и переберусь к окну.

Мы припарковались с такими душераздирающими звуками мотора, что, кажется, на нас обратили внимание все и каждый на этой ярмарке. После этого я была более чем уверена, что если бы в момент нашей парковки участники ярмарки вдруг узнали, что мы приехали за щенком, нас бы попросту закидали мелкими собачками, только чтобы мы свалили отсюда поскорее и подальше. Ощущение было ужасное, но вскоре все перестали на нас пялиться, занявшись своими делами, и мне стало немногим легче.

Хорошо, что тётя Сэм оказалась куда более предусмотрительнее меня с отцом, и буквально заставила нас надеть резиновые сапоги. Но если папе и Саманте достались нормальные экземпляры сапог, цвета болотной тины, то я огребла мамины сапоги, в которых она проводила работы в своем палисаднике. Я была не против маминой обуви, но я была категорически против Свинки Пеппы, которую так обожали двойняшки, и презирала я. Естественно мама приобрела их в своё время лишь потому, что они продавались по бешеной скидке — кому в здравом уме придет идея приобрести по нормальной цене сапоги тридцать восьмого размера с этой свиньей, когда можно обойтись нормальным вариантом?.

В короткой розовой ветровке Саманты (которую рыжеволосая заставила меня одеть, считая, что она мне очень идет — я в очередной раз была с ней не согласна), в рваных выше колена джинсах (которые бабушка отказывалась стирать, не признавая «рваной» моды, из-за чего мне частенько приходилось ходить именно в рваных штанах, так как остальные ежедневно полоскались в стиральной машине), и в этих дурацких сапогах, я чувствовала себя

едва ли не круче Мистера Бина^[13].

Чтобы хоть немного раскрепоститься, я расстегнула ветровку, дабы показать всему миру единственную нормальную тряпку на мне — тёмно-салатовую майку на широких бретельках. Смотря в боковое зеркало дряхлого пикапа, я оттянула декольте и сразу же почувствовала себя сексапильной валькирией, так как грудь у меня была что надо. Это заставило меня задуматься над тем, как же мало мне необходимо для того, чтобы пройти извилистый путь от Мистера Бина до сексопильной валькирии и, поправив распущенные волосы, я самодовольно отправилась вслед за Сэм и отцом. Не пройдя и пятидесяти метров, эти двое вскоре забыли о цели нашего приезда на ярмарку, с головой уйдя в разнообразные работы ремесленников. Не в силах оторвать их от изысканных деревянных изделий, я в одиночку отправилась в сторону животных звуков. Пройдя мимо загона с двумя жеребьями, клеток с кроликами и коробок с желтыми цыплятами, я наконец нашла место продажи щенков. Мама умоляла купить чихуахуа или что-нибудь еще более мелкое (она даже была не против выдать двойняшкам джунгарского хомячка за щенка веймарской легавой), но здесь продавались лишь анатолийские овчарки, бобтейлы, золотистые ретриверы и бернские зенненхунды. Остановившись напротив деревянного ящика с дюжиной зенненхундов, я начала наблюдать за их возней и буквально сразу влюбилась в этих красавчиков. Улыбаясь самой себе, я начала гладить теплые комочки и ждать, пока хозяин этих очаровашек появится у прилавка.

— Выбираете щенка? — раздался знакомый бархатный голос где-то справа от меня, и я сразу же вздрогнула от испуга. Обычно такие голоса принадлежат только аристократам. Мама же говорит, что у сливок общества даже кожа словно соткана из солнечных лучей, в отличие от посредственных людишек.

Резко обернувшись, я увидела старшего Олдриджа всего в паре шагов от себя и, из-за его спины, тут же выскочил младший.

— На лице не осталось и царапины, — будто самому себе, глухо констатировал Роланд.

— Натиралась маминой настойкой, — растерявшись, ляпнула я.

— А я больше люблю бобтейлов, нежели зенненхундов, — задорно щелкнул пальцами Мартин, после чего ушел от нас в противоположную сторону, тискать щенков добродушного старика, который параллельно продавал выводок утят.

— Как себя чувствуете? — наверняка больше из вежливости, нежели из любопытства поинтересовался Олдридж.

— Уже лучше. Только небольшой шрам на ноге остался... — произнесла я и тут же осеклась. Блин! Я неосознанно привлекла его внимание к своим дурацким сапогам и сейчас он буквально сверлил их своим взглядом! Я спрятала правую ногу за левую, словно пытаюсь скрыть хотя бы половину своего позора, и решила побыстрее его отвлечь от моих ног. — Думаю, до конца мая пройдет. Завтра я уже буду на рабочем месте.

— Замечательно, — утвердительно кивнул головой Роланд, словно совершенно не сомневался в том, что в конце мая на моей бледной коже не останется и следа от несчастного случая. — Шейла Хиггинз готова возместить нанесенный Вам ущерб, чтобы не поднимать шум.

— Вы это мне? — спустя несколько секунд переспросила я и сразу же почувствовала себя полной дурой, когда Олдридж своим соколиным взглядом встретился с моим овечьим.

— Шейла Хиггинз — мать толкнувшего Вас мальчишки, хозяйка напавшего на Вас доberman и водитель шевроле, которое Вас протаранило.

— А-а-а... — словно проблеяла я, начиная чувствовать себя законченной идиоткой. Однако я до сих пор не могла понять, что именно этот высокообразованный мужчина пытается мне объяснить.

— Я снял показания с её видеорежистратора прежде, чем она догадалась их удалить. На нём в ярчайших красках записан весь инцидент. Она бы и хотела шумихи, чтобы привлечь внимание к своей персоне, вот только понимает, что этот эпизод может не только очернить её, и без того не белоснежную репутацию, но она также рискует в итоге потратить кучу времени и средств на свою защиту в суде. Она прекрасно осознает, что это дело для нее, с вероятностью в сто процентов, изначально проигрышное. Так что я без проблем выбил из нее определенную сумму, в виде компенсации за умышленный ущерб Вашему здоровью со стороны её сына и непреднамеренный с её стороны.

Слушая Олдриджа, я чувствовала себя законченной идиоткой — я ведь даже не подумала о том, что могу предъявить кому-то какие-то обвинения. Снять запись с видеорежистратора было слишком просто и одновременно слишком гениально. Я бы до такого точно не додумалась. Наверное, эта стриптизерша заплатит мне сумму, примерно равную половине моей зарплаты, или даже целую зарплату! Я определенно должна была сказать Роланду спасибо за его участие, но вместо этого почему-то зависла, глядя на кобальтовую пуговицу его сапфировой рубашки, которая красовалась у его мощной шеи. Внезапно мне захотелось сделать два шага вперед, чтобы застегнуть эту никчемную пуговицу, которая была изысканней всего моего гардероба вместе взятого, и, наконец, спрятать его феерическую, мужскую шею!

— Ну, что тут у нас, — раздался совсем близко за моей спиной отцовский голос, выведший меня из состояния транса, и по моей спине сразу же пробежали мурашки. — Комнатных крыс-переростков здесь не продают (крысами-переростками или мутирующими белками, папа любя называл собак миниатюрных пород).

Я обернулась и увидела отца, который, остановившись возле щенков бернских зенненхундов, умудрился не обратить совершенно никакого внимания на Роланда.

— Зенненхунды? Весьма не хреновая порода, скажу я тебе дочь, — обращаясь ко мне, начал гладить щенков папа. — И раскраска у них получше, чем у анатолийцев. Хотя фиг с ней, с этой раскраской, всё равно твои племянники к концу недели перекрасят их в пурпурных зебр-единорогов. Слышь, парень, по какой цене продаешь? — обратился отец к стоящему рядом Олдриджу, и моё сердце мгновенно упало в левую Свинку Пеппу моей ноги.

— Пятнадцать фунтов, — решил подыграть Роланд, отчего я окончательно потерялась.

— Они что, бракованные? — отдернул руку отец от подозрительно дешевых щенков.

— Нет, просто это благотворительная акция...

— Благотворительная акция — это хорошо, — не удосужился дослушать Роланда отец и тут же обратился ко мне. — Особенно для нашей семьи, да, дорогая? Тут и думать нечего, нужно брать, пока цена не поднялась. А я-то думал, что мы разоримся на этих щенках. Будь они неладны, эти непредвиденные расходы! Слушай, парень, как тут определить, кто есть кто? — взяв в свои руки одного щенка и перевернув его на спину, отец снова обратился к Роланду. — Мне нужен один кабель и одна сука. У меня внук-сорванец и одна внучка-сорванка, так что... По такой цене нужно брать двух — если наша мама сильно расстроится, всегда можно будет выгодно перепродать второго.

Кажется, земля под моими ногами начинала гореть, а Свинка Пеппа плавиться — мне буквально хотелось испариться в пространстве!

Не выходя из образа продавца-фермера, Роланд невозмутимо подошел к ящику и спокойно выбрал двух разнополых щенков.

— А-а-а, — понимающе протянул отец, — у кобелей колокольчики, а у самок другая хрень.

— Именно, — не сдержавшись, улыбнулся Роланд.

— Держи свои тридцать фунтов, — сказал отец, засунув три потрепанные десятки с Елизаветой в выглаженный карман Роланда. — Хорошо поработал! Сразу видно — человек знает толк в своем деле, правда дочь? Не то что ты — приходишь домой после работы, запираешься в душе и рыдаешь в нем по полчаса от перенапряжения.

— Папа, это не так! — умоляюще воскликнула я. Кажется, мое лицо к этому моменту уже было пунцовым. Отец остановился напротив ретриверов и, не обращая никакого внимания на моё состояние, продолжил:

— Ты права. Если бы я был девчонкой, и мне бы пришлось бросить учебу в университете, чтобы устроиться нянькой из-за того, что моя семья не способна самостоятельно решить свои финансовые проблемы, я бы точно рыдала. А ты нет, ты как истинная Пейдж, взяла всю волю в кулак и еще ни разу не пожаловалась, хотя моё отцовское сердце убеждено, что этот твой работодатель настоящий узурпатор.

— Папа, не надо, — взмолилась я.

— Ты бы видела себя в конце каждого своего рабочего дня! — уже войдя в кураж и уходя со щенками на руках, отец продолжал свою мощную речь, по-видимому думая, что я иду за ним. А я с места не могла сдвинуться от стыда и, уставившись взглядом в такую родную спину отца, всем телом чувствовала на своем лице заинтересованный взгляд Роланда, стоящего справа от меня! — Ставлю сто фунтов на то, что молокосос, за которым ты присматриваешь, издевается над тобой, а его старший брат, который наверняка еще и извращенец, ничего с этим не делает. Надеюсь, что он хотя бы не пристаёт к тебе. Хотя я был бы не против, чтобы ты вышла замуж за какого-нибудь миллиардера. Тогда бы у твоей бабушки появился бы хоть какой-нибудь лучик надежды на новый тонометр, который в ближайшее время ей не светит. Всё-таки хорошо, что бобтейлы не стоят дешевле зенненхундов, иначе пришлось бы покупать их, а твоя мама точно бы не одобрила подобное количество шерсти...

Это был провал по всем статьям. Я, пунцовая с головы до Свинки Пеппы, таращилась в спину отца, а в ушах у меня колотила наковальня, словно сердце готовилось вытечь через перепонки.

— Я не подозревал, что Вы так устаете, — пытаюсь подавить то ли улыбку, то ли негодование, отозвался Роланд, как только папа скрылся за ближайшей торговой палаткой.

— Я не устаю, — только и смогла выдавить я, мимоходом встретившись взглядом с Олдриджем, чтобы понять, о чем именно он сейчас думает, и тут же отвела глаза, поняв, что он из последних сил пытается не сорваться на смех. Тяжело вздохнув, я ясно осознала, что моя репутация в доме Олдриджа навсегда испорчена папой и Свинкой Пеппой. Как дальше работать на него? Нет, не правильный вопрос. Как вообще дальше жить в городе, в котором живет ОН? Я мысленно начала составлять варианты законной миграции на Дальний Восток, когда Олдридж вдруг произнес через смешок:

— Расслабьтесь, всё в порядке.

— Конечно в порядке, но только у Вас, — неожиданно резко ответила я. — Это просто ужасно! То, что Вы слышали. Забудьте, пожалуйста!

— Хорошо, — улыбался белоснежными зубами Олдридж.

— И не вздумайте подумать, что я нищенствую.

— Хорошо.

— И не поднимайте мне зарплату.

— Хорошо.

— И не разговаривайте со мной на территории Вашего дома.

— Хорошо.

Выговорившись, я с незначительным облегчением выдохнула, снова уставившись на ящик со щенками.

— Я правильно расслышала? — вдруг ткнула указательными пальцами в мои бока незаметно подкравшаяся ко мне сзади Сэм. — Ты сказала «не разговаривайте со мной на территории Вашего дома»? То есть это и есть твой бойфренд? А где он живёт?

— Нет! — подпрыгнув на месте, вскрикнула я от неожиданности.

— И как он в постели? — шепотом поинтересовалась рыжеволосая, но так, чтобы её вопрос услышал и Олдридж.

— Саманта! — возмутилась я, едва не кипя от силы своего позора.

— Значит, вы еще не переспали?! — еще более громким шепотом, с вызовом поинтересовалась моя тётя, в наигранном изумлении выгнув правую бровь.

— Сэм, ты всё портишь! Это мой работодатель! — к моему горлу подступил комок негодования, когда я увидела саркастическую и самодовольную улыбку Олдриджа, однако я не собиралась плакать. Только не здесь, не сейчас, не из-за родни и не при нём!

— Значит, ты не против, если я им займусь, — заговорческим тоном произнесла моя тётя и, отбросив свои шикарные, золотисто-огненные волосы, сделала два шага в сторону Роланда. — Саманта Пейдж, молодая тётя Вашей подчиненной, — наигранно страстно произнесла рыжеволосая.

— Очень приятно, — улыбался Олдридж, — Роланд Олдридж, извращенец и узурпатор.

По тону собеседников я поняла, что эти двое на одной волне. Они словно ставили сценку, специально разыгрываемую для меня.

— Знаете, Вам стоит повесить зарплату моей племяннице хотя бы за её милую улыбку. Можете объездить всю Британию на своем бентли — подобной ей не встретите. Глория, дорогая, улыбнись. Хотя, нет... Не стоит сразу разрушать весь мой песочный замок... Сколько он тебе платит в час? Сколько Вы ей платите, за её услуги? — Перевела взгляд на Роланда Сэм и мне вдруг показалось, будто она слишком двусмысленно произнесла слово «услуги».

— Двадцать фунтов, — продолжал улыбаться Роланд.

— Сколько?! Дорогая, ты должна только и делать, что улыбаться, чтобы отрабатывать эти деньги. Какой милый мальчик, — перевела своё внимание Сэм на подошедшего Мартина, вернувшегося с другого конца ярмарки.

— Сама такая, — буркнул себе под нос мальчишка.

— Хотя нет, знаете, всё-таки Вы определенно должны повесить ей зарплату, — смотря на Мартина сверху вниз и, наигранно натянуто улыбаясь, заключила Сэм.

— Всё, нам пора! — не выдержала я и, взяв Саманту под руку, потащила её вдоль деревянных коробок со скулящими щенками. В этот момент подошел настоящий хозяин щенков и спросил, что нас интересует.

— Мы только что купили у Вас двух щенков, — ответил Роланд.

— Не он, а я. Я купила мальчика и девочку. Какова стоимость щенков? — доставая кошелек из внутреннего кармана ветровки, поинтересовалась я и чуть не обомлела от названной суммы. — Сколько?! И это только за одного?! Сэм, у тебя есть деньги?

— Нет, но это не важно, так как твой... Гхм... Работодатель. Он уже расплачивается иии... Делает это долларами, — констатировала Сэм, нагло облокотившись локтем о моё плечо.

— Вычтите из моей зарплаты, — злясь от беспомощности, едва не срываясь на крик, заявила я.

— Как скажете, — вдруг повернулся ко мне Олдридж и его лицо оказалось буквально в нескольких дюймах от моего. Вдохнув его терпкий одеколон, я резко развернулась, вдруг почувствовав, что кончиками волос задела его лицо. Взяв под руку многозначительно улыбающуюся Саманту, я быстрым шагом отправилась на поиски отца.

— Лучший истеблишмент^[14], которого мне когда-либо доводилось встречать, — выдохнула Сэм.

— Как будто ты встречала многих. Возможно, он единственный.

Наступил солнечный понедельник. Я и раньше не была в восторге от приближения к особняку Олдриджа, но сегодня я вообще еле передвигала ногами в его направлении. Однако мне повезло, и я смогла проскользнуть в свою часть дома никем незамеченной, за исключением Джонатана, каждый будний день встречающего меня у главной двери.

По обыкновению, я погрелась на солнышке во внутреннем дворике, приготовила обед на троих и ожидала наступления часа дня.

* * *

— Привет. Как твои дела? — заулыбался Рик, с которым я не виделась с момента нашего совместного ужина в компании моей семьи.

— Нормально, — ответила я, наблюдая за тем, как Мартин невозмутимо садится за стол и начинает есть приготовленный мной суп. До этого момента он отказывался вкушать то, что я ему готовила, но, по-видимому, за время моего отсутствия Доротея испортила его вкусовые рецепторы своей готовкой настолько, что мальчишка перестал брезговать даже моей пюрешкой. Сделав вид, будто я ничего не заметила и ничему не удивилась, я села чуть поодаль от мальчика. Мы отобедали в полной тишине, а когда Мартин ушел в гостиную, я шепотом обратилась к Рикку:

— Что это с ним?

— После того, как ты вступилась за него, Мартин стал относиться к тебе с большей лояльностью. Хотя, думаю, это из-за его вчерашнего серьезного разговора со старшим братом, в котором Роланд еще раз подробно объяснил Мартину, что именно ты для него сделала и как он должен к тебе относиться, если не хочет быть наказанным. Видимо, мальчик пытается изменить политику в отношении тебя.

«Роланд может наказывать этого ребенка?» — удивленно подумала я, прежде почему-то считая, будто старший Олдридж только и делает, что позволяет своему младшему брату всё и сразу, совершенно не прибегая к таким радикальным методам воспитания, как наказание.

Не знаю, можно ли считать это попыткой изменения политики мальчика по отношению ко мне, но Мартин отказывался со мной общаться, совершенно не реагируя на мои вопросы. До четырех часов дня мы провели досуг в компании друг друга в кромешной тишине, но вдруг к нам пришла добрая фея-крестная Доротея и рассекла полотно нашего молчания своей лучезарной улыбкой. Она явно была довольна тем, что на прошлой неделе смогла подзаработать кучу денег, хотя и укорялась тем, что сделала это за счет моего больничного. Как будто это она на меня одела шейный бандаж, честное слово!

— Доротея, а ты знала, что у нашей тупицы большая семья? — спросил Мартин, когда мы сидели за столиком на каменной террасе, расположенной сразу за панорамным окном гостиной, и наслаждались теплым ветерком, в то время как мальчишка что-то рисовал в своем блокноте.

— Нет, не знала, — отозвалась женщина.

— Мы с Роландом видели её папу и тетю вчера на ярмарке. Они покупали щенков для племянников Глории, а это значит, что у нее есть еще брат или сестра. Я ставлю на сестру.

— У тебя большая семья? — поинтересовалась Доротея.

— Да, — отозвалась я, нежась на деревянном шезлонге, застеленном мягким матрасом. Сощурившись теплому солнышку, я начала загибать пальцы. — Дедушка с бабушкой, папа с мамой, тётя, старшая сестра, я, младшая сестра, племянник и племянница. Итого десять человек плюс два щенка.

— И они все терпят тебя?! — в искреннем изумлении изогнул брови Мартин.

— Да, Мартин, они отличаются ангельским терпением, которое тебе, к сожалению, не присуще.

— И вы все живете в одном доме?

— Именно.

— А какой у вас дом?

— Двухэтажный, но места в нём маловато для такой большой семьи, как наша. Иногда приходится пропускать друг друга в коридоре или занимать очередь в душ... Еще во время ужина нам приходится вставать со своего места, чтобы дать протиснуться только что пришедшей частичке нашей семьи между стеной и вставшим человеком, — разоткровенничалась я, совершенно забыв о том, что Мартин может рассказать всё своему старшему брату. В конце концов, Олдридж всё давно мог узнать от посетившего нас на прошлой неделе Рика, тем более уже ничто не сможет затмить инцидента на ярмарке. При этом Мартин впервые слушал меня с неподдельным любопытством.

— А как вы называли щенков?

— Балто и Герда.

— В честь знаменитого сибирского хаски и героини сказки Андерсена?

— Именно.

— У меня болит голова. Всё из-за твоей болтовни, — неожиданно пожаловался Мартин. — Лучше полежу, а-то мушки перед глазами начали летать.

В сопровождении Доротеи, Мартин отправился в спальню, а я немного напряглась.

— После того инцидента с доберманом у него начали иногда болеть глаза и появляться мушки, — пожаловалась вернувшаяся на террасу Доротея. — Думаю, это на фоне испуга. Хорошо хоть, что не стал зайкой. У моей дочери было нечто подобное в детстве, после того, как её сбил велосипедист. Потом полгода промучались с потемнением в глазах.

— Вы говорили об этом Роланду? — ставя опустевшую чашку на садовый столик, поинтересовалась я.

— Нет, зачем понапрасну его беспокоить? Это ведь всего лишь обычные мушки перед глазами. У меня тоже такие бывают, когда я резко встаю или нагибаюсь, чтобы завязать шнурки.

* * *

Я уже была почти у выхода, когда столкнулась с Олдриджем.

— Можно отменить вчерашнее правило, по которому мы не можем общаться на территории моего дома? — колко улыбнулся он.

— Простите за вчерашнее. Это была безумная череда недоразумений.

— Забудем. Как прошел день?

— Хорошо, — ответила я и, случайно вспомнив о словах Доротеи, добавила. — Только

Мартин пожаловался на появление мушек перед глазами и легкую головную боль. Доротея утверждает, что это результат испуга, так как подобные жалобы начались после инцидента с доберманом.

— Кстати об этом. Я как раз шел к Вам, чтобы решить этот вопрос. Шейла Хиггинз сейчас ожидает нас в моем кабинете.

Через десять минут, когда все бумаги и формальности были соблюдены, и Шейла Хиггинз вышла из кабинета с натянутой улыбкой, которая красноречивее любых слов говорила за свою хозяйку: «Ненавижу вас обоих», — я сидела на резном деревянном стуле с бумажным пакетом в руках, в котором лежала сумма, равная моей годовой зарплате. На радостях, я чуть сразу же не уволилась, однако вовремя вспомнив о приличиях, решила это сделать на следующей неделе — к тому времени Мартин в очередной раз усадит меня на кнопку или прольет кипяток мне на руку, так что уважительная причина у меня точно найдется. Конечно же я была искренне благодарна Роланду за проделанную им для меня работу, но едва ли сдерживалась, чтобы не сказать ему: «Спасибо и прощайте».

Домой я летела на крыльях счастья, окончательно решив уволиться уже к началу следующей недели. Когда я переступила порог нашего дома с широкой улыбкой и зашла в гостиную, в которой спиной ко мне сидело старшее поколение нашей семьи, я сразу же ощутила, что что-то здесь не так.

— Что произошло? — всё еще пребывая в состоянии эйфории, но уже без улыбки на лице, спросила я, представляя какие лица будут у моих родителей, когда они узнают, что именно находится в бумажном конверте за моей спиной.

— Папу уволили, — пищащим голосом ошарашенного человека, ответила мне мама. Мгновенно осознав значение её слов, я бухнулась на свободное кресло, старые пружины которого издали приглушенное: «Кря!».

Все знали, что папу скоро уволят, но никто не подозревал, что это произойдет за двенадцать дней до окончания месяца, из-за чего папины расчетные оказались совсем маленькими. От денег, которые я получила в качестве финансовой компенсации из рук Шейлы Хиггинз, не осталось почти ничего — пятьдесят процентов суммы ушло на нового адвоката (отец лично проследил, чтобы нашим делом начал заниматься мужчина, так как женщинам он больше не доверял), двадцать на погашение долгов и еще двадцать на покупку таких необходимых вещей, как тонометр для бабушки, дорогостоящие лекарства для дедушки, зубной протез для папы, новые ботинки для двойняшек, корма собакам и прочее-прочее-прочее... О моем увольнении не могло быть и речи. Внезапно для самой себя, как и для всей семьи, я стала основным источником семейного капитала.

Идя во вторник на работу, я с жалостью посмотрела на папу, который встал с утра пораньше, чтобы отправиться на биржу труда. Я знала, что найти работу в нашем городке практически нереально, тем более пятидесятилетнему мужчине, но не хотела говорить столь жестокие слова своему старику.

До обеда мы с Якобом открыли панорамные окна гостиной, за которыми сразу же начиналась терраса из каменных плит, за которой следовал небольшой палисадник. У садовника до сих пор не доходили руки её облагородить, но как только он закончил работу над ландшафтным дизайном главного особняка, он решил заняться скромным палисадником нашего домика.

Обед мне готовить было не нужно, так как Роланд сегодня был свободен и пригласил нас отобедать в главный дом. Я же так увлеклась помощью Якобу, что в итоге отказалась от приглашения, отпустив Мартина с Риком.

Нашим бедненьким, домашним палисадником занимались исключительно мама с бабушкой и только благодаря этому он всё еще существовал. Я же так давно не ковырялась в земле, что сейчас, уравнивая чернозем, засыпанный Якобом в разнообразные клумбы, вазы и горшки, я просто не имела сил оторваться от поглотившего меня процесса. Я даже не задумывалась о том, что могу испачкать свою светлую рубашку с красивой, вертикальной, розово-белой полоской, рукава которой были застегнуты чуть выше локтя, и совсем не переживала за джинсы, только вчера выстиранные бабушкой.

День был чудесный. Небо густой пеленой застилало пышные, молочные облака. Некоторые из них изнутри были подсвечены солнечными лучами, которые не в силах были пробиться на землю сквозь облачную вату. Было тепло и уютно — ни единого дуновения даже слабого ветерка, который мог бы растрепать мои распущенные волосы, над которыми с утра так старательно колдовала Сэм, пытающаяся придать им максимальный объем, что у нее, в итоге, неплохо получилось. Уютно устроившись на деревянном поддоне, я аккуратно высаживала тюльпаны из одноразовых контейнеров в клумбу, находящуюся на каменной террасе справа от входа в дом. Якоб говорил, что тюльпаны следует высаживать осенью, но так как в прошлом году никто не знал о грядущем приезде молодого хозяина, этим теперь приходилось заниматься весной. Для того чтобы не травмировать луковицы при весенней пересадке, они заранее были помещены в контейнеры, чтобы в итоге иметь возможность быстро приспособиться к новому месту жительства.

Я убедила Якоба в том, что сама справлюсь с высадкой цветов в указанных им мне

местах, после чего он с облегчением отправился на обед, обещая завтра зайти и оценить мою работу. Надев тонкие латексные перчатки, я с нежностью брала ростки тюльпанов, пытаясь не повредить драгоценные луковицы, и аккуратно перемещала их в заранее заготовленные ямки. Я совершенно забыла о том, что с минуты на минуту здесь объявится Мартин и вмешается в этот хрупкий процесс — слишком сильно задумалась о красивейших суккулентах, которые Якоб оставил за моей спиной и до которых я уже жаждала добраться. Больше всего я приходила в восторг от многочисленных эхеверий, разнообразных оттенков и фактур, которые мне предстояло высадить собственноручно. Они словно были из иного мира, мира фейри и садовых эльфов. Думая о притягательности этих чудесных растений, до которых я смогла бы добраться не ранее, чем через десять минут, я поняла, что за моей спиной объявился Мартин, когда у входа на террасу послышался едва уловимый шорох.

— Ковыряешься в земле? — поинтересовался мальчишка, едва ли не впервые не назвав меня тупицей.

— Только не вздумай снова разорвать новые газовые шторы на окнах в гостиной, которые мы с Якобом повесили час назад, иначе твой брат убьёт меня.

— И сделаю это при помощи яда, — раздался голос Олдриджа, заставивший меня резко обернуться. Как говорил папа, я с детства искусно справлялась только с одной задачей — находить неприятности на свою пятую точку.

В пространстве повисло наэлектризованное молчание, которое меня едва ли окончательно не раздавило. На сей раз из неловкой ситуации меня спас именно Мартин — он разорвал наши с Олдриджем пересеченные взгляды, одернув брата за руку.

— Поиграешь со мной в шахматы? — поинтересовался мальчик у Роланда, к тому времени успев осмотреть все суккуленты.

— Неси сюда, — согласился Олдридж, после чего мальчик побежал в дом, а он сел за стол, стоящий поодаль позади меня. — Так значит, Вы любите ковыряться в земле? — спросил Роланд, явно глядя мне в затылок — я ощущала его тяжелый взгляд каждой своей волосинкой.

— Относительно, — ответила я, совершенно забыв повернуться к собеседнику лицом. — У нас есть маленький палисадник, но за ним присматривает мама. Не помню, когда последний раз занималась подобным, но сегодня, почему-то, втянулась.

— Нашел! — радостно прокричал выбежавший на террасу Мартин. — Помнишь, ты дарил мне их на Рождество? Так как ты предпочитаешь темные тона, давай я буду играть белыми.

За моей спиной началась оживленная игра, в которой Мартин весело смеялся, когда у него получалось выгодно обменяться с братом определенными фигурами. Слушая спиной их бурную игру, я с облегчением расслабилась. Как же отлично эти двое ладили между собой! Мы с сестрами не могли похвастаться столь высоким уровнем взаимопонимания ни в детстве, ни даже сейчас.

— Ха-ха! Я забираю твоего коня! — радостно сообщил Мартин. — Роланд, соберись, ты ведь мастер ФИДЕ^[15], а проворонил коня из-за того, что постоянно смотришь на Глорию — международная спортивная организация, объединяющая национальные шахматные федерации. Занимается популяризацией шахмат, организацией различных международных соревнований, в том числе чемпионатов мира. Основана 20 июля 1924 года в Париже).

Услышав, что Олдридж за мной наблюдает, я вся сжалась и по моей спине пробежали холодные мурашки. Наверняка со стороны я выглядела как старый, сгорбленный, садовый

гном, с которым когда-то сравнил меня Мартин. Подумав об этом, я инстинктивно выпрямила спину, после чего разровняла землю между только что высаженными луковицами тюльпанов и поднялась со своего деревянного поддона. Мимолётом кинув взгляд в сторону стола, чтобы убедиться в том, что на меня никто не смотрит, я спокойно прошла мимо братьев, взяла широкий лоток с «Жемчужинами Нюрнберга»^[16] и перешла с террасы в палисадник, спустившись вниз по каменным ступенькам. В итоге, мои походы повторялись пять раз — я поднималась за очередным лотком с каким-нибудь «Черным Принцем» или моей любимой «Эхеверией Деренберга», после чего спускалась в палисадник, чтобы высадить всю эту красоту в заранее приготовленные клумбы, затем снова поднималась на террасу и снова возвращалась на газон.

Я справилась с поставленной передо мной задачей за час, после чего собрала с газона все одноразовые лотки и, под предлогом их уборки, хотела уже проскользнуть мимо братьев, но когда я сравнялась со столом шахматистов, Мартин в очередной раз проиграл партию и громко воскликнул:

— Два-три, в мою пользу. Пожалуй, я хочу остановиться, чтобы в следующий раз счет не сравнялся. Глория, сыграешь с Роландом в шахматы? А я пока сбегая к Джонатану и заставлю его сделать ставку на тебя. Хочу сорвать крупный куш, хотя у Джонатана навряд ли будет с собой много денег и мне придется поставить его на счетчик...

— Нет, — на выдохе отозвалась я, — я, пожалуй, откажусь.

— Почему? — вдруг поинтересовался Роланд. Я хотела ему ответить, что в последний раз играла в шахматы с отцом, когда мне было всего двенадцать лет, но передумала. Тем летним вечером я играла с ним партию на время и тогда, буквально на последней секунде, я потерпела поражение, после чего всю последующую неделю отец так сильно меня дразнил, что я забросила эту игру в дальний ящик своего комода.

— Бессмысленно играть с мастером ФИДЕ, — пожала плечами я.

— Вот еще! Я ведь его выиграл целых четыре раза, — горделиво заявил Мартин, даже не задумываясь о том, что Роланд ему поддался. — Отдай сюда свои лотки, я сам передам их Якобу. Заодно заставлю и его сделать ставку на тебя, — с этими словами мальчик отобрал у меня лотки, после чего скомандовал. — Роланд играет черными, потому что он парень, а ты белыми, потому что ты не парень.

После этих слов мальчишка со всех ног побежал в главный дом, держа перед собой садовые принадлежности.

— Не разбей себе колени, — скорее по привычке, нежели из переживания, громко кинула ему вслед я, снимая с рук перчатки.

— Да, иначе я убью твою няню, — прокричал вслед Роланд, после чего встретился со мной улыбающимся взглядом и, приподняв левую бровь, с серьезным видом добавил. — Ядом.

— Ладно, давайте играть, — с негодованием предложила я, после чего начала расставлять большие, красиво вырезанные из дерева, шахматные фигуры.

Еще до начала игры я умудрилась перепутать местами слона с конем, но вовремя увидела правильное расположение фигур у соперника и как можно более невозмутимо исправила свою ошибку.

Первый ход сделала я. В течение игры Роланд делал быстрые ходы, словно совершенно не задумываясь, я же зависала над одним ходом от минуты до трех, словно это могло меня спасти. Я как раз сосредоточенно думала над своим девятнадцатым ходом, когда мой

телефон неожиданно начал издавать знаменитые мотивы авторства Джеймса Ласта. Совершенно забыв об игре, я дернула рукой в сторону заднего кармана джинс и случайно опрокинула на игральной доске сразу три фигуры. Тяжело выдохнув, я взяла в руки своего упавшего ферзя, с серьезным лицом пытаюсь вспомнить, где именно он стоял, параллельно выуживая телефон из кармана, чтобы, наконец, заглушить слишком громкого «Одинокого пастуха».

— Да, Эмметт, — наконец ответила на звонок я, когда Роланд уже поставил на место сбитые мной фигуры и пальцем постучал по тому месту, куда необходимо было поставить зажатого в моей руке ферзя. — Спасибо, — тихо прошептала я Олдриджу и продолжила общение по телефону, пока Роланд ожидал моего хода. — Что случилось? Ммм... Да, в моей спальне на окне. Хорошо, пока.

Эмметт звонил узнать, где именно двойняшки вчера оставили солнцезащитные очки Эмилии, которая сейчас носилась по всему дому в тщетных попытках их отыскать. По-видимому, Эмметт сейчас был у нас дома.

— Эмметт — это Ваш брат? — поинтересовался Роланд, когда я отложила телефон. — Шах.

— М-м-м нет, — начала отвечать я, аккуратно подвинув свою пешку вперед. Мы всю партию промолчали, и я так увлеченно пыталась продумать свои детские ходы, что даже не поднимала глаз на оппонента, сосредоточенно глядя только на доску и совершенно не задумываясь о том, смотрит ли на меня в этот момент Олдридж. — Это не брат. Это парень...

— Шах и мат, — вдруг резко впечатал свою даму в центр игральной доски Роланд.

— Моей сестры... — дополнила свой ответ я, смиренно приняв свой крах в этой партии.

Если честно, Роланд мог поставить мне мат уже на десятом ходу, однако вместо этого он словно гонял меня по всему полю, тем самым заставляя мой микроскопический мозг хоть как-то поработать. Я в очередной раз почувствовала себя душой, как почти всякий раз в присутствии Олдриджа.

— Э-э-эх, — разочарованно простонал только что вернувшийся, запыхавшийся Мартин. — Не успел увидеть твоего грациозного провала. К сожалению, никто из штата прислуг не согласился поставить на тебя, Глория. Сыграете еще раз?

— Нет, пожалуй, достаточно, — вяло улыбнулась я.

Интересно, весь штат прислуг знал о том, что Роланд является мастером ФИДЕ или они просто не верили в мои силы?

Глава 23

Я передала Доротее Мартина, у которого вдруг разболелись глаза (наверняка из-за полуторачасовой игры в приставку), и отправилась домой. Уже подходя к выходу из главного дома, я столкнулась с Олдриджем и Джонатаном, который приветствовал только что пришедшую Кэрол. Правда Олдриджа я заметила не сразу. Он стоял в слепой для меня зоне — скрестив руки на груди, он облокотился спиной о стену слева за поворотом, которая напрямую вела к выходу. Да, это точно была слепая точка, в которой можно было выгодно оставаться незамеченным для человека, идущего со стороны дома Мартина.

— Уже уходите? — поинтересовался у меня Джонатан еще до того, как я обнаружила присутствие Олдриджа.

— Да, — ответила я, после чего столкнулась взглядом с Кэрол. Впервые в жизни я читала в глазах человека столько антипатии к собственной персоне. От подобного давления я бы даже могла почувствовать себя букашкой перед этой блондинкой, если бы не была на сто процентов уверена в собственном превосходстве.

— Как Мартин? — неожиданно раздался голос Роланда, после чего я повернула свою голову влево и, наконец, заметила его присутствие.

— Нормально. Только жалуется на боль в глазах. На сей раз Доротея решила, что всему виной компьютерные игры и отстранила его от монитора на весь вечер.

— Хорошо. Приятного Вам вечера.

— И вам, — ответила я, скорее обратившись сразу ко всем присутствующим, нежели к одному Олдриджу, после чего вышла из поместья.

* * *

— Эхеверии прекрасны, — заявила бабушка, накладывая деду картофель, чтобы тот не умудрился отхватить себе больше дозволенного. — Когда-то я мечтала засадить весь палисадник этими прекрасными, каменными цветами.

За столом снова царил хаос, в котором каждый выражал свои мысли как можно громче. Оглушительнее всех сегодня была Элис, нашедшая спрятанный Дином под кроватью Моргульский клинок из дешевого пластмасса. Тише всех был отец, который не смог найти ни Моргульского клинка, ни свободной вакансии, подходящей его возрасту. Всё шло своим чередом, только Тэмми с середины прошлой недели была подозрительно подавленной. Естественно я делала попытки выяснить, что именно с ней происходит, но всякий раз сталкивалась с глухой стеной, напрочно выстроенной сестрой между мной и её ответом на мой вопрос.

* * *

На следующий день, во время обеда Мартин сильно разбушевался:

— Ты пересолила суп! Это из-за тебя у меня вчера болела голова — сто процентов пичкаешь меня какими-то химикатами! Покупаешь всё самое дешевое и совершенно

непригодное для пищи. Мой желудок скоро откажется переваривать это.

Разозлившийся, но всё-таки доевший свою порцию, мальчик отправился в свою спальню и, как он сам выразился, в качестве протеста завалился спать. Проснувшись, он трижды назвал меня тупицей, после чего отправился на кухню и ни с того ни с сего разбил стакан.

— Это всё из-за тебя!!! — неожиданно завопил мальчишка, который до сих пор ни разу так сильно не срывался. — Разве можно ставить стаканы так высоко?! А если бы я уронил его себе на голову?!

Он снова убежал в свою спальню, а я занялась уборкой стекла. Когда же я вернулась к нему, мальчишка отчаянно тер глаза и быстро моргал, явно пытаюсь скрыть следы слез. Я хотела поговорить о странном поведении Мартина с Роландом, но его не было дома и, в итоге, попросила Доротеею, чтобы та самостоятельно рассказала всё нашему нанимателю.

На следующий день от буйного поведения Мартина не осталось и следа. Он весело носился по газону, запуская воздушного змея и называя меня тупицей.

— Если ты когда-нибудь и сможешь обрести хотя бы грамм благоразумия, ты сразу же уволишься, — заключил мальчик, наблюдая за тем, как я расставляю в холодильник купленные на завтра продукты.

— Скорее ты достигнешь совершеннолетия и за тобой можно будет больше не присматривать.

— Тупица. И к тому же ужасно некрасивая.

— К чему это ты? — заинтересовалась я. Раньше мальчик никогда не рассуждал на тему моей внешней привлекательности.

— К тому, что ты уродка.

— Ты невыносим.

— А ты некрасивая, не то что Кэрол. Я считаю, что она красивее тебя, хотя он со мной не соглашается...

— При чем тут Кэрол? — не понимала я, ровняя молоко на верхней полке холодильника, одновременно пропуская половину сказанного маленьким лепреконом. — Каждый по-своему уникален.

— Ты, например, тупая.

— А ты, например, грубый.

— Тупица, — фыркнул мальчишка и через несколько секунд добавил. — Как же хорошо, что хотя бы на выходных мы отдыхаем от тебя.

— Ты имеешь в виду себя и свою вредность?

— Я имею в виду себя и Роланда. На выходных Роланд отвозит меня к друзьям в Лондон. В прошедшую субботу мы с парнями ходили в кино и боулинг, а в воскресенье с девчонками отправились в караоке. Скорее бы выходные, — мечтательно вздохнул Мартин. — В субботу отец Майка прокатит нас с ребятами на своей яхте...

Участившееся общение Мартина со своими друзьями, оставшимися в Лондоне, положительно стало влиять на него и я, безусловно, была рада тому, что его мир не сосредоточен только на войне со мной, игре с Роландом и общении с Доротеей, которая стала меньше зарабатывать, из-за выходных вылазок Олдриджей в Лондон.

В пятницу Мартин подозрительно тихо себя вел, заставляя меня ожидать какой-нибудь пакости с его стороны, но всё же день прошел спокойно (если не учитывать постоянных обзывательств со стороны мальчишки и разобранного им моего мобильного, который и без

того из последних сил сдерживал свою душонку в своем растрескавшемся дисплее). Дома же меня в этот день ожидал настоящий ураган «Эмилия vs Тэмми». Когда я вошла в прихожую, пыль стояла до потолка и, если бы судебный пристав оказался сейчас на пороге нашего дома, детей бы у нас забрали сию же секунду.

— За прошедший год ты задолжала мне триста двадцать один фунт и это без учета моих балеток, которые ты порвала еще прошлым летом! — гулко звучал голос Эмилии.

В гостиной собрались все, кроме двойняшек, которые сейчас подслушивали происходящее, сидя на верхних ступеньках лестницы и просовывая свои любопытные носы между перил. Как только я шугнула их, они, словно пара голубей, резко слетели со своих насиженных мест и устремились в сторону своей спальни.

— Ты всё равно не носила эти дурацкие балетки, из-за того, что тебе разонравился их цвет, — оправдывалась Тэмми. Уже успев сделать поверхностные выводы из услышанного, я начала быстро стаскивать с себя обувь, чтобы поскорее вступить за младшую сестру.

— Не в балетках дело и ты это прекрасно понимаешь. Как ты могла так поступить в такой сложный период для нашей семьи?

Я буквально влетела в гостиную, чтобы поскорее покончить с происходящим здесь безобразием. Все семейные молчали, словно не понимая, что именно происходит. Сэм держала дрожащую Тэмми за плечи, которая уже была бледнее мела.

— Эми, ты перегибаешь палку! — строго заметила тётя. — У бедняжки не было другого выхода...

— Из-за её опрометчивого поступка теперь мы все «бедняжки», — громко хлопнула в ладоши Эмилия.

— Что произошло? — поинтересовалась я, заслонив собой Тэмми, ни секунды не сомневаясь в том, что буду на её стороне, даже если она ограбила наш семейный банк, съев последний пончик.

— Эта дурёха уволилась. Вот так вот просто взяла и уволилась! А знаешь почему? Потому что к ней клеился администратор гостиницы. Девчонке счастье привалило, хоть кто-то обратил на нее внимание, а она знает что сделала? Врезала ему по лицу! Наша тихоня зарядила мужику пощечину. Вот так вот! Оказывается наша Тэмми сильная и независимая женщина. Настолько независимая, что наплевала на семью и одной пощечиной лишила себя и работы, и зарплаты за прошедший месяц. Теперь в этой семье работаем только ты да я. На какие деньги, скажи мне, мы будем содержать адвоката? Видимо, с детьми нам уже можно начинать прощаться.

Теперь я поняла, почему лица старшего поколения нашей семьи застыли в гримасе шока. На деда вообще было больно смотреть.

— Но у нас всё еще остались деньги, за которые мы сдаем нашу квартиру, — начала бабушка, — и наши пенсии. Еще Саманта привезла неплохую сумму, а Тэмми с Вашим отцом могут оформить пособие по безработице, пока не найдут новую работу.

— Ваша пенсия уйдет на коммунальные платежи, — заметила Эми. — На сбережения тёти Сэм мы сможем три раза сходить за продуктами, чтобы прокормить всю нашу огромную семью. Все деньги за квартиру тоже уйдут на еду и что у нас остается? Зарплата Глории и моя, которые уйдут на выплату компенсации, за поцарапанную Дином новую машину соседа! И это без учета непредвиденных расходов в виде покупки для Элис новых ботинок, которых девочка лишилась еще неделю назад, или очередного разбитого Дином окна какого-нибудь соседа. Мы снова влезем в долги, с которыми будем расплачиваться до

конца своей жизни, только если, по счастливому стечению обстоятельств, Глория снова не попадет под колеса богатенькой дурочки, готовой выплатить нам целое состояние.

— Я найду новую работу... — начала оправдываться Тэмми, которую я закрывала своей спиной от потока негодования старшей сестры.

— Все мы прекрасно знаем, что в этом городе невозможно найти рабочее место, — не сдаваясь, добивала сестру, а заодно и всю семью, Эмилия.

— Но у Глории ведь получилось, почему у меня не получится?

— Потому что Глория единственная в этой семье, кого Плутос^[17] дважды поцеловал в лоб: во время собеседования и во время инцидента с сыном стриптизерши.

— Эмилия, прекрати, — попросила мама, которая только начинала понимать, что именно сейчас происходит в этой семье.

— Мы по миру пойдем, — скрестив руки на груди, заключила Эми, после чего бухнулась в свободное кресло. — У нас еще позавчера закончился ополаскиватель и нам не за что купить даже бумажные полотенца!

— Можно занять у Миллеров, — предложила бабушка.

— Мы только во вторник вернули им долг, — заметил дед.

— Тогда, может нам займет Эмметт? — поинтересовалась мама.

— Вот еще! — возмутилась Эми. — Я не собираюсь впутывать его в наши финансовые проблемы, чтобы потом, в лучшем случае, моя семья на протяжении всего года возвращала ему несчастные пятьсот фунтов.

— Ты скорее согласишься, чтобы я вырезала себе почку, нежели разрешишь нам занять денег у твоего бойфренда, — заметила Тэмми.

— У меня хоть бойфренд есть, в отличие от некоторых. Могла бы закрутить интрижку со своим начальником и получить неплохие премиальные, вместо того, чтобы...

— Думай что говоришь! — огрызнулась я, чем моментально заставила Эмилию замолчать.

— А что? — спустя несколько секунд, возмутилась Эми. — Разве для нашей младшей сестры интрижка — это что-то неприемлемое? Да, в прошлый раз у нее всё закончилось не очень хорошо, но она ведь теперь опытная.

— Эми! — воскликнула Сэм, и все в один голос ахнули, от запоздалого осознания жестокости слов Эмилии.

— Я так больше не могу, — еще больше задрожала за моей спиной Тэмми. — С сегодняшнего дня я буду спать в комнате Дина и Элис.

— Конечно, ведь тебе больше некуда переезжать, кроме как в соседнюю от меня спальню, — не могла выйти из куража старшая сестра.

— Зато у тебя есть куда переехать, да ты всё никак не смоешься к Эмметту, — заметила Тэмми, тонко намекнув Эмилии на её проблему с зачатием. Она даже не попыталась ткнуть носом старшую сестру в её собственную боль, как это только что бесцеремонно сделала сама Эми и как сделала бы я, если бы мне вдруг пришлось в очередной раз ставить Эмилию на место. Но я не удивилась этому, ведь Тэмми, в отличие от меня, даже сейчас было слишком жаль свою старшую сестру, чтобы причинять ей подобную боль.

После сказанных слов, моя младшая сестра сорвалась со своего места и побежала наверх.

Я отправилась за сестрой и, догнав её только на лестнице, затащила её в свою спальню.

— Я потеряла работу, — начала рыдать Тэмми. — Я потеряла... Потеряла работу! Он уже неделю пытался меня лапать, а сегодня чуть не зажал в туалете...

Тэмми заливалась слезами, а я наконец поняла, почему она в последнее время была такой странной.

— Ты всё правильно сделала, слышишь? Любой бы на твоём месте поступил бы также, даже Эмилия. Послушай меня — прими прохладный душ, а потом приходи ко мне. Сегодня мы переночуем вместе. Моя раскладушка как-нибудь выдержит нас двоих одну ночь. А завтра днём, когда все остынут, ты вернешься в свою комнату.

— Я не буду спать с ней в одной комнате.

— Ладно... Ладно, — тяжело выдохнув, утешающе погладила по голове младшую сестру я. — Тогда завтра днём мы устроим тебе спальное место в комнате двойняшек, хорошо? А сейчас умойся и приходи ко мне. Я пока немного здесь приберусь, а-то вдвоем мы здесь еле помещаемся, — неубедительно улыбнулась я и Тэмми попыталась улыбнуться мне в ответ.

С одиннадцати часов я вслушивалась в тяжелое дыхание заснувшей рядом сестры. Так и не найдя в себе сил заснуть, в час ночи я спустилась на кухню, чтобы выпить стакан воды. В темноте я не заметила Эмилию, сидящую за столом на месте Дина, поэтому, когда услышала за своей спиной шевеление, буквально подпрыгнула на месте.

— Эмилия, это ты! — с облегчением выдохнула я, радуясь тому, что на сей раз Корпорация Монстров меня обошла стороной.

— Думаешь, я жестока? — тихо спросила сестра, но я не успела ей ответить. — Мне двадцать четыре года, всю свою сознательную жизнь я живу в одной комнате с сестрами и изредка заглядывающей в гости тетей. Свою зарплату я отдаю родителям, а когда оставляю мелочь для покупки новых туфель, потому что старые уже давно порвались и клей их больше не держит, меня осуждает вся моя семья. Нет, вслух никто не высказывается, но это не значит, что я не умею читать по глазам.

— Нам всем нелегко, — заметила я.

— Тебе легко говорить, — словно не осознав смысловой нагрузки моего замечания, с легкостью опровергла его Эми, — ты ведь несколько лет училась в университете, дышала другим воздухом, а сейчас даже живешь в отдельной комнатке, — при этих словах я тяжело вздохнула, мысленно вернувшись в свою кладовку — неужели она лучше апартаментов Эмилии? Сестра продолжала. — А я все двадцать четыре года своей жизни прожила в своей детской спальне с младшими сёстрами, совершенно лишённая собственного пространства (знакомая история) и не видевшая ничего кроме этого зачуханного городка. Мне жить хочется, — вдруг дрогнул голос Эми. — Просто жить. Я не могу также как Сэм собрать все свои немногочисленные вещи, помахать всем вам рукой и сказать, что я просто беру и уезжаю жить интересной жизнью. Я завидую Саманте, ведь ей так можно сделать, а мне нельзя. Я завидую тебе, ведь ты зарабатываешь гораздо больше моего, хотя как и я не имеешь высшего образования. Я завидую Тэмми, ведь она... Ведь она может иметь детей.

У меня ёкнуло сердце. Только не это! Она вслух призналась самой себе, что завидует Тэмми из-за... Это сложно. Очень сложно. Естественно, ей тяжело далось признание и собственных пороках, но в этом... У нее наверняка сейчас сердце разрывалось от боли за

происходящее в семье. Хотя все мы и думаем, что у нее сердце немного каменное.

— Я чувствую, что не смогу родить. Эмметт не женится на мне, я не дура, чтобы заниматься самообманом. Я навсегда останусь в этом зачуханном городке, в зачуханной должности секретарши, в своей зачуханной комнатке. Я буду каждый месяц отдавать деньги родителям, чтобы помочь воспитать племянников, после чего буду оплачивать их обучение в университетах и присматривать за своими стариками. Ты выйдешь замуж и уедешь отсюда. Несамостоятельная Тэмми, которая не сможет найти себе работу — она ведь на прошлую-то устроилась по чистой случайности! — отправится за тобой на край света. А Эмилия Пейдж останется здесь... Навсегда.

— Не говори так, — прокрутив стакан с водой в руке, тяжело выдохнула я, вдруг прочувствовав всю боль своей старшей сестры, которую она каждый день тщательно скрывала за холодной маской язвительности.

Эмилия поставила перед собой опорожненную кружку и, молча встав из-за стола, отправилась в свою комнату.

— Всё будет хорошо, — прошептала я ей в спину, надеясь, что она меня услышит.

* * *

С утра все завтракали в нервном напряжении. В нашей семье, с некоторых пор, перестали ожидать наступления выходных, так как вместе с ними в наши жизни заявлялась и Джудит Фейн. Да уж, мои выходные, заполненные заботами о собственном выживании и выживании моей семьи, чуточку отличались от выходных Мартина, пестрящих прогулками на яхтах отцов друзей и прогулками верхом в лучших конных клубах страны. Но, как бы странно это не было, я не завидовала ему. Наверное, попросту не успевала — к концу дня не оставалось времени на бред, вроде зависти.

После того, как процедура передачи детей на еже субботнюю прогулку с новой бабушкой и судебным приставом была окончена, я вытащила Тэмми прогуляться по окрестностям, под предлогом вернуть в местную игротеку собрания, взятые напрокат для двойняшек. Я заплела идеальный высокий хвост так, чтобы волосы ровным слоем лежали на моих круглых плечах, надела любимые джинсы, которые избежали встречи со стиральной машиной бабушки по чистой случайности, нашла розовую футболку с белыми полосами по контуру идеального декольте и воротника, и наконец занялась Тэмми. Она самостоятельно придала объем своим волосам и надела свою любимую салатовую футболку с серыми джинсами, поэтому мне оставалось только заставить её слегка подкраситься. Тэмми не любила пользоваться косметикой, так как считала, будто её наличие на её лице заставляет людей тщательнее присматриваться к ней, что, в свою очередь, заставляло её впадать в смущение. Сегодня же сестра всё-таки сдалась, разрешив мне единожды пройти тушью по её пышным ресницам и едва заметно подвести её васильковые глаза черным карандашом.

В итоге, разобравшись с игротеккой, мы отправились в парк, чтобы насладиться теплыми лучами майского солнца и посмотреть на бродящих возле озера туристов, закармливающих уток до потери сознания (некоторые из этих раскормленных птиц отключались просто из-за невыносимости утиного бытия).

Спустя пятнадцать минут пешей прогулки, мы с Тэмми очутились на уютной, деревянной лавочке, стоящей под развесистым каштаном. Я сразу же откинула голову на

спинку, после чего незаметно начала наблюдать за сестрой. На ней была очень красивая, миниатюрная беленькая шляпка со светло-зеленой лентой, которую одолжила ей Саманта, посчитав, что данный головной убор замечательно подойдет под салатовую футболку Тэмми. Что сказать? Сэм знала толк в правильном подборе гардероба.

Всю дорогу до парка Тэмми только и делала, что говорила мне о том, как в понедельник она отправится на биржу труда и что уже к пятнице наверняка сможет найти себе новую работу. Я не хотела разочаровывать и без того подавленную сестру, поэтому в ответ лишь утвердительно кивала ей головой.

Как только мы опустились на лавочку, Тэмми сразу же отстранилась, сосредоточив всё своё внимание на тучных утках, лениво гуляющих по берегу. После вчерашнего она была настолько заплаканной, что никакой макияж не смог бы замаскировать её состояние. Со стороны Тэмми выглядела миниатюрной феей с натертыми до красна глазами. Хорошо хоть, что её глаза только покраснели, а не опухли. Если честно, заплаканной она выглядела еще более милой, чем обычно. Так и хотелось взять её под крылышко и спрятать от всего мира.

Прекратив тайком наблюдать за подавленной сестрой, я закрыла глаза и, повторно откинув голову на твердую спинку лавочки, начала прислушиваться к окружающей среде. Около пяти минут я прислушивалась к тому, как шелестит легкий ветерок в ветвях каштана, как крикают довольные жизнью утки, как где-то совсем рядом машет тяжелыми крыльями ворона и белка точит свой орех. Потом я переключилась на голоса. Звонче всех звучал голос рыдающего рядом мальчишки, в то время как более спокойный голос женщины пытался ему объяснить, что упавшее мороженое есть нельзя, а новое купить невозможно, так как лавка мороженщика только что закрылась. Что сказать, сегодня мальчику реальная жизнь подставила реальную подножку. Вот, что я называю «настоящими» проблемами...

— Привет, — тихо раздался знакомый голос. Сначала я подумала, что начинаю дремать, но, приоткрыв левый глаз, я увидела вполне реального Рика, остановившегося в двух шагах от нашей лавочки.

— Оу, привет, — улыбнулась я и сразу же встала, чтобы нормально поздороваться с парнем. Не успевшая очнуться от своего мира, Тэмми вздрогнула и посмотрела на нас лишь после того, как я уже успела пожать руку подошедшего.

— Тэмми, помнишь Рика? Он ужинал с нами в тот день, когда привез меня из больницы.

— Конечно помню. Магистр из Кембриджа, — с детской непосредственностью откликнулась Тэмми, после чего пожала протянутую руку Рика. После этого парень едва заметно смутился, наверняка из-за замечания Тэмми о «Магистре Кембриджа», что из её уст прозвучало почти как титул. Когда же Тэмми встала перед Риком и посмотрела на него из-под своей шляпы, он вдруг совершенно опешил.

— С Вами всё в порядке? — Придя в себя только спустя несколько секунд, обратился он к девушке. — У Вас глаза красные.

Тэмми смутилась, и я решила ответить за сестру, пока та еще не успела уйти в себя.

— Всё в порядке, просто с утра мы лук очищали, — выпалила первое пришедшее в голову я и, словив на себе красноречивый взгляд Рика, который интересовался, почему же тогда у меня глаза не красные, я тупо добавила. — Просто Тэмми очистила больше луковиц, чем я... И у нее аллергия... А у меня нет.

Аллергия на чистку лука — вот идиотка! Ладно, главное, что Рик понял, что эта тема запретная.

— Не откажетесь составить мне компанию за чашкой чая?

«Как отказаться так, чтобы его не обидеть и одновременно, чтобы он не догадался, что у нас нет денег?» — сразу же подумала я, но Рик быстро добавил:

— Я угощаю, — и, чтобы мы не начали отпираться, приплюсовал. — Пить чай в одиночестве то еще удовольствие.

— Целую вечность не ела баноффи^[18], — довольно протянула Тэмми после того, как внимательно выслушала заказ Рика. Мы отказались самостоятельно выбирать десерт, поэтому Рик заказал три одинаковых. Рик довольно улыбнулся комментарию Тэмми, с облегчением осознав, что угодил минимум одной из нас. На самом же деле Рик бы попал в самое яблочко, даже если бы его заказ состоял из пары листиков мяты — мы так давно не были в кафе, что нам было приятно съесть всё что угодно за счет галантного мужчины.

— Роланд с Мартином уехали на выходные в Лондон. Мартин в восторге от того, что круглосуточно может доставать старшего брата.

— Он без ума от Роланда, — заметила я. — Его уважение к старшему брату просто зашкаливает.

— Обычно, если разница в возрасте между двумя братьями очень большая, тогда старший для младшего почти всегда является примером для подражания и фаворитом в общении, — улыбнулся Рик.

— Он и с тобой неплохо ладит, — заметила я.

— Это что-то вроде мужского авторитета.

— Жаль, что в сознании Мартина совершенно отсутствует понятие женского авторитета, — тяжело выдохнула я, после чего мы с Риком захихикали и он перевел свой взгляд на сидящую слева от меня Тэмми, которая, пытаясь оставаться незамеченной, тихонько рассматривала рисунок на столе. Рик снова смутился. Похоже, он не знал, как общаться с этой странной девушкой. Я решила ему помочь, чтобы он не счел Тэмми чокнутой или отставшей.

— Мартин бы точно уважал Тэмми, — непринужденно выдала я. — Она на днях прикончила «Илиаду», а я никак не могу начать читать Вальтера Скотта, которого Тэмми растащила на цитаты.

Кажется, я перестаралась. Лицо Тэмми порозовело, но на фоне красных кругов вокруг её глаз, это не сильно было заметно.

— Любите Вальтера Скотта? — обратился к тихоне Рик.

— Угу, — выдавила Тэмми, не отрывая взгляда от замысловатых узоров на столе.

— Ой, да бросьте называть друг друга на вы, — снова не выдержала я. — Она младше меня всего на два года, выходит, между вами разница в возрасте всего в шесть лет.

— Хорошо, — согласился Рик, а Тэмми снова промолчала.

К моему большому удивлению, в итоге Рик всё же смог подобрать ключик Тэмми. Уже спустя полчаса, когда баноффи был съеден, а чай допит, между Риком и Тэмми завязалась дружеская беседа, и я вдруг поняла, что нахожусь за бортом происходящего. Рик рассказывал о своем путешествии в Австралию, которое он совершил прошлой осенью, и Тэмми внезапно оказалось настолько интересно его слушать, что она совершенно не стеснялась задавать интересующие её вопросы: «В Тасмании и вправду самый чистый воздух на планете?», «Ты честно проехал через Налларбор?!», «А ты видел диких кенгуру?». Моя сестра казалась пятилетней девочкой — такой непосредственной и смешной, что это заставляло Рика улыбаться, наблюдая за тем, как она округляет свои васильковые глаза после каждого его ответа, забавно кивает головой на его утверждения или удивленно хмыкает, услышав очередной непроверенный ей довод. В итоге, я молчала до тех пор, пока мы не вышли из

парка и не наступила пора прощаться. Я откровенно боялась нарушить их диалог, параллельно пытаюсь вспомнить, когда в последний раз Тэмми была настолько непосредственной в общении с кем-то из посторонних. Всю дорогу до дома Тэмми рассуждала о том, какое должно быть чудо, этот Большой Барьерный риф с установленным на нём почтовым ящиком, доплыв до которого можно отправить письмо друзьям в любую точку мира.

* * *

Понедельник наступил быстро и даже почти безболезненно. В последнее время ходить на работу стало не так уж и сложно, тем более мне хотелось следить за тем, как там поживает высаженный мной палисадник.

С утра Эмилия поворчала на «чьи-то рыжие волосы в ванной», но обижаться на Сэм — себе дороже, так что всё закончилось ни гласом, ни воздыханием. Отец и Тэмми вместе отправились на биржу труда, бабушка с дедом ушли на прогулку в парк, а Сэм пообещала помочь маме с генеральной уборкой сразу после того, как отведет в детский сад двойняшек. С момента её приезда, походами в детский сад занималась исключительно она, как и чтением сказок перед сном, что положительно сказывалось на поведении маленьких Трикстеров^[19].

— Дурацкая же у тебя шляпка, — встретил меня на пороге с утра пораньше Мартин, внезапно оказавшийся рядом Джонатаном.

— А ты почему не на учёбе? — поинтересовалась я, отдавая швейцару ту самую шляпу, которая еще вчера так мило сидела на головке Тэмми и, если исходить из субъективного мнения Мартина, совершенно не шла мне.

— Рик отправился в Лондон, чтобы встретиться с улетающими завтра в Нью-Йорк родителями, так что сегодня у меня выходной, — бойко объяснил ситуацию Мартин.

— Сегодня будет тяжелый день, — искренне призналась я, запрокинув голову и поправив на своем плече небольшую сумочку на длинном ремешке.

— Это я тебе обещаю, — коварно ухмыльнулся мальчишка.

* * *

— Ай! — выйдя на террасу, воскликнула я, ударившись мизинцем о край двери.

— Больно? — поинтересовался Мартин.

— Нет, — прошипела я.

— Жаль, — пожал плечами мальчишка, после чего, сидя за садовым столиком, спокойно продолжил рисовать что-то в своем блокноте. Я давно заметила, что мальчик любит рисовать, правда никогда не интересовалась, что именно он изображает в своем потрепанном блокноте.

— У меня снова эти надоедливые точки перед глазами! Всё-таки мне стоит меньше смотреть на тебя, чтобы не лишиться зрения до своего восемнадцатилетия. Тупица, а ты знала, что ворон — это самая умная птица.

— Разве не сова?

— Нет, сова — это всего лишь символ мудрости.

— Нет, не знала, — хмыкнув, призналась я, потирая пострадавший мизинец на ноге.

— Не удивительно. Скажи, каково это — знать, что ворона умнее тебя?

— Перестань язвить.

— Так и знал. *Ты так и останешься совой, в то время как Роланд всегда будет вороном.*

Я не обратила внимания на слова Мартина, а он вдруг нахмурился и взял в руки черный карандаш.

Во вторник Рик вернулся, и мне не пришлось выслушивать с утра пораньше колкости по поводу своей нелепой шляпы, которую я снова решила одеть. В конце концов, в моем гардеробе было не так уж и много обновок, чтобы отказываться от такой роскоши, как ношение шляпы Саманты.

Я заранее приготовила обед, учтя пожелание Мартина, который отказался есть сегодня первое, отдав предпочтение картофелю. Поэтому уже в половину двенадцатого я отправилась во внутренний дворик, который обожала даже больше, чем здешние круассаны, выпечкой которых занимался личный пекарь Олдриджей. Рик отказался сегодня обедать с нами, так как хотел успеть закончить до вечера какие-то мелочи по собственному проекту, поэтому я попросила его позвать меня, когда он закончит занятия с Мартином.

День тек, словно солнечный елей — медленно и завораживающе. Сладостно потянувшись, я откинулась на деревянный шезлонг, застеленный мягким матрасом, и взяла в руки очередной глянцевый журнал о высокой моде, которую я каждый раз искренне пыталась понять, но всё никак не могла сдержать улыбку, глядя на весь этот ужас.

Этой ночью Элис, из-за сильных коликов в животе, почти до утра проплакала за моей стеной, пока мама с Тэмми пытались напоить её горьким отваром, не разбудив при этом остальных обитателей дома. Я забрала Дина к себе в постель, чтобы он смог выспаться, и он, в отличие от меня, прекрасно справился с поставленной перед ним задачей, отключившись почти сразу после попадания на мою подушку, после чего всю ночь сопел своим детским носом в моё левое ухо. В итоге, я совершенно не выспалась.

Вскоре бороться с утренней дремой стало совсем невыносимо и я, отложив глянцевый журнал на стол и опустив спинку шезлонга на три уровня ниже, закрыла глаза, подставляя своё лицо майскому солнышку. Я определенно заснула и совершенно точно не хотела просыпаться. И всё-таки, осознание того, что мне необходимо принять у Рика вахту над Мартином, заставило меня постепенно вырывать своё подсознание из сладостного сна. Как только я открыла глаза, меня сразу же ослепило солнце, но я смогла увидеть, что Рик сидит в шезлонге справа от меня и читает тот самый журнал, который я небрежно откинула на стол.

— Рик, сколько время? — закрыв лицо ладонями, поинтересовалась я.

— Ммм... — послышался задумчивое мычание, после чего я услышала взмах руки — смотрит на наручные часы. — Половина второго.

— Сколько?! — воскликнула я, резко сев на пятую точку и только после этого увидев, что рядом со мной сидит вовсе не Рик, а Роланд. — Я случайно вздремнула, просто была бессонная ночь — племянница заболела... Но я приготовила обед... — начала оправдываться я, пытаюсь избежать речи Олдриджа о том, что он «платит мне вовсе не за то, чтобы я спала на рабочем месте».

— Всё в порядке, — невозмутимо ответил Роланд, словно всё и вправду было в порядке. — Вы разбили телефон? — вдруг поинтересовался он.

Я посмотрела на лежащий на столе телефон и вспомнила, как в самом начале своей блестящей карьеры няни в этом доме, разбила дисплей своего раритетного телефона, а заодно и ушибла бедро, растянувшись на садовом булыжнике.

— Оу, это произошло уже давно. Ничего страшного, — ответила я и тут же убрала со стола свою разбитую игрушку, почувствовав себя нищенкой, которая не смогла купить себе новый телефон, не смотря на высокую заработную плату и компенсацию от стриптизерши. Олдридж внимательно посмотрел на меня и я, в очередной раз, почувствовала себя идиоткой, запикивающей треснувший телефон в карман джинсов, чтобы убрать его из холодного поля зрения аристократа.

— Я вот о чем хотел поговорить... Гхм... — Олдридж внезапно запнулся, что было абсолютно ему не свойственно, и, отложив журнал на стол, он словно спросил меня совершенно не о том, о чем изначально хотел узнать. — У Вас ведь двое племянников?

— Да, — непонимающе захлопала ресницами я и, вовремя осознав, как глупо выгляжу спросонья, постаралась как можно более четко добавить. — Дин и Элис. Двойняшки.

— Сколько им лет?

Общение с Роландом напоминало мне недавно сыгранную с ним партию в шахматы: он точно и четко задавал мне интересующие его вопросы — я же запиналась, прежде чем дать ему хоть какой-нибудь достойный ответ.

— Им пять. В августе будет шесть.

— Они ходят в детский сад? — скрестив руки на груди, продолжал допрос Олдридж.

— Да, — ответила я, всё еще не в силах уловить смысловой нагрузки нашего диалога. — Но сегодня они остались дома, так как Элис заболела коликами живота... — я замолчала, встретившись с серыми глазами Роланда, серьезно смотрящими прямо внутрь меня, и сразу же поняла, что определено туплю.

— А у Доротеи есть двенадцатилетний внук, — невозмутимо продолжал он. — Я подумал о том, что Вы могли бы иногда приводить сюда своих племянников, а Доротея внука, чтобы Мартину не было скучно. Мне кажется, что, не смотря на наши выходные вылазки в Лондон, ему не хватает общения с детьми.

— Да, конечно, я с Вами согласна. Я смогу их иногда приводить, — захлопала ресницами я, явно не выдерживая его прямого взгляда.

— Даже не знаю, — протянула мама, намазывая на тост тонкий слой масла. — Дорогой, как ты считаешь, это хорошая идея?

— А почему бы и нет? — отозвался отец, который всё еще по привычке вставал пораньше, чтобы позавтракать, как рабочий человек. — Ничего плохого в этом не вижу. Они ведь дети, что может произойти?

— Дерек, я тебя умоляю, — начала мама, очевидно уличившая отца в безответственности. — Вот именно, они — дети. Произойти может всё что угодно. Вдруг они в том особняке разобьют одну из дорогостоящих ваз? Дин на это мастер. Правда, Дин? — поинтересовалась мама, обращаясь к внезапно заулыбавшемуся мальчику.

— Но ведь с ними будет Глория, — пожал плечами дедушка.

— Ах, да. С ними еще будет и Глория, — будто вспомнив о какой-то внезапной опасности, театрально вздохнул отец.

— Так, всё, решено, — не выдержала напряжения я и надкусила свой тост. — Я обещала Олдриджу, что приведу племянников, значит, я их приведу. Сегодня Доротея возьмет с собой своего внука, а завтра я приведу двойняшек.

— Если ты в том доме разобьешь хотя бы одну вазу, нам придется продать твою тетю Сэм на органы, — серьезно констатировала мама, обратившись конкретно к Дину.

— А почему сразу меня?!

Доротея Аддингтон

По обыкновению, в три часа дня я собиралась выходить на работу. К счастью, на прошлой неделе Генри выписали из больницы, и он без последствий перенес второй по счету микроинфаркт. После тридцати четырех лет в браке, мы буквально приросли друг к другу и теперь невероятно боялись столкнуться в старости именно с одиночеством. Ребекка, чтобы навестить отца, приехала всего лишь на одни сутки, после чего сразу же отправилась к своему благоверному. После того, как три года назад она по залёту вышла замуж за Фрэнка — бывшего гомосексуала, она стала параноидально переживать не только за то, что её вторую половину может увести другая идиотка, но и за то, что он заведет себе любовника. После того, как Генри узнал, что его дочь выходит замуж за бывшего гея, который чудесным образом сменил ориентацию сразу после знакомства с Ребеккой, его и без того не самые светлые отношения с дочерью испортились окончательно. Как говорит Генри, *не бывает бывших гомосексуалистов, бывают лишь временно отстраненные*. Я не уверена в этом утверждении, но склонна согласиться с мужем.

Иногда я жалею, что мы завели всего одного ребенка, но порой мне кажется, что второго мы бы просто не выдержали. Начиная с подросткового возраста, Ребекка становилась всё более неуправляемой. Она пропадала до утра, ночуя у незнакомых людей, курила травку, а когда ей исполнилось восемнадцать, своевольно уехала в Манчестер, откуда созванивалась с нами всего один раз в квартал. Нельзя сказать, что мы были плохими родителями, но, из-за утомляющей работы, мы вплоть до десятилетнего возраста практически не видели свою дочь, пытаюсь наверстать упущенные будни со своим чадом во

время совместных выходных, что у нас зачастую не всегда удавалось. В итоге, на свой двадцать второй день рождения, Ребекка заявила к нам с ребенком на руках. Так мы узнали, что ровно полгода назад стали дедушкой и бабушкой. Она рассказала, что забеременела от какого-то норвежского туриста по имени Бьорн, с которым она познакомилась в кафе-баре, в котором работала уже больше двух лет. Больше про отца ребенка она ничего не знала — только имя и национальность.

Дочь сообщила нам, что мальчик родился абсолютно здоровым, весом в три килограмма четыреста грамм, и что зовут его Леонард. На следующее утро мы нашли на кухонном столе основные документы на мальчика, включая бумагу о передаче опеки над ребенком, подписанную Ребеккой на наши имена. Сам же ребенок тихо спал в льняном свертке на диване.

Через девять лет Ребекка познакомилась с геем Фрэнком, который был на двенадцать лет старше нее, и успешно сделала из него «натурала». Когда она сообщила нам о том, что снова беременна, я всерьез испугалась того, что она снова бросит очередного своего ребенка нам на руки, но оказалось, что Фрэнк согласился на ней жениться. И теперь они, в своем Эдинбурге, живут втроем — Фрэнк, Ребекка и трехлетняя Ванесса — совершенно не интересуясь нашей жизнью.

Четыре года назад, когда Лео было всего восемь лет, он потерял своё левое предплечье в автокатастрофе. Ребекка даже не соизволила приехать, решив, что перевода в тысячу долларов на наш счет и пары телефонных звонков будет вполне достаточно. Если бы не Генри, я бы не выжила в тот страшный период своей жизни. Я до сих пор виню себя за то, что разрешила внуку поехать к однокласснику на том злосчастном такси, угодившему под колеса несущегося грузовика. Если честно, мне порой кажется, что от этого несчастного случая, я была потрясена намного больше, чем сам Лео. Он всегда был не по годам мужественным мальчиком — скорее всего, передались норвежские корни отца. Уже через пару месяцев после случившегося, он на равных играл со своими сверстниками в футбол и после даже стал лучшим нападающим года, не смотря на протез вместо левого предплечья. С протезом же нам пришлось откровенно нелегко. С ростом ребенка до сих пор необходимо иногда обновлять утраченное предплечье, меняя протез на более подходящий размер — всё это стоит денег.

По состоянию здоровья, Генри ушел на преждевременную пенсию в пятьдесят восемь лет и уже три месяца как был занят строганием табуреток, которые в этом году принесли неплохую прибыль на сельскохозяйственной ярмарке. Я же, лишившись работы в библиотеке из-за молодого и невероятно наглого ревизора, по счастливой случайности смогла найти себе новую работу в доме Роланда Олдриджа, пройдя первое же для себя собеседование. Причем молодой человек хотел платить такой старухе как я двадцать фунтов в час! Я была многим обязана этому парню и, естественно, когда Роланд предложил познакомить Лео с Мартином, я согласилась безо всяких колебаний. Тем более я была уверена в том, что наш благоразумный Леонард положительно повлияет на вспыльчивую натуру Мартина.

* * *

Двенадцатилетний внук Доротеи оказался настоящим маленьким мужчиной. Заработав на Мартине достаточно убедительный опыт общения с мальчишками, я не исключала того

варианта, что Лео может оказаться подобием младшего Олдриджа, однако он был полной его противоположностью. Леонард был вежлив, учтив и сдержан. Чуть позже выяснилось, что у мальчика вместо левого предплечья установлен протез. Сначала Мартин не хотел идти на контакт с серьезным Лео, предпочитая сидеть за столом на террасе и что-то рисовать в своем блокноте, но когда Лео сообщил мне, что у него вместо руки протез, у рядом сидящего Мартина моментально округлились глаза.

— А ты можешь словить левой рукой бейсбольный мяч? — вдруг заинтересованно спросил Мартин.

— Запросто! — серьезно и одновременно торжественно сообщил Лео.

Уже спустя десять минут они играли в бейсбол на двоих. Глядя на Леонардо, я непроизвольно задумалась о том, каким же мужеством нужно обладать в двенадцать лет, чтобы свое увечье превратить в уникальную силу. А я переживаю по поводу лишних ста граммов на весах и изредка появляющихся мешков под глазами — даже стыдно!

В шесть часов вечера я уже переобувалась на пороге главного особняка, нороя поскорее отправиться домой и принять душ, когда возле провожающего меня Джонатана объявился Роланд, со своим извечным вопросом: «Как прошел день?».

— Замечательно, — слегка улыбнувшись, ответила я, после чего, придерживая шляпу левой рукой, чтобы та не слетела с моей головы, пока я отрывалась от своих ботинок, я ловко разогнулась. — Это была замечательная идея — познакомить Лео с Мартином.

Я была так счастлива удачной дружбе мальчиков, что сейчас задорно улыбалась до ушей. Глядя мне в глаза, Роланд на несколько секунд завис, после чего заторможено спросил:

— Лео?

— Леонард — внук Доротеи, — пояснила я, пытаюсь напомнить Роланду о его идее. — Замечательный мальчик, такой серьезный и внимательный. Они неплохо поладили. Лео уже второй час к ряду рассказывает Мартину о принципе работы своего протеза, — сказала я и сразу же заметила, как поднялись брови Роланда после слова «протез». — Но Вы гораздо лучше всё узнаете, когда сами познакомитесь с Лео. Завтра я приведу своих племянников. Хорошего вечера, — еще раз улыбнулась я, после чего скрылась за входной дверью, услышав вслед приглушенное «хорошего вечера».

Перед тем, как отпустить двойняшек со мной, мама битых полчаса учила правилам приличного поведения совершенно не слушающих её внуков.

Я специально вышла из дома на двадцать минут раньше обычного, прекрасно осознавая, что с детьми буду добираться до дома Олдриджа намного дольше обычного, тем более путь предстоял в крутую гору. В итоге, я впервые опоздала на работу на целых пять минут.

Встретивший нас Джонатан сообщил, что сегодня мне готовить обед не придется, так как Роланд пригласил нас отобедать в его компании. Данную новость я восприняла словно манну небесную, с облегчением откинув мысли о суете на кухне.

Только переобувшись я вдруг поняла, что совершенно не позаботилась о сменной обуви для двойняшек. Осознав свой промах, я с минуту смотрела на племянников, лица которых покраснелись от длительной пешей прогулки, и даже не представляла, как решить столь щепетильный вопрос, пока Джонатан не поинтересовался в чем проблема. В итоге было решено, что дети вполне могут ходить по дому в носках. Поняв же, что нас не забраковали, Элис радостно улыбнулась во весь рот так, что все смогли лицезреть отсутствие её переднего зуба.

Первое время дети вели себя очень тихо, пытаясь издавать как можно меньше лишних звуков. Однако уже к часу дня они совершенно освоились на новом месте, после чего начали носиться по дому, словно пара диких лошадей, из-за чего мне пришлось вывести их в палисадник, чтобы не отвлекать от занятий Рика с Мартином, расположившихся за стеной. В палисаднике двойняшки наткнулись на стайку бабочек-капустниц и ошалело носились за ними, норовя поймать хотя бы одну. Когда же у Дина получилось словить самую изможденную особь, он внезапно издал победный вопль, чем призвал к себе сестру. Как раз в этот момент на террасу вышли Рик с Мартином.

— Это и есть твои племянники? — немного растерянно поинтересовался младший Олдридж.

По идее, если Лео мог привить Мартину некую дисциплинированность, тогда, пожалуй, мои племянники могли бы непринужденно поработать над его чувством ответственности. Придя к такому выводу, я, незаметно улыбнувшись, заявила:

— Да и ты будешь за ними присматривать.

— Еще чего! Я не стану нянькой вроде тебя.

— Смотрите-смотрите, — крикнул подбежавший к нам Дин, совершенно забывший смутиться перед незнакомыми лицами. — Я словил бабочку. Держи, дарю её тебе, — возбужденно заявил мой племянник, после чего положил бледный трупик капустницы в ладонку Мартина. От непосредственности Дина Рик и я непроизвольно заулыбались, в то время как у мелкого Олдриджа отвисла челюсть.

К двум часам дня Мартин уже чувствовал себя настоящим сенсеем. Он рассказывал двойняшкам о том, что убивать капустниц нужно более гуманным образом и объяснял пользу сачков в столь скрупулезном мероприятии, играл с ними в догонялки и показывал, как правильно имитировать звуки птиц, которые у него замечательно получались. Эти трое зациклились друг на друге, отчего мне стало немногим легче — на меня прекратили обращать внимание, но я всё еще напрягалась из-за высокой вероятности разбитых носов.

В два часа дня Джонатан позвал нас на обед, после чего мы шумной компанией

отправились в главный дом. Уже на полпути к столовой, в момент, когда Элис споткнулась о ногу Мартина и едва не упала носом вниз, мы встретились со старшим Олдриджем, выходящим из гостиной.

— Значит это Ваши племянники? — приподнял правую бровь парень.

— Да, я Дин, — подбежал к Олдриджу самый смелый, даже не предоставив мне возможность ответить на адресованный мне вопрос. — А это моя сестра Элис. Мы двойняшки, а Вы кто?

В ответ Роланд пожал руку маленькому джентльмену, после чего внезапно лучезарно заулыбался:

— Меня зовут Роланд. Я старший брат Мартина.

— Бра-а-ат?! — восхищенно протянул Дин, глядя снизу вверх на незнакомого мужчину. — Такой взрослый?! Круто! Жаль, что у меня только тётки. Я бы еще хотел себе брата, ну или на крайний случай сестру. Щенка я больше не хочу, он у меня уже есть. Но у меня больше никогда не будет брата или сестры — только Элис. Это потому, что мой папа и моя мама родили нас и отправились на небеса. Так говорит бабушка. Жалко, что они не родили еще кого-нибудь, перед тем как улететь.

— Дин, хватит, — попросила я, стараясь скрыть свою злость. Зачем он это рассказал?

— Давайте пообедаем, — предложил Роланд, тем самым стараясь сгладить неловкость, после чего мы отправились в столовую.

— Мои родители тоже улетели на небеса, — шепотом обратился Мартин к Дину. — Наверное, они там встретились с вашими родителями и подружились.

— Интересно, а у них там есть капустаницы? — тоже еле слышным шепотом поинтересовался Дин.

— Конечно есть! Это же небеса.

Роланд занял место во главе стола, Мартин расположился справа от него, рядом с ним разместился Дин, я же села напротив Мартина и усадила слева от себя Элис.

— Ой, я пукнула, — громким шепотом призналась Элис, так что это услышали все. В этот момент я поняла, что веселье начинается. Улыбающаяся мне через один зуб, Элис многозначительно хихикнула, на что я вдруг нервно икнула.

— Дети, давайте тихо поедим, — многозначительно посмотрев на Дина, предложила я.

— Да, давайте, — согласилась Элис и тут же встала на стул, чтобы молча залезть ко мне на руки. — Глория, покорми меня на ручках, пока бабушка не видит.

Я частенько разрешала Элис сидеть у себя на руках во время приема пищи, против чего мама всегда сильно бунтовала, поэтому мы грешили подобными делишками только в её отсутствие. Я хотела снять с себя племянницу, но та уже взяла мою вилку и, потянувшись через весь стол, наколола себе самую большую картошину из общей тарелки.

— Глория, смотри, я взяла нам самую большую, — радостно заявила Элис, протянув мне свой трофей.

— Зато у меня самый большой кусок мяса, — кинул вызов сестре Дин. Зная, чем обычно заканчивается подобное соперничество между этими двумя, я вовремя их прервала:

— Дин, веди себя культурно.

— Кулькульно? — переспросила Элис.

— Не кулькульно, а культурно, — передразнил Дин. — Это значит, что мы должны не крошить за столом.

— Угу, — понимающе кивнула своей маленькой головкой Элис, на которую мама

нацепила страшно-синий бант. — Я съем все свои крошки, — невозмутимо добавила девочка.

Кажется, Роланд давился от смеха, пытаясь сдерживать порывы хохота только из уважения к щепетильности ситуации. Поэтому, он только широко улыбался и делал глубокие вдохи, чтобы вдруг не сорваться.

Наконец все принялись за еду и на некоторое время обстановка разрядилась, пока Элис внезапно не заплакала. Причем сделала она это так неожиданно и так громко, что даже у меня сердце вздрогнуло.

— Что с ней?! — впервые на моей памяти, испугался Роланд.

— А-а-а... Язык, — плакала Элис, уткнувшись мне в грудь. — А-а-а... Я пликусила язык.

Так я в первый раз увидела неподдельно растерявшегося Роланда. Он перестал резать свой бифштекс и смотрел на меня округленными глазами, словно спрашивая: «Что делать с языком девчонки?! Что с ним, блин, делать?!»

Только после того, как я посмотрела на вытянутый язык племянницы, поцеловала её в нижнюю губу и высморкала её курносый нос в белоснежную салфетку, она довольно заулыбалась своему брату отсутствующими молочными зубами и снова повернулась к столу.

— Всё, я накушалась, — спустя минуту заявила Элис и начала слезать с моих рук. — Я пойду гулять.

— Куда ты пойдешь? Подожди нас, мы еще не доели, — запротестовала я, но это не погасило целеустремленности ребенка.

— Нам скоро подадут десерт, — вдруг сказал Роланд и Элис, замерев, внимательно посмотрела на него.

— Десерт? Ну ладно, — тяжело вздохнула девочка, — я останусь.

Уже спустя полминуты Элис положила руки на стол, легла на них и простонала, обременяюще глядя на Роланда:

— Ну где-е-е же десерт?

— Бесплатный сыр только в мышеловке, — встрял Дин. — Так дедушка Кристофер говорит.

— Я люблю сыр, — вздохнула Элис, — но сейчас я хочу сладенького.

Еще немного и Элис бы лопнула от нетерпения, но вовремя появившаяся кухарка буквально спасла девочку от разрыва. Быстро убрав всю лишнюю посуду, женщина поставили перед нами глубокие креманки с мороженым, залитым слоем сливок и украшенным мараскиновой вишней, листочком мяты и какао-пудрой.

— Ого! — воскликнула внезапно взбодренная Элис и сразу же шлепнула своими маленькими ладошками по столу. — Глория, я съем и свою, и твою вишенку, можно?

— Можно.

— А дедушка Дерек говорит, что если есть сладкое за двоих, тогда попа слипнется, — отозвался позавидовавший проворности сестры Дин.

— У меня не слипнется, мне её вчера вечером тётя Сэм мыла, — победоносно констатировала Элис. К этому моменту я уже сдалась и перестала реагировать на суперцитаты своих племянников, пока Роланд открывал для себя новый мир под названием «Детский Поток Сознания» или ДПС, как в сокращении называл его папа. Взяв удлиненную ложку и зачерпнув ей сливки, я попросту абстрагировалась, уже перестав бояться чего бы то ни было.

— Это мороженое! — наконец разобралась в содержимом своей креманки Элис.

— Ты опять начала картавить, — заметил Дин и задорно засмеялся. — Наверное, язык уже себе отморозила.

— Р-р-р, — в доказательство своей способности произносить твердые звуки, прорычала Элис. — Глория, можно я съем и твое мор-р-роженое?

— Ты еще своё не съела и если ты съешь две порции, у тебя заболит горло.

— Не заболит. Ты ведь не любишь мороженое.

— Тётя последний раз ела мороженое, наверное, когда еще училась в университете. Когда человек долго чего-то не пробует, он заново начинает это любить, — поумничал Дин. — У меня так было с ананасами. Я их так сильно не любил, а потом, когда у дедушки с бабушкой закончились деньги и они перестали покупать ананасы, мне вдруг так их захотелось. А потом Глория привезла из университета ананас и я снова его разлюбил.

— Дин, кушай молча, — попросила я, пытаюсь сдержать нервный тик правой брови.

— На самом деле наша Глория сладкоежка, — немного помолчав, продолжил Дин.

— Сладкоежка? — заинтересованно спросил Роланд. — Я не знал.

— А Вы ей предлагали шоколадку?

— Нет.

— Ну конечно, поэтому Вы и не знали! Вы ей предложите чего-нибудь вкусного — она обязательно согласится. И даже станет немножко добрее.

— Дин, — снова многозначительно посмотрела я на мальчишку. Пожалуй, это был мой первый день под этой крышей, когда Мартин для меня казался белым и пушистым.

— Спасибо за совет, — красноречиво улыбнулся Роланд.

— Не за что, — взаимной улыбкой ответил довольный мальчишка.

Когда мороженое уже было съедено, Дин потянулся за лежащим в центре стола яблоком и случайно опрокинул свою креманку. Я не видела, но слышала, как она треснулась о пол, успешно разлетевшись на мелкие кусочки.

— Ну молодец! — тут же воскликнула Элис. — Теперь нам придется продать тётю Сэм на органы.

— Что? — переспросил Роланд и, впервые не выдержав, сорвался на смех, пока я размышляла о том, сколько же стоит эта несчастная креманка и скольких фунтов я не досчитаюсь в этом месяце в своем кармане.

— Бабушка Одри сказала, что если я разобью что-нибудь в Вашем замке, тогда нам придется продать тётю Сэм на органы, чтобы выплатить Вам ущерб, — пояснил Дин.

— Дин, что ты наделал, — надув нижнюю губу и приготовившись с секунды на секунду сорваться на рёв, упрекнула брата Элис. — Я так сильно любила тетю Сэм, — уже в прошедшем времени о своей любимой тети заговорила девочка. — Теперь вместо нее нас снова будет мыть Глория, а она не умеет надувать пузыри из пены.

— Не переживай, — я попыталась успокоить Элис прежде, чем она начнет реветь во весь голос о потере своей любимой Саманты. — Бабушка пошутила. Никто никого отдавать на органы не будет.

— А как мы тогда отдадим Роланду деньги? — поинтересовался у меня Дин. — Нам точно придется отдать кого-нибудь на органы, потому что кроме тебя в нашей семье больше никто не работает. Ну, еще тётя Эми, но она немножко жадная. Можно вырезать одну почку твоему щенку, Элис. Правда почка тёти Сэм будет покрупнее, значит и денег за нее дадут побольше...

— Не-е-ет, — начала срываться на слёзы Элис.

— Стоп, — не выдержал Роланд, всё это время судорожно подавляющий приступ смеха. — Разбитая креманка не отнимет ни у кого жизни. Ничего страшного не произошло. Сейчас здесь всё приберут, и никаких денег мне возвращать не нужно.

— И даже почек тети Сэм?! — не успокаивался Дин.

— И даже почек тети Сэм, — всё-таки сорвался на смех Роланд.

— Круто! — обрадовался мальчишка. — Когда я приду домой, я скажу дедушке Дереку, что ты никакой не извра... Извра...

— Из-вра-ще-нец, — по слогам помогла брату произнести сложное слово, слезающая с моих рук Элис.

— Да! Что ты не извращенец и кормишь нашу Глорию мороженым.

Обещание племянника заставило меня громко выдохнуть и прикрыть своё лицо ладонью.

После обеда мы вернулись в домик Мартина, где я уложила детей на тихий час в спальне для гостей и отправилась на кухню. Сев на барный стул и запрокинув голову назад, я молча начала разглядывать серый потолок, совершенно забыв о том, что должна приглядывать за мелким Олдриджем.

— По своему развитию ты мне напоминаешь своих пятилетних племянников, — заявил вошедший на кухню Мартин. — Только они милые, а ты нет.

— Не три глаза — будут красные, как у кролика.

— Просто мутно вижу твою физиономию, — колко ухмыльнулся мальчик.

— Это из-за того, что тебе тоже не помешало бы отправиться на тихий час.

Во время обеда Роланд, видя плачевность текущей ситуации, разрешил мне уйти с работы на два часа раньше. Мне бы расстраиваться, из-за потерянных денег в виде двух неотработанных часов, но, если не кривить душой, я была счастлива вернуться домой пораньше, принять душ, и завалиться на свою раскладушку сразу же после ужина.

* * *

На следующий день, после обеда, когда Мартин отправился к своему Xbox One, чтобы в сотый раз погрузиться в «Бэтмен: Лечебница Аркхэм», Рик всё еще топтался на кухне пытаюсь помочь мне с грязной посудой, что заставило меня напрячься. Обычно он смывался либо до обеда, либо сразу после, не задерживаясь ни на минуту, так как был слишком занят развитием собственного проекта.

— Что будешь делать дальше? — вдруг поинтересовался он.

— Наблюдать за тем, как Мартин выжимает соки из Харли Квин, не сильно хочется. Пожалуй, погреюсь на солнце во внутреннем дворике.

— Отлично, я с тобой.

— Что-то случилось? — уже усаживаясь на край шезлонга, поинтересовалась я.

— М-м-м-да. То есть нет. Должно случиться.

— Что-то хорошее? — напряглась я.

— Определенно хорошее.

— Ну, значит всё в порядке, — расслабившись, выдохнула я, после чего похлопала Рика по плечу. — Так что же должно произойти?

— День рождения Роланда третьего июня.

— Круто, третьего июня, эммм... Это ведь уже во вторник, — вдруг осознала я всю близость грядущего события. — Выходит, во вторник у меня либо выходной, либо напряженный день. Как думаешь, меня отпустят домой или заставят следить за вездесущим Мартином?

— Вообще-то, я хотел пригласить тебя.

— Куда? — непонимающе спросила я.

— Вечером во вторник здесь соберется весь бомонд Лондона. Роланд, пользуясь удачным предлогом для того, чтобы заключить пару выгодных контрактов, решил устроить в этот день вечеринку-маскарад. Он сказал, что если я не приду — он затаит на меня обиду до

скончания своих лет, так что у меня нет выбора. Явиться же без пары на подобное мероприятие не очень комильфо, но мне совершенно не с кем идти и кроме тебя мне некого пригласить.

— Я не могу. Все засмеют тебя, когда узнают, что ты пришел с нянькой мелкого Олдриджа.

— Там тебя никто не узнает.

— Узнает сбившая меня Шейла Хиггинз или пассия Роланда Кэрол.

— Они обе не приглашены и, кстати, Кэрол не является пассией Роланда. Она уже полгода как безрезультатно кружит вокруг него.

— Если не они, тогда меня выдаст Мартин.

— Это мероприятие не для детей. Его там не будет. Из знакомых тебе буду только я.

— И Роланд. Он-то меня и сдаст присутствующим. Будешь весь вечер за меня краснеть.

— Перестань, я точно за тебя не буду краснеть. Он тебя не узнает. Это ведь маскарад. Мы наденем тебе маску на пол лица, переоденем в платье, поставим на каблуки, изменим прическу, накрасим...

— Но у меня нет ни подходящего платья, ни туфель...

— Я буду твоей крестной феей и всё это организую.

— На одну прическу уйдет полдня, а мне нужно работать.

— Мы договоримся с Доротеей и она подменит тебя на этот день.

— Но ты сам сказал, что соберутся все сливки Лондона. Я буду чувствовать себя не в своей тарелке.

— Тогда ты понимаешь, как буду чувствовать себя я. Тем более без пары. Пожалуйста, не отказывай мне. Не бросай меня на съедение львам, — пустил в ход своё главное оружие Рик и я сразу же сдалась.

Уже вечером, лежа под одеялом на своей раскладушке, я искренне раскаивалась в своём согласии.

Все выходные я ломала голову над тем, что же можно подарить такому аристократу, как Роланд Олдридж, и одновременно не разорить свою семью. В ход пошли сувениры, привезенные Самантой из Японии, которые она незамедлительно демонстрировала сразу после того, как произносила их замысловатые названия. Сэм предлагала подарить ему куклу Дарума^[20], но я посчитала, что дарить безглазую статуэтку, даже если это предусмотрено её конструкцией, неприлично. Следующим пунктом в списке неугомонной Сэм было сампуру в виде сета из суши, но я решила, что еды во время данного мероприятия будет достаточно, и именинник не будет нуждаться еще и в её макете. Маска «Театра Но» меня заинтересовала лишь в качестве приложения к собственному костюму на этот вечер, однако я вовремя вспомнила, что моей главной задачей является поддержка Рика, а не его позор.

— Тэнугуи^[21]? — не сдавалась Сэм.

— Нет, спасибо. У него достаточно полотенце из натурального хлопка.

— Юката^[22]?

— Он не сможет влезть в женское кимоно.

— Манэки-нэко^[23]?

— Не уверена, что ему нравятся коты.

— Может быть, гэта^[24]?

— Не хочу, чтобы он сломал свои ноги. Но можешь отдать их мне — буду ходить в них в душ.

— Веер?

— Он не юная леди!

— Вагаса^[25]?

— И не дама в возрасте.

— Может быть, фурин^[26]?

— Так и вижу, как он приделывает его в своем кабинете.

— Я сдаюсь! — не выдержала Саманта, перекинув свои распущенные рыжие волосы через плечо. — Давай, собирай всё это барахло назад в чемодан и думай сама, дорогая племяшка.

Поиграв с Джудит в горячую картошку двойняшками в субботу, наступило воскресенье, а я всё никак не могла решить вопрос с подарком. Отец предложил «прикольнуться» и подарить имениннику пачку презервативов: «По любому когда-нибудь да понадобится, если он не импотент». Пришлось напоминать ему, что Роланд не извращенец и уж точно не импотент. Отец многозначительно заметил, что раз оба пункта я уже успела проверить, значит, презервативы на день рождения теперь стоит дарить мне.

Наступил понедельник, а я всё еще мучилась бессонницей, из-за сложного вопроса о подарке, который буквально завис в моём личном пространстве. Весь день слово «тупица» в исполнении Мартина звучало для меня как суровая реальность, а не жестокое ругательство.

— Я выпросил тебя у Роланда на завтра. В восемь утра буду у твоего дома, — после обеда сообщил мне Рик, и я вдруг остро осознала, что у меня почти не осталось времени на выбор приношения.

«Тупица-тупица-тупица», — звучало у меня в голове, пока я шла по промокшим от

недавнего дождя, городским улочкам, в лужах которых играли оранжево-красные лучи заката. Впервые после работы я не мчалась домой сломя голову, а решила прогуляться по знакомым с детства, мощеным улицам родного города, выложенным брусчаткой девятнадцатого века. Дома мысли словно застывали, гуляя же я чувствовала себя легче. Я уже готова была согласиться на безглазую куклу Дарума от Сэм, как вдруг увидела возникший из неоткуда сувенирный магазинчик. Я была уверена в том, что раньше на его месте располагалась мясная лавка. По-видимому, хозяин этого магазинчика сменился.

В таком богемном месте едва ли можно было найти что-то подходящее в подарок аристократу, но, помешкав, я всё же зашла внутрь и над моей головой сразу же зазвенели колокольчики.

— Добрый день, чем могу Вам помочь? — поинтересовалась специфическая дама, лет шестидесяти, седые, густо взбитые волосы которой напоминали марципановый парик.

— Ищу подарок на день рождения, — ни на что не надеясь, ответила я, поджав губы.

— Девушке или парню?

— Парню.

— Дорогому парню? — протянула женщина, многозначительно улыбнувшись.

Предав другое значение слову «дорогой», я представила количество нулей на счете Роланда и, ухмыльнувшись, наконец дала свой ответ:

— Безумно дорогому.

— Тогда я могу посоветовать Вам приобрести красную нить.

— Простите, что?

— Талисман из красной шерстяной нити, защищающий своего обладателя от сглаза и зависти. Лучше всего, если дарящий человек завяжет на запястье человека, которому дарит, ровно семь узлов и над каждым искренне пожелает ему чего-нибудь хорошего.

От чего от чего, а вот от зависти Олдриджу точно нужен был талисман. Тем более если и дарить дешевый подарок, тогда определенно исключительно символический, несущий глубокую смысловую нагрузку.

— Беру. Сколько он стоит?

— Обычные нити подешевле, а именные чуть подороже.

— В чем разница?

— Человек будет смотреть на подарок и вспоминать о подарившем. Правда, здесь осталось всего десять нитей с женским именем. Как Вас зовут?

— Глория, — совершенно не собираясь переплачивать за имя, ответила я, даже не сомневаясь в том, что именно моего имени в стопке красных ниток не найдется.

— Как раз одна нить с именем Глория! — радостно сообщила продавщица, протягивая мне ответ на вопрос, который терзал мою душу вот уже несколько дней к ряду — наконец я знаю, что подарить Роланду!

В дополнение к веревке с моим именем, пришлось купить миниатюрную, декоративную шкатулку из дерева с мягкой обшивкой внутри. Если и дарить подарок человеку, за деньги которого кормится вся твоя семья, тогда делать это красиво. Гулять, так гулять!

В семь часов утра мой мобильный разревелся Одиноким Пастухом — Рик звонил напомнить, что будет у меня ровно через час, и попросил взять с собой свой подарок сразу. Оказывается, сразу после Лондона мы напрямую отправляемся на праздник. От одной только мысли о том, что гвоздем праздничной программы сегодня может стать обыкновенная нянька, сопровождающая на празднике несчастного Рика, у меня вдруг снова засосало под ложечкой. Неужели нельзя было пригласить кого-нибудь другого?! От подобных мыслей я чуть снова не впала в отчаяние, но вовремя взяла себя в руки, умылась, оделась, повозилась с прической и макияжем, положила в сумку подарок, упакованный в алую, фольгированную бумагу, и, глубоко выдохнув, спустилась вниз. Я так сильно переживала из-за грядущего вечера, что мне кусок в горло не лез, чем проворно воспользовался дедушка, довольно съев мою порцию завтрака.

«Нет, это неправильно, нужно было предупредить Олдриджа о том, что Рик приведет меня! Хотя, с другой стороны, Рик может привести кого захочет... Но ведь не няню, работающую на виновника торжества! Хотя почему нет? Рик ведь тоже работает на Роланда. Но он его друг, а я всего лишь обслуживающий персонал!» — внутренняя борьба со своими страхами и сомнениями буквально разрывала меня изнутри, пока к нашему дому не подъехала знакомая машина Рика.

— Всё получится, — улыбнулась Тэмми, когда я уже выходила из дома, но сделала это почему-то так грустно, что это не только не поддержало меня, но и добило окончательно.

Через полчаса мы с Риком въехали в Лондон. Когда же мы остановились напротив солярия, я, не скрывая растерянности, вопросительно посмотрела на Рика.

— На фоне присутствующих, еженедельно посещающих солярий и ежемесячно отдыхающих на Сейшелах, мы будем выглядеть бледными орками. Нужно что-то с этим сделать.

Всё началось также быстро, как и закончилось. Моё первое в жизни посещение солярия в сумме продлилось полчаса и незабываемых впечатлений я точно не получила.

— Это не нормально, что ты за меня платишь, — сев в машину, констатировала я.

— Ты решаешь мою проблему с отсутствием поддержки, а я решаю твою проблему с внешностью.

— Всё-таки у меня проблемы с внешностью...

— Для жизни — нет, но для бала — конкретные.

Никогда не могла подумать, что два часа из своей жизни женщина способна выбросить на маникюр и педикюр. Поначалу я никак не могла свыкнуться с мыслью о том, что, распустив пальцы веером, мне придется потратить целых сто двадцать минут своей жизни. Однако уже к концу процедуры я окончательно развалилась на маникюрном столике и, положив голову на левое плечо, бесцельно смотрела, как мой идеальный френч с замысловатыми узорами сушится под инфракрасной лампой — всё лучше, чем сидеть с Мартином.

Рик вернулся за пятнадцать минут до окончания моего томления и стал демонстрировать новые приобретения, по очереди открывая бумажные пакеты фирменных магазинов. Он купил два флакона дорогих духов (моим ароматом стал «Roses De Chloé») и головокружительные украшения, от которых можно было сойти с ума, если бы они не были

обыкновенной, хорошо выполненной бижутерией. Эти дешевые украшения с обыкновенным стеклом вместо драгоценных камней выглядели так внушительно, что их едва ли можно было отличить от подлинных драгоценных изделий. По крайней мере, Рик был уверен в том, что никто не заметит подделки, в чем я, в отличие от этого парня, немного сомневалась. Себе же Рик купил шикарные часы от Audemars Piguet, о стоимости которых было слишком неприлично спрашивать. Интересно, сколько же Олдридж платил Рiku за обучение Мартина, если, будучи простым учителем, он может себе позволить подобные часы? Хотя, у него ведь есть какой-то собственный проект...

После маникюра и покупок мы посетили недорогое кафе. Достаточно плотно пообедав, в час дня мы отправились к известному на всю Британию стилисту и модельеру Бену Болдуину, чьи показы я не раз видела по телевизору, сидя в маленькой гостиной на протертом кресле и уплетая домашний попкорн. Хотя тридцатидвухлетний стилист и скрывал подробности своей личной жизни, весь Лондон знал о том, что он гомосексуалист. На вопрос о том, откуда Рик знаком со столь медийной личностью, парень ответил, что чуть более года назад познакомился с модельером на открытии благотворительного фонда Олдриджа.

— Тут работать не переработать! — всплеснул руками Бен, осмотрев меня со всех сторон. — Хотя ты посмотри на эти формы, этот прелестный носик, сизые глазки... Девочка, ты красивее любой модели, только вот ростом не вышла.

— Метр семьдесят один, — прояснила я.

— Да, это определенно приговор, а не рост. Хотя в Азии ты однозначно имела бы успех. Потрясающе, нет, я в восторге! Я думал, что ты приведешь мне обыкновенную серую мышь, а не замечательного карликового кролика.

— Ты еще её младшую сестру не видел, — улыбнувшись, ответил Рик, тем самым явно подчеркивая, что Тэмми красивее меня, хотя все кроме него всегда были обратного мнения.

— Представляю, какое должно быть чудо, — заинтересованно произнес Бен. — А что с её ростом?

— Метр шестьдесят девять, — словно извиняясь, ответила я.

— Какая досада, — скрестил руки модельер.

После десятиминутного прослушивания монолога Бена Болдуина о новой пластике какой-то испанской поп-дивы, Рик ушел в соседнюю комнату, а меня переодели в шелковый халат и усадили на вращающийся стул. Появившаяся из ниоткуда, худощавая женщина начала мыть мне голову шампунем, отдающим подозрительно волшебным ароматом. Тщательно высушив мои волосы и аккуратно расчесав, она оставила меня в пустой комнате на целых полчаса, после чего вновь возникла из ниоткуда, приведя с собой группу поддержки в виде молоденькой девушки лет двадцати, которая, в итоге, работала над моим макияжем.

Ровно в шесть часов вечера мне впервые дали посмотреть на себя в зеркало. На мне было шикарное, каскадное красное платье в пол, нижняя часть которого состояла из идеально закрепленных складок органзы, напоминающих густые, хорошо взбитые, алые сливки, красиво уложенные воздушными горами. Сзади платье слегка тянулось шлейфом, а спереди откровенно оголяло мои, благо, стройные ноги, на которых красовались серебристые туфли с блестящими, белыми камнями и замысловатыми узорами, красиво облегающими мои лодыжки. На высоких, но прочных каблуках, я стала минимум на четыре сантиметра выше своего роста. Сами же туфли были настолько удобными, что буквально казались продолжением моей ноги. Осматривая свою многострадальную, правую ногу, я не

сразу заметила красоту этих волшебных туфель, безумно радуясь лишь тому, что от шрама после укуса добермана не осталось и следа.

На плотно затянутом корсете, в тон к туфлям, красовался широкий, серебристый пояс, словно сплетенный из сотен разнообразных белых камушков и бусинок. Всё это отлично гармонировало с украшениями, которые, к моему великому удивлению, оказались невероятно тяжелыми, как для дешевой бижутерии, купленной Риком в обыкновенной лавке. На руке у меня был закреплен серебристый браслет с красными камнями, в уши вставлены достаточно крупные серьги, а на роскошно поднятой груди разместилось увесистое, серебристое кольцо с огромными красными камнями, к которому моя грудная клетка никак не могла привыкнуть.

Моя прическа была пределом мечтаний любой модели — высоко поднятые, объемные, огромные локоны, спадающие на мои круглые плечи, выглядели просто шикарно. Макияж был выполнен в серебристых тонах (серебряные тени, красота которых была не из мира сего, просто завораживали). Матовая, черная подводка, изобразившая изящные стрелки на моих веках, стала настоящей изюминкой. Венцом же красоты моего лица Бен считал пухлые, идеально покрашенные, матово-пунцовые губы, с образцово очерченными контурами.

— Девочка, ты будешь вишенкой на торте этого тирана, — гулко вздохнул Бен, аккуратно закрепляя узорную, черную маску на моем лице, чтобы не испортить мой макияж или прическу.

— Какого тирана? — непонимающе поинтересовалась я.

— Роланда Брайана Олдриджа, — ответил вошедший в комнату Рик. На нем был роскошный, серебристый костюм, который отлично сочетался с моим серебристо-алым образом. — Неплохо выглядишь, — сунув руки в карманы, без особых эмоций, добавил Рик.

— Неплохо выглядит?! Да она прекрасна! — возмутился Бен. — Только влюбленный в другую женщину или круглый идиот скажет, что наша красотка всего лишь «неплохо выглядит». И я не хочу считать тебя, Рик Белл, полным идиотом. Пусть лучше ты окажешься околдованным иной дивой.

В ответ на пламенную речь Бена, Рик лишь загадочно улыбнулся.

— Чуть не забыли! — воскликнул Бен. — Клатч. И надень, наконец, это кольцо! Если ты его забудешь, мне придется мчаться за тобой до самого поместья Олдриджа и я наверняка за это время поседею, и заработаю с десяток новых морщин, так что никакой ботокс потом не спасет.

Мы покинули пределы Лондона ровно в семь часов, как вдруг у нашей машины спустило заднее колесо и у нас не оказалось запасного. Нам повезло, что мы отъехали недалеко от города, иначе бы мы рисковали приехать на бал лишь к его завершению или не успеть вовсе (что меня, в отличие от Рика, вполне устраивало). Но, к моему глубокому сожалению и безграничной радости Рика, мы справились с этой проблемой в течение часа и снова рванули в путь. Бал начинался ровно в восемь, что означало, что мы уже опоздали минимум на час. Я была довольна подобным раскладом, но не Рик, который сейчас выжимал на спидометре максимально дозволенную скорость.

И все равно мы оказались у поместья Олдриджа лишь в пятнадцать минут десятого, когда все гости уже давно были в сборе и вступительная программа с поздравительными речами уже были окончены (как же я была этому рада!).

Когда Рик завернул на Б***-стрит, я поняла, что моё kloкочущее сердце вот-вот выскочит из плотно натянутой груди, после чего ударится о тяжелые камни поддельного

колье и разорвется на малюсенькие кусочки. Но признаться вслух о накатывающей на меня панике, особенно после того, как Рик вложил немалые средства в моё преобразование, было бы «обыкновенным свинством», как обычно выражался папа, когда снова и снова чинил сливной бачок в сортире, а мы снова и снова его ломали.

Когда Рик остановился у знакомого мне входа в главный дом, в моей груди словно что-то начало щелкать. Неосознанно, я начала так тяжело дышать от ужаса перед предстоящим, что казалось, будто мои легкие начали скручиваться в рогалик. Наверное, поэтому я не заметила, как Рик вышел из машины и открыл мне дверь.

— Глория, ты не передумала? — заулыбался он, не получив моей ладони в свою, протянутую мне, руку.

— Нет, — ответила я и, сглотнув комок нервов, наконец покинула своё убежище.

Как же нагло я врала! Я передумала минимум сотню раз с момента, когда мы выехали из Лондона.

Рик передал ключи от своего автомобиля неизвестному мне парнишке, который сразу же отправился его парковать. Я озадаченно смотрела на лежащий под нашими ногами красный ковер с золотой каймой вдоль всей своей длины и, ведомая Риком, старалась ни о чем не думать, кроме как о своей прическе. Однако ни о чем не думать не получалось. Передний палисадник, украшенный розовыми кустами, казался мне искусственной декорацией, хотя и состоял из живых растений. Еще вчера этот клочок земли был засажен шикарными обриетой, аквилегией, высокими люпинами и, моими любимыми, белоснежными ирисами, а уже сегодня всё пространство заполнили собой роскошные, бледно-розовые розы. Даже над входными дверями, которые только что открыл нам Джонатан, красовалась арка из подобных роз.

«Если Джонатан узнает меня, значит узнает и Роланд», — с дрожью подумала я, инстинктивно проверив крепление своей маски.

— Добрый вечер, мистер Белл, — обратился Джонатан к Рiku, после чего перевел взгляд на меня, отчего я едва не умерла от страха, боясь услышать от швейцара в свой адрес предательское: «Добрый вечер, мисс Пейдж», — но Джонатан лишь приподнял свои густые брови и, снова обратившись к Рiku, спокойно добавил. — У Вас роскошная спутница.

— Благодарю Вас, Джонатан.

Я нервно улыбнулась. Роскошная — от слова роскошь. У меня даже огромное кольцо на среднем пальце правой руки было тяжелой тонной железа с увесистым куском стекла. На мне было столько поддельных камней красного граната, что я боялась к концу вечера попросту осесть под их грузом. Это всё равно, что притворяться подлинным гранатовым деревом, являясь обыкновенной палкой.

Если снаружи дом был усыпан бледно-розовыми розами, то внутри он буквально тонул в гирляндах из алых роз, которые, впрочем, не так сильно пахли, чтобы наградить гостей порцией мигрени.

— Боюсь, Вы немного опоздали, — заметил Джонатан. — Мистер Роланд закончил свою речь буквально пять минут назад и удалился в свой кабинет для подписания некоторых контрактов. Вы можете присоединиться к гостям и насладиться шампанским.

— Уверен, что Роланд не поскупился на выпивку, — прошептал прямо мне в ухо Рик, в руку которого я нервно вцепилась. — Могу поспорить, что прежде чем он приступил к своей идеально отрепетированной речи, он позаботился о том, чтобы его потенциальные партнеры к тому времени уже были под подходящим градусом.

Мы проходили мимо кучек дам, разодетых в фешенебельные вечерние платья, и их уложенных гелем толстосумов, как вдруг я словила на себе несколько заинтересованных взглядов.

— Семеро из одиннадцати встретившихся нам гостей, почему-то пристально посмотрели на меня. А если все узнают кто я такая? — выдохнула я, вдруг почувствовав себя самозванкой.

— А кто ты такая?

— Я няня, — сквозь зубы прошипела я.

— Сегодня ты Золушка.

— А ты, значит, крёстная фея?

— Да.

— Ну и где мой принц?

— Я не волшебник, я только учусь. Так что никаких принцев... Если ты и дальше продолжишь с такой силой впиваться в мой локоть, ты определенно порвешь мой самый дорогой костюм. Не забывай, что я не так богат, как хозяин этого праздника. Я не аристократ — всего лишь интеллигент.

— И насколько же велики твои богатства? — поинтересовалась я больше для того, чтобы отвлечься от кидających на меня взгляд буржуев, нежели из интереса.

— Нууу... У меня есть две квартиры в Лондоне и машина, а еще я планирую купить домик в Австралии.

— Зачем тебе две квартиры?

— В одной я живу, когда возвращаюсь в Лондон, другую сдаю в аренду.

— А домик в Австралии?

— Хочу в скором будущем перебраться туда жить.

Зайдя в просторный зал, в котором прежде я не бывала, мы подошли к дубовому столу, размеры которого были ровно пропорциональны размерам двух моих спален. Он был буквально усыпан подношениями имениннику: китайские вазы ручной работы, гигантские шахматы из янтаря (кто-то определенно был в курсе о разряде мастера ФИДЕ), золотой кубок, набор из десяти бутылок элитного вина (по словам Рика, одна такая бутылка стоила полторы тысячи долларов!), несколько отдельных, драгоценных камней (например, алмаз в десять и изумруд в двенадцать карат), шикарный набор столового серебра и далее по нескончаемому списку. Но больше всего меня поразила огромная, бронзовая статуя пегаса, высотой чуть больше метра, крылья которого мощно застыли в воздухе. Пегас был настолько велик, что его пришлось поставить возле стола с подарками, чтобы попросту его не сломать.

Все эти роскошные дары были подписаны крупными, золотыми или серебряными буквами, сложенными в невероятно громкие и пафосные имена: «Адам Баттенберг», «Фердинанд и Барбара Буршье-Кортни», «Семейство Мортимер»... Подарки были упакованы либо в прозрачные обертки, либо не упакованы вовсе, дабы все могли лицезреть, кто и что подарил имениннику, и на какую именно сумму замахнулся. Увидев подобный размах, я почувствовала укол в области сердца. Мой подарок не был подписан золотыми буквами, размер упаковки был с мою ладонь, а самим подарком являлась... Гхм... Нитка, приносящая удачу? Просто маленькая, красная... Нитка. Уж лучше бы вообще ничего не дарила!

— А где твой подарок? — поинтересовался Рик, лежа на стол прозрачную коробочку с дорогими серебряными запонками.

Сухо откашлявшись, я достала из своего клатча красненький сверток и, недолго думая, поставила его с самого края стола, рядом с внушительной статуэткой в виде бронзового льва. Папа всегда говорил, что размер не имеет значения, хотя мама с ним в этом плане никогда не соглашалась. Хорошо, что я догадалась упаковать это «чудо», чтобы никто из присутствующих не увидел дешевой, деревянной шкатулки, резьба которой, до недавнего времени, мне очень нравилась. Как же хорошо, что я не подписала свой подарок — Олдридж ни за что не догадается, кто посмеялся над ним подобным образом. Ну и что, что на дурацкой нитке висит имя «Глория»? Мало ли Глорий он пригласил? Тем более там нет моей скромненькой фамилии Пейдж. Так что он не догадается... Он не сможет догадаться.

Подумав еще немного, я пододвинула свой подарок ближе к краю, в надежде на то, что кто-нибудь из прислуги незаметно стащит это убожество или его случайно заденет какой-нибудь официант, и коробок сам закатится под стол.

— Всё в порядке? — поинтересовался широко улыбающийся Рик, всё это время внимательно наблюдавший за моей внутренней борьбой.

— Да. Всё замечательно.

— Что ты ему подарила?

— Гхм... Можно мне еще шампанского?

К Рикку быстро начали подтягиваться его знакомые и он с удовольствием представлял меня им. Смысл знакомиться с человеком, когда и ты, и твой новый знакомый находитесь в масках? Глупо. За полчаса мне успели представиться три одинаковые блондинки, но запомнила я этих девушек лишь по цвету их платьев. Сними они платья и маски, я бы не смогла назвать точное имя каждой. Мужчины же вообще все были на одно лицо, отчего у меня вскоре зарябило в глазах.

Выпив второй бокал дорогого шампанского, которое мне откровенно не понравилось (я пила его исключительно чтобы снять напряжение), я поняла, что только что вогнала Олдриджа в минус — один бокал его шампанского стоил в десять раз дороже моего подарка ему. Я не была пьяна, но после выпитого мне вдруг стало казаться, будто длина моего платья спереди неприлично коротка — на целых три дюйма выше колен! Может, именно из-за этих трех дюймов на меня уже десять минут как пялились два малолетних извращенца, которым едва ли исполнился второй десяток от роду?

Напряжение внутри меня уже постепенно начало спадать, когда все вдруг начали роиться вокруг кого-то, только что вошедшего в зал. Это был Олдридж. Он был без маски и, по его довольному лицу, я поняла, что именинник заключил свои заветные сделки, ради которых устроил весь этот шик. Он лучезарно улыбался, удовлетворенно пожимая руки поздравляющим его аристократам, стараясь не обделить никого своим вниманием, которое гости считали едва ли ни драгоценным. Внезапно я осознала, что мы стоим слишком близко к радостному Олдриджу и, буквально сдернув Рика с места, потащила его в противоположную сторону зала.

— Что ты делаешь? — шепотом поинтересовался ошарашенный Рик.

— Не хочу попадаться ему на глаза, — честно ответила я, широко шагая к дальней стойке с напитками.

— Но он всё равно подойдет ко мне, — начал оправдываться Рик.

— Тогда нам стоит разделиться, — сказала я и взяла очередной бокал шампанского, вдруг почувствовав, что мне нужно выпить еще минимум пол-литра. — Я затеряюсь в толпе. Хорошо, что он пригласил так много гостей — есть за кем встать.

— Глория, ты единственная из присутствующих в красном платье, не считая старушки в темно-бордовом. Ты словно яркое пятно, которое сложно не заметить, если только ты не слепой.

— Я всю жизнь занималась тем, что была незаметной. У меня в этом деле двадцатидвухлетний стаж. Хотя, блин, зачем ты нарядил меня в это дурацкое платье? Не мог найти что-нибудь черное или серое? — не сбавляя шаг, выдвинула претензию я.

— С этим вопросом обращайся к Бену.

— Рик! — вдруг воскликнула я.

— Что?! — испуганно остановился парень.

— Я потеряла клатч! Где я могла его оставить?!

— Пффф... Не пугай меня так. Он ведь всё равно был пуст.

— Но он стоит бешеных денег — он ведь от Бена Болдуина!

— Перестань паниковать, слышишь? Никому твой клатч не нужен. Завтра подойдешь к Джонатану, и он отдаст тебе его. Все потерянные вещи хранятся у швейцара, который позже

разыскивает их невнимательных хозяек.

— Думаешь? Да? Хорошо, — я опорожнила свой бокал и, наконец, остановилась. Начался вальс и уже спустя минуту в центре зала кружилось с три десятка пар. Среди танцующих был и Олдридж, подцепивший какую-то анорексичную блондинку. Среди одинаковых мужчин он был буквально ярким пятном, за что мог сказать спасибо своей блистательной внешности. Заметив его, я сразу же с облегчением выдохнула — ближайший танец я буду в безопасности.

— Может быть...

— Нет, — оборвала я рядом стоящего Рика, после чего прожгла его взглядом. — Даже не вздумай приглашать меня. В последний раз я танцевала бальный танец на первом курсе университета и в конце хорошенько наступила партнеру на ногу. Он потом месяц ходил с гипсом.

— По-моему, ты пытаешься меня запугать.

— Главное, не разрешай никому со мной танцевать, если найдется идиот, который вдруг захочет...

И идиот нашелся. Первый, затем второй, третий, пятый, десятый... Целая куча идиотов. После окончания каждого танца я старалась передвигаться по залу, и передвигать Рика, как можно более быстро, чтобы не дать возможности очередному идиоту спросить меня о том, не желаю ли я потанцевать именно с ним. Отказывая толстосумам в танцах, я параллельно пыталась не выпускать Олдриджа из поля своего зрения, чтобы не позволить ему приблизиться ко мне более чем на двадцать шагов. Вскоре же я поняла, что Олдридж оказался «танцующим извращенцем» — папа бы точно повесил на него этот ярлык, так как Роланд «перетанцевал» почти всех дам: разукрашенных девиц, моложавых матерей этих девиц и даже трех бабушек, которые так и льнули к молодому телу партнёра. Я же всё это время переводила взгляд с Олдриджа на часы, с часов на Олдриджа и обратно. Каждые пять минут я доставала Рика одним и тем же вопросом — когда же, наконец, мы сможем уйти? И каждый раз получала один и тот же ответ — только после полуночи. И снова мы перемещались по залу, пытаюсь скрыться от Роланда, хотя Рик и был уверен в том, что он нас давно уже заметил, и нет никакого смысла каждый раз после окончания танца срывать с своего места, чтобы уйти в противоположную от него сторону. Я же была уверена в том, что оставшиеся полчаса до полуночи я смогу продержаться оборону.

После очередного Лансье — французской кадрили с поклонами, о которой я никогда прежде даже не слышала, — я легкомысленно отвлеклась на официанта, который настойчиво предлагал нам попробовать канапе из креветок. В этот момент мы стояли впритык к стене, отчего создавалось впечатление, будто официант попросту зажал нас в угол. Парень всерьез привязался к нам и так упорно настаивал на этом дурацком канапе, что в итоге Рик взял себе одно, сразу же положив голую зубочистку уходящему официанту на поднос.

— О, нет! — вырвалось у меня, когда довольный официант ретировался, и я слишком поздно осознала собственный промах.

— Что такое? — посмотрел на меня Рик. — У меня креветка в зубах застряла?

— Он идет в нашу сторону. Не оборачивайся, — попросила я уже дернувшегося Рика, из-за плеча которого наблюдала за приближающимся Олдриджем. — Как я его не заметила?! Он слишком близко, мы не успеем уйти, — запаниковала я, стараясь внешне не проявлять своих эмоций. Я словно окаменела, боясь лишний раз пошевелиться, словно это могло меня

спасти. И всё же, я до последнего питала смутную надежду на то, что он меня не заметит.

— Добрый вечер, — посмотрев на меня, произнес остановившийся рядом с Риком Олдридж, на что я лишь слегка кивнула головой, как бы соглашаясь с его утверждением. Роланд быстро перевел взгляд с меня на ответившего ему Рика, отчего мне вдруг стало немного легче.

Роланд, со своей неизменной укладкой волос, был одет в черный костюм от Армани и от него исходил едва уловимый шлейф дорогого парфюма. На его фоне Рик выглядел немногим мельче, однако куда более расслабленным. Не удивительно, ведь Роланд, в отличие от Рика, «обтанцевал» всю женскую часть зала.

— Хотел поговорить с тобой еще в начале вечера, но ты опоздал, а после словно бегал от меня по всему залу, — начал непринужденный разговор Олдридж.

— Эммм... Тебе показалось, — слегка сощурившись, многозначительно улыбнулся Рик, тем самым давая понять, что ему не показалось.

— Как Вам вечер? — неожиданно перевел на меня своё внимание Роланд.

— Весьма впечатляющий, — ответила я предательски дрогнувшим голосом и сразу же подумала о том, что стоило бы это сделать немногим тише — если он до сих пор не узнал меня после моего чудесного перевоплощения, это не значит, что он не сможет распознать мой голос, который Рик, по глупости, забыл перековать.

— Не такой впечатляющий, как Вы, — продолжал сверлить меня уверенным взглядом Олдридж.

Льстец! Наверняка он сегодня ко всем девицам подкатывал с подобной заготовкой.

— Можно пригласить Вас на танец? — вдруг твердо спросил у меня хозяин праздника, словно я не имела права ему отказать.

Получив от Роланда предложение, которое больше всего боялась услышать этим вечером, я мгновенно посмотрела на Рика, словно на спасительный круг, который к этому моменту уже привык отчеканивать: «Девушка не танцует», — но круг сдулся. Рик молчал, при этом упорно делая вид, будто отвлекся на прошедшую мимо брюнетку. Предатель!

— Я обещала танец Рикуну... — начала неуверенно отступать я.

— Нет-нет, я не против, — резко отсекся от меня мой приятель, и я тут же захотела наступить своим серебристым каблуком на его идеально начищенную туфлю, после чего сорвать с него эту дурацкую карнавальную маску, за которой он сейчас так умело прятался.

— Вынуждена отказать — я не танцую, — переведя взгляд с отстраненного Рика на Олдриджа, наконец дала свой четкий ответ приглашающему мужчине я.

— Почему же?

— У меня надломился каблук, — вдруг схитрила я, поражаясь собственной находчивости. Рик предательски хмыкнул и заулыбался, тем самым подставляя меня еще больше. Я начинала не на шутку на него злиться.

— Я знаю один способ, при котором Ваш каблук не помешает Вам подарить мне один танец. — Олдридж сделал один уверенный шаг в мою сторону и слегка подтянул меня к себе за талию. — Встаньте мне на ноги, — вдруг неожиданно предложил он, и я застыла, не зная, как вообще можно отреагировать на этот жест. — Глория, встаньте мне на ноги, иначе окружающие решат, что я зажимаю Вас в углу.

Он назвал меня по имени! Откуда он знает?! Неужели он знал изначально?! Нет, точно не знал, Рик бы сразу мне сказал об этом... Значит, он узнал меня? Выходит даже сам Бен Болдуин не смог замаскировать мою посредственную личность. Это провал. Причем не

только мой, но и самого Болдуина. Нет, наверняка это всё Рик... Определенно он! Я ему еще устрою счастливую жизнь!..

Я быстро наступила кончиками носочков на лакированные ботинки Олдриджа и сразу же пожалела о том, что солгала по поводу каблука — уж лучше бы я согласилась с первого раза! Роланд мгновенно обхватил меня чуть ниже лопаток и, прижав к себе, слегка приподнял, сделав меня почти невесомой — так что, я могла не переживать о том, что в конце вечера ему придется выходить из этого зала хромя на обе ноги. Сжав мою правую ладонь и заставив вытянуть руку, Олдридж легко вошел со мной в общий поток вальсирующих, внимательно следя за тем, чтобы никого не протаранить. Моя вздернутая вверх грудь с дурацким, огромным колье на ней, так плотно была прижата к Роланду, что я, сама того не замечая, начала инстинктивно отстраняться от него, тщетно пытаюсь оторвать свой бюст от его костюма от Армани. «Слишком близко... Слишком... Близко», — проносилось кряхтение у меня в голове.

— Если Вы не прекратите вырываться из моих рук, тогда мы всерьез рискуем упасть. Причем падение для Вас точно не будет мягким, так как я потянусь за Вашим отстраняющимся телом и обрушусь на Вас сверху. Боюсь, Вы не переживете подобного и скончаеетесь на месте от тяжести моего веса.

После данного замечания я резко перестала вырываться и мысленно усмехнулась, пытаюсь представить, чем же кончается для девушки половой акт с этим мужчиной? Разрывом сердца или он попросту её расплющивает в конце? Интересно, как он избавляется от тел? Вдруг словив себя на пошлых мыслях, я почувствовала приток краски к щекам. Всеми виной последний бокал шампанского и эта чрезмерная близость, пропади она пропадом.

— О чем Вы думаете? — кружа нас по залу, вдруг поинтересовался Олдридж.

— Ни о чем, — впервые встретившись с партнером взглядом, соврала я. Как хорошо, что на мне маска, и он не может видеть всей степени моего дурацкого смущения!

— Вы врете, — уверенно заявил Роланд.

— Я думаю о том, что моя грудь слишком неприлично прижата к Вашей.

— Почему Вас это волнует?

— На нас могут смотреть, — недоумеваю от его безответственности, ответила я.

— Поверьте мне, на нас точно смотрят, — ответил Олдридж и, едва уловимо подпрыгнув на каблуках, прижал меня к себе еще сильнее, чтобы переместить бóльшую часть моего веса на руки. Или чтобы смутить меня еще больше? Я оглянулась на кружащийся вокруг нас мир и поняла, что на нас и вправду многие смотрят. Утолив своё любопытство, я уже хотела повернуть голову в сторону Олдриджа, но вдруг осознала, что если это сделаю — мы соприкасаемся носами. Я поняла это по размеренному дыханию партнера, который, пытаясь меня удержать, слегка дотрагивался кончиком носа к волосам у моего виска. Еще несколько секунд я сомневалась, но вдруг резко повернулась, слегка откинув свою голову назад, чтобы не пересечься с его изящным носом. Неужели он специально пытается меня смутить, чтобы потом смеяться над моим замешательством?! Нет, у него это не выйдет!

— Перестаньте же отталкиваться от меня, — снова попросил Олдридж, еще сильнее сжав мою талию.

— Я не отталкиваюсь.

— Вы отпираетесь от меня.

— Чем же, по-Вашему, я от Вас отпираюсь? Моя левая рука лежит у Вас на плече, а правая зажата в Вашей ладони.

— Вы отпираетесь от меня своей роскошной грудью, — слегка наклонившись к моему уху, чтобы никто кроме меня случайно не расслышал его слов, тихим голосом, вибрация которого отразившись от его груди перешла на мою, произнес Роланд. Кажется, от услышанного я едва слышно пропищала, после чего моё лицо определенно залилось краской.

После танца мы оказались возле стола с напитками.

— Кого-то ищете? — сделав глоток шампанского, поинтересовался Роланд, наверняка уловивший мой бегающий по залу взгляд.

— Рика, — на сей раз честно ответила я.

— Он на десять часов от Вас, разговаривает с барристерами^[27] и солистарами^[28].

Поняв, что до Рика слишком далеко, и я не смогу к нему пробиться через окружившую его стену из мужчин, я снова обратила свой взгляд на Олдриджа, резко повернув к нему голову.

— Вам она не мешает? — внезапно поинтересовался Роланд, после чего невозмутимо потянулся к моей маске и резким движением снял её с моего лица. — Ужасно неудобная вещь. Как Вы в ней проходили весь вечер? Я сдался на втором часу, — признался молодой мужчина и, отложив мою маску на поднос мимо проходящего официанта, попросил передать её Джонатану.

— Вдруг меня узнают? — возмутилась я.

— Здесь никто Вас не знает.

— И всё-таки.

— И что с того?

— Я Ваша няня, — с вызовом начала я, но тут же исправилась. — Точнее, няня Мартина.

— Главное, что Вы моя. А кто Вы — кузина, любовница, горничная или няня, совершенно не имеет значения.

— Скорее я соглашусь быть Вашей горничной за дополнительную плату, но точно никогда не стану Вашей любовницей.

— Хотите, обсудим условия контракта прямо сейчас? — ставя бокал с шампанским обратно на стол, поинтересовался мой собеседник, явно загораясь азартом.

— Вы любите подписывать контракты в честь своего дня рождения и даже неважно с кем — с банкиром или с няней?

— Почему бы и нет? Так как насчет контракта на дополнительную ставку горничной?

— С девяти до шести терпеть издевательства Мартина, а с шести до девяти Ваши? Пожалуй, откажусь.

— За горничную в Вашем исполнении я буду платить Вам пятьдесят фунтов в час.

— И всё-таки я не могу отказать себе в удовольствии отказать сегодня от подписания с Вами всяческих контрактов. Вы ведь наверняка привыкли, что все без исключения всегда подписываются под Вашими предложениями.

— Сто фунтов в час, — уже слишком сильно вошел в азарт Роланд.

— Нет, — твердо стояла на своем я.

— Триста фунтов.

— Вы любите доминировать? — изогнула бровь я.

— Во всём.

— Так знайте же, что я не подхожу под Вашу категорию «Всё».

С вызовом улыбнувшись властно сверлящему меня взглядом Олдриджу, я резко развернулась и направилась в сторону Рика.

После полуночи вечер был официально завершён и все гости начали расходиться. Зная, что дома меня с нетерпением и подробностями ждёт вся семья, за исключением давно спящих двойняшек, я решила переодеться, чтобы не заставлять сестёр завидовать моему наряду (мне бы сама герцогиня Кембриджская позавидовала!). Предупредив Рика, что отправлюсь в дом Мартина, чтобы переодеться, я попросила его подождать меня, на что Рик, всегда понимающий и вежливый, без проблем согласился (тем более он так сильно за этот вечер накосячил передо мной!).

Тихо зайдя в тёмную гостиную, чтобы случайно не разбудить Мартина, я на цыпочках прошла в комнату для гостей, где в небольшом комодке хранила свою сменную одежду. Я запаслась ей с тех самых пор, когда Мартин однажды опрокинул на меня графин с ананасовым соком. Хорошо ещё, что в тот день до окончания моей рабочей смены оставалось всего полчаса, иначе бы весь день пришлось проходить мокрой.

Закрывшись в спальне, мне пришлось около пяти минут провозиться с корсетом, прежде чем у меня наконец получилось самостоятельно его расстегнуть. Миновав этот сложный рубеж, я оперативно скинула с себя платье, туфли и тяжелые украшения. Быстро одев спортивный костюм и потрепанные кроссовки, я сложила наряд Золушки в найденный в шкафу бумажный пакет, будучи уверенной в том, что никто не заметит, если я одолжу его до завтра.

Тихонько прокравшись по погруженному в ночную тишину дому, я вышла в свой любимый внутренний двор и, с минуту полюбовавшись густым лунным светом, заливающим уснувшие в подвесных вазонах цветы, быстрым шагом отправилась в особняк.

На коридоре возле гостиной я наткнулась на Джонатана.

— Не желаете отправиться на кухню? — невозмутимо поинтересовался швейцар.

— На кухню? — непонимающе переспросила я.

— После крупных торжеств всегда остается много еды. Традиционно постоянный штат поместья делит её между собой. Вы могли бы зайти на кухню и взять что-нибудь.

Я в очередной раз в своей жизни почувствовала себя нищей, но вовремя вспомнив о том, что моя семья могла бы неплохо сэкономить на продуктах, я запихала свою гордость во всем известное место и уже через пять минут стояла посреди бурлящей жизнью кухни.

— Вот, — подтянул ко мне огромную, переносную сумку-холодильник Якоб. — Лично для тебя укомплектовал. Только сумку завтра верни.

— Спасибо, — улыбнулась я, мысленно проектируя маршрут от кухни до выхода, где давно должен был ожидать меня Рик. Путь был неблизким.

— Помочь донести до выхода? — словно прочтя мои мысли, поинтересовался мужчина.

— Было бы здорово! — облегченно заулыбалась я.

Погрузив неподъемную сумку в машину Рика, мы попрощались с добродушным Якобом и отправились ко мне.

— По-видимому, все спят, — констатировала я, заглядывая в потухшие окна своего дома.

— Давай помогу занести сумку, — предложил Рик и, уже через минуту, вытаскивая её из машины, добавил. — Ничего себе! Ты что, пытаешься незаконным путем перевезти в моем автомобиле строительные материалы? Постепенно начинаешь разбирать на кирпичи гараж Роланда, чтобы отдельный дом себе отстроить?

— Если бы я пыталась хоть что-то незаконно перевезти в твоём автомобиле, ты бы об этом узнал — у меня на лице было бы написано. Давай, тащи сюда сейф с карманным

золотом Олдриджа, — смеялась я в ответ на смех Рика.

Пытаясь не шуметь, мы на цыпочках вошли в спящий дом и пошаркали в сторону холодильника, как вдруг, почти у самого моего уха, раздался гулкий голос папы:

— Не для того мы дочь растили, чтобы она по ночам на балах зажигала.

Я резко повернулась на голос и сразу же увидела в двух шагах от себя папу, стоящего справа от входа в столовую. Дотронувшись до выключателя, папа резко включил свет, тем самым заставив меня поморщиться. Рик еще не успел выйти из коридора и сейчас замер прямо за моей спиной, с тяжелой сумкой на левом плече, буквально в шаге от своего разоблачения и в нескольких дюймах от папы, который стоял на одном уровне с ним по другую сторону стены.

— Куда это ты смотришь? — заулыбался довольный своей проделкой отец, после чего заглянул в коридор. — Мать, твоя дочь с бала принца привела!

Я в секунду залилась краской — меня только что при Рике отчитали за позднее возвращение домой, хотя мне уже давно было далеко за восемнадцать, после чего еще и обозвали Рика принцем. Всё семейство, всё это время тихо поджидающее меня в гостиной, вдруг оживленно зашевелилось, желая узнать, что же там за принц спрятан от их глаз. Так и знала, что они не смогут заснуть, пока не дождутся меня с главного события года в нашей семье!

— По-моему, это тот самый парень из Кембриджа, — сделал предположение папа, еще не успевший привыкнуть к освещению и сейчас старательно пытающийся разглядеть лицо Рика в полумраке коридора.

— Эммм... Да, — только и смог выдавить Рик, шокированный толпой, внезапно завалившейся в маленький коридорчик лишь для того, чтобы поглазеть на него.

— Оставьте человека в покое. Рик любезно согласился мне помочь донести мою сумку.

— Не знал, что твоя сумочка настолько тяжелая, — саркастически улыбнулся папа.

— Какой на нём костюм! — восхищенно прошептала мама, но, почему-то, её слова, предназначенные только бабушке, смогли расслышать все, даже Рик.

— Красавец, — констатировала бабуля, после чего Рик откровенно стало не по себе.

— Я, пожалуй, пойду, — поставив на пол сумку, заявил Рик, после чего начал пятиться назад.

— Да, Рик, доброй ночи, — поддержала его я, сразу же отправившись закрывать за ним дверь.

«Большое спасибо», — одними губами, прошептала уходящему парню я, после чего закатила глаза, чтобы никто кроме него не смог этого заметить. Широко улыбаясь, Рик быстро спустился с нашего крыльца.

За завтраком все были сильно возбуждены. Сегодня окончательно должен был решиться вопрос по двойняшкам. Отец был уверен в том, что новый адвокат, которому мы заплатили баснословные деньги, с легкостью «разрулит» в нашу пользу сложившуюся ситуацию. По мнению папы, подобный гонорар за свои услуги может брать лишь настоящий профессионал своего дела. Выслушивая отца, все вслух соглашались с ним, активно кивая головами. Я тоже была уверена в том, что теперь это дело решится в нашу пользу, хотя нам наверняка в итоге придется каждую субботу отдавать детей на несколько часов этой самозванке. Сейчас же, все нервно жевали бутерброды с красной икрой, пребывая в восторге от того, что вчера я забила холодильник до состояния разрыва. Но даже красная икра не могла нас отвлечь от тяжелых мыслей.

Когда прошло обеденное время, я нервно начала ожидать трех часов — заседание начиналось в два и, по идее, должно было продолжаться максимум час. Погода была тёплая — светило яркое, июньское солнце, воздух прогрелся до +17 и мы с Мартином расположились на нашей террасе, в уютных креслах из ротанга. Было уже без пятнадцати три и я едва сдерживала себя, чтобы не позвонить отцу, который пообещал набрать меня самостоятельно, сразу после завершения слушания.

— Если будешь так смотреть на часы — они треснут, словно экран твоего мобильного, и тебе придется выплачивать нам компенсацию, — заметил Мартин, рисуя что-то в своем блокноте. — Почему ты такая глупая? Достаточно один раз посмотреть на часы, чтобы сориентироваться во времени. Но не тебе. Я бы на месте Роланда не принял бы на работу заторможенную тётку. Вдруг это заразно? Тебе определенно нельзя доверять детей. Ты сама еще тупоголовый младенец, который только и способен что ползать по полу, собирая разбросанное лего, и размешивать подобие капустного броуза, воображая, будто на самом деле готовит вкусное месиво.

— Но ведь лего разбрасываешь именно ты.

— Тупица. Между прочим, я его специально для тебя разбрасываю, чтобы тебе интересней жилось. Хоть как-то развиваешься. А-то ходишь весь день грустная...

— Кто ходит весь день грустным? — отодвинув с дверного проема газовую штору, на террасу зашел Роланд.

— Глория, — заявил Мартин, резко повеселевший из-за неожиданного прихода брата, который, со слов самого мальчика, с утра пораньше зачем-то ездил в Лондон.

— Это всё из-за сломанного вчера каблука, — пояснил Мартину подошедший к нашему столу Роланд.

— Ура! Ты поиграешь со мной в шахматы! — не обратив внимания на замечание брата о каблуке, восторженно воскликнул Мартин.

Мальчишка побежал к себе в спальню за игровой доской, на секунду остановившись, из-за появившихся перед глазами мушек.

— По правде говоря, мой каблук в полном порядке — я просто не хотела с Вами танцевать.

— Почему же Вы не хотели со мной танцевать? — поинтересовался Роланд, выдвигая из-за стола стул справа от меня, и в этот момент я заметила это! Он был в серой рубашке с распахнутым воротником, оголяющим его крепкую шею, и закатанными по локоть рукавами,

благодаря которым я отчетливо смогла рассмотреть на его правом запястье красную нить с именем «Глория»!

— Мне просто не хотелось танцевать, — из-за мыслей о дурацкой нитке я совершенно рассредоточилась и *не смогла придумать что-то более оригинальнее правды.*

— Я оценил Ваш подарок. Весьма интересный подход, — скрестив руки так, что нить на мгновение скрылась из моего поля зрения, произнес Роланд.

— Мой подход отлично терялся на фоне полутонного, бронзового пегаса, — почему-то вдруг совершенно спокойно отозвалась я.

— Ваш подарок невозможно было не заметить, — сдержанно заулыбался Роланд, после чего мне вдруг стало настолько наплевать на своё смущение, что я, неожиданно для самой себя, абсолютно расслабилась.

— Эта нить защищает от сглаза. На самом деле, Вы не должны были надевать талисман самостоятельно. Давайте, развязывайте, — потребовала я, придвинув своё кресло ближе к собеседнику, который без лишних расспросов принялся развязывать нить. — Продавец сказала, что необходимо, чтобы дарящий человек самостоятельно надел этот талисман на запястье человека, которому он дарит его. Я должна завязать семь узлов на Вашем запястье, над каждым из которых мне нужно искренне пожелать Вам что-нибудь важное. Сейчас сделаем всё строго по инструкции, чтобы эта штука сработала.

С этими словами я взяла в руки нить, ловко обогнула её вокруг правого запястья не успевшего ничего понять Роланда, и сделала это таким образом, чтобы хитро спрятать своё имя за его кистью. Прodelав это, я довольно улыбнулась.

— Значит, я должна пожелать Вам семь пунктов, которые обязательно должны сбыться. Как ловко я Вас провела? Теперь Ваша судьба в моих руках, — наигранно злорадно ухмыльнулась я. — Чувствую себя властительницей. Пожалуй, первые три пункта я пожелаю Вам с выгодой для себя... Гхм... Итак, мистер Роланд Олдридж, я желаю Вам: здоровья — чем дольше Вы проживете, тем больше я заработаю; понимания, чтобы Вы понимали окружающих и окружающие понимали Вас — зная себя, уверена, что этот дар Вам сильно пригодится; и еще желаю Вам терпения — на всякий случай, если я вдруг начну косячить, — с этими словами я ловко завязала три миниатюрных узелка на его запястье. — Теперь перейдем конкретно к Вам и Вашим желаниям. Желаю Вам любви — чтобы вы познакомили Мартина с его невесткой до его совершеннолетия; преданности — чтобы не ходили с разбитым сердцем и не разбивали сердца другим; успеха — чтобы не исчерпали своё богатство; и... Чего Вам еще пожелать?

— Пожелайте мне взаимности, — невозмутимо ответил Олдридж.

— Хорошо, последний узел будет узлом взаимности, — произнесла я и, завязав последний узел на его запястье, отстранилась. — Теперь у Вас либо всё будет хорошо, либо на Вас будет обыкновенная, красная нитка с моим именем, всякий раз глядя на которую Вы будете вспоминать о глупой няне, чьи заклинания не работают, — популярно объяснила сложившуюся ситуацию я, после чего, прикрывшись правой рукой, протяжно зевнула.

— Не выспались? — спустя несколько секунд, спросил Роланд.

— Всё из-за Вашего бала. Больше никогда не буду посещать подобные мероприятия. Сон дороже бесплатного шампанского, — усмехнувшись, ответила я и, не удержавшись, снова зевнула. Как раз в этот момент Мартин забежал на террасу с игровой доской для шахмат.

— Почему так долго? — переведя своё внимание на мальчишку, поинтересовалась я.

— Ждал, пока мушки перед глазами пройдут. Доротея говорит, что это всё из-за того, что я часто сижу за компьютером, но сегодня я просидел за ним всего лишь час.

— Как терапевт, я не перестану твердить, что тебя необходимо показать врачу.

— Ты недотерапевт. У тебя нет образования, ты не доучилась в университете. И потом, разве можно ходить по врачам только из-за мушек в глазах?

— В начале недели ты еще жаловался на головную боль и туман перед глазами.

— Это потому, что я не позавтракал в тот день.

— Давайте покажем его врачу? — обратилась к Олдриджу я.

— В последний раз он наблюдался у врача в конце февраля.

— Вот именно, всего три месяца прошло, — заметил Мартин, расставляя белые пешки на доске. — Тебе так нравится поднимать пыль на ровном месте.

— И всё же, — не собиралась сдаваться я.

— Если Глория настаивает, значит стоит её послушать, — неожиданно занял мою сторону Роланд.

— Ты что, собираешься подчиниться девчонке?! — не в силах сдержать своего негодования, откровенно возмутился Мартин. В ответ Роланд усмехнулся на резкое замечание брата и хотел ему что-то ответить, но в этот момент у меня задребезжал телефон и в итоге он лишь потрепал мальчишку по голове. Я же встала со своего места, чтобы взять телефон с отставленного от стола стула. Звонил отец.

— Да. Да. Что? Что?!

— Это был провал. У нас забирают двойняшек, — разбитым голосом, повторил отец.

— Мы проиграли? — внезапно сломавшимся голосом, то ли спросила, то ли констатировала я.

— Мы проиграли, дочка.

Отстранив трубку от уха, я на несколько секунд окаменела, пытаюсь понять, что именно только что сообщил мне отец. наших двойняшек... Что? Едва ли не срываясь на бег, я резко отправилась к выходу, на ходу произнеся в сторону Олдриджей:

— Мне срочно нужно уйти, позовите Доротею.

Наверное, мне стоило попытаться отпроситься, вместо того, чтобы ставить работодателя перед фактом своего ухода, но я не хотела ему объяснять причину своего поступка. В конце концов, не может ведь человек, который согласился надеть на своё запястье дешёвую красную нитку с моим именем и «Узлом Понимания» уволить меня из-за внезапного отгула? Или может?

Папа был прав — его предчувствие по поводу того, что судебное заседание будет последним, сбылось. Заседание и вправду было последним, вот только мы проиграли. Иногда проигрыш равносителен потере конечности, в нашем случае мы потеряли обе руки.

Двойняшки всё еще были в садике, что дало нам немного форы во времени, чтобы успеть подготовиться к падению.

— Судья сказала, что у нас «стесненные» условия для проживания детей, — пояснил мне разъяренный от бессилия отец. Лицо у него было настолько красным, что его давление наверняка сейчас зашкаливало выше образцовой планки. — Ты слышишь, Глория?! У нас, в доме, в котором выросла ты, твой брат и еще две твои сестры, стесненные условия! Будто у этой маразматички условия не стесненные, — папу явно выводило из себя слово «стесненные». — Одри, дорогая, как ты считаешь, детям будет лучше жить в зачуханной квартире этой маразматички или в нашем уютном домике с собственным двориком?

Мама сидела на диване, молча уставившись на письменный стол, зажав свои побледневшие ладони между колен. Кажется, она выпала из реальности. Дедушка сидел рядом с ней и измерял давление тяжело дышащей бабуле.

— Они не имеют права! Мы растили наших внуков на протяжении всей их жизни, пока эта пьянчужка не вспомнила об их существовании! Мы меняли их памперсы и укладывали спать. Мы лечили их от ангины. Мы каждый день водили их в садик. Мы пекли им на дни рождения торты, а не она. Мы заботились об их благосостоянии и делали их счастливыми! Я купил им щенков, — вдруг дрогнул голос папы, после чего он внезапно прослезился. Пошатнувшись, отец облокотился о спинку кресла.

— Папа, успокойся, — подхватила его под руку я и, усадив его в кресло, побежала на кухню за настойкой из валерианы.

— Они заберут их сегодня в шесть часов, — не мог успокоиться отец, безрезультатно пытаясь остановить слезы, потирая уставшие глаза. — В пять часов нужно забрать их из детского сада, привести домой и в шесть часов передать вместе с вещами маразматичке, которая явится с судебным приставом. Решение суда можно обжаловать, мы уже подали заявление и даже назначили дату — заседание состоится только в середине июля.

— А что наш адвокат? — поинтересовалась я, сидя на корточках возле отца, подтягивая свои спустившиеся джинсы.

— Этот проходимец прикарманил себе наши деньги, — неожиданно жестко ответила мама, отчего по моей спине пробежали холодные мурашки. Она еще никогда не была настолько сосредоточена на своей ненависти. Её тон буквально заставил меня вытянуться в струнку. — Этот ничтожный червяк забрал всё до фунта, а после своего очевидного провала сказал нам, что это наша вина, что мы настолько запустили ситуацию, не обратившись к нему раньше. Был бы нормальным мужчиной — признал бы своё поражение и вернул бы деньги, а не наживался на горе своих клиентов! Он, видите ли, потратил много времени на изучение нашего дела и присутствие во время заседания! Но мы ведь платили ему за реальную защиту, а не за пустое присутствие и изучение нашего дела! Во время слушания подлец даже палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то повернуть ситуацию в нашу сторону! — мама буквально полыхала от негодования, как вдруг слегка утихла. — Нам стоит подготовиться... К приходу детей мы все должны взять себя в руки. Пожалуй, мне не

повредит принять прохладный душ...

Мама резко встала, а отец закрыл глаза и откинулся на спинку старого кресла. Я же отправилась в спальню детей, где Сэм уже всю утрамбовала вещи двойняшек в огромный старый чемодан родом из 1950-го года, который прежде принадлежал бабушкиной маме.

— Их двое, а вещи поместились всего в одном чемодане, — увидев меня в дверях, заявила Сэм. — Давай я сяду на этот старый сундук, а ты его закроешь.

Сэм ловко уселась на потрепанный чемодан, стоящий на тахте Дина, и я, встав на левое колено, начала защелкивать его замочки, напрочь проржавевшие от старости. Когда дело было сделано, мы нашли дорожную сумку, которая в далеком прошлом принадлежала Дэниелу, и начали аккуратно укладывать в нее любимый плакат двойняшек с Томом и Джерри, бейсбольные мячи Дина, волшебную палочку Элис... Занимаясь этим, я вдруг ощутила необъяснимое дежавю, словно где-то, когда-то подобное уже со мной происходило. Лишь спустя несколько минут я поняла, что, почти шесть лет назад, я также складывала вещи своего старшего брата и его малолетней жены, потому что наверняка знала, что больше никогда не смогу их увидеть.

— Мы ведь сможем с ними видаться?! — замерев, вдруг ошарашено спросила я у сидящей на кровати Сэм.

— Один раз в неделю, по субботам. Нам придется ездить в соседний город, к этой самозванке.

— Сегодня среда. Их можно будет увидеть *всего лишь* через два дня, — словно пытаюсь взбодрить ауру этого дома, вслух произнесла я.

Самый напряженный момент наступил в пять часов вечера, когда Тэмми (до сих пор остававшаяся в неведении), после очередного безрезультатного похода на биржу труда, привела домой ничего не подозревающих племянников. Вскоре в дом ворвалась вернувшаяся с работы Эмилия и вся семья, наконец, собралась до кучи.

— Но я не хочу жить с Джудит, — запротестовал вставший с дивана Дин, и Элис сразу же надула нижнюю губу, явно предупреждая нас о том, что готовится удариться в рёв.

— Дин, ты уже взрослый мальчик, — дрожащим голосом пыталась объяснить мама. — Вы должны поехать к бабушке Джудит всего лишь на месяц, потом мы вас заберем. Вы пока поживете у нее...

— Я не хочу, — топнул ногой мальчишка.

— Смотри, Дин, — сев на корточки напротив племянника, начала я. — Тебе скоро исполнится целых шесть лет. Ты уже совсем взрослый мужчина. Правильно я говорю?

— Правильно, — заинтересованно согласился племянник.

— Вы поедете в путешествие с Джудит. Ты ведь хотел путешествовать как Гуливер? Сегодня твоя мечта сбылась. Ты возьмешь Элис и отправишься с ней в путешествие. И, как настоящий защитник, ты будешь присматривать за младшей сестрой...

— Я сама взрослая, за мной не нужно присматривать! — оборвала меня девочка. — А феи там будут? — хлюпая носом и вытирая покрасневшие глаза, задала самый важный для себя вопрос Элис.

— Только если вы будете очень внимательными, вы сможете их заметить. Они ведь совсем маленькие... Мы с тетей Сэм собрали ваши вещи. Я положила в сумку моргульский клинок и волшебную палочку...

После моей убедительной речи, дети воодушевились, но всё равно не были в восторге от свалившегося на их головы «счастья».

Шесть часов вечера неизбежно приближались. Все машинально начинали метаться по дому, стараясь не произносить ни слова, чтобы случайно не выдать дрожи собственного голоса или не сорваться на слёзы. Бабушка же вовсе, чтобы не прощаться с детьми в самый последний момент, молча засунула свои пирожки в рюкзак Дина и, поцеловав правнуков, ушла в свою спальню. Дед последовал её примеру и отправился вслед за ней. Я же сидела на лестнице и нервно наблюдала за всем происходящим, периодически смотря на разбитый экран мобильного телефона. Без пяти шесть возле нашего дома остановился автомобиль. Услышав звуки заглохнувшего мотора, моё сердце словно вырвалось из груди и упало на ступеньку передо мной. Все вскочили со своих мест и начали целовать двойняшек, едва сдерживая слёзы, из-за чего дети начали нервничать и дуть губы. Еще минута и племянников пришлось бы в буквальном смысле отдирать от мебели, чтобы вынести из этого дома.

— Подождите, — не выдержала я. — Достаточно. Все уже попрощались. Я проведу детей до машины, а вы оставайтесь здесь.

Я говорила это таким дрожащим голосом, что не то что не способна была внушить остальным твёрдость духа, но и полностью растеряла свой. Загрузив на плечи детские рюкзаки, я взяла в руки чемодан и попросила племянников идти впереди меня. Взвзвись за руки, Дин и Элис неохотно вышли из дома.

— Видите вон ту машину? — оказавшись под лучами вечернего солнца и вдохнув свежий аромат соседских пионов, я немного пришла в себя. — Это самая настоящая машина времени. Смотрите, в ней уже сидит Джудит. Вы ведь с ней неплохо поладили, правда? Она отвезет Вас в замок, в котором вы немного поживете, а потом вернетесь к нам на этой машине, чтобы рассказать нам о своём путешествии.

— Может быть, машина умеет летать, и мы сможем увидеть Лапуту^[29]? — Поинтересовался Дин, когда мы уже были возле машины.

— Может быть, — глухо ответила я.

— Добрый вечер, — попыталась улыбнуться мне новоявленная бабушка моих племянников, но я проигнорировала её глупое замечание. За всю свою жизнь я видела эту женщину всего несколько раз: во время первого заседания, когда в суде должна была присутствовать вся наша семья, и мельком по субботам, когда она вторгалась в наши жизни со своей бочкой дегтя.

Судебный пристав открыл багажник и хотел помочь мне погрузить вещи, но я была слишком зла на этих людей, чтобы любезничать с ними, принимая от них сомнительную помощь. Джудит усадила детей на заднее сиденье, и я уже из последних сил сдерживала приступ злости, чтобы не оттолкнуть эту женщину от моих племянников. Когда же она наконец отошла от дверцы, я нагнулась к детям и поцеловала их в лоб.

— Только когда увидите фейри, не хватайте их за крылышки, — для пущей убедительности прошептала я. — Они у них очень тоненькие и их нельзя сломать.

— Хорошо, — уверенно и даже с энтузиазмом ответил Дин.

— Хорошо, — пискнула в ответ Элис.

Я собственноручно захлопнула дверь, после чего дряхлая машина с ревом развернулась возле нашего палисадника и уехала в неизвестном направлении. Мне вырвали сердце. Второй раз после смерти Дэниела.

Сразу после отъезда детей все разошлись по своим комнатам, и только я осталась в гостиной. До девяти вечера я просидела на отцовском кресле без единого движения, стараясь подавить воспоминания о том, как Дин впервые выговорил слово «гувернантка», пытаюсь выучить название профессии Тэмми; как Элис выбила свой первый молочный зуб, ударившись о край стола, после чего смеялась через слёзы; как бабушка с мамой тайно готовили праздничные торты, отдельно для каждого из двойняшек, а папа с дедушкой расставляли на них свечи.

Когда Сэм появилась в гостиной и протянула мне свою тонкую, розовую толстовку, я нервно вздрогнула от неожиданности.

— Прогуляемся к качелям? — предложила рыжеволосая.

На улице было достаточно тепло, но я всё равно надела толстовку, зная, что через час точно похолодает. Старые подвесные качели, на которых я обожала пропадать в детстве, находились в конце нашей улицы. В последний раз я ходила на них с Самантой лет десять назад, в ноябре, когда Дэниел разбил хрустальный снежный шар Эмилии, после чего дома началось настоящее землетрясение.

— Ты сильнее всех в этой семье, — вдруг заявила Сэм, усевшись на качелях слева от меня.

— Неправда. Сильнее всех в этой семье ты.

— Мне сложно быть частью семьи. Я говорю не про конкретно нашу семью, я говорю в общем. Я не могу спокойно рассуждать о починке посудомоечной машины, вязать носочки для племянников или поливать цветы на клумбах. Мне сложно жить на одном месте и сложно привязаться к кому-нибудь. Я всех вас люблю и знаю, что вы моя семья, но частью вашего мира я себя не чувствую. Наверное, всё потому, что чувствовать себя частью ограниченного сообщества вроде семьи, для меня слишком мало, поэтому я чувствую себя частью всего мира сразу и всячески пытаюсь его объять. Объять необъятное, понимаешь? Вы часть моей души, но моя душа — это весь мир. Я могу в любой момент сорваться с любого места и уехать куда угодно, но я обязательно вернусь к вам. Вы словно необъяснимая часть меня, которую я люблю всем своим существом, но с которой не могу быть всегда рядом, чтобы не испортить её и не потерять себя. Я наверняка знаю, что уеду отсюда, но не знаю, куда и когда. Ты же — часть этой семьи. И ты самая сильная её часть. Именно ты решаешь самые сложные для существования вашего мира вопросы: убираешь вещи погибшего брата, нянчишь новорожденных младенцев, единственная пытаешься выучиться в университете, который затем бросаешь, чтобы помочь семье, ради которой, впоследствии, работаешь нянькой вредного мальчишки, чтобы приносить домой деньги...

— И всё бессмысленно... Я бросила учебу, устроилась на нелюбимую работу и всё бессмысленно.

— Еще не всё потеряно — в июле будет обжалование. Мы накопим деньги на нового адвоката...

— Ты действительно веришь в то, что детей нам вернут? — поинтересовалась я, словно прося Саманту не заниматься самообманом и не обманывать меня.

— Нет, — неожиданно в лоб ответила Сэм, согласившись с моим видением ситуации. — Их не вернут. И в этом ты сильнее меня. Я видела их пару раз в год и для меня

не будет такой проблемой встречаться с ними по субботам, как для вас. Пожалуй, я буду видеться с ними даже чаще чем раньше. Я уеду и снова приеду, а ты останешься переживать эту ситуацию. В самые ужасные моменты своей жизни, ты единственная в этой семье, кто собирает весь свой здравый смысл в кулак и лишь по прошествии всего ужаса, когда всё остаётся позади, и ты выстояла очередной бой, ты позволяешь себе заплакать. Остальные же впадают в апатию еще до начала битвы.

На небе начали появляться первые звезды, и мы закрипели качелями. Я знала, о чем говорит Сэм. Я была единственной, кто хладнокровно сделал то, что, по мнению некомпетентного судьи, должна была сделать моя семья — взяла детей в руки и без рыданий отдала их незнакомой женщине. Это было ужасно и это осталось позади. Сегодня ночью я буду плакать.

— Как мы будем жить дальше? — поинтересовалась я у такой молодой и такой всезнающей тёти.

— Вы будете биться с драконом еще некоторое время и в битве спустите все заработанные вами деньги, и даже влезете в тягостные долги. Вы проиграете. Твой отец едва ли найдет себе новую работу, у Тэмми тоже шансов мало в этом городе. Ты быстро накопишь на возвращение в университет и вернешься в Лондон, чтобы со временем стать успешным врачом. По субботам вы будете видеться с растущими вдали от вас двойняшками, а я буду пару раз в год приезжать в этот город.

— Как пережить поражение?

— Это не поражение — это опыт. Просто прими его, каким бы жестоким он не был, — ответила Сэм, после чего вдруг тяжело вздохнула. — Я иногда задумываюсь о том, кем же могут быть мои биологические родители. Может быть, они алкоголики, преступники или наркоманы? Или может они политики, поп-звезды, спортсмены... А может быть комбо? — грустно улыбнулась рыжеволосая. — Может быть, у меня есть братья или сестра? Я имею в виду биологических, а не твоего отца, который стал для меня лучшим братом на планете Земля. Как я оказалась подкинутой под двери женского монастыря? Может быть, меня потеряли? Или всё же от меня отказались?.. И, знаешь, к какому выводу я прихожу, размышляя обо всем этом бреде?

— К какому?

— Нет смысла думать о том, чего не можешь изменить. Тем более нет смысла думать о том, что кто-то, когда-то решил за тебя. Даже если я поверну время вспять и снова стану младенцем, я не смогу предотвратить того, что произошло. И стоило бы вообще что-то предотвращать? Я ведь счастлива «здесь» и «сейчас», а если я изменю своё «здесь» буду ли я счастлива «сейчас»? То, что вы лишились двойняшек — не ваша вина, как и не ваша заслуга в том, что они у вас были. Вы научились с благодарностью принимать дары судьбы, теперь же вам стоит с благодарностью принять её новый дар — опыт. Пусть даже этот опыт заклеен словом «боль».

Домой мы возвращались, когда звезды уже высоко светили над нашими головами. Под крышей нашего дома ужина сегодня не было, но мне и так кусок в горло не лез, так что я отказалась от предложения Сэм съесть бутерброд, после чего поднялась вверх. Все заперлись по своим комнатам, и меня впервые никто не норовил выгнать из ванной, поэтому я простояла под прохладным душем с полчаса, прежде чем намылила голову. Стоя под потоком воды, я пыталась заплакать, но меня словно закупорили изнутри, чтобы я не смогла просто взять и выплакать свою боль. Уже возвращаясь к себе в комнату, я увидела в детской

спальне, лежащую на матрасе Тэмми, которая всё время после раздора с Эми спала в комнате племянников. Сейчас же, оставшись в опустевшей спальне двойняшек, сестра не перебиралась на тахту Дина или Элис, оставаясь на своём захудалом матрасе. Увидев это, к моему горлу подступил комок. Лишь запершись в своей спальне и сев на кровать, я вдруг разревелась так сильно, что пришлось уткнуться лицом в подушку, чтобы мои всхлипы никто не услышал.

* * *

Спустившись с утра на кухню, я никого не обнаружила. Сегодня Эмилия ночевала у Эммета, отчего в этой семье только мне нужно было позавтракать, чтобы с утра пораньше отправиться на работу. Я пошарила в холодильнике, чтобы наскоро съесть хоть что-нибудь, но в итоге остановилась на лежащем на столе яблоке. Уже отправляясь на выход, я вдруг увидела папу, сидящего спиной ко мне на старом диване в гостиной. Всю свою жизнь он всегда выглядел моложе своих лет, но последние месяцы его сильно подкосили. Сначала заседания в судах, затем увольнение с любимой работы и в итоге потеря двойняшек. Только сейчас я заметила, как он вдруг резко постарел: его виски покрыла первая седина, между бровей появилась новая, старческая морщинка и он весь словно поник изнутри. Я положила яблоко на место.

— Пап?

— Глория? — повернулся ко мне отец, и я чуть сразу не разревелась от того, что он впервые в жизни не услышал моих шагов.

— Что ты здесь делаешь? — через силу сглотнув комок боли, поинтересовалась я.

— Мама сегодня не встанет приготовить завтрак...

— Ничего страшного, я уже уйду на работу.

— Да-да, я тоже сегодня пойду на биржу, возьму с собой Тэмми, — словно оправдываясь, начал рассказывать свои планы на день отец.

— Отдохни сегодня, — шепотом попросила я.

— Только не сегодня, — на выдохе ответил папа. В ответ я обняла сидящего отца, после чего быстрым шагом вышла из дома, чтобы поскорее стереть скатившиеся по щекам слёзы.

Путь на работу впервые оказался для меня настолько тяжелым. Раньше я буквально пробегала эту гору с густым садом по правую сторону от меня. Сейчас же, давая себе внутреннюю установку о том, что я до конца рабочего дня ни разу не должна позволить себе всплакнуть, мои ноги едва волочились по каменной плитке. Остановившись напротив поместья, я достала из сумочки миниатюрное зеркальце и обрадовалась тому, что догадалась воспользоваться водостойкой косметикой Сэм. И всё же, мои заплаканные глаза едва удалось спрятать под косметическим корректором, черной подводкой и пышной россыпью ресниц, которые я хорошенько обработала тушью. Еще от моего расстроенного лица отлично отвлекали объемно завитые локоны. Я не спала всю ночь, поэтому встала с постели пораньше, чтобы тщательно замаскировать своё состояние перед грядущим рабочим днём. Благодаря моим утренним стараниям, теперь с первого взгляда можно было и не заметить, что я проплакала всю ночь. Меня мог выдать лишь слегка порозовевший нос, незначительное покраснение возле глаз и губы, которые всякий раз, когда мне хотелось плакать, наливались кровью (стоило закрасить их карандашом бледного оттенка, но у меня такого не было).

Сегодня я специально одела белую блузку с широким рукавом до локтя, чтобы выглядеть посвежее, и заправила её в любимые, корсетные джинсы темного цвета.

— Доброе утро, Джонатон, — словно ни в чем не бывало, поздоровалась со швейцаром я, на глубоком выдохе переступив порог главного дома.

— Доброе утро, мисс Глория. Должен Вам сообщить, что сегодня мистер Рик будет заниматься с Мартином вечером.

«Замечательно! Еще и выходки Мартина придется терпеть на четыре часа больше обычного», — пронеслось у меня в голове.

— Доброе утро, — поздоровался со мной неожиданно возникший за спиной Джонатана Роланд, но я уже целеустремленно направлялась в сторону домика Мартина и не захотела останавливаться, чтобы никто из них случайно не смог раскусить моё состояние. Поэтому я лишь мельком обернулась и, не сбавляя шага, глухо произнесла в ответ Олдриджу своё неубедительное «доброе утро».

Оставив позади себя Джонатана с Роландом, я вдруг почувствовала себя колом, ловко укатившимся от зайца и волка, но безысходно подкатывающимся к мелкому лису. Я уверенным шагом направлялась к главной амбразуре моего дня — к Мартину.

— Привет, тупица, — отчего-то радостно поздоровался лежащий у камина Мартин. Наверное, радовался отмененным занятиям с Риком.

— Привет.

— Я заранее увидел тебя идущей сюда и специально ради тебя закинул легио в камин, в котором вчера вечером мы с Доротеей спалили ненужную макулатуру.

Теперь ясно, чему так радовался мальчишка, уже успевший отскочить от места своего преступления. Сняв с плеча сумочку, я молча подошла к камину и начала выгребать из залы маленькие пластмассовые детальки, совершенно не думая о своей белой блузке и идеальном маникюре, оставшемся со дня бала. Я настолько ушла в процесс копошения в пепле, что не с первого раза услышала Роланда, остановившегося в пяти шагах от меня.

— Глория?

— Да, — резко подняла голову я, поняв, что меня уже дважды кто-то позвал.

— Вы вчера так быстро умчались, что я подумал, будто Вы сегодня не придете, и решил с утра отвезти Мартина в бассейн. Вчера вечером я пытался до Вас дозвониться, но Ваш телефон был вне зоны доступа, а пять минут назад Вы так стремительно спешили сюда, что я попросту не успел Вам сообщить об этом.

Кажется, я вытащила всё легио из камина. Сегодня мне повезло — всего девять мелких деталек. Переведя взгляд с Олдриджа на свои черные пальцы и после снова встретившись с ним взглядом, я поднялась с колен.

— Эммм... — только и смогла протянуть я.

— Вы можете поехать с нами.

— Я, пожалуй, подожду вас здесь. Тем более у меня нет с собой купальника. Во сколько вы вернетесь?

— Раз уж Вы пришли, все Ваши часы пребывания в этом доме будут учтены. Так, сейчас пять минут десятого, — посмотрев на свои дорогие часы, задумался Олдридж. — Примерно в двенадцать мы вернемся.

— Хорошо, я приготовлю обед.

— Не стоит. Обед сегодня готовит повар.

— Хорошо, я приберусь, — выдохнула я, посмотрев на грязную ладонь.

— Если Вам от этого станет легче, — многозначительно поднял бровь Роланд, явно давая понять, что здесь регулярно наводят чистоту горничные и в моей помощи на этом фронте явно никто не нуждается. — У Вас всё в порядке?

— Конечно.

— Вы... Гхм... Уверены?

— Всё замечательно, — попыталась улыбнуться я, но лишь поджала губы.

— Я собрался! — радостно прокричал вбежавший в гостиную Мартин, поправляющий за плечами ярко-синий рюкзак.

— Как легио оказалось в камине? — неожиданно твёрдо поинтересовался у мальчишки Роланд.

— Она что, пожаловалась? — сразу же надулся Мартин.

— В отличие от некоторых, жалующихся по сто раз на дню на свою няню, Глория еще ни разу даже не намекнула на то, что ты ей действуешь на нервы.

— Зачем ты рассказал ей, что я на нее жалуясь тебе по сто раз на дню? — растерялся мальчик.

— Для того чтобы тебе стало стыдно. Мы не поедem в бассейн, пока ты не попросишь у Глории прощение и не отмоешь своё лего.

— Прости, Глория, — нахмурившись, но беспрекословно соглашаясь с братом, во второй раз в жизни извинился передо мной Мартин и снова сделал это исключительно по настоянию Роланда. После этого он протянул ко мне свою маленькую руку, чтобы забрать у меня испачканный в залу, черный конструктор. То ли от его извинения, то ли из-за вида его маленькой руки, меня вдруг начал душить комок в горле. Прошедшие сутки были слишком тяжелыми...

— Не стоит, — резко отдернула свою испачканную руку я и, пройдя мимо Роланда, бесцветным голосом добавила. — В конце концов, Вы платите мне за это.

Братья Олдриджи уехали и я, наконец, осталась наедине с собой. Чтобы отвлечься от горьких мыслей о племянниках, я до блеска вычистила камин, найдя в нем еще одну деталь от лего, и полила цветы в палисаднике, после чего вдруг обнаружила, что мне абсолютно нечем заняться. Сначала я хотела полежать на шезлонге во внутреннем дворике, как делала это всякий раз в свободное от Мартина время, но не выдержала и пяти минут после того, как, пролистывая фотографии на разбившемся экране своего телефона, наткнулась на селфи с двойняшками.

Мне срочно нужно было что-то делать. Я отправилась в уборную и, заглянув в зеркало, оценила своё состояние как стабильное — лицо уже почти не выдавало моего отвратительного состояния, за исключением моей чрезмерной бледности. Сделав несколько дыхательных упражнений и убедив себя в том, что до конца дня я всё-таки смогу сдерживать накатывающие на меня потоки отчаяния в виде слез, я обследовала шкафчики ванной. Найдя принадлежности для уборки, я начала протирать пыль на кухне и в гостиной, решив не трогать спальню Мартина, чтобы он потом не возмущался по поводу своих сдвинутых с места вещей. К одиннадцати на моем пути не осталось ни единой пылинки и мне снова некуда было деться от безделья. Я снова отправилась в уборную, где ровно расставила всевозможные пузырьки и подняла корни своих волос еще на полдюйма, после чего снова зашла в тупик. Как только у меня заканчивались задания, которые я буквально высасывала из пальца, мысли о том, что я не предотвратила разрыва с племянниками, сразу же начинали грызть меня изнутри. Взявшись за швабру с микрофиброй, я начала бесцельное хождение по дому. Трижды обойдя по кругу всю кухню, я поняла, что пора перебираться в более просторную комнату, после чего отправилась в гостиную. Я буквально носилась с несчастной шваброй перед собой, пытаясь забыться в своем хождении. Однако уже через полчаса я выдохлась и, остановившись посреди гостиной, начала медленно водить шваброй по одному месту. Прошла минута, две, пять, десять, а я всё никак не могла остановиться.

— Хотите протереть дыру? — внезапно поинтересовался Роланд, по-видимому, уже давно наблюдающий за мной. От неожиданности я даже немного вздрогнула. Как я могла его не заметить?! — Вы уже минимум пять минут трете одно место.

— Вы что, наблюдали за мной пять минут?

— Пять минут и пятьдесят две секунды, — посмотрев на часы, серьезно ответил Роланд. — Вы в порядке?

— В полном.

— Глория, мы вернулись. Прости меня за то, что утром я закинул лего в камин, — едва

ли не прокричал влетевший в гостиную Мартин. Он так сильно светился счастьем, что было совершенно очевидно, что мальчик в восторге от состоявшейся поездки и, судя по тону его извинения, Роланд не раз проработал мальчишку на тему его поведения по отношению ко мне.

— Ничего, — только и смогла безразлично выдавить из себя я.

— Жду вас обоих через час на обед, — спокойно произнес Олдридж, еще раз кинув взгляд на свои наручные часы.

— Хорошо, — ответил за нас обоих Мартин.

Перед тем как уйти, Роланд еще раз посмотрел на меня, словно пытаюсь разобраться в том, действительно ли я в порядке, после чего уверенно развернулся и ушел, поправляя свой рюкзак за плечами. Интересно, какие умозаключения он произвел?

До обеда всё было тихо — Мартин сидел в своей спальне, в то время как я перемывала на кухне до скрипа начищенные тарелки. В час дня Джонатан позвал нас на обед, и мы в полном молчании отправились в столовую, где Роланд уже читал утренний выпуск местной газеты, которой зачастую любил баловаться мой отец. И что только Олдридж мог интересного в ней вычитать? Прогноз погоды или новость о том, что возле местной школы хотят обновить газон? Как только мы сели на свои места — я по левую руку Роланда, Мартин по правую, — Роланд отложил газету и украдкой посмотрел на меня, очевидно думая, что я этого не замечу.

— Городской юношеский футбольный клуб набирает команду, — непринужденно начал беседу Олдридж, пока я делала вид, будто «сосредоточенно» накладываю себе картофель. — Мартин мог бы попробовать поступить в него, как думаете, Глория?

— Замечательная идея, — попыталась поддержать разговор я, считая, что это неплохая идея — говорить о всяких мелочах серьезным тоном. — Внук Доротеи играет в нём.

— А почему ты у Глории спрашиваешь, а не у меня? — удивился Мартин. — Мне кажется, что я не смогу поступить в команду.

— Что тебе мешает? По возрасту ты подходишь, до начала отбора еще целый месяц и в команде играет твой друг. Лео может согласиться поднатаскать тебя в игре и помочь вписаться в команду.

— Ну да... — легко сдался мальчик. — Я неплохо играю. Думаю, у меня есть шансы. В Лондоне я играл в школьной команде.

— Я в детстве тоже играл в футбол. Глория, а чем занимались Вы?

— С футболом моё детство точно не было связано, но я поддерживала своего старшего брата.

— У тебя есть старший брат? Он старше Роланда?

Я посмотрела на Мартина и окаменела. Зачем я завела разговор в опасный переулочек?

— Двадцать шесть должно было исполниться в этом году.

— Он ровесник Роланда! — обрадовался мальчик. — А когда ему исполнится двадцать шесть?

Я замерла.

— Никогда, — сглотнув очередной комок то ли боли, то ли картофеля, ответила я. — Он умер шесть лет назад.

— Ой, — округлил глаза мальчик, после чего нервно икнул.

— Мартин, выпей воды, — попытался отвести разговор от опасной темы Роланд. — Не ешь пока икота не пройдет.

Я определенно слишком много наложилась себе на тарелку. Хотя я не ела со вчерашнего обеда, моё горло словно сжималось в спазме при каждой попытке проглотить очередной кусок нежного картофеля.

— Мы круто поплавали, — спустя минуту, начал хвастаться Мартин, к этому времени успешно одолевший икоту. — Роланд сказал, что я могу как-нибудь пригласить Лео в аквапарк, только нужно узнать у Доротеи, не помешает ли ему протез.

— Замечательная идея, — согласилась я, так как идея была действительно отличной.

— Мы могли бы все вместе сходить в воскресенье, — продолжил Мартин.

Я возила брокколи по тарелке и смотрела сквозь Мартина, совершенно не понимая, о чем именно он говорит.

— Как думаешь? — смотря мне прямо в глаза, не успокаивался мальчик.

— Замечательная идея, — словно очень заинтересованно отозвалась я, не заметив, что на все предложения со стороны собеседников начала необдуманно ставить печать с надписью «Замечательная идея».

— Значит ты, Доротея, я, Лео и Дин с Элис пойдём в воскресенье в аквапарк. Будет круто! Жаль, что Роланд отказывается с нами пойти.

— Эмм... Я тоже не смогу, — наконец опомнилась я.

— Ты ведь только что сказала, что это замечательная идея, — сдвинул брови мальчик.

— Да, но я хотела бы отдохнуть в это воскресенье.

— Разве аквапарк — это не отдых?

— У меня были другие планы, — начала врать я.

— Ну ладно, — слегка разочаровался Мартин. — Тогда пойдём впятером.

— Почему впятером?

— Доротея, Лео, я, Дин и Элис. Мы заедем за двойняшками в воскресенье с утра.

— Боюсь, не получится, — пытаюсь держать себя в руках, ответила я.

— Почему?

— Хм, — тяжело выдохнула я. — Двойняшек в воскресенье не будет дома.

— Тогда может в субботу? — не отступал мальчишка.

— И в субботу.

— Тогда в понедельник.

— И в понедельник.

— А когда они будут? — начал хмуриться мальчик, наверняка решивший, будто я попросту не хочу, чтобы мои племянники с ним общались.

— Хм, — я не могла произнести слово «никогда», чтобы не сорвать со своего плачевного потока эмоций штопор, поэтому сейчас пыталась подобрать синоним этому слову, параллельно развозя картошку по тарелке. Наверное, со стороны казалось, будто я, отчаянно хмуря лоб, пытаюсь выдумать что-то правдоподобное. — Хм... Иди с Доротеей и Лео, — только и смогла выдавить я.

— Почему? — настаивал на объяснениях мальчик.

— Кхм... Просто мои племянники... Они уехали к своей бабушке.

— Разве твоя мама не их бабушка?

— Верно, но... Они переехали к маме покойной жены моего брата, — сделав серьезный взгляд, будто мне совершенно безразлично, через силу ответила я, после чего взяла в руки бокал с водой.

— Я-я-ясно, — разочарованно протянул Мартин, но, к моему несчастью, всё ещё не

собирался сдаваться. — А когда они вернутся?

Проглотив воду, я посмотрела на Мартина ошарашенным от боли взглядом, но собрала всю свою волю в кулак и, наконец, ответила:

— Никогда.

Над столом повисла звенящая тишина — даже Роланд перестал жевать. Я сделала еще один глоток воды, отчаянно пытаюсь сглотнуть боль.

— Так когда вы собираетесь поехать в аквапарк? — слегка дрогнувшим в начале, но вовремя скованным к концу голосом, поинтересовалась я, пытаюсь перевести тему в менее опасное русло.

— Теперь не знаю. Вдруг Лео тоже уедет к другой своей бабушке? — разочарованно выдал Мартин.

Обед я выдержала буквально на последнем дыхании, так и не доев ни гарнир, ни десерт. Роланд сказал, что поиграет с Мартином в настольный футбол, и я сразу же ретировалась в свой уютный, маленький домик, прежде чем меня смогли бы уговорить поучаствовать в процессе. Олдридж сказал, что игра займет минимум час, так что на ближайший час я могла спокойно расслабиться.

Уже возле внутреннего двора у меня потекли слезы. Я размашисто их стряхнула, сделав вид, будто что-то попало мне в глаз, на случай если вдруг в домике окажется кто-то из прислуги. Но никого, как, впрочем, и всегда, не оказалось. Была только я и стены.

Злосчастное слово «никогда» словно повисло где-то в пространстве между мной и моими племянниками, навсегда перекрывая своей массой дорогу между нами. Я *никогда* больше не проснусь в выходные слишком рано, из-за устрашающего смеха двойняшек, *никогда* не заберу их из садика, *никогда* не прочту им сказку перед сном, *никогда* не буду их мыть, *никогда* не научу их кататься на двухколесном велосипеде.

Я зашла в достаточно просторную ванную комнату, стены которой были выложены белой плиткой, а пол темно-синей, и, наконец, почувствовала себя в безопасности. Сев на пол и, обняв колени, я уперлась лбом в ноги и начала плакать, стараясь хлюпать носом как можно тише. «Сейчас всё пройдет, сейчас всё пройдет... До середины июля осталось чуть больше месяца, а потом моих племянников вернут. Нам не могут не вернуть душу нашей семьи. Как мы будем без души? Так, всё... Соберись... А вдруг она увезет их далеко отсюда? Вдруг она переедет в другую страну?! Дети вырастут и даже не вспомнят, что в их жизни были мы! Соберись-соберись-соберись... Ты на работе! Прекрати реветь...»

В моей голове развернулся настоящий хаос, как вдруг в дверь, за которой я пряталась, раздался тихий стук.

— Глория? — окликнул меня Олдридж-старший.

— Вы ведь собирались играть в настольный футбол, — резко вскочив на ноги, замерла я.

— Джонатан вызвался первым сыграть с Мартином, вторым будет Якоб. С Вами всё в порядке?

— Да, — как можно более собранно ответила я. Мне вдруг расхотелось плакать и я начала поправлять свой не сильно пострадавший макияж, безумно радуясь его водостойкости. Зачем он пошел за мной?! Неожиданно Роланд уверенно дернул ручку двери, с определенной целью её открыть, даже не поинтересовавшись, можно ли ему войти! Я ведь сказала ему, что со мной всё в порядке! Хорошо, что я додумалась запереться, иначе бы он уже лицезрел мои заплаканные глаза.

— Откройте дверь, — скорее потребовал, нежели попросил Олдридж.

— Эммм... Я не могу.

— Почему?

— Кажется, у меня несварение желудка, — соврала я, решив, что уж лучше пусть Олдридж думает, будто у меня диарея, нежели узнает о том, что я плакала.

— Хм. Вам принести лекарство?

— Было бы неплохо, — на выдохе ответила я, подумав о том, что было бы действительно неплохо, если бы он исчез минимум на пять минут. И он вроде как исчез.

Прислушавшись, спустя минуту я поняла, что действительно осталась одна и решила выйти из уборной раньше, чем Роланд успеет вернуться. Глаза всё ещё были на мокром месте, но это должно было успеть пройти к моменту, когда Олдридж вернется из главного дома. Аккуратно повернув защелку, я тихо вышла на коридор и, уже закрывая за собой дверь, чуть не умерла на месте от разрыва сердца.

— Вы меня напугали! — подпрыгнув, выдохнула я. Роланд стоял всего в паре шагов от меня, со скрещенными на груди руками, и внимательно смотрел на меня. Хорошо, что в коридоре было недостаточно света, чтобы он мог тщательно разглядеть моё состояние!

— Скорее Вы меня, — спокойно констатировал Олдридж.

— Вы принесли мне таблетку?

— От несварения желудка?

— Именно.

— Нет.

— Почему?

— Может быть потому, что у Вас нет никакого несварения желудка? — хладнокровно уличил меня во лжи Олдридж.

— Почему Вы в этом так уверены? — не собиралась сдаваться я.

— Во-первых, потому, что вы хлюпаете носом...

— Это всё аллергия.

— И на что же? — изогнул бровь мой оппонент и, не получив ответа, продолжил. — А во-вторых, в ванной нет унитаза — он находится в отдельной комнате.

— Знаете что?.. — с вызовом начала я, но мой голос сорвался.

— Что? — не собирался отставать Олдридж.

— Не хочу отчитываться перед Вами по поводу собственных слёз. Если я хочу плакать, значит, я буду плакать, — дребезжащим голосом заявила своё право на собственные слёзы я.

— Хм... Разумно, — ответил Роланд, явно не смутившийся моим состоянием, за что я была ему весьма благодарна, хотя и злилась на него сверх меры.

— Зачем Вы пришли? — нахмурилась я.

— Чтобы узнать, почему Вы плачете.

— Откуда Вы могли знать, что я буду плакать? Даже я не знала, — глубоко вдыхая и выдыхая, поинтересовалась я, пытаясь не пересекаться с собеседником взглядами.

— Вы мне расскажите причину Ваших слез? — проигнорировав мой вопрос, нахмурился Олдридж.

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Одна голова хорошо, но две лучше.

— У меня десять голов и ни одна не смогла ничего решить.

— Вам просто не хватало одиннадцатой.

Не выдержав давления, я повернулась спиной к Олдриджу и уперлась руками в корсет своих джинс, пытаясь вжать кулаки в бока, чтобы начать дышать тише. За следующие пять минут, не оборачиваясь на собеседника, я в подробностях рассказала всё, что у меня произошло: о том, что я ушла из университета из-за нехватки денег, которые уходили на судебные тяжбы с появившейся из ниоткуда Джудит; о том, что в последнее время в семье работают только я и Эмилия; о том, что судья изначально был настроен против нас; о том, что

все деньги, которые Роланд вытряс из хозяйки добермана в качестве моей компенсации, ушли на адвоката, который ничем нам не помог — лишь прикарманил наши сбережения; о том, что двойняшек увезли в другой город и теперь мы можем с ними видеться лишь по субботам; о том, что апелляция состоится лишь в середине июля; о том, что мы заранее проиграли, так как высшие судебные органы ясно дали нам понять, что настроены решительно не в нашу пользу.

— Джудит Фейн значит, — задумчиво произнес Олдридж, и я обернулась, чтобы увидеть его выражение лица. Оно было задумчивым, что вдруг немного меня успокоило.

— Что-нибудь придумали? — стряхнув с глаз слёзы и хлопнув носом, спросила я.

— Тут и думать нечего, — сдвинув брови, пожал плечами Олдридж. — Не понятно, почему Вы сразу ко мне не обратились. Держите платок.

— Спасибо, — поблагодарила я, взяв из его рук белоснежный платок. Скромно высморкавшись, я вошла обратно в ванную, чтобы умыть лицо. Когда я снова вышла, Роланд разговаривал с кем-то по телефону.

— Истец Джудит Фейн. Опекун... — Роланд запнулся, после чего обернулся ко мне и спросил полупшепотом. — Глория, кто являлся официальным опекуном детей?

— Мама, — непонимающе захлопала ресницами я.

— Как зовут маму? — терпеливо подтолкнул меня к правильному ответу Олдридж, и меня передернуло от того, как необычно из его уст прозвучало слово «мама».

— Одри Элен Пейдж, в девичестве Куинси.

— Одри Элен Пейдж, в девичестве Куинси, — повторил в трубку телефона Роланд, после чего на его слова последовал короткий ответ и он отключил звонок.

Посмотрев на меня серьезным взглядом, он вдруг произнес:

— Через час будет результат.

— Какой результат? — судорожно вздохнула я.

— Несколько моих знакомых займутся делом Вашей семьи. Через час мне сообщат, что можно с этим сделать.

— А если с этим ничего нельзя будет сделать? — всхлипнув носом, поинтересовалась я и сама себе напомнила Элис, которая перед тем как зареветь, обязательно входит в стадию полной боеготовности к рёву.

— С этим определенно можно что-то сделать. Расслабьтесь, — потряс меня за плечо, словно неваляшку, Роланд. — Сделайте глубокий вдох и глубокий выдох. Вот так. Вам определенно следует выпить чай из мяты с пустырником, он помогает расслабиться. Зачастую им пользуюсь.

— Зачем? — удивленно вздернула брови я, откровенно не понимая, зачем человеку со стальной нервной системой пить чай из мяты с пустырником.

— Чтобы спокойно решать проблемы всего своего штата, — слегка улыбнулся Роланд, в попытке приободрить меня ненавязчивой шуткой.

Уже через десять минут, сидя на террасе под тентом, защищающим нас от попадания прямых солнечных лучей, мы пили заваренный Роландом чай (он внезапно хорошо ориентировался на кухне этого домика, совершенно точно зная, где именно находится банка с чаем из мяты с пустырником). Я переводила взгляд с распустившихся тюльпанов, еще недавно высаженных мной собственноручно, на телефон Роланда и обратно. В глаза ему посмотреть было крайне тяжело — скорее всего, из-за осознания неловкости всей ситуации. Откровенно говоря, я была уверена в том, что это неправильно, что он решает проблемы

плаксивой няньки, у которой глаза всё еще были на мокром месте и нос наверняка порозовел...

— Похоже, Вас чай расслабляет меньше чем меня, — заметил Роланд, выдернув меня из моих тягостных мыслей о своем размякшем внешнем виде.

— Нет-нет, спасибо, очень вкусно, — торопливо ответила я, сразу же сделав убедительный глоток.

— Только не говорите, что теперь для Вас всё, что бы я ни сделал, будет замечательно или превосходно, лишь потому, что Вы единожды решили принять мою помощь.

— Конечно нет.

— Нет? Тогда поспорьте со мной.

— Поспорить с Вами? О чём?

— Разве Вам необходим повод? Поспорьте просто так. Скажите, что Вам не нравится во мне, в моём доме, в Вашей работе.

— Мартин очень нетерпимый ребенок, но в целом меня устраивает моя работа.

— Вы констатируете общеизвестные факты. Придумайте что-нибудь помощнее.

— Окей. Почему Вы до сих пор не отвезли Мартина в больницу?

— Я возил его две недели назад на сдачу анализов, всё было хорошо.

— Но он жалуется на боли в глазах и голове. У него иногда бывают головокружения.

— Я понял свою ошибку. Исправлю.

— Вы даже не попытались оспорить мои слова.

— Потому что Вы абсолютно правы.

— Вы сами не даете шанса с Вами спорить — сразу же бросаете оружие и переманиваете на Вашу сторону, заставляя меня сражаться против самой себя.

— У меня получается?

— Пока да, — ответила я и поняла, что меня уже начинает давить чувство долга. — Так не пойдет. Даже если у Вас ничего не получится, Вы всё равно постарались мне помочь. Я не могу чувствовать себя должной. Попросите чего-нибудь взамен.

— Во-первых, у меня всё получится, а во-вторых, если Вы настаиваете на честной расплате, тогда хочу получить от Вас взамен исполнение одного моего желания.

— Какого желания? — заинтересовалась я.

— Я еще не придумал.

— Хорошо, но только ничего безрассудного.

— Обещаю. Как только придумаю — дам Вам знать.

Неожиданно Роланду пришло смс-оповещение, и я дернулась, посчитав, что это долгожданный звонок. Вспомнив же, что до моего звонка ждать еще минимум полчаса, я попыталась снова расслабиться и, откинувшись на шезлонг, взяла двумя руками свою недопитую чашку чая.

— Завтра в полдень состоится повторное слушание Вашего дела. Представителем интересов Вашей семьи будет Джеральд Ламберте, который уже проходит ознакомление с Вашим вопросом. Если решение суда будет положительным, а, исходя из слов Джеральда, оно будет положительным, тогда Ваших племянников вернут Вам уже завтра.

Я не сразу поняла, что слова Роланда, смотрящего в телефон, адресованы непосредственно мне, но как только он посмотрел мне в глаза, я вдруг совершенно отчетливо осознала услышанное. Мгновенно просияв, я вытянула руки вперед к сидящему напротив меня Олдриджу и едва не обняла его, однако вовремя отстранилась, не допустив

глупой ошибки. Широко улыбаясь, я вскочила на ноги и уперлась ладонями в бока. Заплаканная нянька с широкой улыбкой — наверняка я выглядела нелепо, но в тот момент я совершенно об этом не задумывалась, глядя в счастливое лицо взаимно улыбающегося мне Олдриджа.

— Джеральд Ламберте... Гм... Теперь мы точно выиграем! — и вдруг я застыла. — Это какой-то элитный адвокат?

— Один из лучших барристеров Линкольнс-Инн^[30], — значительно хмыкнул Роланд.

— Линкольнс-Инн... Я не смогу с ним расплатиться.

— Глория, Вы расплатитесь со мной, исполнив одно моё «не безрассудное» желание, которое я еще не успел для Вас придумать. С Ламберте расплачиваться Вам не нужно.

В подобное уныние мама впадала всего один раз в жизни — когда мы потеряли Дэниела. Бледная, маленькая, она лежала на кровати и смотрела в потолок, почти не делая никаких усилий, чтобы реагировать на окружающий мир. Но когда я сообщила ей о том, что Роланд Олдридж захотел оказать нам услугу, предоставив бесплатного барристера из Линкольс-Инн, и повторное слушание нашего дела состоится уже завтра в полдень, мамин пустующий взгляд вдруг ожил, её глаза мгновенно округлились и она резко села на край своей кровати.

— Он так тебя ценит, что решил оказать нам подобную услугу? — не скрывая удивления, приправленного нотками подозрением, спросила у меня уставшая женщина.

— Просто он хороший человек, — пожала плечами я, не желая говорить о том, что подобная услуга для него равна одному его вздоху — он даже не напрягся.

На следующий день вся наша семья, включая Эммета, собралась в зале суда. Я на весь день была освобождена Роландом, с учетом отработки в грядущую субботу.

Бледный судья, всю тяжбу преследовавший нас как «незаконно присвоивших себе общих детей», словно боялась сказать лишнего слова в нашу сторону. Уже во время слушания мы узнали, что Джудит Фейн и её адвокат пытались скрыть рецидив, который произошел с Фейн всего лишь две недели назад, и что на самом деле женщина не является до конца вылеченной от алкогольной зависимости, а лишь находится на последнем этапе лечения. Как суд мог пропустить два таких мощных момента, оставалось загадкой, но, исходя из слов Джеральда Ламберте, мельком сказанных после процесса, судья, который всё это время занималась нашим делом, сильно пострадала из-за подобной необъективности. По итогам заседания было решено оставить детей тем, кто не состоит на учете в алкоголическом диспансере и являлся их опекуном на протяжении всей их жизни, с правом свиданий один раз в неделю в установленное время для Джудит Фейн. Слушание закончилось, едва успев начаться и мы, уже стоя напротив здания городского суда, не до конца понимали, что именно только что произошло. Джеральд Ламберте, рослый мужчина лет сорока пяти, поздравил нас с победой, после чего, как он сам сообщил, отправился в поместье к Олдриджу. Наверное мне стоило поехать с ним, чтобы поблагодарить Роланда, но на тот момент я об этом даже не задумалась.

— Нам вернут детей, — вдруг констатировал папа, после чего все повторно вздохнули полной грудью. — Вернут уже сегодня вечером.

Все начали обниматься и смеяться, пока бабушка с мамой плакали от счастья.

Эмилия и дедушка с бабушкой сели в подержанный воксхолл Эмметта и отправились в ближайший супермаркет за тортом с шампанским (Эмметт сегодня угощал), а остальные веселым шагом направились в сторону автобусной остановки.

Джудит Фейн

В двадцать лет я забеременела от однокурсника, который отказался признавать своего ребенка. Не доучившись, я бросила местный колледж на пятом месяце беременности, со смутной надеждой когда-нибудь в нём восстановиться. На шестом месяце беременности я

познакомилась с Морисом, а еще через семь месяцев обнаружила вторую беременность. В отличие от моего предыдущего друга, Морис согласился на мне жениться. Я вышла замуж с уже успевшим округлиться животом, когда маленькой Линде было всего восемь месяцев от роду. Вскоре на свет появилась Натали, а еще через четыре года родилась Сарра. Мои родители с младшими сестрой и братом жили в Австралии, и мы практически не общались, а родители Мориса отказались поддерживать связь со своим средним сыном, который решил жениться на «забракованной» женщине — женщине с чужим ребенком на руках. Морис днем работал слесарем, а вечером надевал форму охранника и уходил до утра на ночную парковку. Я же работала швеей по десять часов в сутки. Было очень тяжело, но это не оправдывает того, что спустя год после рождения Сары мы начали употреблять алкоголь. Всё началось с бутылки стаута, продолжилось виски и длилось долгих тринадцать лет, в течение которых я потеряла старшую дочь, мужа и себя. Под действием зеленого змия Морис начал изменять мне, я начала изменять Морису, вследствие чего мы регулярно дрались и зачастую от наших потасовок страдали именно дочери. Больше всего от Мориса доставалось Линде, которую он так и не смог признать родной. Девочки росли предоставленные самим себе, и я не заметила, как они стали взрослыми девушками. В семнадцать лет Линда призналась нам, что беременна. К тому времени все наши финансы уходили лишь на коммунальные платежи и дешевую выпивку. Естественно Морис не захотел тратиться на существование бастарда, которого ему собиралась принести падчерица, прожившая всю свою жизнь в его немилости. Он выгнал Линду из дома, едва не ударив её в живот. Я вовремя встала между ними, и все кулаки достались мне. Конечно ему тоже от меня прилетело. Первую неделю после произошедшего я возмущалась его поступком, закатывая крупные скандалы, но вскоре утихла, так как с уходом Линды расходов в нашей семье и вправду стало меньше, отчего теперь можно было позволить себе купить пару дополнительных банок пива.

Мы неплохо скрывали от внешнего мира полную картину состояния нашей семьи, чтобы иметь возможность получать пособие на детей. Так, из месяца в месяц, условия жизни наших девочек социальные работники отмечали как «приемлемые» или «терпимые». А потом я узнала о том, что Линда погибла в автокатастрофе. Полжизни я прожила в алкогольном затмении, не видя ничего и никого, и, в итоге, смогла очнуться лишь от невыносимой боли. Тогда мне безумно хотелось напиться до смерти, но у меня еще оставались шестнадцатилетняя Натали и двенадцатилетняя Сарра. Когда я в очередной раз отказалась пить с Морисом за упокой души Линды, он набросился на меня с кулаками. Так я попала в больницу с тремя сломанными ребрами и многочисленными ушибами по всему телу. В больнице я познакомилась с Даной — социальной работницей, которая и помогла мне разобраться со своей жизнью.

Я не стала заявлять на Мориса в полицию, так как мне было его искренне жаль.

Долгие месяцы после развода я пыталась уговорить бывшего мужа завязать с зеленым змием, но его полностью устраивала его нынешняя жизнь. Еще за неделю до развода, Дана выбила для меня и моих дочек небольшую квартиру с двумя спальными комнатами, расположенную на окраине соседнего города. Сразу после больницы я переехала в нее, забрав с собой девочек. Впервые у каждой из нас появилась отдельная комната. Да, квартира была в ужасно-разбитом состоянии, но уже спустя год кропотливой работы она стала выглядеть вполне прилично. Так я начала путь к полному избавлению от алкогольной зависимости и вскоре смогла устроиться швеей на местной фабрике. Однако мне всё еще

сильно мешали мои рецидивы, которые раз в квартал регулярно врываются в нашу с девочками жизнь.

Спустя два года после развода, Морис умер от алкогольного отравления, а еще через три года я узнала о том, что у Линды остались дети. Оказалось, что мне сообщали о существовании моих внуков одновременно с новостью о гибели Линды, но на тот момент я находилась в сильнейшем алкогольном опьянении, после которого ничего не могла вспомнить. Из-за подобной нелепости я прожила пять лет с полной уверенностью в том, что Линда умерла, не успев родить ребенка, как вдруг узнала о том, что у меня осталось сразу два внука.

Только узнав о существовании Дина и Элис, я впервые почти смогла дойти до конца своего излечения от алкозависимости. Передо мной неожиданно появилась самая настоящая цель — подарить внукам то, что я не смогла подарить Линде. Однако у меня на пути возникло серьезное препятствие в лице семьи Дэниела. Я понимала, что несправедливо отбирать у них детей, но они были и моими внуками, а Дерек и Одри Пейдж наотрез отказывались предоставлять мне возможность общаться с двойняшками, считая меня законченной алкоголичкой. Так и не убедив их в том, что я завязала с выпивкой, мне пришлось снова обратиться за помощью к Дана. Она знала, какой сложный путь мне пришлось пройти, чтобы оказаться в паре дюймах от финиша, наверное поэтому она снова мне помогла. Дана нашла для меня отличного адвоката, которого мне оплатил фонд защиты людей, вставших на путь реабилитации, и вскоре я подала в суд иск, с требованием единоличной опеки над детьми моей дочери, могилу которой я посещала каждое воскресенье. Линда поддержала бы меня в моей попытке исправиться и изменить свою жизнь в лучшую сторону, как поддержали меня Натали и Сарра. К моменту начала судебного процесса, мои повзрослевшие дочери уже уехали в Норфолк, присматривать за постаревшей свекровью, которая к концу своей жизни, лишь после смерти Мориса, признала свою ошибку в том, что не помогла нам стать счастливыми. Её мог осудить кто угодно, но не я — несущая крест горестных ошибок собственных решений.

Спустя месяц после того, как мы со свекровью помирились, она переписала на Натали и Сару две свои квартиры в Грейт-Ярмут, оставленные ей покойным мужем, и дочери уехали устраивать свою жизнь далеко отсюда. Конечно, семьи старшего и младшего братьев Мориса были недовольны тем, что престарелая женщина переписала основную часть своей недвижимости на моих дочерей, с которыми до сих пор они не имели чести быть знакомыми, но вскоре все утихло, так как старушка в завещании всё-таки оставила свой огромный особняк, в котором на тот момент проживала, двум своим сыновьям.

Когда дочери узнали, что у них есть племянники и что я собираюсь вырастить собственных внуков самостоятельно, они приехали ко мне, чтобы поддержать моё решение, и я узнала, что двадцатидвухлетняя Натали, полгода назад вышедшая замуж за выходца из Турции, находится на третьем месяце беременности. Кажется, я весь вечер плакала от счастья. Прежде одинокая, я вдруг обнаружила, что обладаю большой семьей: Танриверди и Натали, с еще неродившимся внуком или внучкой, Сарра, поступившая в Норвичский университетский колледж искусств, и две половинки моей Линды, с точными копиями её носика.

Когда после изматывающего долгого судебного процесса я всё-таки смогла победить, мне вдруг показалось, что теперь я смогу всё исправить. Уже через месяц я смогу стать абсолютно чистой и мои глаза больше не будут останавливаться на бутылке эля, ведь две

частички меня будут называть меня бабушкой. Линда словно смотрела на меня сверху и улыбалась...

Я понимала ненависть Глории Пейдж, которая передала мне моих внуков. Она меня презирала, как презирала себя я, последние пятнадцать лет своей жизни. Но я больше не хотела быть пьянчужкой, которая закончит свою жизнь в алкогольном угаре. Я хотела быть любимой бабушкой двух замечательных малышек, с носиками моей дочки.

Когда я впервые привела внуков в свою квартиру с заранее приготовленными для них спальнями, я была на седьмом небе от счастья. Казалось, будто я вытянула победный лотерейный билет этой жизни, не смотря на то, что моя надежда на счастье погасла уже почти шесть лет назад, после потери Линды. Однако когда спустя час дети начали плакать и проситься назад к бабушке Одри и тете Сэм, меня сразу же накрыла волна паники. Впоследствии дети отказались спать отдельно, и мне пришлось укладывать их в свою постель, так как их маленькие кроватки не были предназначены на двоих. Всю ночь я провела на разложенном диване, дважды вставая успокаивать плачущую Элис. Уже с утра, когда Дина затопило после мюслей, из-за чего Элис в очередной раз разревелась, я начала задумываться над тем, правильно ли поступила. Но после обеда дети успокоились, и я начала готовиться к принятию полной опеки над внуками. Документы должны были оказаться у меня на руках уже сегодня вечером. Я как раз искала копию своего паспорта, когда мне позвонила Дана и сказала, что на завтра назначено дополнительное заседание по пересмотру дела. От услышанного у меня засосало под ложечкой в предчувствии беды. Пытаясь отвлечься, я отправилась с двойняшками на прогулку, но мы не смогли уйти далеко из-за того, что Дин погнался за бродячим котом, которых в нашем районе было не меньше полусотни, и упал, расцарапав до крови обе свои коленки. Нам пришлось вернуться домой, после чего, под общий рев двойняшек, я обработала зеленкой кровоточащие царапины Дина.

Семейство Пейдж задействовало большие связи, благодаря которым за считанные часы выявились все нарушения с моей стороны, на которые судья во время всей тяжбы закрывала глаза, видя во мне не потерянного человека и искренне пытаясь мне помочь. За свою слепую помощь, по словам Даны, она сильно пострадала. «Дети остаются под опекой семьи Пейдж. Решение обжалованию не подлежит», — таковым было окончательное решение суда.

В половину шестого я передала своих внуков судебному приставу, не желая собственноручно отдавать их Одри Пейдж. В этот день я проиграла. Проиграла по всем статьям. Через час, когда Дана оказалась на пороге моего дома, я уже была пьяной в стельку. Кажется, я выпила целый бутылку виски, после чего жгла свои фотографии и страшно ругалась в адрес Даны.

Следующую неделю я снова пыталась прийти в себя. Ко мне приехали Танриверди с Натали, живот которой за это время заметно вырос. До рождения ребенка оставалось два месяца, мальчику решено было дать имя Таркан. Муж моей дочки хотел еще минимум троих сыновей, а Натали была не прочь обзавестись большой семьей, поэтому Танриверди продал свою квартиру в Норидже, Натали продала свою квартиру, доставшуюся ей от моей свекрови, и они купили просторный дом в Бродленде, на окраине Торп-Сейнт-Эндрю. Эти двое приехали забрать меня к себе, чтобы я имела возможность воспитывать своего будущего внука. Услышав это, я так сильно расплакалась в голос, что, кажется, стены моей зачуханной квартирки задребезжали. За неделю мы распродали все ненужные вещи и налегке отправились в Бродленд. Я сомневалась в том, что сделала правильно, отказавшись от еженедельных встреч с детьми Линды, обменяв их на постоянную жизнь рядом с другим

своим внуком, но я гнала все сомнения прочь.

Последующие месяцы мы готовились к прибавлению: обставляли пустующие комнаты недавно купленного дома и покупали приданое для мальчика. Я больше не тянулась к бутылке, но и не чувствовала себя счастливой, из-за разлуки с Дином и Элис. Однако, когда девятого августа на свет появился трехкилограммовый Таркан, моё сломанное сердце вновь забило в моей истощенной груди, больно ударяясь о дряхлые, потрескавшиеся кости. Моя жизнь продолжалась, не смотря ни на что...

Я вспомнила о том, что должна поблагодарить Роланда, лишь по приходу домой и, устыдившись того, что не позвонила ему сразу, недолго раздумывая, набрала номер его телефона, который был выдан мне вместе с копией контракта.

— Да, Глория, — раздался знакомый голос, и я поняла, что впервые слышу его сквозь трубку телефона.

— Я звоню сказать Вам спасибо за то, что Вы сделали, — улыбнулась я тому, что Олдридж узнал меня лишь по номеру моего телефона — мы ведь прежде еще ни разу не созванивались.

— Всегда можете рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо. Это взаимно. Я помню, что завтра у меня рабочая суббота, так что до завтра?

— До завтра, — гулко выдохнув, произнес мой работодатель.

* * *

В двенадцать минут седьмого вся наша семья вышла на улицу, встречать выскочивших из машины двойняшек. Мама негодовала по поводу того, что когда их у нас забирали — пристав приехал раньше назначенного времени, а когда пришло время возвращать — вернул с опозданием в целых двенадцать минут.

Родители были в шоке от зеленых колен Дина.

— Эта маразматичка умудрилась покалечить нашего внука всего за пару суток, — возмутился отец.

— Какой ужас, — подхватила бабушка, задирая длинные шорты Дина. — Это же нужно, допустить подобное!

— Ничего в этом страшного нет, — заметила Сэм. — У меня подобные ссадины в детстве не успевали заживать прежде, чем я наставляла себе новые. Мама, разве ты не помнишь? — умерила пыл бабушки рыжеволосая...

Все сели за праздничный стол. В основном содержимое стола состояло из продуктов, которые я притащила с бала, но Эмметта это не устраивало и он всячески напоминал о том, что необходимо достать купленный ИМ торт из холодильника и раскупорить купленные ИМ ПЯТЬ бутылок шампанского, которое, впрочем, было и вправду далеко не дешевым. Жаль, что я не любила шампанское, но для меня нашлось дешевое красное вино, которое мама прятала от зорких глаз деда и отца за кухонным шкафом (по заговорческим улыбкам которых я поняла, что мама только что, из-за меня, раскрыла местонахождение своего тайника, сама даже не догадываясь об этом). Не пила только Тэмми (она давно считалась трезвенницей нашей семьи), поэтому именно она отвела детей наверх, разбирать их чемодан, пока остальные входили в градус.

— Как хорошо, дорогая, что ты ограбила Олдриджа на красную икру, — хихикнул отец и тут же серьезным тоном добавил. — А вообще, его стоило бы пригласить к нам в гости, ведь если бы не он, мы бы навсегда потеряли наших крошек.

— Умоляю тебя, папа, только не нужно перетаскивать Олдриджа из замка в нашу

хоббичью нору, — хихикнула я и сразу поняла, что вина с меня на сегодня достаточно. — Даже представить его здесь не могу.

— Он настолько чистоплотный? — спросил подвыпивший Эмметт.

— Скорее я не хочу ему показывать нашу берлогу.

— Ты права, дочь, — заметил папа, повеселевший от небольшого градуса алкоголя в крови. — Нам пора бы поменять обстановку дома. Долой этот дряхлый мягкий угол и старую кухню! Уже лет десять, как необходимо купить новую мебель и сжечь старую.

— Да?! — удивленно подняла брови мама. — И за какие же деньги мы её купим?

— Не переживай, дорогая, — самоуверенно начал отец. — Теперь-то, когда двойняшки остались за нами окончательно и бесповоротно, и нам не нужно тратиться на суды, всё будет хорошо. Я с Тэмми найдем работу, а Глория сможет вернуться в университет.

Отец говорил так уверенно и заманчиво, что я снова представила себя на пороге родного университета и сразу же утвердительно улыбнулась. Не могла ведь я ставить крест на своей карьере терапевта? Уверена, что Олдридж не обидится, если в скором времени я передам все свои полномочия Доротее, которая будет купаться в деньгах, если только Роланд не захочет нанять кого-то еще на моё место.

— И мы будем вам всячески помогать, — заметил Эмметт, слегка глупо улыбнувшись. И тут началась долгая и «очень интересная» речь о том, как идут дела на радио, как Эмметт выпивает три чашки кофе перед утренним эфиром, как его голос узнают на улицах незнакомые ему люди. Подобные рассказы Эмметта в нашей семье могли выдержать только два человека — мама и Эмилия, остальные вскоре начинали зевать и перешептываться между собой на более интересные темы.

— Значит, у тебя хорошо идут дела на работе, — наконец оборвал Эмметта папа.

— Более чем, — довольно ухмыльнулся парень.

— У тебя есть, пусть даже и арендованная, крыша над головой, собственная машина, увлекательная работа и любимая девушка. Ты успешный парень, — заключил отец.

— Спасибо, — обрадовался Эмметт. — С тех пор, как я познакомился с Эмилией, я считаю себя не просто успешным, но еще и счастливым.

— А как давно вы познакомились? — поинтересовалась бабушка, не отличавшаяся качественной долговременной памятью.

— Больше пяти лет назад, — ответила за своего бойфренда Эмилия, пережевывающая кусок бекона.

— Вот так фунт! — удивился дедушка. — Я на Пэт женился через полтора года после знакомства. И то потому, что она упиралась целых полгода.

— В нашем случае упираюсь не я, — нервно улыбнулась подвыпившая Эмилия.

— Дорогая, ты ведь знаешь, что я люблю тебя и давно бы на тебе женился, если бы не отсутствие надежды на детей, — разоткровенничался Эмметт.

— Значит, у тебя уже и надежды не осталось? — вдруг изменился голос Эмилии, и я вытянулась в струнку, первее всех заметив бомбу замедленного действия. — Тогда зачем же мы стараемся завести ребенка? У тебя ведь всё равно надежды нет.

— Но попытаться всегда можно, — улыбнулся Эмметт, явно подумав о чем-то пошлом. Кажется, нарастающее напряжение уже замечала не я одна, чему свидетельствовали утихающие за столом разговоры на отвлеченные темы.

— А смысл? — неожиданно резко посмотрев на своего избранника, заявила Эмилия. — У нас ведь не получится, ведь, по твоим словам, у тебя уже даже надежды не осталось.

Выходит, ты уже давно решил, что никогда на мне не женишься, так как у нас никогда не будет детей. Смысл нам тратить время друг на друга?

Эмметт застыл с вилкой в руках, округлив подвыпившие глаза.

— Эми... — начал было он, но сестра не дала ему и шанса на оправдание, встав со своего места. Инстинктивно подскочила и Сэм с мамой, освобождая проход для расстроенной Эмилии.

— Нет, всё верно. Ты хочешь детей, но я не могу родить ребенка. Знаешь что? Я не хочу за тебя замуж! — громко произнесла Эми и, увидев ошарашенное лицо Эмметта, повторила еще громче. — Да, не хочу! Это было бы несправедливо ни по отношению к тебе, ни по отношению ко мне. С сегодняшнего дня ты свободен. Найди себе более плодовитую девушку и нарожай с ней детей. А я найду мужчину, которому будет наплевать на мой дефект, потому что он будет любить меня больше, чем неспособных родиться от меня детей! И, в отличие от тебя, он захочет на мне жениться. Не будем же тратить жизни друг на друга.

— Эми, — хотел встать со своего места Эмметт, но сестра вдруг треснула ему пощечину такой силы, что у парня полетели искры из глаз.

— А это тебе за то, что ты давно всё решил для себя и забыл предупредить меня. Знала бы, что ты уже не веришь в то, что у нас всё получится, не мучилась бы так всё это время.

Закончив свою громогласную речь, Эмилия резко развернулась и быстрым шагом отправилась на второй этаж. Все молчали, одновременно жалея Эми и сочувствуя Эмметту. Вечер закончился тем, что парень ушел с огромным пунцовым следом на левой щеке, оставленным уверенной ладонью Эми. Перед уходом Эмметт откашлялся и выдавил: «Я приду... Гхм... Чуть позже. Когда Эми остынет». Но Эми не собиралась остывать. На следующее утро за завтраком моя старшая сестра была заплаканной — по словам Сэм, она утешала свою соседку по комнате целых полночи. Неожиданно для всех, Эмилия заявила, что взяла оплачиваемый отпуск на ближайшую неделю. Никто не возражал, наоборот, мама вслух заметила, что уже давно нужно было так поступить — в смысле взять отпуск.

Когда я уже собиралась уходить на работу, в дверь раздался короткий звонок. На нашем крыльце стоял тот самый адвокат, который пару дней назад нажился на нашем несчастье. Что-то пробурчав себе под нос о том, что ему очень жаль, параллельно нервно поправляя галстук на своей тощей шее, он вытащил из своего нового, кожаного портфеля бумажный сверток и передал его в руки отца, еще раз нервно извинившись за то, что доставил нам неудобства. Лишь когда дверь нашего дома была захлопнута перед носом негодяя, мы поняли, что в конверте лежат все те деньги, которые бессовестный адвокатишка у нас буквально украл. Этих денег было более чем достаточно, для моего возвращения в университет. От радости, я подпрыгнула и захлопала в ладоши.

Из-за этой приятной неожиданности, я пришла на работу с опозданием в десять минут. Мартин уже сидел на нашей террасе и, только выйдя к нему из дома, я заметила Роланда, поправляющего в палисаднике вазон с вытекающими из него, турецкими гвоздиками.

— Доброе утро, — громко поздоровалась я, заставив Олдриджа оторваться от столь увлекательного занятия.

— Доброе утро, тупица, — тихо поздоровался со мной Мартин, чтобы Роланд не услышал его коронного обращения ко мне.

— Доброе утро, — взмахнул правой рукой Роланд, и я заметила, что красная нить всё еще повязана на его руке. Неужели он всерьез собрался её носить?

— Это ведь Вы заставили нерадивого адвоката вернуть нам деньги?

— Рад слышать, что он уже справился с поставленной перед ним задачей.

— А Вы справились со своей?

— С какой? — непонимающе и даже как-то неожиданно растерянно, улыбнулся Роланд.

— Как же. Вы пообещали мне, что отвезете Мартина на обследование.

— Ну, вот еще! У меня уже совсем не кружится голова, и никаких мушек перед глазами нет! — начал сопротивление мальчишка, явно недовольный таким поворотом событий.

— Едем сейчас же, — заключил Роланд, после чего Мартин, тяжело выдохнув и даже не пытаясь оспорить слова старшего брата, отправился на сборы.

— А я, пожалуй, приготовлю обед, — поджала губы я, засунув руки в задние карманы джинс.

— Обед готовить не нужно и так как я не хочу, чтобы Вы протерли в паркете дыру, Вы поедите с нами.

Сопротивляться было бесполезно. Если Роланд сказал, что Мартин пройдет обследование, значит, Мартин пройдет обследование, если он сказал, что я поеду с ними, значит, я поеду с ними. Мартин уже знал, что сопротивление бесполезно, поэтому молча устроился на заднем сиденье, пока я, всё еще надеясь на то, что меня услышат, всячески пыталась отпереться, однако уже спустя пятнадцать минут была пристегнута к переднему сиденью огромного джипа-лексуса последнего выпуска.

— Всё из-за тебя, — недовольно буркнул мальчишка, когда Роланд захлопнул мою дверь, после чего отправился к водительскому месту.

Мы оказались в элитной поликлинике соседнего города, смотря на пол которого можно было наблюдать за собственным отражением — настолько миндальная плитка была отполирована. Пройдя к ресепшену, Олдридж представился и уже через пять минут мы оказались в кабинете личного терапевта Мартина.

— На что жалуетесь? — поинтересовался интеллигентный мужчина, на носу которого красовались очки в дорогой оправе.

— Ни на что, — недовольным тоном пробурчал Мартин. — Я чувствую себя отлично, даже готовлюсь поступить в местную футбольную команду.

— Замечательно, — утвердительно кивнул головой доктор. — Тогда зачем же вы пришли?

Братья перевели на меня взгляд, словно интересуясь, зачем же мы всё-таки сюда пришли.

— У Мартина бывают головные боли, редко случаются головокружения, он часто жалуется на боль в области глазных яблок и мушки перед глазами, — словно оправдываясь, пожала плечами я.

— Ясно, — утвердительно кивнул доктор. — Мартин долгое время болел, точнее сказать — всю прошедшую зиму. Сначала ангина, затем грипп. Скорее всего, причина в простом ослаблении иммунитета. Я пропишу ему витамины.

— Мы вынуждены настаивать на более тщательном обследовании, — решил поддержать меня Роланд.

— Конечно, мистер Олдридж. В таком случае, предлагаю в очередной раз сдать анализы и сделать компьютерную томографию головного мозга, раз уж мальчик жалуется на головную боль. Однако я более чем уверен, что Ваша супруга зря переживает, и мы ничего не выявим.

— Я не супруга, — возмутилась я, скрестив руки на груди, в то время как Мартин подавился смешком.

— Извиняюсь, — машинально поправил очки на своем носу доктор. — Ваша сестра.

Насчет сестры я не сопротивлялась, и Олдридж тоже не предъявил никаких претензий. В итоге Мартина увели на компьютерную томографию, а мы с Роландом остались ждать его в пустом коридоре. Олдридж сидел, справа от меня и читал один из глянцевых медицинских журналов, которых была целая россыпь на стеклянном столике, стоявшем справа от Роланда. Я же достала свой телефон, чтобы проверить время и, как и всегда, не смогла разблокировать его с первого раза — разбитый сенсорный экран давал о себе знать.

— Вам уже давно пора поменять мобильный телефон, — заметил Олдридж, едва

покосившись на меня. — Выделите средства из тех денег, что сегодня утром Вам вернул нерадивый адвокат.

— Эти деньги не принадлежат мне.

— Вы что, зря под машину танцовщицы частного танца попадали?

Я не захотела уточнять, откуда он в курсе того, что бывшая звезда стриптиза до сих пор танцует частные танцы.

— Эти деньги — семейный капитал, благодаря которому родители смогут протянуть следующие несколько месяцев, пока отец и Тэмми не найдут себе новую работу. Плюс ко всему, я хочу восстановиться в университете...

— Вы собираетесь уволиться и говорите мне об этом только сейчас? — отложив журнал, вздернул бровь Олдридж.

— Да, я хочу уволиться, но ведь не прямо сейчас. Мне придется поднатаскаться по пропущенному материалу, прежде чем я смогу вновь вернуться в строй.

— Выходит, из-за меня Вы увольняетесь.

— По факту так, но на самом деле... Да, именно так. Благодаря Вам я могу теперь вернуться в университет и со временем стать настоящим врачом.

— Если бы я знал... Гхм... Я бы Вам не помог, — неожиданно сдвинул брови Роланд.

— Почему Вы так говорите? — вдруг сжалась от необъяснимого страха я.

— Мартин Вас очень полюбил.

— Я бы так не сказала, — нервно улыбнулась я. — Он ежедневно называет меня тупицей и заставляет меня мучиться всякий раз, когда только может заставить. Меня вообще, за прошедшие два месяца, в этом доме никто не полюбил. Даже Джонатан не заметит моего отсутствия. В конце концов, два месяца — это слишком короткий срок для сильной привязанности.

— Думаете? — твёрдо спросил Олдридж, как вдруг перед нами возник Мартин.

— Пришлось целых пятнадцать минут лежать без движения и всё из-за тебя, — враждебно посмотрел на меня мальчик, после чего обратился к старшему брату. — Хочу в туалет.

Роланд с Мартином скрылись за углом как раз в тот момент, когда из-за другого угла вышел наш терапевт. В руках он нес большой бумажный конверт, в котором, по-видимому, были результаты пройденной томографии.

— Где мистер Роланд? — бесцветным голосом поинтересовался мужчина, подойдя ко мне почти впритык.

— Он с Мартином отлучился в уборную, — встав со своего места, объяснила я.

— Что ж, может быть так даже лучше. Пройдемте в кабинет.

Мы зашли в уже знакомый мне кабинет, после чего доктор встал возле своего стола.

— Вы его сестра, поэтому я скажу Вам прямо, — наконец выдохнул мужчина. — У Мартина аневризма сосуда головного мозга и из-за её формы, и места расположения, хирургическое вмешательство невозможно. Мартин неоперабелен. Сосуд может в любой момент лопнуть и вызвать прямое кровоизлияние в мозг.

Я замерла от вот так вот прямо в лоб сказанных слов доктора. «Зачем он сказал это мне?! Он должен был сказать это Роланду! Ах да, он считает меня сестрой... Но я нянька. Я обычная нянька», — калейдоскопом закружилась паника в моей голове. Не прошло и пяти секунд, после услышанных мной слов доктора, которые должна была первой услышать вовсе не я, как у меня выступила испарина над верхней губой, затряслись руки и я почувствовала,

как кровь отливает от моего лица — я осознала, что начинаю бледнеть. Конкретно в этот момент я никак не могла вспомнить, откуда именно я знаю, о чем говорит этот бледный человек — из курса нейрохирургии или всё-таки неврологии? Но какая была разница?! Никакой!

— Так, — едва дрожащим голосом, пытаюсь собраться, начала я. — Значит, Мартину срочно требуется операция и у вас её сделать нельзя. Наверное, нам нужно поехать в Лондон...

— Вы не поняли. Форма, размер и расположение аневризмы не позволяют провести вмешательство, — снова повторился доктор. — По крайней мере, в Британии подобную операцию определенно не сделают. Мальчик не оперируем.

— Подождите, — я прошла вглубь кабинета, стараясь хоть как-то шевелить своими онемевшими ногами. — У Роланда много связей. И много денег. Очень-очень много денег. Пффф... Он что-нибудь точно придумает.

Дверь кабинета вдруг открылась и я резко обернулась. Встретившись с моими широко распахнутыми от ужаса глазами, Роланд перевел взгляд на доктора и закрыл за собой дверь.

— Есть результаты? — коротко спросил он.

— Пффф... — повторив за мной, выдохнул мужчина. — Вынужден Вам сообщить, что у Мартина неоперабельная аневризма головного мозга, — сжато произнес доктор, голос которого приобрел неожиданную хрипотцу.

От услышанного Роланд вдруг окаменел, но ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Обычно клиническая симптоматика долгое время отсутствуют, — начал объяснять доктор. — Иногда до последнего момента даже сам больной не подозревает о возникшей проблеме. Описанные же Вами симптомы возникают лишь в случае, если аневризма расширяется более чем на одиннадцать миллиметров. У Мартина аневризма достаточно больших размеров и из-за её формы, и места расположения, хирургическое вмешательство невозможно.

— Так, — твердым голосом остановил дребезжащего доктора Роланд, скрестив руки на груди, как бы давая собеседнику понять, что он понимает, о чем идет речь. — И что с этим делать?

Раз за разом выслушивать всё заново было невыносимо тяжело. Я похолодела и уперлась дрожащими ладонями в бока, тем самым пытаюсь обуздать свою дрожь. Кажется, у меня начинало плыть перед глазами.

— С этим ничего нельзя сделать. Сосуд может лопнуть в любой момент, — без ножа резал нас доктор.

— То есть, в Британии подобных операций не делают? — сосредоточенно констатировал Роланд. Интересно, о чем он думал в этот момент, пока я от бессилия сворачивалась в кокон?

— Нет, — поджав губы, произнес доктор. — Подобных практик в Британии нет. Кровоизлияние может произойти в любой момент. Вот, смотрите на снимки.

Доктор достал снимки компьютерной томографии головного мозга Мартина, и я подошла поближе, чтобы собственными глазами увидеть проблему. Я встала справа от Роланда и начала слушать бубнение врача, который водил по изображению детского мозга своим широким указательным пальцем. Увидев собственными глазами черное, продолговатое пятно в миниатюрной детской голове, мне стало еще хуже. Доктор достал очередной снимок из бумажного пакета, продолжая что-то бубнить про строение аневризмы,

говоря про её шейку, тело и купол. Я приняла у мужчины первый снимок и, не обращая внимания на звон в своих ушах, начала его рассматривать. Мне определенно было дурно.

— Что мы будем делать? — поинтересовалась я у Роланда прозрачным голосом, но он, почему-то, показался мне невероятно высоким. Олдридж сверху вниз посмотрел на меня невозмутимым взглядом и в моих ушах колокольным звоном раздался его ответ: «Разберемся». Я снова опустила глаза на огромный снимок в своих руках, а Роланд сосредоточился на докторе, пытающемся донести до него, по-видимому, нечто важное. Неожиданно для себя, я вдруг поняла, что не разбираю ни слов доктора, ни слов Роланда — их слова слились в один монотонный бубнеж. Я отстранилась назад за их спины и, еле передвигая ногами, дошла до окна, за которым нависли густые, свинцовые тучи. «Неоперируемая аневризма... Может разорваться в любой момент и вызвать прямое кровоизлияние в мозг», — вдруг повторно пронеслось у меня в голове и я, словно пытаюсь понять смысловую нагрузку этих слов, отвернулась от окна, снова уткнувшись расплывчатым взглядом в снимок. Изображение словно расплывалось у меня перед глазами, постепенно превращаясь в сплошное черно-белое пятно. Неожиданно я пошатнулась, но вовремя и одновременно как-то неуклюже поставила левую ногу чуть впереди себя.

— Глория? — послышался голос Роланда, после чего я подняла глаза на стоящего в противоположном конце кабинета Олдриджа и поняла, что падаю ничком вниз, и никто не успеет подхватить меня. Темнота. Звон в ушах. Кто-то пытается меня куда-то подтянуть. Пустота.

Мои родители развелись, когда мне было шесть лет. Причиной развода стало страстное увлечение матерью молодым и перспективным сыном известного банкира из США. Итогом развода стал брошенный ребенок — то есть я.

Моя мать, недолго заморачиваясь по поводу своего единственного сына — она скоропалительно разорвала отношения с его озлобленным на весь мир отцом, после чего спокойно отправилась за океан с двадцатидвухлетним бойфрендом, совершенно не обращая внимания на то, что этот молокосос был младше нее на пять лет. В итоге, для нее всё закончилось вполне неплохо — она молниеносно окольцевала парня и стала одной из самых богатых женщин в Южной Каролине. Не смотря на отсутствие детей, пара оказалась достаточно прочной — с момента их свадьбы прошло двадцать лет, а они всё еще были вместе. У нас же с отцом была совершенно другая история.

Оставаться наедине со мной отец не пожелал и, сразу после развода, запер меня в частном пансионе. Последующие девять лет я провел в самом захолустном пансионе во всем Уэльсе, в котором зачастую приходилось недоедать и недосыпать. К пятнадцати годам я уже был уверен в том, что отец совершенно забыл о моем существовании, так как все каникулы и праздники я проводил исключительно в стенах всеми забытого пансиона. Однако в одном я до сих пор благодарен своим родителям — в том, что я не рос в роскоши. У меня не было красивых тряпок, модных гаджетов и, соответственно, детских капризов. Зато у меня была жесткая дисциплина, отличное образование, всегда наполовину пустой желудок и множество друзей. Не смотря на все трудности своего детства, я до сих пор считаю, что девять лет в забытом всеми, захолустном пансионе, с невероятно талантливым, не смотря на всю свою злобу, преподавательским составом, были самыми счастливыми годами моей жизни. Именно в том периоде своей жизни я осознал всю ценность настоящей дружбы, которая может возникнуть только между мальчишками и длится на протяжении всей жизни, и истинную ценность людей, а не денег.

Когда мне исполнилось пятнадцать, мой отец вздумал повторно жениться. На сей раз его избранницей стала двадцатидевятилетняя, малоизвестная актриса румынского происхождения Сильвия Стэнеску. Не смотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте, они обручились уже через три месяца после знакомства. По-видимому, именно на радостях отец вспомнил о моём существовании и проникся жаждой дать своему сыну хорошее образование (большого, судя по его поступкам, как отец он дать мне не мог). Через месяц после свадьбы, он перекинул меня из сомнительного пансиона в элитный пансион Западного Мидленда, но вскоре я стал первым, кто посмел врезать внучатому племяннику какого-то графа Ирландского пэрства, и отцу пришлось подсуетиться, чтобы уладить конфликт. В итоге, уже спустя три месяца после поступления на новое место, я был переведен в Йоркшир, в еще более элитный пансион. Естественно отец позаботился о том, чтобы его чадо выглядело выгодно на фоне сверстников — наследников миллионеров и поп-звезд. У меня появились лучшие гаджеты, фирменные тряпки, большие карманные деньги... Но, не смотря на внезапно свалившиеся на меня материальные блага, последующие три года я скучал по

потертому пансиону из моего детства, в котором остались мои лучшие друзья и воспоминания.

Я всегда был лидером, из-за чего не смог ужиться в своем первом элитном пансионе. На новом же месте я стал настоящим бунтарем, авторитет которого не подвергался сомнению ни со стороны ровесников, ни со стороны преподавательского состава. Я научился жить в новом мире, нашел тройку отличных друзей, впервые переспал с девчонкой, которая оказалась четвертой или пятой дочерью известной телеведущей... После окончания школы с наилучшими результатами, я без проблем поступил в Кембриджский университет и, наконец, ощутил вкус свободы. К моему восемнадцатилетию отец совершенно забыл вспоминать о моем существовании, заботясь лишь о новорожденном сыне и его матери. Так, с восемнадцати лет я лишился карманных денег (за что до сих пор благодарен нерадивому родителю), что подвигло меня собрать свою первую команду из единомышленников и уже через два года открыть собственную компанию (не буду скрывать — громкая фамилия отца сыграла свою роль в мою пользу). Студенческая жизнь бурлила: я громко отмечал дни рождения однокурсников, переспал со всеми однокурсницами и перешел на девушек постарше (при этом ни разу не пренебрег предохранением), несколько раз дрался, играл в футбол и баскетбол, занимался борьбой, но никогда не забывал о поставленной перед собой цели.

Открыв собственную компанию, я быстро приобрел успех, и отец вспомнил о моем существовании, но к тому времени я окончательно забыл о его. У нас так и не удалось наладить мосты перед тем, как немногим более года назад, он с Сильвией погиб в авиакатастрофе — их частный самолет потерпел крушение при взлете у берегов Майами. К тому моменту, благодаря своему упорству, я успел добиться большого успеха: у меня были миллионы на счету, три квартиры в центре Лондона, загородный дом и с десяток дорогих автомобилей. Я был создателем успешной фирмы и основателем недавно созданного мной благотворительного фонда. У меня было всё, кроме семьи, когда я узнал, что отец погиб, оставив мне баснословное состояние и восьмилетнего Мартина, о существовании которого я знал, но с которым я ни разу в жизни не виделся. Я мог бы поступить с мальчишкой так же, как, в своё время, поступил со мной отец — запереть его в одном из пансионатов и забыть о его существовании вплоть до его совершеннолетия. Но, почему-то, я не захотел так поступать.

Мы с Мартином невероятно быстро нашли общий язык, и первые месяцы всё шло достаточно хорошо — я успевал работать в фирме, контролировать фонд и вести активную светскую жизнь, но с наступлением осени Мартин вдруг начал серьезно болеть. Сначала сильная ангина, затем еще более мощный грипп... В конце концов, после череды болезненных дней, я решил перевезти брата в загородную резиденцию отца, в которой до развода родителей часто отдыхал с семьей. Я не был здесь около двадцати лет, а когда вернулся — мало что смог узнать. Прежнее ощущение, что где-то в мире есть мой настоящий дом, словно растаяло. С приездом сюда, я понял, что настоящего дома у меня нет — есть только смутные воспоминания, раскрашенные детской фантазией. Это подвигло меня сделать ремонт во всем поместье, полностью подковав его под свой вкус.

После нашего окончательного переезда, я начал вести дипломатические дела дистанционно, изредка выезжая в Лондон. Мартин же проболел всю зиму, но к весне начал идти на поправку. Я нанял достаточно большой штат прислуги, однако вскоре понял, что без няньки мне не обойтись. Уже спустя месяц работы первая няня сбежала из нашего дома, с

остриженными концами волос, и мне пришлось думать о замене. К этому времени на горизонте объявилась Кэрол, с которой я около пяти лет назад единожды переспал лишь потому, что под рукой не оказалось другой женщины. Узнав о том, что я вернулся в отцовскую резиденцию, которая по стечению обстоятельств расположилась на одной улице с домом её отца, Кэрол начала мозолить мне глаза. Как раз в это время у меня появилась неплохая возможность заключить контракт на несколько миллионов долларов, и я решил воспользоваться услугами Кэрол, которая так и норовила запрыгнуть ко мне в постель.

Я не собирался влюбляться, так как считал, что с ненужной привязанностью моё внимание рассеется, и дела в компании пойдут хуже. Еще я никогда не обманывал женщин, ясно давая им понять, что не настроен на отношения, которые могут продлиться дольше одной ночи, но Кэрол это явно не волновало. Вспомнив обо мне спустя пять лет, она всячески пыталась стать миссис Олдридж, постоянно шуточно намекая мне о своих намерениях. Я сразу ясно дал ей понять свою позицию, но не отказался от её услуг в подборе новой няньки для Мартина, так как был слишком занят новым контрактом. Однако я просчитался — для того, чтобы дольше зависать в моем доме, блондинка отклоняла все кандидатуры. На третий день, когда основные вопросы в фирме были решены, я, наконец, осознал свою ошибку и отправился её исправлять. Идя в сторону Кэрол, я сразу обратил внимание на девушку в красной блузке. Не замечая меня, она рассматривала свои ботинки, но я уже успел оценить претендентку.

— Меня зовут Глория Пейдж, мне двадцать два и я бывшая студентка... — дальше я не слушал. К данному периоду своей жизни я уже четко осознавал, что мне нравятся женщины старше меня. По моим меркам, эта девушка была для меня малолеткой. Неожиданно словив себя на мысли о том, что рассматриваю девушку не в том ракурсе, я, в итоге, решил нанять её и пожилую женщину. Я делал это с четким расчетом на то, что в любой момент, если вдруг что-то пойдет не по плану, я всегда смогу уволить малолетку, подстраховавшись пожилой дамой. И вскоре, из-за этой девушки, абсолютно всё пошло не по плану, но я так и не смог её уволить.

Я слишком часто начал думать о том, что происходит в другой части дома, в которой обитала новая няня. Стал встречать её взглядом каждое утро, наблюдая за её приходом из своего кабинета. Начал с любопытством слушать о ней рассказы Мартина, который обожал всячески на нее жаловаться. В итоге, я даже неосознанно начал пытаться избегать встречи с ней, хотя прекрасно понимал, что хочу её видеть. А потом случайно столкнулся с ней в коридоре, когда она пришла в своих дурацких рваных джинсах. Рассматривая её с ног до головы, я мысленно пытался сделать её одежду прозрачной, и у меня это почти даже получилось, но я вовремя остановился, встретившись с девушкой взглядом. Мы перекинулись парой слов, и я отправился в свой кабинет, тщетно пытаясь думать лишь о удачно подписанном с утра контракте.

Я понимал, что Глория выбивает меня из колеи, и уже даже собирался её уволить, сославшись на постоянные жалобы со стороны Мартина, которого я ежедневно отчитывал за его непристойное поведение по отношению к этой девушке, как вдруг произошел инцидент с Шейлой Хиггинз. В секунду, когда Глория полетела под колеса красного шевроле, я перестал существовать. Не помню, как я добежал до обездвиженного тела девушки, над которой уже ревели два ребенка, и бегала на лабутенах, словно на шестах, стриптизерша. Пока я нес её к больнице и не был уверен в её целостности, моё сердце отказывалось биться. Услышав от доктора удовлетворительные новости, я с облегчением выдохнул и набрал номер

Рика.

С Риком мы познакомились еще в Кембридже. Он был из тех «самых верных друзей», которых бывает весьма сложно обрести на протяжении даже очень длинной жизни. Можно сказать, что мне повезло стать его другом.

После этого инцидента, я постепенно начал осознавать, что, кажется, впервые в жизни по-настоящему влюбился. Естественно, по обыкновению, первым делом мне хотелось затащить её в постель, но еще сильнее мне хотелось знать, что с ней всё в порядке.

Спустя неделю увидев Глорию на ярмарке, в сапогах с изображением какой-то размазанной розовой свиньи, я потерялся в реальности, что осознал лишь после того, как она скрылась из виду, вместе со своими чудо-родственниками. Слова её отца о положении Глории в моем доме заставили меня напрячься и задуматься над тем, не эксплуатирую ли я её на самом деле. Следующий час я объяснял Мартину промахи его поведения с Глорией.

Несколько дней спустя, увидев её спящей во внутреннем дворе, я подошел к ней, но она не отреагировала на звук моих шагов. Около пяти минут я смотрел на нее, раздумывая, стоит ли пригласить её в качестве своей спутницы на бал, который я планировал с начала года, чтобы заключить одновременно три выгодных контракта с потенциально выгодными партнерами. К моменту, когда Глория проснулась, я уже окончательно решил её пригласить, но вдруг, вспомнив слова её отца о работодателе-извращенце, решил не трогать эту тему и предложил ей познакомить её племянников с Мартином. Впервые в жизни проявив робость, я вдруг возненавидел эту девушку, буквально превращающую меня в тряпку при каждом своем возникновении на моем горизонте, но моя злоба прошла уже на следующий день, как только я снова увидел её. Она собиралась домой, параллельно что-то весело рассказывая мне о внучке Доротеи, пока я изо всех сил старался не вскипеть от её улыбки. Еще эта дурацкая шляпа, сказочно украшающая её шоколадные волосы...

* * *

Двойняшки так тонко выбивали свою тетю из колеи, и она так остро переживала каждое сказанное ими слово, что я внезапно смог увидеть Глорию с другой, таинственной для меня стороны. Наблюдая за тем, как она кормит Элис, я впервые в жизни восхитился женщиной, держащей на руках ребенка. Я снова расслабился, мысленно довольствуясь тем, что уговорил Рика пригласить Глорию на бал. Рик давно заметил, как я смотрю на новую няню, поэтому с радостью согласился мне помочь, прозрачно намекнув мне на то, что он «всё» знает.

Я полностью оплатил расходы на создание нового образа Глории, заранее выкупив в ювелирном магазине гранатовый набор, но я даже не представлял, что Бен Болдуин превзойдет самого себя.

В день бала Рик изрядно задерживался, и я уже начинал переживать, но когда я вернулся в зал после удачно подписанных контрактов и увидел Глорию Пейдж в алом платье, я застыл на фоне дурацкого бронзового пегаса, словно бык, распознавший мулету^[31]. Я чувствовал себя настоящим кретином из-за того, что пялился на шикарную девушку, боясь к ней подойти. Комок злости снова подступил к моему горлу. Кажется, я начинал ненавидеть эту девушку за то, что влюбился в нее, словно семнадцатилетний подросток. Я так сильно желал сделать её только своей, сколько и ненавидел за бросаемые ею улыбки, приглашающим её мужчинам. Если бы Глория вдруг согласилась хотя бы на один танец с

одним из этих идиотов, бал был бы прекращен сию же секунду. Но она не соглашалась, и уже после второго танца я понял, что она откровенно избегает встречи со мной. Дойти до нее мне удалось лишь к концу вечера, когда она отвлеклась на специально подосланного мной официанта.

Я предполагал, что она откажется со мной танцевать — не просто так ведь она бегала от меня по всему залу! — но я знал, что танец состоится, даже если мне придется тащить её в центр зала насильно.

Встретившись с ней взглядом, я впервые смог рассмотреть цвет её глаз — они были сизые.

Моя собственная няня так сильно пыталась от меня отстраниться во время нашего танца, что я едва не оступился, после чего попросил её прекратить сопротивления. Танцуя с ней, я вдруг задумался над тем, могла ли она приревновать меня к танцующим со мной этим вечером женщинам так же, как я ревновал её к каждому, бросающему на нее взгляд? Перед балом Рик словно мимоходом сказал мне, что Глория всё это время думала, будто Кэрол является моей девушкой. Большого безумия придумать было нельзя, но как только я узнал о умозаклечениях Глории, меня буквально замучал вопрос о том, испытывала ли эта девушка хотя бы грамм ревности по отношению ко мне?

После танца Глория буквально вывела меня из себя, но я старался не показывать этого ни единым своим жестом. Фраза: «Скорее я соглашусь быть Вашей горничной за дополнительную плату, но точно никогда не стану Вашей любовницей», — буквально заставила меня вскипеть. Еще ни одна девушка в мире не говорила мне подобных слов! В порыве пламя сопротивления, разбушевавшегося внутри меня, мне захотелось схватить нахалку за её тонкое запястье и затащить в ближайшую пустую комнату. В этот момент её спасло только то, что нас окружало слишком много напыщенных индюков, с любопытством глазеющих на нас со всех сторон. Как же сильно я хотел сию же секунду покончить с этим балом, чтобы заняться Глорией!

В эту ночь я не спал, думая лишь о наглой девушке, её сизых глазах и о том, что нужно было наплевать на напыщенных индюков.

Так и не заставив себя заснуть, я встал с постели в шесть утра и отправился бродить по дому. Наткнувшись на стол с подарками ко дню рождения, которые я обычно даже не рассматривал, я начал искать подарок от Глории. Найти его было не сложно — им оказался единственный неподписанный сверток в красной фольге. Красная блузка, красное платье, красные камни граната, красная фольга, красная нить... Красный — цвет страсти. Самым дорогим для меня подарком на этот день рождения оказалась красная нить, ассоциирующаяся в моем сознании с желанием, которое я рано или поздно смогу утолить. Я надел нить на запястье, с конкретной целью увидеть реакцию Глории.

Я внимательно наблюдал за её растерянностью, пытаюсь уловить малейшее движение её мимики. Она наверняка смутилась, после чего неожиданно взбодрилась и через минуту уже завязывала на моем запястье семь узлов счастья, каждый из которых я ассоциировал с ней. Последний узел я пожелал назвать «взаимностью» и она исполнила мое пожелание. Теперь я наверняка знал, что она от меня не убежит — где бы она ни была, я всё равно нагоню её. Пусть даже в конце бала, но она будет моей.

Когда Глория, сразу после принятого ей, телефонного звонка, умчалась в неизвестном мне направлении, я весь оставшийся день расхаживал по кабинету, пытаюсь сосредоточиться на работе и одновременно понять, что же могло её так сильно напугать. Ведь я был уверен в

том, что она ушла испуганной.

Когда на следующий день Глория подошла к дому и впервые остановилась у входа в палисадник, чтобы посмотреть в карманное зеркало, я сразу понял, что с ней что-то произошло. Она не знала об этом, но я каждое утро наблюдал за её приходом из своего кабинета и уже наверняка мог распознать, в каком именно настроении она приходит в мой дом.

Мне не удалось перехватить её на входе, поэтому пришлось идти за ней в дом Мартина. Когда я увидел её ковыряющейся в каминной зале, с черными пальцами, о маникюре которых она забыла думать, я понял, что всё плохо. Так и не выяснив причину её бледности, я уехал с Мартином в бассейн, хорошенько отчитав его за брошенное в камин лого.

Когда во время обеда Мартин случайно затронул тему смерти брата Глории и его жены, о чем, после встречи с двойняшками, я примерно догадывался, но не знал наверняка, я решил, будто Глория побледнела из-за неприятных воспоминаний о брате, но когда речь зашла о Дине и Элис, я всё понял.

Полминуты я стоял у двери в ванную и пытался собрать пучок своих нервов в кулак, чтобы выдержать её всхлипы. Самым тяжелым, оказалось, уговорить девушку рассказать мне суть своей проблемы и когда я понял, что смогу решить этот вопрос, я, наконец, снова почувствовал себя у руля. Обменяв свою услугу на «не безрассудное желание», я впервые в жизни был так доволен состоявшейся сделкой, которую предложил даже не я. Ничего безрассудного в поцелуе я не вижу.

Когда я услышал, что она хочет в скором времени уволиться, из-за появившейся возможности вернуться в университет, я не скрыл своего негодования. «Меня вообще, за прошедшие два месяца, в этом доме никто не полюбил. Даже Джонатан не заметит моего отсутствия. В конце концов, два месяца — это слишком короткий срок для сильной привязанности», — её слова звенели у меня в ушах. Я снова разозлился на эту девушку, подумав о том, что Мартин не зря называет её тупицей. «Самоуверенная, малолетняя нахалка», — пронеслось у меня в голове, когда Мартин возник перед нами и попросил отвести его в уборную, чем буквально спас накаляющуюся ситуацию. «Слишком молодая, — мелькало у меня в голове, пока я ожидал брата, стоя перед зеркалом в туалете. — Слишком смелая. Слишком красивая. Она вся „слишком“. С такой придется долго возиться».

Когда мы вернулись, Глории уже не было в коридоре. Я оставил Мартина наедине с журналами и зашел в кабинет консультирующего нас доктора. Как я и предполагал, она оказалась там. Впервые я видел подобное выражение её лица. Даже из-за ситуации со своими племянниками, Глория не была так подавлена. Я всё понял прежде, чем доктор произнес «неоперируемая аневризма головного мозга». Еще до произнесенного вслух приговора, я мысленно стал перебирать знакомых, способных помочь в сложившейся ситуации, и переводить деньги на их счета, но уже с первой минуты разговора с доктором понял, что ситуация может оказаться безвыходной. Никакие деньги и операции уже могут не помочь. Как только я осознал это, за моей спиной раздался подозрительный шорох. Обернувшись, я понял, что Глория находится в шоке. Не нужно было её брать с собой.

— Кажется Вашей сестре плохо, — заметил опешивший доктор.

— Глория, всё в порядке? Глория?

Она подняла на меня взгляд оглушенного человека, после чего рухнула на пол прежде, чем я успел к ней подбежать. Я резко приподнял её тело и перевернул лицом вверх, после чего увидел кровь на левом виске. Сила удара оказалось достаточно мощной, чтобы разбить

голову в кровь. На светлой плитке пола остался небольшой кровавый след, и я откровенно испугался бледности её лица, на которое стекала тонкая струйка алой жидкости. Доктор выбежал на коридор и начал звать на помощь. В кабинет тут же вбежал испуганный Мартин и начал спрашивать, что именно произошло, пока я безрезультатно пытался нащупать пульс Глории. Я совершенно забыл о существовании Мартина, обезумев от страха за девочку, пульс которой не прощупывался ни на её молочной шее, ни на обескровленном запястье.

Уже через два часа я выходил с Мартином из поликлиники, оставив Глорию в палате VIP-класса с сотрясением головного мозга и в очередной раз думая о том, что нельзя было брать её с собой. В отличие от меня, Мартин успокоился сразу после того, как узнал о том, что Глория запуталась в собственных шнурах и упала на месте. Он сказал, что с ней этот случай произошел уже второй раз — в первый раз Глория упала за нашим домом, в результате чего разбила свой мобильный и следующие несколько дней хромала на правую ногу. Вспомнив её хромоту, я лишь утвердительно кивнул головой.

Вернувшись домой, я начал заниматься спасением брата. Сосуд в его мозге мог лопнуть в любой момент, о таких ситуациях говорят — промедление подобно смерти. Мартин в буквальном смысле ходил с бомбой замедленного действия в своей маленькой черепной коробке. Доктор сказал, что жизнь мальчика напрямую зависит от роста аневризмы, которая может: а) прекратить разрастаться, б) продолжить рост, в) попросту разорваться в любой момент.

Через два часа я уже организовывал билеты в Швейцарию и визы Канаду, собирал необходимые документы и создавал загранпаспорта для Мартина, Глории и Доротеи. Всё должно было быть готово к следующей субботе.

Два сотрясения за один месяц — это слишком много для моего посредственного мозга. Когда я очнулась, моя голова была словно чугунный колокол, который при малейшем движении сотрясался в вибрации. В последующие полчаса после моего первого пробуждения, я рывками приходила в сознание, но словно не могла за него зацепиться, снова и снова опускалась в холодный омут, с мыслью о том, что всерьез рискую захлебнуться, ведь я до сих пор так и не научилась плавать. Каждый раз, когда я открывала глаза, надо мной нависало лицо Олдриджа — может быть из-за этого я и отключалась раз за разом? Еще иногда перед глазами возникало озабоченное лицо Мартина. Спустя час, когда я, наконец смогла окончательно прийти в себя, я обнаружила на голове аккуратную марлевую повязку. Не в силах вспомнить, что именно со мной произошло, я принялась тереть уши, чтобы избавиться от помех, отдаленно напоминающих белый шум, но мои попытки были безрезультатны.

— Что со мной произошло? — в никуда, шепотом простонала я, упираясь взглядом в слишком белый потолок.

— Она упала в обморок после того, как я сообщил диагноз мальчика, — послышался где-то вдалеке голос доктора, явно обращающийся не ко мне, и я вдруг всё вспомнила. Мартина не было в палате, рядом со мной сидел лишь Роланд, внимательно всматривающийся в моё лицо.

— Хорошо, что ты ничего не помнишь, — заключил он.

— Я вспомнила... Про Мартина я...

У меня жутко заболела голова, из-за чего мои слезы отказывались катиться из глаз.

— Тихе-тише, — попросил Олдридж. — Лежи тихо. Я приеду за тобой завтра. Ты можешь сама позвонить родителям — я оставлю телефон на тумбочке.

Роланд ушел прежде, чем я успела отказаться оставаться здесь на ночь и уже спустя минуту после его ухода я никак не могла вспомнить, действительно ли он обращался ко мне на «ты» или у меня ум за разум начал заходить.

Первое время у меня так сильно болела голова, что я могла лишь обездвижено лежать и стараться как можно реже моргать болящими глазами. В итоге, меня трижды стошнило, после чего я проспала до вечера. Проснувшись от входящего звонка на мобильный и обнаружив шестнадцать пропущенных вызовов, я перезвонила отцу.

— Ну и где ты ходишь в восемь часов вечера? — его голос оказался слишком громким, отчего мне пришлось отодвинуть трубку подальше от своего уха, чтобы окончательно не оглохнуть. Наверняка он звонил только для того, чтобы узнать, можно ли во время ужина съесть мою порцию.

— Эммм... Пап, всё в порядке. Просто Мартин, он... Он заболел и я останусь на ночь с ним, чтобы присмотреть за его состоянием.

— Гхм... Надеюсь, тебе хоть доплатят? — шепотом поинтересовался отец и, услышав положительный ответ, заговорчески добавил. — За маму не переживай, я всё ей объясню.

Поговорив с отцом, я попыталась встать и обнаружила, что имею проблемы с координацией. Меня в последний раз так штормило на втором курсе, когда я перебрала дешевого виски. Впервые же у меня подобным образом заплетались ноги, когда мне было шестнадцать и Мэйсон Уильямс, друг Дэниела и отверженный мной страстный поклонник,

заставил меня согласиться опробовать самый жестокий для вестибулярного аппарата, аттракцион в парке развлечений.

Успешно добравшись до туалета, я вернулась в палату и нажала на кнопку, расположенную над моей кроватью. Молоденькая медсестра немедленно очутилась возле меня. Измерив мой пульс, который оказался немногим ниже нормы, как, собственно, и моё давление, она принесла мне ужин. Откровенно говоря, мне кусок в горло не лез, но я понимала, что моему телу необходимо восстановиться до завтрашнего утра. Съев всё, что было на подносе, я снова улеглась спать, но на сей раз заснуть удалось лишь через час. Мысль о том, что в этом мире есть ребенок, часы жизни которого уже сочтены, заставляла меня всем телом сотрясаться от дрожи. Накрывшись тонким одеялом, я попыталась не думать о маленьком мальчике, который любит разбрасывать своё лего по всему дому и который в любую секунду может умереть у меня на глазах. К глазам подступили слёзы, и голова снова разболелась. Я попыталась собраться, убеждая саму себя в том, что сегодня плакать никак нельзя. В итоге, я уснула почти будучи полностью уверенной в том, что всё происходящее мне просто снится.

В восемь утра меня навестил уже знакомый мне доктор, чтобы проверить моё состояние и сообщить, что за мной заедут после обеда. Я не собиралась мириться с подобным ходом событий. Сразу после ухода доктора, я отправилась в уборную, чтобы привести себя в порядок. Сняв с головы дурацкую повязку, я обнаружила на правом виске небольшой шрам с кровоподтеком. Хорошенько разобрав волосы руками, я порадовалась тому, что вчера закрепила их пеной для укладки, после чего отправилась на выход, постоянно оглядываясь по сторонам, в страхе, что меня вычислят и снова запрут в палате.

Мне повезло. Когда я выходила из поликлиники, к зданию подъехало такси и высадило белокурую даму, в шикарном, бело-лиловом костюме. Сев в такси и назвав адрес поместья Олдриджа, я вдруг вспомнила, что у меня нет с собой денег, однако даже не стала переживать по этому поводу, так как уже знала, что в жизни бывают куда более неразрешимые вопросы. От одной только мысли о том, что Мартин может умереть в любую секунду: стоя напротив меня и называя меня тупицей или рисуя что-то секретное в своем блокноте, или раскидывая для меня своё пестрое лего, — к моему горлу подступил комок. Маленького, девятилетнего мальчика, любящего своего брата, компьютерные игры, рисование, слово «тупица» и футбол, может не стать в любой момент. Я попыталась взять себя в руки, чтобы не расплакаться и к концу пути мои старания принесли плоды. По крайней мере, я была способна мыслить не через пелену слёз. Попросив таксиста меня подождать, я позвонила в дверь, которую, уже спустя минуту, передо мной распахнул Джонатан.

— Мисс Глория, я думал, что Вы в больнице, — удивленно вздернул брови швейцар.

— Мистер Олдридж дома? — напряженно поинтересовалась я.

— Он в своем кабинете с миссис Аддингтон.

— Не могли бы вы рассчитать таксиста?

— Сию секунду.

Я отправилась по коридору в сторону кабинета Олдриджа, прекрасно запомнив его месторасположение еще со дня своего собеседования. Дверь была распахнута, так что стучаться не пришлось.

— Глория? — сдвинул брови мой работодатель. — Как Вы здесь очутились? После обеда Джонатан должен был отвезти Вас напрямую домой.

— Я доехала на такси.

— Как Вы себя чувствуете?

Я не хотела рассказывать о своих проблемах с координацией, легком подташнивании, боли в глазах и слабости во всем теле. На фоне состояния здоровья Мартина, я выглядела здоровой как бык. Хотя, конкретно сейчас, мальчик должен был чувствовать себя превосходно, в то время как я чувствовала себя буквально расколотой пополам.

— Я в порядке, — без зазрений совести соврала я, переведя взгляд на бледную Доротеею, которая, сидя возле стола, подписывала какую-то бумагу. Словив мой взгляд, Олдридж начал объяснительный монолог:

— В Британии, как и во всем мире, Мартин считается неоперируемым. Но есть два места, где согласились хотя бы попробовать что-то сделать — эти места находятся в Швейцарии и Канаде. Я рассчитывал улететь уже в субботу, но, к сожалению, у нас получится отправиться только в следующий понедельник. До этого у нас есть восемь дней на то, чтобы собраться и выяснить, не повредит ли Мартину перелет. Я не прошу вас обоих лететь со мной — за эти восемь дней я могу найти других нянь...

— Я еду, — твердо ответила я.

— Вы ведь вроде как хотели увольняться в пользу университета, — изогнул бровь Роланд, скрестив руки на груди.

— Больше не хочу. Я терпела издевательства со стороны Мартина, когда он был здоров, и не могу его бросить, когда он стал смертельно болен. Он мой подопечный. Кроме меня и Доротееи, его ни одна нянька в мире больше не выдержит.

— Я уже подписала свой договор, — округлив глаза, произнесла бледная Доротеея. — Но мне нужно предупредить Генри и Лео.

— До понедельника Вы можете быть свободны. Ближайшие восемь дней у меня расписаны — я буду проходить с Мартином всевозможные процедуры и анализы, чтобы выяснить, осилит ли его мозг перелет, — ответил Доротеее Роланд, после чего женщина, тяжело кряхтя, попрощалась с нами.

— Где подписывать? — проводив женщину взглядом, поинтересовалась я. Олдридж указал пальцем в необходимое место на клочке бумаги, и я сразу же поставила свою размашистую роспись, даже не удосужившись прочесть документ. В отличие от Доротееи, тщательно изучившей свой контракт, я даже не задумалась о том, что одним своим росчерком могу ввергнуть себя в вечное рабство.

— По поводу оплаты, — начал Роланд, но я его перебила.

— Не переживайте, оплачивать дорогу мне не нужно.

— Ваша дорога уже проплачена: билеты, отели, питание. Загранпаспорт и остальные необходимые документы на Ваше имя уже в процессе создания. Я не знал, согласитесь ли Вы и Доротеея ехать, поэтому, на всякий случай, организовал создание документов обоим. Помимо того, Ваша почасовая ставка во время путешествия поднимется до сорока фунтов в час. В независимости от того, чем Вы заняты: спите, едите, совершенно забыли о существовании Мартина и наслаждаетесь видами Берна, — Вы будете зарабатывать не фунтом меньше названной суммы, так как это прописано в контракте, который Вы не сочли необходимым к прочтению. Считайте, что Вы получаете деньги за присутствие в дороге, но не забывайте о том, что всё же Вы летите именно в качестве няни, — отчеканил Роланд, как вдруг тяжело выдохнул. — Вы уверены в том, что точно этого хотите? Даже в случае, если у нас ничего не получится?

— Уверена, — серьезно ответила я.

— Даже в случае, если у нас ничего не получится?

— Даже если... — опустив глаза, прикусила нижнюю губу я, тем самым пытаюсь сдержать комок боли, поднимающийся изнутри моей души прямым к моему горлу.

— Хорошо, — немного помедлив, согласился Роланд, опустив прежде скрещенные руки. — Всё осложняет Ваше сотрясение. Второе сотрясение мозга за прошедший месяц...

— Оно второе за всю мою жизнь. Боюсь, Ваша семья серьезно на меня влияет, но пока я не разобралась как именно — положительно или отрицательно.

— Надеюсь, что Вы успеете понять это прежде, чем мы облажаемся с Мартином.

— Мы не облажаемся.

— Мы не облажаемся, — задумчиво повторил Роланд и, спустя минуту, уверенно добавил. — Вам необходим лечебно-охранительный режим. Доктор сказал, что первые двое суток Вы должны соблюдать постельный режим, затем полупостельный. Надеюсь, что к концу недели Вас перестанет штормить и к Вам вернется нормальная координация. Хотя, со слов Мартина, нормальная координация — не Ваш конёк.

— Так заметно, что меня штормит?

— Вы своими дрожащими пальцами вместо росписи поставили какую-то убогую закорючку.

— Вы разочаруетесь, если узнаете, что я также расписываюсь и в нормальном состоянии?

— Боюсь, я в Вас никогда не разочаруюсь. А жаль.

Не став уточнять значение его слов, я молча отправилась к выходу. Олдридж выдал Джонатану ключи от одной из своих машин, и мне не пришлось идти домой пешком, что сильно спасло моё безумно уставшее тело.

— Тебе точно ничего не выплатят за очередное сотрясение? — наклонившись надо мной, поинтересовался папа. Я лежала на своей кровати, пытаюсь привести в порядок дыхание, которое пострадало от подъема по лестнице.

— Точно, пап. Я ведь всего лишь упала с лестницы.

— А как же травма на производстве?

— Пап, прекрати. Я упала после окончания рабочего дня и вообще Олдридж не должен платить мне за все мои царапины.

— Ничего себе царапина, — заметила сидящая на моей кровати мама. — Сотрясение мозга.

— В котором никто, кроме меня самой, не виноват.

— Дочь, тебя что, нужно учить падать? — уперся руками в бока отец. — Если собираешься получать сотрясение мозга, делай это хотя бы во время рабочего дня и при максимально выгодных условиях. У нас и так финансы пляшут романсы, а ты еще и головой бьешься впустую...

— Кстати о финансах. Мне повысили зарплату.

— Значит всё-таки не впустую, Дерек, — улыбнулась отцу довольная мама и тут же напряглась. — А ты точно упала с лестницы? Может быть, этот Олдридж тебя ударил?

— Нет, — устало выдохнула я.

— Может быть, случайно? Ну, знаешь, задел дверью...

— Нет.

— Тогда в честь чего?

— В честь того, что я согласилась поехать с ним в Швейцарию, — ответила я, и у сразу же мамы округлились глаза. — В следующий понедельник Роланд с Мартином уезжают в Швейцарию. За мальчиком понадобится присмотр, поэтому мы — я и Доротея — полетим с ними. Олдридж повысил почасовую ставку до сорока фунтов в час и сказал, что будет оплачивать двадцать четыре часа в сутки, не смотря на то, заняты ли мы Мартином или нет.

— Девятьсот шестьдесят фунтов в сутки?! — папа даже присел на корточки от шока. — А на сколько дней вы летите в Швейцарию?

— Я еще не знаю.

— Это хорошо, что Доротея тоже летит, — сказала мама, но я так и не смогла понять, чего в этом такого положительного она смогла рассмотреть. — Но, дорогая... Ты ведь не то, что ни разу не летала на самолете, ты ведь ни разу не была за границей. Ты вообще кроме Лондона нигде не была.

— Мама, не переживай. Девятьсот шестьдесят фунтов в сутки, — для убедительности напомнила я.

— Да-да, — вздохнула мама. — Ладно, дорогая, поспи. Потом мы всё обсудим.

Она поцеловала меня в лоб и вместе с отцом вышла из моего бомбоубежища. Родители занимали так много места в моей спальне, что когда они ушли, в комнате посветлело минимум на сто оттенков. Я не хотела рассказывать родителям о Мартине, потому как была уверена в том, что как только скажу им, что маленький мальчик фактически приговорен к смерти, — точно расплачусь. Я вдруг почему-то вспомнила, как однажды, в самом начале работы с Мартином, я решила, что этот мальчик никогда не заставит меня плакать. Как же я

была не права. Как же я ошибалась...

Проспав до двух часов дня, я отправилась в ванную и приняла освежающий душ. На обратном пути я остановилась напротив приоткрытой двери в спальню сестер. Было непривычно видеть Эмилию дома днём. Я совершенно забыла о том, что сегодня воскресенье и это нормально — сидеть в своей спальне в выходной день. Наверное, из-за сотрясения, я слегка потерялась во времени, но может всё дело было в том, что Эми никогда не сидела в своей комнате среди бела дня. Даже если ей нужно было сделать отчет по работе, она предпочитала делать это внизу, в шуме со всех сторон, но только не в своей комнате. Все выходные обычно она проводила с друзьями или Эмметтом, возвращаясь домой поздно вечером или, не возвращаясь вовсе. Скорее всего, именно поэтому мне было непривычно сейчас видеть старшую сестру сидящей в потертой пижаме, в своей комнате, и уплетающей мороженое из большой банки.

Я отодвинула приоткрытую дверь и сразу же встретилась взглядом с Эмилией. Судя по её опухшему лицу, период слез и стенаний прошел только вчера.

— Будешь? — предложила Эми мне и я, сев на тахту рядом с ней, взяла лишнюю чайную ложку, торчащую из мороженого. Видимо, еще кто-то уже составлял ей компанию.

— Это Сэм купила для того, чтобы мне стало легче, — пояснила Эми, ткнув мизинцем в бок банки. Она сидела в позе лотоса, поставив мороженое себе на ноги.

— Черешневое. Очень вкусно, — оценила я. — Как ты?

— Даже не знаю, как тебе ответить. Я потеряла парня, с которым не собираюсь восстанавливать отношения, сижу в своей берлоге без надежды на счастливое будущее и поедая дорогое мороженое, которое сама себе не способна была бы купить, из-за банальной нехватки финансов. Ты сидишь рядом со мной, у тебя сотрясение мозга и наверняка сейчас ты чувствуешь себя физически хреновее меня, но уже через неделю ты улетишь в Швейцарию, и тебе за это еще хорошо заплатят. Как думаешь, кому из сестер в эту секунду фиговее — той, что страдает от депрессии, той, что мечется по городу в поисках новой работы, или той, у которой сотрясение мозга? Я уверена, что вижу лишь вершину айсберга во всей этой истории с твоей поездкой за границу, но, даже зная, что могу ошибаться, всё равно завидую тебе. Что сказать? Я склонна к зависти. Это мой самый большой грешок.

«Может быть, ей рассказать про Мартина?» — пронеслось у меня в голове. — «Нет, только не Эми. Да и потом, ей сейчас и без того паршиво».

— Всё будет хорошо, Эми, — поджав губы, выдохнула я, сама не до конца веря в свои слова. — Ты ведь боец... Эмметт не звонил?

— За прошедшие сутки ровно сто семь пропущенных вызовов. Я не беру трубку. Пусть, наконец, станет счастливым отцом с другой женщиной, которая сможет ему нарожать дюжину Бланкаров — продолжателей знатного рода, — криво улыбнулась сестра. — Знаешь, я более чем уверена, что он не состоит ни в каком родстве с Амаль Ги Бланкаром. Так, беспочвенные амбиции и пустой трёп...

— Может, стоит с ним поговорить? — пытаюсь как можно более мягко задать свой вопрос, я отковыряла себе еще немного мороженого.

— Не хочу, — вздохнула Эми и я поняла, что она действительно не хочет. — Вся семья отправилась на прогулку в парк. Никогда в истории нашей семьи такого массового похода в парк еще не было. Кажется, после возвращения детей на родину, наша семья стала чуточку сплоченнее. Даже тебя решили не будить, а меня с первого раза оставили в покое. Просто...

Не хочу случайно встретиться с Эмметтом, вот и не пошла с ними. Ты ведь еще не обедала?

— Нет, — ответила я и сразу же ощутила сильнейший голод.

— Я тоже. Давай поедим?

Мы спустились вниз, поставили мороженое в пустой морозильник и, разложив по тарелкам картофель с густым грибным соусом, отправились в гостиную. Взрослые всегда протестовали, когда кто-то из младшего поколения норовил поесть вне стола. Но в доме сейчас никого кроме меня и Эми не было, поэтому мы напрямую отправились к телевизору, не сказав друг другу ни слова, словно находились на одной волне и могли без слов понимать друг друга. Мы включили скачки, сделали ставки на поход за соком и приступили к своему скромному обеду. В итоге Эми пришлось идти на кухню за соком, так как моя ставка пришла к финишу третьей, а её восьмой. Обычно в нашей семье только Тэмми никогда не умела выбирать выигрышную лошадь, но на сей раз промахнулась именно Эмилия. Мы просидели за телевизором чуть больше двух часов, погрузившись каждый в свои мысли. Эми с головой ушла в пролистывание своих душевных травм, смотря куда-то сквозь телевизор, я же с головой ушла в мысли о грядущей смерти Мартина, которую Роланд в данный момент уже изо всех сил старается предотвратить. Я думала о том, что не может абсолютно здоровый ребенок вот так вот просто взять и умереть. У него еще целая жизнь должна быть впереди: поступление в местный футбольный клуб, возвращение в школу, подростковый возраст, первая влюбленность, университет... Он еще так много должен увидеть, так много почувствовать! А ведь он может умереть прямо сейчас, пока я сижу на убогом диване в своей старой гостиной и думаю о нем. Нет, Мартин определенно должен выжить, ведь надежда еще есть! Раз Роланд сказал, что мы уезжаем в понедельник, значит, до понедельника с ним точно ничего не случится. В Швейцарии его согласятся прооперировать и мальчик выживет. Нам не придется лететь в Канаду и вскоре мы вернемся домой. Интересно, сколько времени займет восстановление Мартина? Из того, что я знала по занятиям на терапевтическом факультете, придется делать трепанацию черепа. Какой ужас должен пережить этот ребенок! В его маленькую головку должны будут засунуть лезвия, чтобы вырезать злополучное образование. Перед глазами сразу же возникли большие, голубые глаза Мартина и к моему горлу внезапно подступил комок. Еще бы минута и я определенно бы разревелась во весь голос, но домой с шумом ворвалось вернувшееся с прогулки семейство и в эту секунду мы с Эми пересеклись полными печали взглядами, после чего отправились по своим спальням.

Ко вторнику Эмметт понял, что караулить Эми у работы бессмысленно — она там не появляется, а до самой девушки дозвониться невозможно, поэтому он решил доставать нас. Сначала он ежечасно звонил на домашний телефон и просил позвать Эмилию. Трубку всегда поднимала мама и, выслушивая очередную речь о том, как радиоведущий раскаивается и хочет искупить свою вину, тяжело вздыхала, после чего всегда говорила, что всё понимает, но Эмилия подойти к телефону не может. Эми же всё время проводила в своей спальне, в полном унынии и одиночестве, ни с кем не желая разговаривать дольше пяти минут, кроме кормящей её черешневым мороженым Сэм. В четверг Эмметт начал названивать конкретно мне. Эмилия строго запретила мне поднимать трубку, всерьез угрожая моему здоровью чайной ложкой с мороженым. Естественно я не собиралась оспаривать её желание. В конце концов, это её жизнь и её решение. Однако к утру пятницы мне так надоел Одинокий Пастух, что я сменила рингтон и, не выдержав очередного напора входящих звонков, всё же подняла трубку.

— Да Эмметт.

— Я звоню по поводу Эмили. Она любовь всей моей жизни.

— Разве я могу тебе в этом помочь?

— Думаешь, всё потеряно?

— Думаю, она мысленно женила тебя на какой-то длинноногой блондинке, которую ты впоследствии обрюхатишь раз десять, а сама вышла замуж за голубоглазого блондина, с которым она проживет долгую и счастливую жизнь без пузатой мелочи.

— То есть она уже совсем меня не любит?

— Не знаю. Но видеть тебя явно не желает.

— Что мне делать?

— Эмметт, ты взрослый мужик, тебе тридцать три и ты не знаешь, что делать, когда от тебя уходит любовь всей твоей жизни? Ничем не могу тебе помочь.

Я положила трубку, злясь на тупоголового остолопа, который до сих пор не догадался элементарно прийти к нам домой, чтобы поговорить с «любовью всей его жизни». Сделав глубокий вдох, я набрала номер домашнего телефона поместья Олдриджа и, к собственному удивлению, услышала голос Рика.

— Рик? Я звоню сказать, что зайду завтра за вещами, которые забыла у Роланда в машине. Он увез мою сумочку, когда оставлял меня в больнице.

— Да, хорошо, я передам.

* * *

К вечеру пятницы я чувствовала себя абсолютно здоровой, только немного ослабленной, словно никакого сотрясения у меня вовсе и не было. За неделю я понемногу собрала в дорогу небольшой чемодан на колесах и удивилась тому, что в итоге он оказался наполовину пуст. Из-за устойчиво теплой погоды в Европе, вещей требовалось немного. В мой чемодан было аккуратно уложено нижнее белье, несколько джинс, футболок и ветровка, запасная обувь... В общем, всё то, что выглядело более-менее новым. Также, в отдельную, небольшую коробку, я уложила всё для личной гигиены и лекарства от головных болей, которые преследовали меня после сотрясения вплоть до вечера четверга. В углу комнаты стояла уже собранная ручная сумочка, в которой лежали наушники, упаковка жевательных резинок и мятных леденцов, мобильный телефон, зарядное устройство, расческа и косметичка. В старом, двухстворчатом, платяном шкафу, на отдельной полке аккуратно было уложено то, что я одену в понедельник: корсетные джинсы с белой блузкой, в которых я была, когда плакала Олдриджу о своих проблемах с племянниками (пожалуй, самая красивая одежда из всего моего гардероба), белые носки, солнечные очки, браслет на руку и вычищенные до белоснежного состояния кроссовки. Оставалось только сходить в поместье Олдриджа за сумочкой, которую я заняла у Сэм. В ней остался кошелек с небольшой суммой денег и пластиковыми картами, и серебряные серьги, подаренные дедом и бабушкой на моё восемнадцатилетие — старики всем трем своим внуками подарили серебряные серьги в честь их восемнадцатилетия.

Суббота выдалась замечательной — светило яркое солнышко, было тепло, и на улице разгуливал легкий, июньский ветерок. Я с ночи накрутила себе пышные локоны и поутру сделала красивый объем от корней, после чего нанесла на лицо минимальное количество макияжа и теперь чувствовала себя королевой красоты, в тёмных джинсах и тонкой рубашке с коротким рукавом, в красно-белую клеточку. Я заставила привести себя в порядок и Эмилию, подбив обеих сестёр погулять по парку, после чего хотела отправиться за забытыми у Олдриджа вещами. Тэмми с отцом всё еще не обрели рабочие места, поэтому младшая сестра с радостью восприняла идею выходной вылазки из царства всеобщего уныния. То ли из-за сотрясения, то ли из-за постоянных тяжелых мыслей о Мартине, за прошедшую неделю я потеряла целых пятьсот грамм себя, чему даже не смогла порадоваться, стоя в ванной на стеклянных весах. «Мысли прочь. Мартин всё еще жив. Мы скоро отвезем его на операцию, и он сможет играть в футбол, и ходить в школу, и называть меня тупицей по десять раз на дню... Сегодня замечательный день. Мы просто прогуляемся по парку, и станет чуть-чуть легче от... От безысходности», — пронеслось неверное заключение у меня в голове. Я посмотрела в зеркало, после чего наплевала на идеально-крупные локоны и объем у корней, и заплела высокий, пышный хвост на самой макушке. «Вот так. Всё вовсе не плохо».

Мы не успели закончить завтрак, когда в дверь раздался звонок. Все машинально напряглись. В последнее время к нам редко приходили гости. Тем более по субботам. Тем более в начале одиннадцатого... Очевидно, нашу семью всё еще не отпускало напряжение, связанное с дилеммой опекуна над двойняшками. Мама застыла с ложкой у Дина во рту, поэтому первой встала из-за стола Эмилия, за ней пошла Тэмми, потом отец, я — в итоге все по очереди собрались в коридоре. Дверь открыла Эми и едва сразу же не захлопнула её. На крыльце стоял Эмметт, с огромным букетом розовых хризантем, которые являлись любимыми цветами Эмилии. Прежде, чем Эми успела закрыть перед его носом дверь, Эмметт успел переступить порог, как вдруг бухнулся на пол. Я всерьез испугалась того, что у бедняги случился приступ, но оказалось, что он специально встал на правое колено.

— Эмилия, дорогая, выходи за меня, — вдруг выдал дрожащим голосом мужчина.

— Вот те на! — удивленно прошептал где-то у меня за спиной дед. Все нервно наблюдали за происходящим, и Тэмми уже была готова хлопнуть в ладошки от радости, как вдруг Эмилия дала свой ответ.

— Я не хочу за тебя замуж, Эмметт Бланкар.

— Ч-что? Что она сказала? — нервно переспросила бабушка, стоявшая позади всех.

— Я не хочу замуж за человека, который собрался жениться на мне из жалости и несчастной привязанности. Мы навсегда останемся хорошими знакомыми и начнем новые жизни, друг без друга, — смотря прямо в глаза своего бывшего парня, отрезала дрожащим голосом Эмилия.

— Не говори так, — чуть не заплакал бедняга. — Эми, я так сильно тебя люблю, что если ты бросишь меня, я не смогу дальше жить. Я не представляю свою жизнь без тебя. Мы вместе уже почти шесть лет... Ты — часть моей души. Когда я представляю тебя с другим мужчиной, я схожу с ума. Не разбивай моё сердце напополам.

— Я не рожу тебе детей, — дрогнувшим, но жестким голосом констатировала Эми. — Никогда.

— Ничего страшного. У нас еще есть время попытаться. В конце концов, мы можем усыновить ребенка. Или взять на воспитание Дина и Элис.

«Ну это ты, парень, перегнул», — скрестив руки на груди, подумала я.

— Выходи за меня. Пожалуйста, Эми... Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Хочу, каждое утро просыпаться с тобой и видеть твоё лицо... Давай будем жить вместе до свадьбы. Я... Просто хочу делать тебя счастливой каждый день. Я... Я хочу, чтобы ты была со мной постоянно и не исчезала из моей жизни. Эми. Смотри, это твои любимые хризантемы, — парень начинал плакать. Это выглядело ужасно. Не в силах выдержать мужских слёз, я отвела взгляд в сторону.

— Ты... Ты точно меня любишь? — вдруг спросила у плачущего Эмметта Эмилия и я поняла, что она тоже начала реветь.

— Больше всего.

— У нас не будет собственных детей.

— У нас будем мы — большего для счастья нам и не нужно. Ты выйдешь за меня замуж? Станешь моей женой?

— Да, — вдруг взревела Эми. — Я стану твоей женой. Ты будешь моим мужем.

Эмметт подскочил с колена и так сильно обнял мою сестру, что, кажется, я услышала треск её рёбер. Он попытался спрятать свои заплаканные глаза за букетом из хризантем, но мама быстро вырвала цветы из его рук и все дружно начали улюлюкать от умиления.

О том, что мы куда-то собирались было напрочь забыто. Эмметт с Эми, бабушкой и мамой отправились в супермаркет, пока оставшиеся наводили порядок в доме и дедушка делал вид, будто протирает телевизор, по которому начались скачки с его ставкой на дымчатого жеребца. Эмметт привез огромные сумки с едой и все принялись за готовку праздничного обеда, который в итоге продлился с часа дня до семи вечера. Я пыталась не переест, в основном налегая на фрукты и ягоды, и к концу вечера справилась с поставленной перед собой задачей — из-за стола я встала легкой, словно пушинка.

Конечно же, главной темой во время пиршества являлась предстоящая свадьба. Было решено провести её в середине августа и вскоре стало ясно, что свадьба будет не из скромных. Родители на организацию праздника отдавали половину от суммы принадлежащей мне компенсации, но Эмметт наотрез отказался принимать эти деньги, сказав, что продаст свою машину. Однако к концу вечера стало достаточно прозрачно, что проданной машины будет недостаточно — придется всё-таки взять деньги у родителей. Я не понимала смысла свадьбы, ради которой необходимо было продавать, пусть и подержанную, но функционирующую машину, и при этом еще влезать в долги. Но я молчала, не желая портить всем праздничное настроение своими ворчливыми умозаключениями.

Только в семь часов вечера я вспомнила о том, что должна была зайти за своими вещами в поместье Олдриджа. Потянувшись, я встала из-за стола и все сразу же последовали моему примеру. Мне пришлось задержаться еще на час, чтобы помочь маме с уборкой последствий застолья, и, в итоге, я оказалась на пороге поместья Олдриджа лишь около девяти вечера.

— Добрый вечер, Джонатан. Я за своей сумочкой.

— Вы о клатче, забытом Вами на балу?

«Точно, я ведь еще и клатч потеряла!»

— А мистер Олдридж, случайно, не оставлял другой моей сумочки? — прикусила нижнюю губу я.

— Да, перед отъездом он оставил какую-то сумочку на комод в доме Мартина.

— Он куда-то уехал? — напряглась я, испугавшись того, что Олдридж мог отправиться в Швейцарию без меня и Доротеи.

— Он с Мартином отправился в Лондон за какими-то бумагами. Возможно, они вернутся лишь завтра.

— Хорошо, тогда я схожу за своей сумочкой и сразу же уйду. Не нужно меня провожать.

Я зашла в гостиную и сразу же увидела свою сумку. Взяв её в руки и машинально перепроверив наличие в ней кошелек (будто в этом доме кому-то мог понадобиться мой кошелек!), я уже направлялась к выходу, как вдруг услышала странное шуршание на кухне. Сначала я подумала, что это горничная, но я словно всеми фибрами своей души чувствовала, что это не так. Неужели Мартин забыл закрыть задний вход и в дом кто-то пробрался?

Медленно идя на странные звуки по темному коридору, я держала перед собой изысканную вазу ручной работы, надеясь, в случае чего, вырубить вора штукой, стоимостью в восемь тысяч долларов.

— Что ты делаешь? — подняв на меня взгляд, поинтересовался заранее заметивший меня Рик.

— Рик, это ты, — облегченно выдохнула я. — Я думала... Ну, знаешь... Вдруг какой-нибудь бандит залез в дом, решив поживиться столовым серебром?

— У тебя и вправду большая фантазия.

— Что значит «и вправду»? — возмутилась я.

— Мартин постоянно всем на тебя жалуется, но, думаю, для тебя это не новость.

— Ты уже знаешь про Мартина? — спросила я и сразу же прокашлялась, пытаюсь прочистить горло от подступившего к горлу комка.

— Да, — тихо ответил Рик и потянулся к подвесному кухонному шкафчику, чтобы вытащить оттуда бутылку виски. Только сейчас я заметила, что он уже слегка пьян. — Роланд рассказал мне еще в прошлую субботу. У мальчика слишком мало шансов на выживание.

— Но они есть, — не своим голосом отозвалась я, почувствовав скопление боли в грудной клетке.

— Выпьешь со мной?

— Что это?

— Виски.

— Не люблю виски.

— Чего бы ты сейчас хотела выпить?

— Белого вина.

Рик снова потянулся к шкафчику и на сей раз вытащил из него бутылку вина. Я даже не подозревала о том, что на этой кухне имеются такие залежи алкоголя. Включив тусклую, кухонную подсветку, я села за барную стойку и взяла в руки закупоренную бутылку.

— Это ведь то самое вино, которое Роланду преподнесли на балу — я видела его на столе подарков. Оно из элитного набора, в котором каждая бутылка стоит полторы тысячи долларов.

— Угу, — утвердительно кивнул головой Рик и словно сосредоточился.

— Если Роланд узнает...

— Во-первых, он не узнает, так как сейчас он находится в Лондоне. Во-вторых, даже если он узнает, максимум, что нам грозит — это искреннее раскаяние. В-третьих, у Роланда есть вина, стоимость которых в десять раз превышает стоимость этой дешевки. В-четвертых, у тебя больше может и не возникнуть возможности, выпить подобного вина.

Сосредоточенно выслушав доводы Рика, я утвердительно кивнула головой и уверенно

налила себе бокал полусладкого. Уже после первого бокала я поняла, что тугой хвост на моей макушке слишком сильно сжимает мою черепушку. Стянув бант, я несколько раз встряхнула головой, позволяя волосам тяжелой каймой спуститься мне на плечи. В полном молчании каждый из нас выпил свою дозу обезболивающего, после чего мы наконец встретились взглядами.

— Думаешь, у Мартина есть шанс? — поинтересовалась я, спрашивая даже не о «шансах», а о «шансе».

— Думаю, Роланд сделает всё возможное и невозможное, чтобы у Мартина сначала шанс появился, а затем мы смогли бы его использовать.

— Это значит «пока нет»?

— Это значит «я без понятия», — тяжело вздохнул Рик и сделал еще несколько глотков обезболивающего. Я последовала его примеру. — Мартину больше не нужен учитель. Ему вообще больше ничего не нужно, кроме ярких моментов в его детской жизни, рискующей оборваться в любую секунду.

— Это значит, что ты увольняешься? — слегка охмелевшим голосом поинтересовалась я и сделала еще один глоток.

— Это значит, что я покидаю Англию. Уезжаю жить в Австралию.

— Хм... Зачем? — спросила я и поняла, что всё — я уже пьяна. Еще никогда в жизни я так быстро не пьянела, но всё еще не была в силах остановиться перед дополнительными глотками. Наверное, всему виной сотрясение. Я где-то читала, что, из-за недавно перенесенного сотрясения головного мозга, люди могут хмельеть быстрее обычного. Но это могло быть и из-за качества, и сорта неизвестного мне вина.

— Зачем? — тоже уже хмельным голосом переспросил Рик. — Я всегда... Гхм... Хотел жить в Австралии... Но, скорее, я уезжаю от безысходности.

— Тебе не кажется, что мы быстро ох... Охмелели? — наливая себе очередной бокал, поинтересовалась я.

— Я успел напиться еще перед твоим приходом, а вот ты да... Вроде слишком быстро. Всего лишь три бокала выпила вроде...

— Четыре. От какой такой безысходности ты уезжаешь? — поинтересовалась я, не удержавшись и сделав еще один глоток.

— Как поживает Эмметт? — неожиданно спросил Рик, словно не услышав поставленного мной вопроса.

— Эмм... Замечательно... Да, кстати, он сегодня сделал предложение... Хммм... Наконец они поженятся.

— Они женятся?! — неожиданно побледнел Рик, после чего залпом выпил оставшийся в его бокале виски.

— Аг... — я икнула и глупо запнулась, после чего продолжила, глядя на то, как Рик наливает себе еще одну порцию. — Ага. Наконец-то. Мы-то уже-то не надеялись-то, — внезапно захихикала я. — Он встал перед ней на колени. Ой, ты бы видел, как он стоял, — я снова сорвалась на смех. — Как пень, честное слово. А если серьезно, Эмметт хороший парень.

— И что ответила Тэмми?

— При чем тут Тэмми? — сдвинула брови я, тщетно пытаюсь понять, что именно я упустила.

— Она согласилась выйти за него замуж? Да?

— Кто? Тэмми?! Пффф... Э-ми-ли-я! Эмилия выходит замуж за Тэмми... Ой, за Эмметта. Он был её бойфрендом на протяжении последних пяти, почти шести лет.

— То есть Эмметт не парень Тэмми?! — округлил захмелевшие глаза Рик.

— Не-а, — снова икнула я. — С чего ты вообще такое взял?!

— Просто Роланд играл однажды с тобой в шахматы и тебе позвонил Эмметт. Он подумал, что это твой парень, но ты сказала, что это парень твоей сестры... Вот я идиот! Почему я не вспомнил о том, что у тебя есть еще одна сестра? Я подумал, что это из-за Эмметта Тэмми тогда была заплаканной в парке...

— Не-а... Она была заплаканной из-за того, что её уволили с работы... Гхмм... Подлей мне, пожалуйста, еще... К ней приставал её начальник и она врезала ему пощечину...

— Ублюдок! — неожиданно бурно возмутился Рик.

— Не то слово, — нахмурилась я и сделала еще один глоток, совершенно не уловив нить чувств Рика.

— Значит, я могу остаться? — пьяным голосом поинтересовался у меня Рик, словно от моего ответа зависела его судьба.

— Наверное, можешь... Я не знаю, что у тебя там за безысход... Безысходность от которой ты уезжаешь за океан.

— Всё из-за твоей сестры.

— Из-за Эмилии?! — округлила глаза я, чувствуя себя круглой идиоткой.

— При чем тут Эмилия? Я влюбился в Тэмми еще когда подвозил тебя и увидел её на крыльце вашего дома. Она смотрела на луну и... Была такой красивой... Как русалка!

— Так, — пытаюсь понять смысл его слов, я сделала еще один глоток. — Так-так-так... Да, Тэмми обожает русалок с детства... Подожди, ты что, влюбился в мою младшую сестру?!

— Да, — смущенно пробормотал Рик, после чего снова отпил из бокала.

— О-о-о... Так ты мой будущий... Ой, а кто ты мне будешь, если женишься на Тэмми?

— А на ней можно жениться?

— Дружище, на таких как Тэмми либо смотрят, либо женятся — другого не дано... Она знаешь какая?

— Какая?

— Она прекрасная! Но очень-очень-очень ранимая, — прочертив в воздухе петлю указательным пальцем, добавила я. — Понимаешь, она в подростковом возрасте пережила сильнейшую травму.

— Умер старший брат?

— И это тоже... Она после смерти брата съехала с катушек... Ну, понимаешь, подростковый максимализм и чувство... Чувство брошенности, вседозволенности и самостоятельности... Она начала курить травку и однажды её опоили, и затащили в туалет клуба... В общем, дальше она ничего не помнила и даже не подозревала, что потеряла девственность и, тем более не подозревала, что беременна... А потом у нее началось кровотечение и произошел выкидыш... С тех пор она боится всех и вся... Она пугается чужих взглядов, боится жить на полную катушку... Гхм... Она, знаешь... Живет в своих мыслях... Вся её жизнь протекает внутри её, а не снаружи. Ей стыдно за то, что с ней произошло, и она боится того, что подобное может повториться. Ой, зря я тебе это рассказала... Ты, наверное, презирать её начнешь...

— Кажется, я люблю её еще сильнее, — глубоко и печально вздохнул Рик. — Она такая незащищенная... И...

— И что?

— Идеальная... Я еще ни разу не видел, чтобы девушка смущалась от уделяемого ей внимания. Она даже не посмотрит в мою сторону...

— Рик-Рик-Рик, — заговорчески придвинулась к собеседнику я, словно мне что-то известно.

— Ты что-то знаешь? — вдруг выпрямился парень. — Она что-то говорила тебе обо мне?

— Нет, она ничего мне о тебе не говорила, — ответила я, и Рик тут же сник. — Но-о-о... — Многозначительно добавила я, заставляя парня снова напрячься. — Я знаю свою сестру все её двадцать лет... Ты единственный человек во всей Британии, которому она жмет руку, не боясь, что в ответ ты её проглотишь. Ты бы видел, как она тебя слушает!

— А как она меня слушает?

Я скорчила гримасу восхищения, пытаюсь продемонстрировать ему Тэмми, и мы одновременно брызнули смехом, подливая еще алкоголя в свои бокалы.

— Для нее ты... Я не знаю, если честно, кто ты для нее, но я ух... Уверена в том, что у тебя есть большие шансы на успех.

— Правда?

— Правда.

— Значит, я остаюсь в этом городе, пока не завоюю твою сестру, — самоуверенно заявил мой собутыльник.

— Тебе придется с ней тяжело.

— С женщинами из вашей семьи, по-видимому, иначе не бывает. Но мы-то точно справимся.

— Кто «мы»? — выпив залпом оставшееся в бокале вино, спустя полминуты спросила я, налив себе еще необычного алкоголя

— Ты о чем?

— Ну ты сказал... Гхм... Про женщин нашей семьи... И, типа, трудности. А потом сказал, что вы справитесь. Кто это — вы?

— Ну это мы... Я и Роланд, — словно не понимая моего замешательства, ответил Рик, подливая себе виски.

— Ро-о-оланд?! — удивленно протянула я. — Олдридж что ли? Он что, тоже влюблен в Тэмми? Гхм... Как так, он ведь даже с ней не знаком...

— При чем тут Тэмми. Тэмми моя.

— А кто его? — по-моему наш диалог становился похожим на детский лепет.

— Ты.

— Что я?

— Не что ты, а кто ты... Вернее, чья ты. Ты — его.

— Я своя.

— Тэмми — моя русалка, а ты, типа — его, понимаешь?

— Не-а, — устала я на Рика.

— Ну это о-о-он попросил пригласить тебя-я-я на ба-а-ал, оплатил твоё пла-а-атье, купил тебе дорогушие украшения, духи и прочую чушь... Он сказал, что ты будешь красива либо в красном, либо в рваном, — засмеялся Рик, и я тоже в ответ хихикнула, вспоминая инцидент с рваными джинсами.

— Какие украшения? — вдруг непонимающе спросила я.

— Ну, вот эти штуки у тебя на груди и в ушах из натурального граната, и белого золота на миллион баксов...

— Чего?! Ты издеваешься?! Они лежат в шкафу спальни для гостей... Вдруг их украдут? Олдридж меня на органы сдаст...

— Скорее в сексуальное рабство заберет, — засмеялся Рик и я, почему-то, тоже засмеялась, всё никак не в силах понять, о чем вообще идет речь.

— Он, что, извращенец? — продолжала глупо хихикать я.

— Роланд? Еще какой... Половину женщин Лондона подмял под себя. Только они всегда были старше его и модельной внешности... Хотя, знаешь, он ведь рос в относительной бедности, в каком-то затертом, частном пансионе... То есть, он воспитывался как обычный, среднестатистический ребенок, а не как наследник миллионов. Может это сказалось, и поэтому он обратил на тебя внимание?

— Кто обратил на меня внимание? — я снова потеряла нить логики в словах Рика.

— На тебя-а-а... Няню своего брата. Он вроде как с первого взгляда что-то там почувствовал... Я думал, как обычно, что-то в штанах он там почувствовал, но, вроде, на сей раз под рубашкой.

Мы снова сорвались на дурацкий смех, но на сей раз смеялись так сильно, что сползли на пол и сели под столом, друг напротив друга.

— Я еще ни с кем так весело не пил! — заявил отсмеявшийся Рик. — Кстати, ты заметила, что Роланд носит твою красную нить?

— Угу.

— Он только твой подарок и носит, а мои запонки так и не распаковал — с какой-то неубедительной обидой в голосе, произнес Рик. — А они стоили знаешь сколько?

Мы откупорили еще одну бутылку вина, уже совершенно забыв и о его стоимости, и о его хозяине. Кажется, я так и не поняла, о чем именно только что рассказал мне Рик. Я определенно никогда в жизни так сильно не напивалась. Последний раз я пила год назад, на вечеринке, устроенной в честь помолвки своей однокурсницы, но даже тогда не чувствовала себя такой хмельной. Сидя на полу и смакуя дорогущее вино, я абсолютно была уверена в том, что сотрясение мозга играло свою роль против моего адекватного состояния.

Еще через полчаса мы опустошили вторую бутылку вина, и Рик отправился к черному ходу, через который я обычно впускала в дом курьера с продуктами. Перед уходом Рик уверил меня в том, что не сядет за руль и попросит Якоба, чтобы тот отвез его домой. Я же отказалась пойти с ним, убедив Рика в том, что необходимо, чтобы кто-то изнутри запер дверь, так как ключей у нас не было (впрочем, мы их и не искали). Заплетающимися ногами проводив Рика до выхода, я заперла за ним дверь и вернулась назад на кухню, после чего направилась к главному выходу, совершенно забыв о своей сумочке.

Мы вернулись домой в начале двенадцатого, решив не оставаться в Лондоне на ночь. Мартин спросил разрешения спать сегодня в моей спальне, и я ему позволил. После того, как я узнал о диагнозе своего младшего брата, я не мог думать ни о чем и ни о ком кроме него. Поэтому, когда в мои мысли проникала Глория, мне неосознанно становилось стыдно за то, что я позволяю себе думать о ком-то еще. Я твердо решил забыть об этой девушке, по крайней мере до того момента, пока всё не разрешится. Откровенно говоря, я уже начал жалеть о своем решении взять Глорию с собой в Швейцарию — будет только отвлекать. Поэтому, часом ранее, окончательно решил оставить её здесь, под железобетонным предлогом сотрясения её хрупкого мозга.

Довольный моим согласием на ночевку со мной, Мартин отправился наверх, а я пошел за шахматами в его спальню, пообещав перед сном сыграть с ним одну партию. Когда я вошел на территорию внутреннего двора, разделяющего основную часть особняка с придаточной, я остановился, заметив бледную, покачивающуюся фигуру у входа в дом Мартина. Лишь спустя секунду, когда девушка, совершенно не замечая меня, вышла под густой, лунный свет, освещающий её снизу до пояса, я понял, что передо мной Глория. Она вдруг дернулась и резко остановилась примерно в пяти шагах от меня, очевидно, испугавшись моего внезапного появления.

— Пффф... Это Вы, — явно заплетающимся языком, произнесла девушка.

— Вы что, пьяны?

— Да, я выпила с Риком бокальчик... Ой, бутылочку, — захихикала Глория, и я подошел к ней ближе. — Рик уже ушел, я закрыла за ним дверь, так что не переживайте... Вы такой большой вблизи! Хмммм... Не замечала этого раньше. Или я Вас не видела вблизи? Как медведь, честное слово. Зачем Вам такие широкие плечи?

Девушка была не просто пьяна, она была в стельку. Тщательно оценив мои пропорции, она встретилась со мной взглядом и вдруг начала оправдываться:

— Это не я. Это всё Рик. Он сказал, что если мы выпьем Ваше дорожное вино, тогда максимум, что нам грозит — это искреннее раскаяние. Хотя, знаете, если быть честной, на данный момент я ни капельки не раскаиваюсь.

Она выглядела напившимся ребенком лет пяти, когда скорчила гримасу, которая, наверное, должна была означать, что она злится.

— Вы смеетесь надо мно... ой! — смешно возмутилась девушка.

— Нет, — ответил я, всё еще стараясь сдерживать улыбку.

— Лжете! Рик сказал, что это Вы купили мне платье... А еще он сказал, что Вы извращенец, который переспал с половиной женской части Лондона. Гхм... Ой, вот. Он ясно дал понять, что Вы попытаетесь затащить и меня в свою постель, но у Вас ничего не получится! — топнула ногой Глория, тем самым, по-видимому, пытаясь продемонстрировать мне свою непоколебимость, отчего во мне вдруг вспыхнул азарт.

— Значит, не получится?

— Н-не-а...

— Почему же? Вы считаете меня безобразным или, может быть, питаете ко мне антипатию?

— Хммм... — девушка отставила правую ногу назад, уперлась ладонями в бока, как часто любила делать это во время серьезных размышлений, и деловито начала меня оценивать. Я не выдержал всей милоты её серьезного выражения лица и заулыбался.

— Как мужчина Вы красивый, — внезапно заключила она.

— И что же во мне красивого?

— Сейчас Вы Нарцисс — так и нарывааетесь на комплименты. Хммм... Чего в Вас красивого? Даже не знаю. Вы... Ой... Гхм... У Вас красивые волосы... Пожалуй, еще серые глаза... Всё детство мечтала, чтобы у меня были серые или зеленые глаза, а они достались Вам. И волосы, и красивые глаза Вам — не справедливо! Еще Ваше телосложение... Вы в целом красивый... Но бога-а-а-аты-ый... Богатство Вас не красит. Были бы Вы продавцом булочек на нашей соседней улице, я бы точно обратила на Вас внимание... А так — сплошное разочарование...

— То есть в целом, Вы бы со мной хотели замутить.

— Еще чего... Не до... Гхм... Не дождетесь...

— Никогда не говорите никогда, — выдохнул я. Кажется, она снова начала меня злить, отчего я мысленно вернулся на бал.

— Никогда! Никогда-никогда-никогда-никогда... Вам меня так просто не взять, — заявила Глория и её щеки порозовели от взаимной злости.

Я подошел ближе и схватил девушку за её тонкое запястье, готовое в любой момент треснуть в моих тисках. Её лицо оказалось так близко от моего, что я смог почувствовать дурманящий вкус вина, исходивший от её дыхания. Сколько же она выпила, чтобы так захмелеть?

— Знаете что? — она бесстрашно ударила меня в грудь левой рукой, и я выпустил её правое запястье. Глория вдруг прервала неплохо начатую речь, громко воскликнув, явно о чем-то вспомнив. — Ой! Я совершенно забыла... Я ведь пришла за сумкой... Она осталась на комодке...

Так могут делать только дети — невозмутимо забывать о том, о чем они только что говорили, и на ходу придумывать новую тему. Вслед за покачивающейся фигурой девушки, я отправился в дом Мартина.

— Только не включайте свет... Пффф... Не хочу, чтобы глаза лопнули. О! Вот же она, — Глория взяла увесистую сумку и тут же пошатнулась. — А она стала тяжелее... Наверное, я у Вас слиток золота стащила, — в очередной раз задорно улыбнулась она, после чего посмотрела на меня с каким-то детским вызовом. Я же словил себя на мысли о том, что в темноте её лицо казалось еще более бледным, чем обычно.

— Почему Вы всегда бросаете мне вызов? — поинтересовался я, скрестив руки на груди.

— Потому что Вы не способны ничего со мной сделать. Ну, ладно, мак... Максимум уволить.

— И больше ничего?

— Ничего! — снова смешно топнула ногой девушка. Подобное телодвижение я замечал за её племянником. Интересно, кто у кого нахватался?

— Но Вы пьяны, — заметил я.

— Да, я пьяна.

— А я трезв.

— А Вы трезвы.

— Неплохое преимущество, правда?

— В чем?

— В силе.

— Ну да, стоите Вы на ногах покрепче моего, но эт... Это, знаете ли, такое себе преимущество.

— Если бы я только захотел, я бы мог Вас уложить даже трезвой, но сейчас Вы пьяны, — подталкивал девушку к логическому умозаключению я. — Не страшно?

— Мне некого бояться. Я сильнее, чем кажусь.

Она собрала все свои силы, чтобы сказать эти слова без запинки. Глория стояла напротив меня, полностью уверенная в своей силе и превосходстве, копируя мою позу и пытаясь смотреть мне прямо в глаза, насколько это позволял плохо развеянный лунным светом полумрак. Из-за столь глупой самоуверенности пьяной девчонки, меня вдруг накрыла настолько сильная злость, что, в итоге, я не смог удержаться, чтобы не разрушить её песочный замок. Резко схватив Глорию за левое предплечье и отведя его в сторону, я продемонстрировал ей, что она не такая уж и сильная, какой сама себе кажется. Глория в очередной раз пошатнулась и сумочка, слетевшая с её плеча, с грохотом упала у моих ног. В этот момент я резким движением свободной руки плотно прижал её теплое тело к своему. Глория не успела отреагировать на произошедшее, как я уже впился в её губы. Сердце застучало так быстро, что я начал терять над собой контроль. Первые пять секунд Глория не отвечала на мой поцелуй, широко распахнув глаза, но когда я прижал её к себе чуть сильнее, она закрыла глаза и начала отвечать мне взаимностью. Лучше бы она этого не делала. Я осознавал, что мне нельзя этого делать, что девушка слишком молода и что она пьяна, но я совершенно не мог остановиться. Я выпустил её запястье и, не переставая впиваться в нее губами, начал постепенно подталкивать её в сторону гостевой спальни. «Нет, только не пьяной. Я не возьму тебя пьяной. Ты нужна мне в трезвом состоянии», — проносилось у меня в голове, но я всё равно подхватил её под талию, чтобы быстрее направлять её в нужную мне сторону. Из последних остатков силы воли, я остановился напротив желанной комнаты и, прижав девушку к стене, продолжал её целовать. Глория отвечала на мой огонь с меньшей страстью, словно не успевая за движениями моих губ, но виной тому было лишь излишне выпитое вино, которое отняло у нее слишком много сил.

Кажется, её хмель постепенно передавался и мне, отчего я с каждой секундой всё больше начинал терять над собой контроль. Я буквально пытался вжать Глорию в себя, она же пыталась мне в этом помочь, цепляясь за мои шею и спину. Опустив руки на её бедра, я достаточно сильно сжал их, отчего она вдруг приглушенно выдохнула. В этот момент я осознал, что определенно зря заставил её выпустить томный вздох. Схватив её за талию, я раскрыл дверь в спальню и, не переставая впиваться в нее губами, затащил её внутрь. Целуясь, мы стояли напротив кровати, которую она не видела, и я сдерживался из последних сил, чтобы не придавить её собой. «Ты нужна мне трезвой, Глория. Не искушай», — мысленно сдерживал внутреннего зверя я. Внезапно Глория слегка отстранилась от меня и наши дыхания, прежде соединившиеся в одно, разлучились.

— Не трогай меня, — тяжело дыша произнесла она. Я непонимающе посмотрел на нее. — Я девственница.

— Что? — не до конца понимая значения её слов, задыхающимся шепотом переспросил

я, позволив ей высвободиться из моих тисков.

— Я двадцатидвухлетняя девственница и я всё еще не собираюсь переспать с тем, с кем даже не собираюсь заводить отношений, — заплетающимся языком произнесла девушка, после чего легла на кровать, и у нее аппетитно обнажился низ живота. Я оторвал глаза от желаемого.

— Ты девственница? — переспросил я, не верящий в существование драконов, фей и двадцатидвухлетних девственниц.

— Угу, — сонно повторила она и начала ползти в сторону подушки, уже совершенно забыв о том, что между нами происходило несколько секунд назад. — Убежденная. Хочу, чтобы первый раз по любви... — Глория говорила это таким тоном, словно обсуждала со мной вечерний выпуск новостей. Неожиданно её рука соскользнула с края кровати, и она слишком резко распласталась на полу — так резко, что я даже не успел её подхватить. Быстро подняв пьяную девушку, я усадил её на край кровати и, встав напротив нее на левое колено, убрал волосы с её лица. Судя по тому, как она морщилась, её голова точно почувствовала удар, хотя на полу и был мягкий ковёр.

Я позволил девушке отстраниться от меня в сторону изголовья кровати, внимательно наблюдая за её движениями. Как только голова Глории коснулась подушки, я понял, что она входит в царство сновидений. Мне подобная роскошь сегодня точно не светила.

Я снял с девушки старые кроссовки, переложил её в более удобную позу и накрыл пледом. После подаренной ею мне пьяной страсти, я был бы окончательным подонком, если бы украл у нее поцелуй во время её пьяного сна.

Всю ночь я не мог заснуть, мучаясь от желания вернуться к этой девушке, чтобы закончить начатое, прерываясь лишь на мысли о том, что именно она почувствует завтра, когда вспомнит, что именно между нами произошло.

Я проснулась с ноющим чувством внизу живота, после чего ощутила острую потребность в жидкости. У меня так сильно болели глаза, что я абсолютно не обращала внимания на головную боль в целом. Долгое время я никак не могла понять, где именно нахожусь, пока не собрала все свои силы в кулак и не села на кровати. Дневной свет слепил, хотя день был определенно пасмурным. Поняв где именно проснулась, я потерла глаза и, решив не одевать аккуратно стоящие у кровати кроссовки, отправилась в ванную. Вчера я точно не была в состоянии так аккуратно поставить свою обувь (скорее всего я бы даже не разулась), тогда, кто это сделал? Вообще, я в своей жизни в стельку напивалась дважды, но это впервые, когда мне было так плохо. Как может быть такое мощное похмелье от качественного вина? Всё-таки сотрясение определенно сыграло свою роль — голова болела так, будто я вчера ударилась обо что-то плоское.

Я уже хотела зайти в ванную, когда услышала голоса на кухне и направилась в их направлении. На кухне оказались Роланд и Рик.

— Доброе утро, — обернувшись ко мне, первым поздоровался Рик.

— Доброе утро, — подойдя к парням ближе, осипшим шепотом отозвалась я, аккуратно стараясь забраться на барный стул.

— Доброе утро, — как-то настороженно откликнулся Роланд, когда я всё-таки смогла уместиться на излишне крутящемся стуле. Олдридж выжидающе смотрел на меня, наверняка ожидая объяснений по поводу моего состояния и ночевки в его поместье.

— Эммм... Прошу прощения, мы вчера с Риком немного перебрали, — протерев глаза, полушепотом произнесла я.

— По-моему, из нас двоих перебрала только ты, — словно извиняясь, констатировал Рик, совершенно не потрепанный похмельем.

— Можете рассказать, что именно вчера произошло? — Поинтересовался у меня Роланд, протягивая мне спасительный стакан с шипучкой. Я выпила лекарство до дна и, оставив стакан на стол, посмотрела на стоящих передо мной мужчин. Они явно хотели услышать от меня что-то интересное, отчего я сразу же поняла, что что-то здесь не так.

— Я что-то натворила, да? — поморщила нос я.

— Вы что-нибудь помните? — снова поинтересовался Роланд, после чего я наверняка была уверена в том, что в чем-то накосячила.

— Помню, — ответила я, после чего Олдридж словно окаменел. — Я вчера пришла за сумочкой, мы с Риком выпили... О, нет! — Воскликнула я и Роланд, моментально уперевшись руками в бока, гулко набрал воздух в свои легкие и щеки. — Мы выдули две бутылки вина, каждая из которых стоит по полторы штуки!

— Что ж, я Вам его дарю, — словно с облегчением, присущим кающемуся хулигану, звучно выдохнул Олдридж. — Что было дальше? — требовал продолжения Роланд. Значит, косяк был не в стоимости вина.

— Мы начали разговаривать о Тэмми.

— Вы говорили только о Тэмми?

— Нет, — я попыталась напрямь все уголки своего пьяного мозга, но всё никак не могла вспомнить, о чем еще мы говорили. — Мы говорили еще о ком-то... Хммм... Может быть, о Вас? Нет, точно — мы говорили о Эмметте и Эмилии! Да. А потом Рик ушел, и я тоже

собиралась уйти... А потом... Хммм... Я кого-то встретила...

Я не могла вспомнить, кого именно и где я встретила! Я изо всех сил напрягала каждую извилину своего пульсирующего мозга, но никак не могла вспомнить происходившего со мной после ухода Рика! Такого со мной еще ни разу в жизни не случилось. Неужели всему виной сотрясение? Или, может быть, я вчера снова ударилась где-то головой? Пока я массировала виски в тщетных попытках выловить хотя бы смутное воспоминание из своего хмельного подсознания, Роланд с Риком словно стали одним сплошным нервом.

— Бли-и-ин... Я вспомнила, — застонала я, вспомнив, что не сообщила родителям о том, что не вернусь ночевать домой, и теперь меня наверняка ждет встряска. — А-а-а... Как я могла так облажаться? — едва не всхлипнула я.

Услышав моё умозаключение, Олдридж, заслонив правым кулаком свои губы и странно посмотрев на меня исподлобья, в очередной раз тяжело выдохнул, а Рик, почему-то, сразу же начал пятиться к выходу.

— Эммм... — отчего-то извиняющимся тоном начал Роланд. — Это произошло само собой... Вы были пьяны...

— Это ничего не меняет. Я уйду, — попыталась аккуратно слезть с барного стула я, но меня остановил взволнованный тон Олдриджа.

— Вы увольняетесь?! — ошеломленно спросил он. — Я понимаю Ваши чувства, но поверьте, это не повод для увольнения...

— Что? Нет! Конечно я не буду увольняться лишь из-за того, что забыла позвонить родителям и предупредить их о том, что я не приду ночевать. Они наверняка меня отчитают, но не больше.

Роланд снова облегченно выдохнул — сегодня он был сплошным вдохом и выдохом! — и Рик снова подошел поближе к нам.

— Джонатан вчера позвонил Вашим родителям и предупредил о том, что Вы ночуете здесь, — успокоил меня Олдридж.

— О-о-о, замечательно... Точно! Я, наверное, после ухода Рика вчера встретила именно Джонатана. Можно мне еще воды? Я не помню, как именно я попала в спальню, но я убеждена, что дверь не открывала. Наверное, я попросила Джонатана предупредить моих родителей...

— Так и было, — резко подтвердил мои слова Роланд. — Я вернулся с утра и Джонатан сказал, что Вы немного перебрали.

— Мне так стыдно, честно. Простите.

— Наш Роланд душа-парень. Он наверняка всё простил тебе еще вчера. Правда, Роланд? — широко улыбаясь, поинтересовался Рик у своего друга.

— Всё в порядке, — не обращая внимания на странные подколки со стороны Рика, на выдохе ответил Роланд.

— Спасибо, — прошептала я, допивая свою воду.

— И жили они долго, и счастливо, — невпопад заключил Рик.

— Вообще-то Рик собирался уехать в Австралию, но резко передумал, решив поинтересоваться у Вас номером телефона Вашей сестры, — по-видимому, специально ссызвил Роланд, явно стараясь заткнуть друга, выдающего непонятные мне шутки.

— Эмилии? Зачем? — непонимающе спросила я, отстранив от губ опорожненный бокал.

— Вообще-то Тэмми, — прокашлялся Рик и, ткнув Роланда в бок, сквозь зубы

прошептал. — Похоже, она и вправду ничего толком не помнит.

Я продиктовала Рикку номер телефона Тэмми, параллельно пытаюсь вспомнить, зачем он ему вдруг понадобился — я была уверена, что знаю зачем, но никак не могла вспомнить этого! Сразу после получения заветного номера, Рик ретировался через черный ход кухни, и я осталась наедине с Олдриджем, который смотрел на меня с явным подозрением в чем-то нехорошем.

— Вы так на меня смотрите... Лучше сразу скажите, что я натворила. Я что-то разбила, да?

— Нет. Вы просто... Как Вы себя чувствуете?

— Вообще-то плохо. Очень плохо, — на выдохе закрыв глаза, призналась я, как вдруг почувствовала сильный прилив тошноты. — Кажется, мне необходимо в туалет.

С этими словами я спрыгнула со стула и побежала в туалет, после чего целых полчаса простояла на коленях над унитазом. Рвотные спазмы повторялись каждые три минуты, пока я, наконец, не иссякла. Всё это время Роланд сидел на полу позади меня. Облокотившись спиной о стену, он похлопывал меня по вспотевшей спине, словно пытаюсь успокоить. Поняв, что всё, наконец, закончилось, я протерла рот бумажным полотенцем и, сев на пол и облокотившись о стену, посмотрела на Олдриджа.

— Больше никогда не буду напиваться. По крайней мере, спустя неделю после сотрясения мозга.

Мой голос был заметно ослабевшим, и я заметила, что впала в озноб.

— Вам необходимо принять тёплый душ.

— Пожалуй. Сколько время?

— Начало десятого, — мгновенно взглянул на наручные часы Роланд. — В спальне в шкафу есть халат и полотенце.

Меня так сильно развезло, что сил сопротивляться не осталось, отчего я совершенно спокойно воспользовалась его советом. Дрожащими руками, я разделась, после чего зашла в душевую кабинку и просто стояла не шевелясь, словно пытаюсь понять, что именно со мной происходит. Я явно что-то упустила из своего внимания.

Намылив голову дорогим шампунем, я села на корточки и просто ждала, когда вода сама всё смоеет с моей многострадальной головы. Хорошенько обтеревшись полотенцем, я залезла в мягкий халат из велсофта и вышла в коридор.

— Глория, заходите в комнату, — послышался голос Олдриджа из спальни, в которой сегодня я удосужилась проснуться. — Джонатан принес Вам завтрак.

— Спасибо, — поблагодарила я, вдруг почувствовав что-то наподобие вины.

Я залезла на кровать и уместилась напротив подноса с шикарным завтраком, словно вытащенным с экрана телевизора специально для меня. Я уже хотела приступить к приему пищи, но не выдержала пристального взгляда со стороны Роланда.

— Я уже завтракал, — словно прочтя мои мысли, сообщил Олдридж.

Больше не мучаясь вопросом — стоит ли ему предложить присоединиться, я взяла в руки мягчайший круассан, который еще не до конца успел остыть. Только повар этого дома мог выпекать такие вкусные круассаны! И всё же, я не могла его укусить. Крутя сдобное изделие в руке, я вдруг тяжело выдохнула.

— Простите. Я понимаю, что подвела Вас своей пьяной выходкой. Больше этого не повторится. Я чувствую себя дурой, из-за того, что позволила себе напиться перед такой важной поездкой. Мы обязательно должны победить эту аневризму, — произнесла я и

хотела добавить: «По-другому и быть не может, ведь такие маленькие дети не должны умирать. Когда я думаю о том, что Мартина вдруг может не стать, мне самой жить не хочется», — но не смогла себя пересилить, чтобы произнести эти слова вслух.

— Гхм... Глория. Всё будет хорошо, — приглушенно ответил Роланд, скрестивший руки на груди и опирающийся о комод цвета слоновой кости.

— Но всё очень-очень плохо...

— Но мы ведь постараемся спасти его, верно? Поэтому нам не стоит преждевременно паниковать.

— Да, Вы правы, — тяжело выдохнув, полушепотом согласилась я. Тот факт, что Роланд уверен в том, что у нас есть шанс, словно заставлял меня дышать ровнее.

— Я сегодня отвезу Мартина на обследование, чтобы уточнить, не увеличилась ли за прошедшую неделю аневризма и способен ли он нормально перенести перелет, так что Вы можете отсыпаться. После сотрясения в тандеме с похмельем Вам необходимо быстро восстановиться, ведь перелет уже завтра.

— Глупо получилось... Я обещаю полностью восстановиться за ближайшие двадцать четыре часа, — надкусив круассан, смущенно произнесла я. — А где Джонатан?

— Зачем Вам Джонатан?

— У меня такое чувство... Я не знаю... Будто я вчера сделала что-то плохое. Недостойное меня... Хочу спросить у него, что вчера произошло. Наверное, я могла его оскорбить. Такое странное ощущение... Чувствую себя одновременно обиженной и обидевшей.

— Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме, — задумчиво произнес Роланд.

— Я совершенно ничего плохого о Джонатане не думаю, так что навряд ли я могла сказать ему что-то жестокое. Хотя, Вы только что вот так вот интересно сказали и у меня вдруг появилось странное ощущение, будто у меня вчера и вправду что-то было на языке... Не могу вспомнить, что... Мне кажется, что ничего кроме вина я вчера не пригубила. Не могу вспомнить... — Действительно мучаясь самой настоящей амнезией, поморщилась я.

— Я дал Джонатану отгул на сегодня, но уверяю Вас, что ничего предосудительного вчера не произошло. Он просто довел Вас до постели и ушел, сняв с Вас обувь.

— Честно?

— Выпейте горячего шоколада и ложитесь спать. Попробуйте восстановиться до завтра, — не ответив на мой вопрос, перевел тему Олдридж, после чего вышел из комнаты.

Во второй раз за утро я решила последовать его совету. Наевшись круассанами с горячим шоколадом, я легла в постель и заснула крепким сном. Проснувшись лишь спустя пять часов, я переоделась в свою одежду и ускользнула из поместья через черный выход, по необъяснимой причине стесняясь встретиться с кем-нибудь из прислуги.

Оказавшись на пороге своего дома, я столкнулась с ледяным айсбергом, именуемым себя семьёй. Мама выступала главой оппозиции.

— То есть, по-твоему — это нормально, что глубокой ночью нам звонит какой-то мужчина и говорит, что ты не придешь ночевать.

— Мам, прекрати. Это был Джонатан. Старик-швейцар.

— Никакой это был не Джонатан, — как бы под нос пробурчала бабушка, вяжущая спицами очередной шарфик для Дина.

— Голос принадлежал молодому человеку, — поднял брови отец.

— Вы склонны фантазировать, — заметила я.

— Конечно, вся семья склонна фантазировать, что ты... — Эмилия осеклась.

— Что? — сдвинула брови я, никак не в силах понять, к чему именно клонят все эти люди. Наверняка виной моей легкой заторможенности было похмелье, уже окончательно отпустившее моё тело, но всё ещё слегка влияющее на моё подсознание.

— Доченька, ты еще так молода, у тебя еще всё впереди, — начала жалостливым голосом мама.

— Эмилия, лучше скажи ты, — не выдержав тянущейся резины, обратилась я к сестре, зная, что Эмилия не из тех, кто будет тянуть с жестокой правдой.

— Родители пришли к выводу, что ты стала любовницей своего начальника.

— Что?!

— Дорогая, мы ведь всё видим, — снова начала мама тоном, высказывающим всеобщую жалость к моей персоне. — Твой начальник повысил тебе и без того высокую зарплату, он уладил все наши проблемы с судом, ты едешь с ним в Швейцарию и всю поездку оплачивает именно он. А вчера этот парень звонит и говорит, что ты переночуешь у него в поместье, так как «этой ночью нужно присмотреть за Мартином».

Я вздрогнула от того, что почувствовала слова, заключенные мамой в скобки.

— Доченька, мы не лыком шиты, — подхватил маму отец. — Мы всё видим. Подобная лояльность, она достигается через...

— Через что?! — не выдержала я.

— Нет, всё, я так больше не могу, — всплеснула руками мама. — Дорогая, ты никуда не поедешь с этим извращенцем, и это не обсуждается. Вчера мы всей семьей так решили.

— Замечательно! — вспыхнула я, подняв руки над головой. — Чудесно! Вы все вместе собрались и всё решили за меня. Вы решили, что я способна стать любовницей из-за денег, даже не попытавшись понять, что мистер Олдридж помог Вам от чистого сердца, а вовсе не потому, что Ваша дочь залезла ему в штаны! Вы собрались и решили, что мне не стоит выезжать за пределы этого города еще минимум пятьдесят лет и даже не задумались о том, что вы не имеете никакого права принимать решения подобного рода за меня! Лучше бы вы так вместе собрались и решили проблему с Джудит, а не ждали, пока ваша дочь-путана всё порешает за вас!

— Дорогая, мы вовсе не говорили, что ты девушка легкого поведения, — ласково заметила бабушка.

— Просто ты могла запутаться, — подхватил отец.

— Просто я ушла из университета, просто устроилась на работу, просто мне повезло с

работодателем и просто все многострадальные вопросы в этой семье решились не без моего участия. Только не нужно думать, что они развеялись благодаря интимным потребностям Олдриджа, моим скрытым навыками или сами собой!

— Дорогая, пойми нас, — начала мама.

— Как я могу понять тех, кто решает за меня, как именно я должна прожить свою жалкую жизнь?

— Мы всего лишь тебя оберегаем.

— Спасибо, сама справлюсь.

— Как бы там ни было, ты молодая девушка, которая ни разу не выезжала за границу, а он молодой человек, который пытается вывезти тебя из страны. Я тебя никуда не отпускаю! — скрестила руки на вздымающейся груди мама.

— Мне уже давно не семнадцать. Я сама способна решить еду я или нет.

— Ты наплюешь на мое мнение? — перешла в наступление мама.

— Но вы ведь все наплевали на моё мнение, заранее решив всё за меня. Наплевали на меня, назвав меня девушкой легкого поведения...

— Не смей так... — мама начала выражать злобу, но я вовремя её оборвала.

— Нет, это вы не смейте! Не смейте судить меня за то, чего я не делала и даже не собиралась сделать! И не смейте принимать решения за меня! — я впервые в жизни так сильно повысила голос на мать, ясно давая всем понять, что в этот раз подобное наступление со стороны семьи не прокатит. «Хотели извержение Йеллоустоунского вулкана?! Получайте!» — прокричало моё внутреннее «я».

Развернувшись, я громогласным шагом отправилась наверх и заперлась в своей спальне. Откинувшись навзничь на свою широкую раскладушку, я начала рассматривать косою потолок из деревянных досок, пытаясь усмирить своё негодование. Мне вовсе не хотелось плакать — мне хотелось взорваться! Не прошло и десяти минут, когда в дверь моей кладовки раздался робкий стук.

— Сестрёнка, можно? — послышался тихий голосок Тэмми. Тяжело выдохнув, я поднялась, чтобы открыть дверь. С высоко вздымающейся от негодования грудью, я посмотрела на младшую сестру.

— Эми сказала, что вся семья пришла к единому мнению, но на самом деле это не так. Сэм в этом всем отказалась участвовать, а я не согласна с мнением остальных. Ты ведь сама знаешь, что с моим мнением в этой семье никто не считается.

Я опустила скрещенные на груди руки и пропустила сестру внутрь. Она подождала, пока я снова улягусь на свое место, после чего села рядом со мной, на край скрипящей раскладушки.

— Мама не готова так просто сдаваться.

— Кто бы сомневался, — с вызовом фыркнула я.

— Она решила устроить тебе бойкот. Будет тебя игнорировать, чтобы дать тебе понять, что если ты уедешь в путешествие с Олдрижем, тогда ты потеряешь с ней дружеские отношения.

На слова сестры я только недовольно хмыкнула. Тэмми вела себя так, словно пыталась собраться с духом, чтобы что-то сказать или спросить, и я не хотела ей мешать. Уж если вся семья решила навалиться на меня разом, тогда я точно меньше всего желала отнимать это право у Тэмми.

Полминуты мы молчали, и я пыталась рассмотреть лицо Тэмми, которое было спрятано

за пеленой темных ей волос. Она хмурила брови и я поняла, что нужно её отвлечь, чтобы впоследствии сестра заново смогла подойти к интересующему её вопросу.

— Почему все думают, что звонил Олдридж, а не Джонатан?

— Потому что в трубке телефона звучал молодой мужской голос. Мама и раньше пыталась развить тему твоего романа с этим мужчиной, но её слушали только бабушка и Эми, которые лишь от скуки пару раз отпустили свои мелкие замечания по этому поводу. Но я почти с самого начала знала, что это не Олдридж... — вдруг запнулась сестра и я поняла, что именно сейчас прозвучит мучающий её тихую головку вопрос. — У тебя ведь роман с Риком, да?

— Что-о-о? Не-е-ет, — смеясь, я так громко ответила на заданный ею мне вопрос, что Тэмми вдруг ссутулилась от неловкости. — Мы с Риком просто друзья. А почему ты спрашиваешь? — заговорчески ткнула в бок скрученную в рогалик сестру я. — Он что, тебе нравится, да? Да? Нравится же?

— Ничего подобного, — вдруг покраснела прежде бледная Тэмми.

— Как жаль, — притворно вздохнула я. — Просто он... Да не важно.

— Что он?! — сестра резко повернулась ко мне, совершенно забыв о своём стеснении.

— Ну, я с ним вчера напилась, он отправился к себе, а я решила переночевать в поместье. В самом начале, когда я еще не успела много выпить, он кое-что сказал мне... Но, раз он тебе не нравится, тогда зачем тебе забивать голову подобными вещами? Тем более он был пьян...

— Глория! — чуть не заплакала Тэмми и, поняв, что она не решится задать интересующий её вопрос, я решила больше не мучать бедное создание.

— Он сказ-а-ал... Что, ка-ажется, кое-кто ему уже симпатичен...

— Так и знала, — разочарованно вздохнула пунцовая Тэмми, явно измученная моими пытками, так как глаза у нее уже были на мокром месте.

— Ну ты дурёха! Честное слово. Я ведь прозрачно намекаю, что он имел в виду тебя.

— Меня?!

— А ты что, ревновала его ко мне, да?

— Никого я не ревновала. Потому что ничего подобного я к нему не испытываю...

— Ладно, я так ему и передам.

— Не передавай! — резко повернувшись ко мне всем телом, испуганно воскликнула Тэмми, молниеносно заглянув широко распахнутыми глазами прямо мне в душу.

— Ладно, не буду, — утвердительно улыбнулась я, слегка смутившись подобным напором сестры-тихони.

— Не сделаешь этого?

— Нет, — пообещала я и Тэмми сразу же расслабилась. Было видно, что у нее на языке вертится еще один вопрос, но на сей раз, я решила не помогать сестре и дожждаться, пока она сама соберется с духом. Обычно я не была такой жестокой, всегда преждевременно отвечая на все поставленные ею, немые вопросы и заранее разрешая все её неловкости, но сегодня мне хотелось, чтобы эта мышка начала без посторонней помощи справляться со своими внутренними трудностями.

— А что именно он сказал? — вдруг пропищала Тэмми и я сразу же утвердительно кивнула головой, довольно улыбаясь тому, что сестра справилась с собой.

— Он сказал, что ты очень красивая и что ты ему нравишься. Хммм... Очень нравишься. Это значит, что вот прям сильно, — развела руками я и Тэмми стала еще более красной. —

А еще он попросил у меня твой номер телефона.

— И ты дала ему мой номер?!

— Да.

— Зачем?!

— То есть, лучше бы я этого не делала?

— Не нужно было...

— Тэмми, соберись! Он наверняка попытается с тобой связаться и одновременно он хочет уехать в Австралию. Из его слов я поняла, что если у него не получится до тебя достучаться, тогда он купит билет в один конец и улетит за океан.

— Что мне делать?! — к глазам Тэмми снова подступили слёзы.

— Ты просто соберись, — привстав на локти, посоветовала я. — Ты ведь не хочешь всю жизнь прожить в четырех стенах этого дома и ни разу не поцеловать парня?

— Поцеловать?! — переспросила Тэмми с нотками протеста в голосе.

— Да, Тэмми, поцеловать. Когда ты в последний раз целовалась с парнем? Три года назад, и-то лишь из-за детских амбиций?

— Не напоминай мне о тех временах...

— Прости, больше не буду. Я лишь говорю о том, что ты очень красивая девушка с очень тонкой душой, а Рик — Аполлон, спустившийся к тебе на крыльях удачи. Он действительно очень хороший, красивый, добрый, мужественный и не целованный парень.

— Почему не целованный?

— Насколько я знаю, у него точно нет девушки. Просто дай ему шанс. Он очень хороший и ты очень хорошая. Вдруг это судьба и вы созданы друг для друга?

— Я не знаю как себя вести с ним...

— Попробуй не уходить в себя, чтобы он не думал, что чем-то тебя обидел. Просто объясняй все свои чувства, говори что тебе нравится, а что нет. И помни, что вы уже знакомы, и он знает, какая ты скромная тихоня, но всё равно тебя любит.

— Любит? — вновь покраснела Тэмми.

— Ну, я думаю, что скорее всего... Но я в этом не уверена, никак не могу вспомнить, говорил ли он, что уже тебя любит... Всеми виной это элитное вино в сумме с сотрясением — половину вечера не могу вспомнить! У тебя всё получится, вот увидишь, — вдруг положив руку на плечо сестры, заулыбалась я. — Просто попробуй не обижать этого парня и сама на него не обижайся.

— А почему ты на самом деле едешь в Швейцарию? — после минутной паузы, поинтересовалась Тэмми. Она была единственной в нашей семье, кто обладал тонкой проницательностью, остальные были недо-Шерлоки. Я села на край кровати, спустила ноги на пол и уперлась руками в колени. Я знала, что Тэмми способна понять всю щепетильность ситуации и прочувствовать весь её ужас, поэтому решила всё ей рассказать.

— Мартин смертельно болен, — на одном выдохе, приглушенно произнесла я.

— Как?! — шепотом ужаснулась сестра.

— У него поздно диагностировали аневризму головного мозга. Из-за внушительных размеров и неудачного месторасположения этой хреновины, он считается неоперируемым в Британии. Теперь он словно заминирован бомбой замедленного действия. Эта штука в его голове в любой момент может разорваться и спровоцировать кровоизлияние в мозг. Представь, во всей Британии нет поликлиники, в которой могли бы согласиться заняться этим случаем. Да что там в Британии — во всем мире. Ты ведь знаешь, какие у Олдриджа

связи и можешь представить, сколько у него денег, а он смог найти лишь два варианта: Швейцария и Канада. Я не знаю, почему он решил сначала отправиться в Швейцарию — потому, что это ближе, или потому, что там больше шансов, но если там ничего не выйдет, нам придется перелетать океан.

— Какой ужас, — ошарашенно прошептала Тэмми. Она всегда переходила на шепот из-за сильных эмоций, буквально теснящих её грудную клетку. — Мартин может в любой момент умереть... Он ведь не знает об этом?

— Нет конечно.

— И ты решила остаться при нём? Мальчик ведь может умереть у тебя на глазах.

— Я знаю, — прикусила губу я.

— Я в тебя верю, — спустя несколько секунд, вдруг уверенно заявила Тэмми и я заглянула в её серьезное лицо. — Я знаю, что должна говорить тебе о том, что ты поступаешь безрассудно, что если ничего не выйдет — ты будешь страдать и будешь страдать еще сильнее, если это произойдет у тебя на глазах, поэтому ты должна уволиться до того, как что-то сможет нанести урон твоему душевному спокойствию. Но я более чем уверена, что ты сделала осознанный выбор и, почему-то мне кажется, будто ты способна принять правильное решение в подобной ситуации. Ох, сестренка, как же я тебе не завидую... Эмилия лишь по неведению завидует твоей поездке за границу. Я бы навсегда согласилась остаться в этом городишке, лишь бы никогда не оказаться на твоём месте.

— Спасибо, — прошептала я, благодаря сестру за стопроцентное понимание, после чего обняла её.

— Наверное, сейчас все думают только о Мартине, — отстранившись и задумавшись, отстраненно произнесла Тэмми. — Но весь ужас сейчас лежит на плечах его брата. Фактически Роланд Олдридж — беспомощный миллионер. Наверняка это ужасно — за всю свою осознанную жизнь впервые оказаться беспомощным.

Я посмотрела на Тэмми округленными глазами и поняла, что моя сестра — незнакомая с Роландом девушка, только что поняла его больше, чем смогла это сделать я. Я так сильно переживала за ничего не подозревающего Мартина, что совершенно забыла о грузе знаний его старшего брата. Если у меня в груди щемит до слёз, тогда насколько невыносимо больно должно быть ему?

Я отказалась спускаться на ужин, запершись в своей спальне в знак протеста. После ужина Тэмми пришла рассказать мне о гнетущей обстановке внизу — мама напустила такой мрак вокруг себя, что даже Дин боялся лишней раз чихнуть. Уйдя от меня, Тэмми ворвалась ко мне снова лишь спустя пять минут, с порозовевшим лицом, округленными глазами и тяжело вздымающейся грудью. Сначала я испугалась, что что-то произошло внизу, но вскоре заметила в её руке вибрирующий телефон.

— Мне кто-то звонит, — начала она. — Я не знаю кто это. Мне никогда не звонили с неизвестных номеров. Это Рик, да?

— Вроде бы, номер похож, — ответила я, вскочив на ноги и уткнувшись взглядом в её мигающий телефон. — Бери же!

— Я не могу! — взмолилась сестра.

— Тэмми, подними трубку!

— А вдруг что-то пойдет не так?

— Что может пойти не так?!

— Не знаю...

— Ты никогда не узнаешь, если не возьмешь эту несчастную трубку!

— Поздно... Он перестал вызывать.

Мы уставились на пропущенный вызов и у Тэмми сразу же заблестели глаза от подступающих слёз.

— Может быть, так и правильно, — опустившись на кровать, произнесла она дрожащим голосом. — Может быть, не стоит...

— Тэмми, соберись, — оборвала сестру я, сев напротив нее на миниатюрную табуретку, оставленную в моей комнате Дином. — Мы ведь уже обсуждали это. Ты должна была поднять трубку!

— Мне страшно...

— Наверняка Рик не менее твоего страшно. Вот только он боится, что ты ему не дашь шанс, а тебе-то чего бояться?

— Наверное, я тоже этого боюсь... Того, что не дам ему шанс.

— Так дай же! — хлопнула ладонями по коленам я. — Всё зависит только от тебя. Просто дай ему один шанс, остальное Рик сделает сам. Он наверняка долго с собой боролся, чтобы набрать твой номер. Я ведь дала его ему еще с утра, а он нашел в себе мужество набрать тебя только сейчас.

— Что мне делать? Я ведь только что пропустила его звонок...

— Перезвони ему.

— Я не могу...

— Нет, ты можешь! Он ведь смог тебе позвонить. Просто набери его номер и сделай вид, что пытаешься узнать, кто именно тебе звонил. Притворись, будто даже не догадываешься, а там он сам всё разрулит.

— Думаешь?

— Уверена. Рик справится за вас обоих.

— Ладно, хорошо, — согласилась Тэмми, протерев глаза и, набрав полные легкие воздуха, замерла. — Это он! Он снова звонит!

— Вот видишь! Рик просто отличник! Так, Тэмми, соберись. Вдох, выдох, вдо-о-ох, вы-ы-дох... Вот так, хорошо. Теперь поднимай трубку.

Тэмми в последний раз глубоко выдохнула, после чего, наконец поднесла к своему порозовевшему уху телефон.

— Алло, — почти уверенным голосом ответила сестра, за что я мысленно её похвалила.

— Добрый вечер, — послышался мужской голос, и я поняла, что могу беспрепятственно различать слова говорящего по ту сторону трубки. — Это Рик Белл, Вы меня помните?

«Они что, снова перешли на „вы“??? Хотя, может это и правильно, если Рик не хочет её спугнуть», — мысленно комментировала их диалог я.

— Да, конечно, мы с Вами в последний раз встречались в парке. Вы тогда еще пригласили меня с Глорией в кафе, — мило пропищала взволнованная Тэмми.

— Да... Точно... А Вы бы не хотели еще раз сходить со мной в кафе? Я имею в виду конкретно тебя, не Глорию.

Повисла десятисекундная пауза. Тэмми застыла, боясь дать неверный ответ, а верно она, судя по всему, не знала. Я начала делать ей жесты руками, пытаюсь вразумить сестру, пока по ту сторону трубки кто-то нервно ожидал ответа, явно уронив возле себя что-то тяжелое.

— Да, — начала Тэмми, смотря на мою жестикуляцию и пытаюсь прочесть в ней правильные ответы. — Я не против...

«Молодец!» — прокричал мой внутренний голос, и я подняла два пальца вверх.

— Хорошо. Тогда до завтра?

— До завтра... — уже хотела положить трубку Тэмми, но вдруг спохватилась и быстро добавила. — А во сколько и где?

— Ммм... Я еще не придумал, — признался Рик, и я услышала, как он улыбнулся. — Приблизительно около полудня, пойдет?

— Пойдет, — поджала губы сестра.

«Рик завтра не работает, ведь мы с Мартином улетаем, но откуда он знает, что и Тэмми завтра в полдень может быть свободна? Неужели я... Да, наверное, по пьяни я проболталась ему о том, что Тэмми уволилась из отеля».

— Замечательно. Значит, около одиннадцати я тебя наберу и скажу где именно. Хорошо?

«Неужели он вспомнил о местоимении „ты“?» — ухмыльнулась я самой себе.

— Хорошо.

— До встречи.

— До встречи.

Первой положила трубку Тэмми.

— Еще ни разу в жизни не ходила на настоящее свидание, — нервно заулыбалась Тэмми, предвкушая и страшась предстоящего.

Недолго думая, мы побежали в комнату Саманты, зная, что счастливая невеста-Эмилия полчаса назад ретировалась из своей спальни в направлении своего будущего мужа. Оказавшись втроем в пустой комнате, мы тихо собирали Тэмми на предстоящее свидание, пытаюсь не издавать лишних звуков, чтобы случайно не привлечь внимание оппозиции. В итоге было решено, что Тэмми пойдет в легком, белоснежном платьице, серебристых сандалиях и в матово-белой шляпе с серебристыми лентами (в последнем путешествии Сэм увлекалась всевозможными панамками и шляпами).

— То есть ты хочешь сказать, что просто поставишь всех перед фактом? — неодобрительно выдохнула Сэм.

— Да, а что тут такого? — сдвинула брови я.

— Я тебе скажу, дорогая, что тут такого, — скрестив руки на груди и начав расхаживать по спальне, Саманта дотронулась до кончика носа, как делала это всякий раз, когда вопрос был настолько серьезен, что разрулить его могла только она. — Речь идет о смерти маленького ребенка. В случае неудачи тебе придется пройти через такие муки, которые навсегда оставят шрамы на твоей душе. Тебе придется жить с тем фактом, что ты ничего не смогла сделать. Я, как твоя тётя и твоя лучшая подруга, советую тебе умыть руки. Да, возможно это со стороны будет выглядеть как предательство, но ты не покалечишь себя близостью с мальчиком.

— Я покалечу себя, если оставлю его, даже не попробовав...

— Попробовав что? — резко оборвала меня Сэм, остановившись напротив тахты Эми, на которой я сейчас сидела. Она смотрела на меня сверху вниз своим коронным, соколиным взглядом. — Всё, что можно попробовать, попробует его брат. Он единственный, кто принудительно несет эту ношу. Зачем разделять её с ним?

— Но если не я, тогда кто?

— Никто. Потеря Мартина — это бомба массового поражения, которая заденет всех находящихся рядом. Осколок так глубоко рискует засесть у тебя здесь, — Сэм подошла ко мне впритык и, ткнув пальцем в мою грудную клетку, пронзила меня насквозь своим красноречивым взглядом, — что ты рискуешь потерять возможность когда-нибудь снова дышать полной грудью.

— Я буду дышать рывками, — дотронувшись до руки Саманты, которая всё еще впивалась в меня указательным пальцем, глухо отозвалась я, — но я не буду предателем. Я не предаю Мартина, не предаю себя и не предаю Роланда.

— Ты уже всё решила? — скорее утвердительно, нежели вопросительно, произнесла моя тётя и лучшая подруга.

— А вдруг всё получится? Мы ведь не просто так летим в Швейцарию. Там согласились заняться нашим вопросом...

— Значит этот вопрос уже и «ваш»... Мне больше нечего тебе сказать или посоветовать, — вдруг отступила на шаг от меня Сэм.

— Не рассказывай никому из домашних, — прикусив губу, попросила я.

— Не буду, — твёрдо ответила рыжеволосая, сжав руки в кулаки, и я знала, что она точно никому ничего не расскажет. Еще я знала, что ей сейчас больно... Очень больно.

В семь утра уже никто не спал, явно ожидая того, что я не смогу отказать в родительской просьбе матери и навсегда останусь за порогом отчего дома. Я любила свою мать и знала, что она меня любит не меньше. Она, в тандеме с бабушкой, будут негодовать вплоть до тех пор, пока я не вернусь из-за границы, а отец с дедом всячески будут их поддерживать, только чтобы не перепало и им.

Я решила не завтракать, чтобы не спускаться вниз и не вступать в неравный бой. Находясь в своей комнате, я всматривалась в узкое окно, оплетенное плющом (хорошо, что папа вовремя в этом году его подровнял), и ожидала появления Олдриджа. Когда знакомый джип завернул на нашу улицу, я машинально поправила локоны, заплетенные в высокий, пушистый хвост, еще раз взбила челку длиной до подбородка, и взялась за ручку своего чемодана. Как только мои нарочито тихие шаги выдала скрипящая под ногами лестница, за столом внизу сразу все зашевелились, но никто не сдвинулся со своего места. Лишь дойдя до выхода, я посмотрелась в зеркало, поправила шикарные солнцезащитные очки Сэм, красовавшиеся у меня на голове, после чего решительно произнесла:

— Всем до свидания. Я уезжаю.

Скрип резко выдвигаемых из-за стола стульев, заставил меня неосознанно поморщить нос.

— Куда это ты собралась? — словно и вправду не зная ответа на свой вопрос, с вызовом поинтересовалась появившаяся в коридоре мама, сверля взглядом мой скромный чемодан.

— Я озвучила своё решение еще вчера, — ответила я, отдернув плечи назад, словно пытаюсь выпрямиться под шокированными взглядами своих многочисленных родственников.

— Удачи, — неожиданно произнесла подошедшая ко мне Сэм, с явным неодобрением, но смирением в голосе. Лишь одну секунду она обнимала меня, после чего развернулась и, протиснувшись через остальных, твердо поднялась по лестнице наверх. Ей было больно за моё решение... От этого моя боль словно усиливалась вдвое.

— Удачи, сестренка, — прошептала подошедшая ко мне Тэмми, словно боясь, что её слова расслышит кто-то из присутствующих, и, крепко обняв меня, прислонилась спиной к стене слева от меня, чтобы не мешать высказаться остальным.

— Больше никто ничего не хочет мне пожелать? — поинтересовалась я, но ответом мне было молчание. — Нет? Хорошо. До встречи.

Я решительно взяла чемодан, открыла дверь и переступила порог. Как только я это сделала, одновременно произошли сразу две вещи: Роланд, увидев меня, вышел из машины, по-видимому для того, чтобы помочь мне с чемоданом, и мама кинулась за мной, потащив за собой единомышленников.

— Глория, ты никуда не поедешь! — негодовала она так громко, что Олдридж сразу же решил не отходить от машины, дабы в него не полетело льняное полотенце, которым мама размахивала за моей спиной, как бы пытаюсь выудить меня из переднего палисадника обратно в дом. Я понимала, что если повернусь — скомпрометирую себя и вся оппозиция, застрявшая на крыльце, последует за мной прямо к джипу. *Если бы у меня были силы покраснеть, я бы покраснела, но так как я сутки ничего не ела, у меня хватило сил лишь на бледность.*

— Ты немедленно вернешься домой или... Или...

«Интересно, что она сейчас скажет?», — пронеслось у меня в голове, когда я передала Роланду чемодан. Он посмотрел на меня вопросительным взглядом, и я одними губами и взглядом немо произнесла: «Быстрее». И тут я поняла, что сразу после того, как я передала чемодан в руки Роланда, мама замолчала. Это было реально страшно. Я побоялась оборачиваться, поэтому украдкой посмотрела в сторону дома лишь после того, как села в машину и пристегнулась ремнем. Интуитивно решив остаться незамеченным, Олдридж обошел джип с противоположной от дома стороны, после чего положил чемодан в багажник и, сев за руль, наконец, включил зажигание. Пока мы разворачивались, я наблюдала в зеркале заднего вида, как старшее поколение смотрит на меня с порога моего дома и я почему-то была уверена в том, что они меня точно осуждают.

На заднем сиденье уже сидели Доротей и Мартин, но, к моему удивлению, они оба дремали (по-видимому, в обоих случаях сказался возраст, умноженный на раннее время). Олдридж явно хотел поинтересоваться, что конкретно только что произошло, но не хотел развеивать сонную обстановку сзади. По дороге к Лондону меня тоже начало клонить в сон, но я из последних сил боролась с отяжелевшими веками, откинувшись на спинку упругого сиденья.

Мы подъехали к небоскребу внушительных размеров, Роланд поздоровался с охранником и мы спустились в подземный паркинг на третий уровень. Когда я вышла из машины, стало неожиданно прохладно, благодаря чему я мгновенно вынырнула из сонного состояния.

— Мы уже приехали? — поинтересовался сонным голосом Мартин, выпрыгивая из машины. — О, тупица! Прости-прости, — тут же зажмурился Мартин, встретившись взглядом с Роландом. — Глория, мы тебя уже забрали. Значит, мы в Лондоне?

Я давно заметила, что Мартин опасался при старшем брате называть меня тупицей и выкидывать шалости, что сейчас значительно должно было облегчить мою участь в этом путешествии.

С паркинга мы поднялись наверх на скоростном лифте и оказались в шикарном холле жилого небоскреба. Пройдя по отполированной плитке блестящего пола, мы снова встретились с уже знакомым охранником и сели в ожидающее нас vip-такси. Из-за утреннего наплыва автомобилей на улицах Лондона, мы двигались невыносимо медленно. Возле Хитроу^[32] мы оказались лишь спустя тридцать пять минут после выезда.

Роланд расплатился с водителем картой, после чего мы уверенным шагом направились к стойке регистрации. Уже издали увидев огромную очередь, я начала предвкушать все прелести пребывания в хвосте шеренги, когда Роланд вдруг свернул с назначенного направления, и мы оказались напротив стойки регистрации бизнес-класса. В сумме наша регистрация на рейс, сдача багажа и паспортный контроль едва ли заняли больше десяти минут. Оказавшись в зоне ожидания, я посмотрела на часы — до начала посадки на наш рейс оставалось немногим больше часа, а это значило, что мой ревущий от голода желудок можно было успеть набить чем-нибудь высококалорийным.

— Ладно, я схожу перекусить, — объявила я о своем решении своим спутникам. — Примерно через полчаса вернусь.

Около десяти минут я искала самый дешевый вариант завтрака, пока не наткнулась на популярный фастфуд. Решив, что если и вкушать фастфуд, тогда вкушать обязательно «самый-самый», я купила черный гамбургер, тем более он являлся блюдом дня, что автоматически делало его еще и самым дешевым. Со стороны черная булочка с

расплавленным сыром черного цвета выглядела жутковато, но меня это не останавливало. Я взобралась на барный стул за небольшой эллипсообразный стол, развернула эту черную прелесть и поднесла её к носу, чтобы понюхать, как вдруг на моё плечо упала чья-то тяжелая рука.

— Аккуратно передайте это мне, — потребовал Роланд и выдернул из моих рук заветную булочку. — Как знал, что Вас нужно искать в фастфуде.

— Зачем меня искать? Эй, Вы что делаете? — возмутилась я, когда легким движением руки Олдридж запустил мой завтрак в рядом стоящую урну. — Класс. Вы только что оставили меня без обеда, ужина и завтрака, которых у меня не было со вчерашнего дня.

— Я взял Вас не для того, чтобы во время путешествия мне было кого спасти от отравления. Не создавайте мне проблем. Пойдемте, поедим в другом месте. Я тоже сегодня не завтракал.

Через пятнадцать минут мы сидели в небольшом ресторанчике и уплетали полноценный завтрак.

— Почему Вас не хотели отпускать Ваши родственники? — поинтересовался Олдридж, задав, наконец, вопрос, интригующий его на протяжении всего утра. — Это как-то связано с Мартином?

— Я никому не рассказывала о... Мартине. За исключением Сэм и Тэмми — они никому ничего не расскажут.

— Тогда в чем суть проблемы?

— Обычное, семейное недоразумение, — ушла от ответа я, и Роланд тактично не стал продолжать меня расспрашивать. Было заметно, что он с первого раза понял, что это дело действительно из разряда семейных разборок.

Мы вернулись к Доротее и Мартину за пять минут до начала посадки.

— Сказали, что вернетесь через полчаса, а ушли на час! — Возмутился мальчишка. — Хорошо, что мы с Доротеей умеем рационально мыслить и удосужились позавтракать дома, в отличие от вас обоих.

— «Рационально», «удосужились», — передразнил брата Роланд. — И где ты таких слов нахватался?

— Это всё твоя нянька. Она дурно на меня влияет, — ответил Мартин, когда мы почти подошли к пункту пропуска на борт, как вдруг я неожиданно для самой себя поняла, что боюсь чего-то, о чем еще мой мозг не успел догадаться. Я сделала глубокий вдох, затем не менее глубокий выдох и только после этого осознала, что помимо аблутофобии награждена еще и аэрофобией.

Пройдя мимо улыбающейся стюардессы, я вдруг почувствовала, как по моей спине пробежал холодок. Неожиданно мои руки начали трястись, и к горлу подступил комок паники. В очередной раз, сделав глубокий выдох, я отправилась вслед за Олдриджем, пытаюсь отвлечься, рассматривая его широкую спину в светлом поло. Зайдя в салон, я села на указанное Роландом место и начала наблюдать за тем, как он укладывает свою ручную кладь на полку сверху. У меня в ушах слегка зазвенело, поэтому я не сразу услышала возмущенный голос Мартина.

— ...вообще-то я, — только и смогла я расслышать отрывок заявления мальчика, стоящего сбоку от меня.

— Глория останется сидеть здесь, — ответил за меня Роланд. — Если ты хочешь сесть у окна — садись рядом с Доротеей.

— Оу, нет, я могу пересесть, — нервно захлопала ресницами я.

— Мартин? — многозначительно поднял бровь Олдридж.

— С Доротеей сегодня куда интереснее, чем с вами вместе взятыми, — пожав своими детскими плечами, разочарованно, но точно без обиды в голосе, ответил мальчишка, после чего взял из рук Роланда «витамины» (пара таблеток для лучшей переносимости перелета с аневризмой головного мозга) и отправился на место, расположенное в противоположной стороне салона. Я распустила волосы, пытаюсь расслабить в себе хотя бы туго натянутые корни волос, но это совсем не помогло моим туго натянутым нервам.

К началу полета оказалось, что бизнес-классом до Берна летим только мы и еще двое мужчин средних лет, которые сели слишком далеко от нас. Доротей с Мартином сидели тоже вне поля нашего зрения, отчего, когда самолет начал движение, мне вдруг показалось, будто кроме меня и Роланда во всем самолете вообще больше никого нет — даже летчика! А это значит, что последнее лицо, которое я увижу перед своей гибелью, будет спокойное и самоуверенное лицо Олдриджа — в общем, не самый лучший вариант того, что можно увидеть перед полным забвением.

Роланд отложил глянецовый журнал и, случайно проскользнув по мне взглядом, вдруг повернулся ко мне всем своим телом, чтобы внимательнее рассмотреть моё лицо. Мимолетно посмотрев на свои руки, покрывшиеся гусиной кожей, я поняла, что моё тело стало мертвенно-бледным.

— Что случилось?! — обеспокоенно поинтересовался Роланд.

— Всё в порядке, — дрожащим голосом ответила я и, трясущейся рукой, стряхнула испарину со своего лба.

— Вы что, боитесь летать? — слегка наклонившись в мою сторону, тихо спросил Олдридж.

— Наверное. Я... Я не знаю. Это мой первый полет, — нервно сглотнула я, глядя на движущуюся землю за иллюминатором.

— Глория, — попытался привлечь моё внимание Роланд, но, не возмев успеха, еще раз позвал меня. — Глория, посмотрите на меня.

Я оторвала взгляд от иллюминатора и повернулась в его сторону. Серые глаза Роланда оказались неожиданно близко и, смутившись, я на секунду забыла о том, что именно со мной происходит. Но то была всего лишь секунда.

— У меня закладывает уши, — пожаловалась я, понимая, что моё паническое состояние растёт в геометрической прогрессии.

— Такое бывает. Успокойтесь. Чтобы стало легче, возьмите конфету и рассасывайте...

Я последовала совету Олдриджа, но это мало помогало. Из-за давления в ушах, я совершенно забыла о том, что за мной наблюдают, и так сильно зажмурила глаза, что, наверное, со стороны казалось, будто душа у меня заячья — такая же трусливая и трясущаяся. Роланд внезапно дотронулся до моего околевшего плеча своей горячей ладонью и начал его растирать. Странно, но это подействовало. Через пять минут, когда заложенность в ушах начала постепенно спадать, я открыла глаза и посмотрела на своего соседа. Он оторвал взгляд от обивки расположенного напротив него кресла и, посмотрев на меня, убрал с моего плеча свою пылающую ладонь.

— Легче?

— Да, — ответила я, сделав глубокий выдох.

— Летать не так страшно, как Вам кажется.

— По-видимому, Вы часто этим занимаетесь.

— Довольно часто.

— Можно задать вопрос, который меня мучает последние несколько дней?

— Задавайте, — заинтересованно разрешил Роланд.

— У нас всего два варианта: Швейцария и Канада. Так?

— Так.

— Почему Вы решили сначала лететь в Швейцарию? Потому что она ближе или потому, что в Швейцарии больше вероятность добиться успеха?

— Шансы в обеих странах одинаковы. Просто Оттава дальше Берна.

— Понятно, — вздохнула я и, после минутного молчания, не выдержала. — У нас ведь есть реальный шанс, а не пустая надежда, да?

— Хьюго Бьянчи — один из лучших специалистов Европы в области операций на головном мозге. Я переслал ему показания Мартина, и он решил лично осмотреть мальчика. Он явно дал понять, что хотя и небольшой, но шанс у нас всё же есть. Он примет нас уже завтра.

— Пффф... Замечательно, — тяжело выдохнула я. — Через сколько мы приземлимся?

— Примерно через час и пятнадцать минут.

Впоследствии, посадку я перенесла немногим легче, чем взлёт.

В аэропорту Берна нас уже ожидало очередное *vip*-такси, сев в которое мы вскоре оказались у пятизвездочного отеля. На имя Роланда Олдриджа было зарезервировано два номера, в одном из которых разместились я с Доротеей, номер же по соседству обосновали Роланд и Мартин. Убранство отеля было настолько шикарным, что поначалу мне было даже не по себе от вычурных излишеств, но вскоре я с ними свыклась. В нашем просторном номере расположились две двуспальные кровати из резного дуба с покрывалами из золотистых нитей, на полу лежал мягчайший молочный ковер с изысканным рисунком, на потолке висела необычайной красоты люстра, в стену была встроена огромных размеров плазма, а прикроватные комоды были украшены декоративными бра. Но вся эта роскошь меня больше нагнетала, нежели успокаивала. Глядя на нее, я осознавала, что нахожусь в параллельном для себя мире, и нахожусь я в нем лишь потому, что в голове Мартина застряла смерть.

Не разложив чемодана, я отправилась в ванную, оставив Доротеею восхищаться видом из окна. Ванная комната оказалась размеров гостиной в родительском доме, отчего мне было немного неловко раздеваться — создавалось впечатление, словно я оголяюсь в проходной комнате, в которую в любой момент может кто-нибудь войти. Я решила не смывать отлично держащиеся, крупные волны локонов и заколола волосы на макушке. Приняв душ с какими-то невероятными маслами, гелями и шампунями, я вдруг запахла словно лучший цветник Якоба в поместье Роланда. Доротея последовала моему примеру, после чего я, наконец принялась разбирать свой гардероб. На улице было +25, так что в итоге я остановила свой выбор на не слишком коротких, потертых, темных джинсовых шортах, легкой белоснежной вязаной майке в сеточку, которая не просвещала только зону декольте, и бежево-серых сандалиях на резинке.

Как мы и договорились, Олдридж зашел за нами ровно в два часа дня. К этому времени я с Доротеей уже были в полной боеготовности (женщина даже дважды успела в скоростном режиме перебрать свои вещи и всё-таки отыскать свои любимые бусы, подаренные ей мужем на тридцатую годовщину брака). На стук в двери ответила я, так как Доротея как раз в этот момент застегивала на себе свои драгоценные бусы. Открыв дверь, я сразу же посмотрела на стоящего передо мной Мартина и лишь потом перевела взгляд на Роланда, отметить странное выражение лица которого мог даже младенец — может быть, я слишком откровенно оделась? Навряд ли. В коротких шортах и полупрозрачных майках здесь ходила каждая вторая девушка.

— Готовы? — весело подпрыгнул Мартин.

— Да, — ответила я, поправив на плече алебастровый клатч, подаренный мне Эмилией в честь моего двадцатого дня рождения.

— Да-да, уже иду, — послышалось за моей спиной, и Доротея поспешила в нашу сторону через весь номер, что-то нервно ища в своей небольшой сумочке.

Мы спустились на первый этаж и отправились в сторону столовой, которая выглядела едва ли не шикарнее зала, в котором Роланд организовывал недавно бал. Хотя, конечно же, в первый раз я слегка преувеличила красоту этой столовой. У нас был оплаченный шведский стол, но Роланд заранее предупредил нас о том, чтобы мы не обедали. Он настаивал на том, что мы обязаны успеть за сутки обойти весь Берн, и я была с ним абсолютно согласна,

так как было неизвестно, сможем ли мы с Доротеей когда-нибудь позволить себе еще одну подобную поездку в своей жизни. Не успев додумать эту мысль, я сразу же одернула себя — уж лучше бы мы вообще ни разу в жизни не выехали за пределы Британии, только бы у Мартина в голове не было никаких бомб.

В итоге, чтобы не забивать свой желудок, я отказалась от идеи попробовать дюжину неизвестных мне блюд и остановилась на лобстере. Внимательно контролируя процент своего насыщения, я справилась с поставленной перед собой задачей и вполне успешно смогла удержаться от переедания.

Выйдя из отеля, я вдруг не только себя ощутила самым заурядным туристом, но даже Олдридж вдруг превратился для меня в самого обыкновенного лондонского парня, правда отличавшегося от остальных своим внушительным ростом, крепким телосложением и улыбкой, которая была минимум на два оттенка светлее улыбки среднестатистического человека.

Роланд взял на себя ответственность быть нашим личным гидом и первым делом мы отправились к Бернскому собору. Роланд рассказывал о барельефной композиции над входом в собор, созданной мастером Эрхардом Кюнгом, и о протестантской Реформации в начале шестнадцатого века, в ходе которой из собора были удалены все художественные произведения, включая оформление алтаря. Он знал, какие именно два витража были выполнены на несколько веков позднее остальных, знал о том, что хоры в восточной части собора являются первыми в Швейцарии хорами, выполненными в стиле Ренессанса...

Уже вскоре выяснилось, что Олдридж подкован не только в истории собора, но и в истории города в целом. Мы перемещались от собора к музею, от музея к галерее, от галереи к дворцу и снова к собору, и Роланд знал ответы почти на все наши вопросы: кто был автором проекта церкви Святого Петра и Павла; когда примерно была возведена Цитглогге; как звали правителя, который правил здесь в середине шестнадцатого века...

Самым же интересным в нашей экскурсии оказались местные фонтаны, которые встречались на нашем пути чаще, чем приезжие туристы-китайцы: фонтан «Церингер» с причудливым медведем; «Знаменосец» с четырьмя масками человеческих лиц на капители; «Моисей» с раскрытой скрижалью; «Юстиция» с необычными скульптурами папы римского, императора, султана и Шультхейсса ^[33] и прочие нетривиальные водные сооружения.

К девяти часам вечера мои ноги передвигались уже машинально, словно доведенные до автоматизма шестеренки, но я совершенно не хотела останавливаться. Осмотрев всевозможные достопримечательности, мы около часа бесцельно прогуливались по Старому Берну, наслаждаясь чудесными видами, и я буквально хватала на лету каждое слово Олдриджа, жаждая узнать от него как можно больше нового. Роланд и я готовы были обойти весь город повторно, пусть даже ценой дюжины кровоточащих мозолей на онемевших ногах, вот только Доротее и Мартин не разделяли нашего энтузиазма. В итоге нам пришлось взять такси, вернуться в отель, натрескаться неизвестными мне деликатесами и, отправившись в свои апартаменты, отключиться сразу после соприкосновения с бамбуковой подушкой.

Впервые в жизни я спала так глубоко и так крепко, и впервые в жизни мне так сильно не хотелось встать с постели. Пытаясь отключить пронзительно звенящий будильник, я в очередной раз уронила свой и без того изнемогающий мобильный, после чего мне пришлось встать, чтобы всё-таки вырубить орущего Одинокого Пастуха. Никогда в жизни я так его еще не ненавидела.

Приняв прохладный душ и придав объем волосам, я надела потертые, серые джинсы с низкой посадкой, которые выгодно украшал ремень с бляшкой в виде большой, переплетенной змеи, и достаточно просторную светлую блузку, которая оставляла небольшую голую полосу внизу моего живота. Выйдя из душа, я поняла, что Доротея всё еще находится в постели и уже спустя пять минут выяснилось, что у женщины, после вчерашней затянувшейся прогулки, безумно опухли ноги. Когда стало понятно, что Доротея передвигается с большим трудом, я отправилась в номер Олдриджа, чтобы сообщить ему о непредвиденном обстоятельстве. В итоге было решено, что Доротея останется в отеле и ей будут оказаны услуги медицинской страховки, которую Роланд предусмотрительно оформил на наши имена еще в Британии.

В половину восьмого мы спустились в столовую, где я обнаружила в себе зверский аппетит, съев практически всё, что предлагал попробовать мне Мартин. В пятнадцать минут девятого мы сели в такси и отправились в поликлинику.

— Зачем мы приехали в больницу? — непонимающе поинтересовался Мартин.

— Просто Глория немного заболела, — при помощи обмана начал развеивать подозрения мальчика Роланд. — А мы пришли поддержать её, заодно и сами обследуемся, вдруг пропишут каких-нибудь аппетитных витаминов?

— Аппетитных витаминов не бывает, — заключил Мартин, явно поверивший в басню брата.

— Это в Британии не бывает, а здесь вполне могут встретиться, — ответил Роланд и его слова, как и всегда, стали решительными. Мартин определенно был готов поверить во всё сказанное его старшим братом. Так что если бы Роланд однажды мимолетом взболтнул о том, что Земля квадратная, Мартин бы даже не задумался оспорить этот непреложный факт.

В холле нас встретил англоговорящий персонал, но Роланд предпочел общаться с ними на немецком, чтобы из их разговора Мартин случайно не узнал о цели нашего приезда.

Уже через десять минут мы оказались в кабинете Хьюго Бьянчи. Этот кабинет больше напоминал место заседания дипломата, нежели доктора, в то время как сам доктор, седой как лунь, имел внешность всезнающего ученого с ясно-синими глазами, которого выдавал лишь его идеально-белоснежный халат. Вся эта картина была настолько несочетаемой, что папа бы решил, что здесь «попахивает шарлатанством». Я же решила, что «здесь попахивает баснословными деньгами».

Мистер Бьянчи, искусно владевший английским языком, мастерски сыграл свою роль, уделяя внимание только мне и Роланду, совершенно не замечая Мартина, после чего как бы невзначай заключил, что для профилактики можно было бы обследовать и мальчика. В итоге Мартин ушел с доктором, а мы как бы направились в противоположную палату, на самом деле решив оккупировать полупустое кафе на первом этаже. Как истинные англичане, мы заказали по чашке чая каркаде и сев друг напротив друга за самый дальний столик, собрались ожидать результата, который должен был стать для нас известным лишь через час. Я понимала, что на крайний случай у нас еще есть вариант с Канадой, но прекрасно осознавала, что если нам сейчас откажут, мы понесем урон в виде огромной трещины на нашей надежде, которая будет занимать девяносто процентов наших чувств — остальные десять процентов поглотят инстинкты. Впервые Роланд, оставшись со мной наедине, промолчал больше получаса, ни разу не попытавшись завязать со мной беседу.

— Всё должно получиться, — почти допив свой чай и оставив чашку внезапно похолодевшими пальцами, попыталась отвлечь Роланда от мрачных мыслей я, после чего

закинула ногу на ногу. Он оторвал свой взгляд от панорамного окна и, внимательно посмотрев мне в глаза, не размыкая скрещенных на груди рук, тяжело выдохнул:

— Должно.

— Уже прошло тридцать пять минут. Скоро мы получим результаты... А что будет, когда его согласятся прооперировать? — поинтересовалась я, будто нам и вправду не откажут.

— Мы останемся в Швейцарии на время подготовки к операции, её проведения и реабилитационного периода.

Я вздрогнула, представив бритую, изуродованную надрезами и швами, маленькую головку мальчика, и его голубые глаза, переполненные болью, растерянностью и страхом, и моё дыхание вдруг прервалось. По моему телу сразу же пробежала мелкая дрожь, и я судорожно вздохнула, запив каркаде комок боли, подступивший к моему горлу. Лучше бы я не заводила этот разговор, лучше бы не думала о том, *что предстоит пережить Мартину в случае успеха и чего ему никогда не предстоит пережить в случае поражения*. Мне очень хотелось плакать, но я не могла подвести сидящего напротив меня Роланда, буквально сжавшегося в тугой комок нервов. Поэтому я подлила себе очередную порцию чая, чтобы в очередной раз проглотить его залпом, давясь слезами, неуспевающими скатиться с глаз.

После пятидесяти минут напряженного ожидания, на телефон Роланда пришло сообщение с просьбой явиться в кабинет Хьюго Бьянчи. Застыв друг перед другом на несколько секунд, мы, словно в замедленной пленке, встали со своих мест, задвинули за собой стулья, о чем при других обстоятельствах даже не подумали бы позаботиться, и, размеренным шагом, отправились к прозрачному лифу. Еще никогда в жизни я не видела Роланда настолько сжатым. Он напоминал мне готовящегося к прыжку барса, который, в случае осечки, рисковал благополучием маленького котенка. Мне было безумно больно думать о том, что именно во всей этой ситуации чувствует Роланд Олдридж, каждую секунду рискующий навсегда потерять единственного человека, в лице которого сосредоточена ВСЯ! его семья.

Не смотря на то, что я едва контролировала свои нервы, я была способна оценить напряженное состояние Роланда, от которого буквально разило электрическими разрядами. При этом я всё равно умудрялась оставаться на десять тонов бледнее Олдриджа. Поднимаясь вверх, я сомневалась в том, что отрицательный вердикт доктора возможно вынести... Едва ли я выдержу, если здесь и сейчас потеряю надежду. Едва ли выдержит он...

* * *

— Операция возможна, — почему-то нервно произнес доктор, заставляя своим тоном воздержаться нас от радости. Мы стояли в глухом кабинете, полностью изолированном от внешних раздражителей, пока ничего не подозревающий Мартин находился в соседней комнате, предназначенной для досуга детей.

— Хорошо, — сдержанно констатировал Роланд, явно с облегчением, но всё еще ожидающий продолжения.

— Не совсем, — обеспокоенно произнес доктор и, кажется, наши с Роландом сердца остановились одновременно. — В случае операции, с вероятностью в девяносто девять целых и девять десятых процентов, в мозгу будет задет жизненно важный нерв. Оставшийся

один десятый процент — чистая удача, на которую, в данном случае, нельзя рассчитывать. Это значит, что Мартин навсегда останется... Инвалидом.

— Но живым, — тяжело выдохнул Роланд, и мне показалось, что его мощная фигура немного пошатнулась.

— Едва ли это можно будет назвать жизнью. Существование...

Роланд глубоко выдохнул и уже наверняка качнувшись, уперся правой рукой о близстоящий стол. Где-то глубоко внутри меня образовался маленький сжатый комочек боли, блуждающий по всему моему нутру.

— Если операция будет проведена, Мартин не просто будет прикован к инвалидному креслу — он с вероятностью в сто процентов рискует потерять зрение, слух или речь, или даже всё одновременно. Выбор за Вами, — тяжело выдохнул доктор.

Жестокое, несправедливое заключение, но такова была реальность. Наша реальность. Выбор был за Роландом Олдриджем, единственной семьей которого являлся маленький мальчик. Приговор этой семье был уже вынесен, но подписать его должен был именно Роланд.

— Операции не будет, — снова тяжело выдохнув, глухо произнес побелевший Олдридж.

— Я считаю Ваше решение правильным, — признался доктор, по-видимому, решивший поддержать решение Роланда, пока я потерялась в пространстве. — Вы можете скрасить его оставшуюся жизнь.

— Сколько ему осталось? — разогнулся Роланд.

— Судя по показателям, аневризма Мартина склонна к расширению... Если аневризма продолжит расти с микроскопической скоростью, тогда ему осталось прожить еще около года. Но это только в том случае, если ничто не спровоцирует резкий рост аневризмы, следствием чего станет сам разрыв.

— Около года, — задумчиво повторил приговор Роланд.

— Может быть немногим больше, может быть немногим меньше, — протер белоснежным платком вспотевший лоб доктор.

Слово «немногим» медным звоном запульсировало в моих ушах.

— Ясно, Вы не можете нам помочь, — наконец смогла выдавить я, упершись ладонями в бока, после чего перевела взгляд на Роланда. — Отправляемся в Канаду, да?

Олдридж глухо поблагодарил мистера Бьянчи за потраченное время и, забрав результаты обследования, мы вышли в коридор. Нам необходимо было забрать Мартина из детской комнаты, но мы оба не могли сдвинуться с места.

— Я видела рядом автомат с напитками, — глухо прокашлялась я.

— Да, — ответил Роланд, и мы в полном молчании направились в сторону автомата.

— Гхм... У меня нет мелочи, — голосом, не принадлежащим мне, произнесла я. — Купите мне негазированной воды?

— Сейчас.

Роланд начал шарить по карманам и лишь с третьей попытки нашел монетницу в кармане своих джинс. Он медленно закинул в прорезь автомата несколько монет и, кажется, я слышала падение в неизвестность каждой. Мне вдруг начало казаться, что мир вокруг меня тянется, словно странно застывающая смола. Когда Роланд нагнулся, чтобы взять упавшую в карман автомата бутылку, я вдруг поняла, что меня начинает кренить влево.

— Та-ак, — подхватив меня правой рукой, тихо прошептал Олдридж. — Тихо-тихо...

Он усадил меня на один из невероятно твердых и невыносимо холодных стульев, ряды

из которых стояли по обе стороны коридора. По моему телу сразу же пробежали мурашки, и у меня появилось ощущение, будто я мёрзну изнутри, словно только что проглотила огромный кусок льда.

— Выпейте воды, — предложил знакомый голос и только после этих слов темнота перед моими глазами начала постепенно рассеиваться, и я вдруг увидела сидящего напротив меня на корточках Олдриджа. Дрожащими руками я взяла уже открытую бутылку из его рук и поднесла к своим пересохшим губам. Примерно после пяти глотков мне стало значительно легче. Только отстранив бутылку от губ, я встретила с пристальным взглядом Роланда, который всё еще сидел напротив меня на корточках. Не знаю, что именно меня смутило — слишком короткое расстояние между нашими лицами или то, что он вдруг встал на правое колено и дотронулся тыльной стороной своей горячей ладони до моего лба.

— Со мной всё в порядке, — резко заморгав, уверила я.

— Я так и думал, — ответил Роланд и, встав с колена, сел рядом со мной. — Зря взял Вас в эту поездку.

— Вы не могли меня не взять.

— Почему?

— Я бы Вас не простила, — ответила я, и Олдридж боковым зрением посмотрел на меня.

— Наверное, поэтому и взял, — глухо выдохнул он, и мы продолжили сидеть на твердых, холодных стульях, в абсолютном молчании.

Только через полчаса я встала со своего места и начала постепенно расхаживаться. Еще через пять минут, когда я приобрела уверенность в том, что могу контролировать свои эмоции и тело, мы отправились за Мартином.

В Канаду мы отправились вечером этого же дня. На это время прямых рейсов из Берна в Оттаву не было, поэтому нам пришлось ехать на такси в Женеву, чтобы избежать пересадок. Сто шестьдесят километров до Женевы мы преодолели в полном молчании: Роланд уткнулся в ноутбук, Доротея читала Джозефа Шеридана Ле Фаню, что мне казалось странным выбором для женщины её возраста, Мартин играл в портативную приставку, а я, надев наушники, погрузилась в музыку.

В двадцать два двадцать мы уже прошли регистрацию, паспортный контроль и сдали чемоданы. В двадцать три часа и пять минут наш самолет начал взлёт. После оглушительного поражения в Швейцарии, мне уже было совершенно наплевать на перелет. К моменту посадки на свой рейс, я уже знала, что аэрофобия мне точно не грозит. Наверное потому, что авиакатастрофа представлялась мне менее болезненной, нежели уход Мартина.

Так как мне уже было с чем сравнивать, я могла с уверенностью утверждать, что бизнес-класс на сей раз был лучше предыдущего. Я села у окна рядом с Доротеей, так как в прошлый раз Мартин так сильно умотал бедную женщину (опрокинул на нее сок, запачкал шоколадом сиденье и сломал ручку кресла), что Роланд решил дать ей несколько часов спокойного сна и усадил протестующего Мартина рядом с собой. Первые пять часов я провела в беспокойном сне, на кровати из разложенного кресла, оставшееся же время скоротала в наушниках, наблюдая за обеспокоенным Олдриджем, который во время перелета так и не смог сомкнуть глаз.

В целом перелет занял восемь часов, но так как между Европой и Америкой существенная разница во времени, мы приземлились в международном аэропорту имени Макдональда-Картье ровно в час ночи.

За прошедшие пару дней Мартин успел усвоить одно очень важное для ребенка уравнение: в отличие от меня и Роланда, Доротея не успеваешь увидеть все его шалости + она устает быстрее старшего брата и няни = больше свободы действий и меньше зависимости от решений старших. Именно эти дважды два сложились в голове Мартина во время нашего заселения в умопомрачительный Шато-Лорье, являющийся одновременно и отелем, и архитектурной достопримечательностью в дантауне Оттавы^[34]. Еще в такси мальчик заявил, что хочет ночевать в одной комнате с Доротеей, а не с Роландом, ссылаясь на сильный храп со стороны брата, которым он определенно не страдал. Олдридж не видел проблемы в том, чтобы снять дополнительный номер и пошел брату на уступки. Ободренный чувством победы, Мартин отказывался соглашаться с администратором гостиницы в том, что дополнительного номера во всем отеле больше нет. Роланд же наотрез отказался искать новый отель лишь из-за капризов мальчишки, и мы отправились наверх. Когда мы оказались возле наших номеров, которые расположились друг напротив друга, Мартин начал реветь от негодования. Он категорически отказывался спать в одном номере с братом, желая чувствовать себя «по-настоящему» взрослым. Пока ребенок плакал, взрослые уставились друг на друга, пытаясь обмозговать сложившуюся ситуацию.

— Не вижу в этом никакой проблемы, — вдруг произнесла Доротея. — Я отправлюсь в номер с Мартином, а вы в номер напротив.

— Мне всё равно, — спокойно пожала плечами я, переводя взгляд с сопливого Мартина на Роланда.

— Отлично, — заключил Роланд и обменялся ключами с Доротеей, после чего Мартин едва ли не подпрыгнул от накрывшей его радости.

Зайдя в номер, Роланд включил тусклое освещение, бросил ключи на близстоящую кровать справа и скинул с плеча сумку с ноутбуком, а я отправилась к кровати возле окна, расположенную в двух шагах от кровати соседа.

— Предпочитаете идти в душ первой или второй?

— Можно первой?

— Без проблем.

Из-за усталости после перелета, нам совершенно не хватало сил на неловкость от того, что мы остались вдвоем в одном номере. Пока я спокойно искала в чемодане свой пеньюар и трусы, Олдридж отстраненно подключал свой ноутбук к питанию. Лишь приняв прохладный душ, высушив волосы и посмотрев на себя в зеркало, я поняла, что пеньюар на мне слишком короткий, а вырез на груди слишком откровенный. Но так как я осознала это только в данную секунду, отчего перед походом в душ даже не задумалась поискать в шкафу номера халат, я уже ничего не могла поделать с этим фактом.

— Вы не могли бы отвернуться? — не выходя из ванной комнаты, решила поинтересоваться у своего соседа я.

— Вы хотите пройтись голой? — с явным сарказмом ухмыльнулся Олдридж, судя по чеканным звукам что-то печатающий в своем ноутбуке.

— Нет... Просто у меня слишком откровенный пеньюар.

— Ну, давайте, — глубоко вздохнул Олдридж, и я быстро вышмыгнула из ванной.

— Вы не отвернулись! — прикрыв всё, что только могла себе позволить, возмущенно воскликнула я.

— Я не обещал отворачиваться, — внимательно наблюдая за моим быстрым перемещением по комнате, смешливо откликнулся Роланд.

— Вы сказали «ну, давайте».

— Я имел в виду, что готов оценить Ваш наряд.

— И как Вам? — резким рывком стянув покрывало с кровати и молниеносно нырнув под прохладное одеяло, с издевкой поинтересовалась я.

— Вам рассказать о моем впечатлении от Вашей фигуры или конкретно о пеньюаре? — заулыбался с соседней кровати Олдридж, лицо которого было ярко подсвечено от монитора ноутбука.

— Прекратите, — накрылась с головой я, чтобы он не заметил моего смущения. — Идите в душ. Ваша очередь.

К моменту, когда Роланд вернулся из душа, я успела провалиться в крепкий сон.

* * *

На следующее утро, не услышав будильника, я проснулась из-за тяжелых шагов по комнате. Роланд уже был одет и занимался уборкой своей кровати. Сквозь сонную пелену я подумала о том, как же странно видеть миллионера заправляющим свою постель, тем более в отеле, где полно прислуги, но совершенно забыла подумать о том, что еще перед сном меня безумно смущало. Встав с кровати и совершенно не обращая внимания на взгляды Роланда, я принялась машинально повторять его движения, кое-как стоя на ногах и изо всех сил

стараясь снова не свалиться в постель. Без капли стеснения, я прошла мимо него в своем откровенном пеньюаре и уже через пять минут вернулась в комнату уже одетой.

— Зачем Вы встали? — вдруг поинтересовался Роланд, сидящий на единственном в комнате кресле-стуле, стоящем у стены напротив моей кровати.

— У нас ведь в девять часов встреча с доктором, — непонимающе произнесла я, направляясь к окну.

— Да. Но сейчас только шесть. Вы могли спать еще минимум полтора часа.

— Почему Вы мне раньше не сказали? — развешивая шторы, чтобы посмотреть на еще не успевший проснуться город, возмущенно зевнула я.

— Вы так уверенно расхаживали в своем пеньюаре, что я решил не лишать себя подобного удовольствия, — не смог упустить возможности ущипнуть меня за смущение Олдридж.

— Зачем Вы так рано проснулись? — покраснев от подобного замечания, я кинула мимолетный взгляд на собеседника, после чего присела на край своей кровати.

— Просто уже полчаса как не могу заснуть.

— Вы переживаете, — заключила я и поняла, что осеклась, так как мужчины вроде Олдриджа не любят, когда их уличают в подобных чувствах. Они предпочитают заставлять всех вокруг себя думать, что у них всегда всё под контролем.

— Гхм... Так как Вы проснулись, я заказал завтрак в номер. Вы не против?

— Я только за, — с радостью поддержала попытку собеседника перевести тему я. — Вы раньше бывали в Канаде?

— Да, но в Оттаве впервые.

— И где же Вы были? — поинтересовалась я, облокотив подушку о спинку кровати и уютно прислонившись к ней спиной.

— Больше пяти лет назад я побывал в Квебеке с товарищами по Кембриджу. Тогда я еще не располагал крупными финансами, и мы ночевали в трехзвездочном отеле с видом на мусорный переулок. Хорошее было время, — ностальгируя, улыбнулся Олдридж и по его улыбке я поняла, что то время для него и вправду было хорошим.

— Я думала, что Вы всегда были богаты, — не скрыла своего удивления я. — Ведь Ваш отец, вроде как, был самым настоящим магнатом.

— Возможно я Вас удивлю, но по-настоящему большие деньги у меня появились только в студенческие годы, и-то потому, что я заработал их сам. К моменту обретения отцовского наследства я уже был самодельным миллионером. Хотя, было бы эгоистично так говорить. Пожалуй, именно благодаря отцу я стал тем, кем я стал.

— Значит, Вы достаточно долго вели обыденную жизнь среднестатистического Англичанина?

— Именно.

— Вы знаете, что такое: есть дешевый фастфуд, носить рваные кеды, мыться старым шампунем, пить самое дешевое пиво и набивать копилку мелкими монетками?

— И еще выдавливать тюбик зубной пасты до последнего, экономить на проезд, иметь задолженность по мобильной связи... Но копилкой с мелкими монетками я точно никогда не грешил — это уже перебор, — улыбнулся Олдридж, и я улыбнулась вместе с ним. Он вдруг в одно мгновение из аристократа высшего класса превратился для меня в парня из соседнего двора, с которым в детстве я могла бы запускать воздушного змея, если бы мы только были знакомы. Наш разговор прервался из-за принесенного в номер завтрака, но

ощущение, будто сегодня у нас всё определенно должно получиться, не отпускало меня до последнего момента.

Лиам Перри, в отличие от Хьюго Бьянчи, выглядел как настоящий доктор-профессионал, который был способен справиться с любой поставленной перед ним задачей. Он обладал орлиным взглядом, который обрамляли очки в тонкой золотистой оправе, мужественной щетиной и сединой у висков. Я вынуждена была рассматривать резюме доктора через интернет, так как Роланд наотрез отказался брать меня с собой. В итоге, мы с Доротеей застряли в шикарном отеле. Обосновавшись в номере женщины, я села на одну из кроватей с планшетом Олдриджа в руках и зачитывала вслух всю информацию, которую смогла найти в сети. Аргументы и доводы по поводу ведущей поликлиники Канады, и её персонала, были настолько мощными, что мои сомнения в том, что нам обязательно здесь помогут, были бы развеяны в один клик на их сайте, если бы не наше поражение в Швейцарии. Ожидание решающих новостей затянулось на три мучительных часа, и мы решили спуститься вниз, чтобы от волнения натрескаться аппетитного холестерина, однако переесть заокеанских деликатесов у нас так и не удалось — кусок в горло не лез. В итоге, вернувшись в номер, мы стали нервно смотреть на часы.

— Как-то они долго, — сидя на краю кровати и обхватив себя за живот, глухо сглотнула я.

— Возможно, это хороший знак. Вдруг они обсуждают детали операции?

— Угу, — утвердительно кивнула головой я и зажмурилась от непривычно яркого солнца, проникающего своими гладкими лучами в высокое окно нашего номера. Внезапно я словила себя на мысли о том, что на фоне происходящего ужаса, у меня произошла абберрация памяти, и теперь Мартин казался мне обычным, несчастным ребенком, рано потерявшим родителей и пытающимся привлечь к себе внимание взрослых громкими выходками, а вовсе не маленьким лепреконом-трикстером с взрывным темпераментом.

— Помню, когда Лео ампутировали руку, я чуть с ума не сошла из-за мысли о том, что не смогла этого предотвратить. Даже не представляю, какие муки сейчас испытывает наш Роланд, и страдания какой силы ему предстоит перенести в случае поражения.

Я уже так привыкла к тому, что Доротеея называет Роланда «нашим», что даже прекратила морщиться на этот момент.

— Но поражения ведь не будет, правда? — нервно сглотнула я.

— Не-е-ет, не будет, — словно выйдя из транса, весело произнесла Доротеея. — Конечно всё получится. Не могли же мы впустую перелететь через океан. Мартину сделают операцию, а мы будем рядом с ним, чтобы поднимать его дух во время реабилитации. Он вырастет, станет настоящим джентльменом и отменным игроком в сокс.

— Почему именно в сокс? — заулыбалась я.

— Мой Лео последние месяцы увлекся соксом и у него весьма недурно получается. Можно часами напролет наблюдать за тем, как он подбрасывает ногами миниатюрный мяч, ни разу не попадая по моему коллекционному сервизу.

Олдридж вернулся в половину второго. Он сказал, что результаты будут известны лишь через пару дней и меня не мог не смутить этот ответ, хотя вид Роланда вроде бы и не выдавал беспокойства. После короткого заявления о том, что нам необходимо дождаться результатов, Роланд достаточно поспешно добавил, что ему необходимо провести какую-то деловую встречу, и ретировался за дверь нашего номера, оставив нам возбужденного

мальчика, три тысячи долларов и поручение развлечь его брата. Я так и не смогла уловить в непроницаемом выражении лица Роланда ни малейшего намека на успех или поражение, поэтому в итоге решила поверить ему на слово и терпеливо дожидаться результатов.

Прогуглив популярные развлечения в Оттаве, мы взяли деньги и отправились навстречу неизвестному городу. Мартин наотрез отказался от посещения скучных музеев, но посмотреть на скульптуру «Маман» рвался изо всех своих детских сил. Оказавшись под гигантской, десятиметровой, стальной скульптурой паука, я невольно вздрогнула, хотя на улице было двадцать три градуса по Цельсию и, чтобы не пострадать от яркого солнца, мне пришлось надеть солнцезащитные очки с одной из панам Сэм. Мартин резвился, цепляясь за ноги огромного чудовища, но его взвинченность не продлилась более десяти минут. В итоге нам стало невыносимо жарко, и мы решили двигаться дальше.

Вообще Оттава оказалась переполнена всевозможными музеями, парками и водопадами — в общем, всем тем, что так было интересно мне с Доротеей и чего сторонился Мартин. По настоянию мальчика, нам пришлось воспользоваться услугами *vip*-такси, чтобы попасть в городок Вендовер, расположенном в 25-ти минутах езды от Оттавы, чтобы оказаться в частном зоопарке «Папанак», о котором он недавно смотрел телепередачу по ВВС. Мальчик мотивировал нас тем, что не был в зоопарке уже больше года, но для меня это было слабым аргументом, так как, к моему стыду, Дин с Элис вообще ни разу в жизни не бывали в зоопарке. Самым незабываемым моментом в Папанаке для меня оказалась встреча с шикарным снежным барсом, которого прежде я видела всего пару раз, и-то исключительно по телевизору. Для Мартина же и Доротееи таким моментом стало кормление лемурув из рук.

После зоопарка нам удалось уговорить Мартина отправиться в парк Конфедерации, пообещав показать ему памятник ветеранам-аборигенам. Хмуро осмотрев скульптуру человека с медведем, волком и орлом, Мартин ясно дал понять, что он ожидал чего-то большего, чем обыденную прогулку по типичному городскому парку с мощеными дорожками. Ворчание мальчика безукоризненно загладила порция мороженого в лазурной крематке. Можно сказать, что именно благодаря холодному мороженому, прогулка превратилась в приятное действие для всех троих.

Выйдя из парка в начале девятого, мы прошлись по Лоренс-Фрейман-лэйн вокруг национального центра искусств и, на сей раз воспользовавшись обыкновенным такси, вернулись в Шато-Лорье. К моему удивлению, Роланд всё еще не вернулся, поэтому мы решили отправиться на поздний ужин втроем. Уже разрезая свежее филе-миньон, я словила себя на мысли о том, что в последнее время с завидной регулярностью заставляю себя не переедать. После ужина мы разошлись по номерам, я приняла прохладный душ и улеглась в постель, но мой сосед всё еще не возвращался.

Около полуночи я проснулась ради похода в туалет и снова обнаружила отсутствие Олдриджа. Уже сидя на унитазе, я нервно начала думать о том, не случилось ли с ним что-то ужасное, как вдруг послышался скрип входной двери. С облегчением выдохнув, я вышла из ванной комнаты и устала на покачивающуюся мужскую спину. Встав возле своей кровати, Роланд безрезультатно пытался расстегнуть свой ремень.

— Что с Вами? — испуганно спросила я.

— Я немного перебрал, — не оборачиваясь, ответил Олдридж, после чего запрокинул голову и сделал глубокий выдох, явно решив оставить несчастный ремень в покое и лечь в постель не снимая штанов.

— Вы что, напилась? Ведь завтра могут прийти результаты по поводу операции Мартина...

— Операции не будет, — в очередной раз гулко выдохнув, хмельным голосом произнес Олдридж, после чего его спина вдруг выпрямилась.

— Что это значит? — не поняв сути ответа, но уже заранее напрягшись, спросила я.

— Мартин неоперабелен, — заплетающимся языком ответил Роланд. — Один из лучших нейрохирургов в мире сегодня сказал, что готов провести операцию, после которой Мартин гарантированно станет овощем, но я не могу... Дать на это согласие.

В пространстве повисло молчание. Конец. Ничего нельзя изменить. Мартина скоро с нами не будет. Он исчезнет навсегда, оставив о себе лишь воспоминания из серии разбросанного лего.

— Но еще есть время, — нервно сглотнула я. — Оно не истекло... Я имею в виду...

— Вам больно? — неожиданно оборвал мой лепет Роланд.

— Безумно, — хрипло ответила я. — Но Вам больнее.

— Давайте спать. Поможете мне снять этот презренный ремень?

Я молча обошла парня и, встав напротив него, стараясь не заглядывать ему в глаза, начала дергать ремень, но он оказался с слишком неординарной застежкой.

— Как он снимается? — поинтересовалась я, после чего встретила с коронным, серьезным взглядом Олдриджа.

— По идее должен щелкнуть слева направо, — невозмутимо ответил он.

Следующие полминуты я безрезультатно дергала дорогуший ремень изо всех своих сил.

— Не стоит, — наконец не выдержал Роланд, после чего обошел меня и лег навзничь на свою постель.

— Вам нельзя засыпать в одежде, — констатировала я и принялась снимать с него ботинки. — Так, давайте я еще раз попробую снять с Вас эту штуковину.

— Я пьян, — серьезным тоном, словно предупреждая меня о какой-то неведомой мне опасности, заявил он.

— Ни дать ни взять, — спокойно отозвалась я, всё еще старательно пытаюсь понять систему ремня, красующегося на поясе лежащего Олдриджа.

— Это опасно.

— Что? — всецело сосредоточившись на защелке, отстраненно решила уточнить я.

— Подтянутое декольте Вашего короткого пеньюара над моим мужским достоинством.

— Над Вашим всё еще замкнутым мужским достоинством, — с едва уловимым

сарказмом заметила я.

— Которое Вы так отчаянно пытаетесь отомкнуть. Не советую. У меня не было секса уже три месяца, а это слишком долго для моего организма.

— Тоже мне достижение, — всё ещё ковыряясь с ремнем, буркнула я.

— Конечно, на фоне вашей девственности это не достижение.

— Откуда Вы знаете? — остолбенела от услышанного я.

— У девственниц форма груди отличается.

— Правда? — уставилась на свои откровенно открытые буфера я.

— Нет, — улыбнулся Олдридж. — На самом деле Вы мне рассказали.

— Я?!

— Когда Вы с Риком напивались — это я укладывал Вас в постель и снимал с Вас обувь, как Вы сейчас с меня, а не Джонатан. В тот вечер вы что-то пробурчали мне про свою невинность.

Неожиданно я почувствовала, как краска подступает к моему лицу.

— Есть еще что-то, о чем я не помню?

— Точно ничего предосудительного, за исключением того, что Вы сразу же отключились и начали сопеть, словно вскипяченный чайник.

После услышанного я со злостью начала долбить ремень Олдриджа, совершенно не понимая, на что именно я злюсь.

— Глория... Глория... Прекратите, — начал отталкивать мои руки от своего пояса Олдридж. — Еще минута и Вас не спасет даже застегнутый ремень. Отправляйтесь спать.

Судя по тону Роланда, мне действительно стоило его послушаться — всё-таки, я не знала, на что он способен в опьяненном состоянии. Еще раз встретившись с его убедительно-красноречивым взглядом, я уверенным шагом отправилась в свою постель, всё еще злясь на что-то мне неведомое.

Первые пятнадцать минут я отходила от перевозбуждения, думая о последних словах пьяного Олдриджа, но потом на меня нахлынуло цунами из отчаяния и боли. Представьте любого знакомого Вам ребенка, пусть он будет не Вашим родственником, но обязательно знакомым. Представили? А теперь представьте, что в любую секунду он может умереть, но не Вы, не весь мир — никто ничего не может это изменить. Представьте, что этот маленький ребенок никогда не станет взрослым, никогда не закончит школу, никогда не сядет за руль автомобиля, никогда не влюбится, никогда не купит себе дом. *Он есть здесь и сейчас, и больше нигде, и никогда.* Сейчас он улыбнется и сейчас угаснет, сейчас он скажет «тупица» и замолчит навечно, сейчас Вы его видите, а он не увидит Вас через секунду, сейчас он попросит Вас купить ему вожаделенное мороженое, а через мгновение это мороженое станет никому не нужным. Вас перестанут называть тупицей, разливать чистящие средства в ванной и перекрашивать Вашу дешевую одежду в нереальные цвета дорогих карандашей. Этот ребенок даже не подозревает о том, что его скоро не станет, а Вы обречены знать о его смерти заранее и остаться жить после него. Куда Вы денете воспоминания о нём? Куда Вы денете его рисунки?

Роланд полночи ворочался, дыша тяжелым дыханием пьяного мужчины. Я же проплакала полночи, сумев заснуть лишь под утро.

Проснувшись в десять часов и не обнаружив Олдриджа в комнате, я с облегчением выдохнула. Наверняка все отправились на завтрак и последующую прогулку по городу, решив предоставить мне возможность отоспаться. Зайдя в ванную и посмотрев в зеркало, я увидела в нём неизвестное мне существо, подозрительно напоминающее крота Диггера из мультфильма «Спасатели», которого странной любовью полюбили мои племянники. Мои заплаканные глаза были красные и слипались как у настоящего подземного жителя, ни разу в жизни не видящего дневного света. Я сполоснула лицо прохладной водой и насухо протерла веки, но это почти помогло. В итоге мне пришлось слегка накрасить глаза водостойкими тушью и черным карандашом, но даже это не скрыло моего состояния. Однако, не смотря на подавленное состояние, в моем желудке предательски заурчало, поэтому я натянула джинсовые леггинсы под свободную, белую майку и отправилась в столовую.

Оказавшись напротив шведского стола, я вдруг поняла, что кроме блинов с кленовым сиропом и свежевыжатого апельсинового сока в меня определенно ничего больше не влезет. Сев за свободный стол, я устала на пустующее напротив меня место и перестала «быть». Я просто отсекала своё существование от реальности, в которой повсеместно умирают маленькие дети.

Не знаю, как долго я просидела в подобном состоянии, как вдруг напротив меня кто-то сел. Слово вынырнув из другого измерения, я быстро заморгала своими, болящими от выплаканных этой ночью слез, глазами. За столом, словно ниоткуда, возникли мои спутники. Мартин сел слева от меня, Доротея напротив, Роланд же возле Доротеи и напротив Мартина.

— Я так и знал, что ты еще и глухая, — раздался знакомый мальчишеский смешок слева от меня. — Мы тебя раз сто окликнули, а ты ни разу не отреагировала.

— Я думала, что Вы ушли на прогулку, — продолжала хлопать тяжелыми веками я.

— Без тебя? Попробуй только от тебя отвяжись, — сдвинул брови мальчишка, — ты ведь, как истинная девчонка, сразу распускаешь сопли чуть что...

— Мартин, — предупреждающе оборвал брата Роланд.

— Прости, — сразу же попытался реабилитироваться Мартин. — Мы были в моём номере и ждали, пока Доротея соберется. Когда мы пришли тебя будить, твоя постель оказалась пуста. Я сразу догадался, что ты ушла есть. Знаю я твою слабость к плотным завтракам...

Мартин еще продолжал что-то говорить, когда я встретилась взглядом с Роландом и, по его округленным глазам, поняла, что моё лицо в данную секунду чересчур красноречиво. Мне нужно было воспользоваться максимумом косметики, чтобы сейчас не выглядеть тряпкой! Однако Доротея тоже имела весьма подавленный вид. Наверное, Роланд рассказал ей о приговоре сегодня утром, поэтому ему с Мартином и пришлось так долго ожидать, пока женщина соберется на завтрак.

Мы молча принялись за пережевывание пищи, пока Мартин рассказывал об аквапарке «Калипсо», в который он намеревался сегодня попасть во что бы то ни стало. Я знала, что

время пребывания Мартина рядом с нами пошло на секунды, но также осознавала, что сегодня из номера мне лучше не выходить, чтобы случайно не заработать самый настоящий, нервный срыв. Так всегда — *взрослые думают только о своем благополучии и собственном душевном спокойствии, зачастую забывая о потребностях и желаниях даже безнадежно больных детей.*

После завтрака я, под предлогом отсутствия купальника, без проблем отстранила свою кандидатуру от похода в аквапарк. Зайдя в номер, я распахнула окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух, и белоснежные, газовые шторы сразу же начали обвивать мою фигуру. Спустя минуту, я откинулась на кровать и закрыла болящие глаза, как вдруг в номер зашел Роланд. Я начала молча наблюдать за ним. Он взял свой планшет и, к моему удивлению, сел на свою кровать лицом ко мне.

— Вы разве не собирались в «Калипсо»? — наконец спросила я.

— Я тоже останусь в отеле. Мартин отправится в аквапарк с Доротеей и двумя гидами.

— Что Вы делаете?

— Ищу ближайшие билеты до Виргинских островов. Мы можем отсиживаться в номере сутками, пока Доротея взваливает на себя наши обязанности, но это будет эгоистично и несправедливо по отношению к Мартину. Нужно организовать ему... Гхм... Незабываемые впечатления.

Примерно через час Роланд организовал всё и даже больше, чем можно было придумать. Когда я краем уха услышала стоимость недельного пребывания в пятизвездочном отеле на островах, по моей коже интуитивно пробежала дрожь.

— Я не поеду, — вдруг заявила я, когда Роланд положил трубку своего телефона. — За меня приходится дополнительно переплачивать. Лучше я отправлюсь назад в Британию.

— Вот они — последствия невнимательности, — набирая новый номер телефона, спокойно хмыкнул Олдридж.

— Вы о чём?

— Вы не прочли контракт, который подписали на время поездки. В нем говорится, что в течение месяца Вы обязаны следовать за своим нанимателем куда бы он не отправился, пусть даже на Северный полюс тискать пингвинов.

Я заулыбалась и почувствовала, что мне стало на одну сотую процента легче. Если такова судьба мальчика и максимум, что я могу сделать для него — это быть рядом, значит я буду с ним рядом до... До конца.

Проникающее в окно солнце залило моё тело, и я начала впадать в дрему, глядя на газовую штору, трепетно развивающуюся над моей постелью. В итоге я на три часа уснула мягким, тёплым сном. Проснувшись в начале четвертого, я обнаружила Роланда сидящим за своим ноутбуком. Эта вещь определенно облегчала ему жизнь. Благодаря ей, всего лишь в пару кликов по клавиатуре, он мог решать даже самые мелкие для своей компании вопросы.

Меня определенно разморило, и я решила принять прохладный душ. Как только я вышла из ванной, Роланд сообщил мне, что на Виргинские острова мы вылетаем уже сегодня в девять часов вечера. Слушая его, я села на свою кровать в позу лотоса и начала просушивать волосы влажным полотенцем. Достав свой потрескавшийся телефон, я подумала о том, что было бы неплохо связаться с домом, тем более в Лондоне сейчас была половина девятого — время, когда все домашние уже закончили завтракать и начинали собираться по своим делам. Открыв популярный мессенджер, я маякнула стикером Тэмми и между нами сразу же

завязалась переписка:

— Привет! Как там дела в Швейцарии?

— Мы уже в Канаде.

— В Канаде? Это значит, что со Швейцарией не вышло?

— Да.

— Надеюсь, в Канаде всё положительно разрешится. Не вешай нос.

— Конечно, — ответила я, решив скрыть факт тотального поражения. — Как дела дома?

— Мама до сих пор негодует по поводу твоего непослушания. Бабушка склоняется в сторону поддержки мамы, дедушка склоняется в сторону поддержки бабушки... Я и папа каждый день ходим на биржу труда. Мне предложили вакансию уборщицы в ночном клубе, но я отказалась... Папе же вообще ничего не могут найти. Эмилия почти все ночи проводит у Эммета, так что я снова перебралась в нашу спальню. А как вы там проводите время?

Тэмми ни слова не сказала о Рике, и я решила не расспрашивать её через переписку. Приеду — устрою ей допрос с пристрастием. Два допроса — второй будет подготовлен специально для Рика.

— Мистер Олдридж, — окликнула я Роланда, сидящего напротив моей кровати на кресле, и тот оторвал свой сосредоточенный взгляд от ноутбука в сторону моего объектива. — Спасибо, — улыбаясь, довольно поблагодарила я, сделав на свой мобильный фотоснимок без разрешения хозяина физиономии.

— Что Вы делаете?

— Отсылаю сестре фотоотчет о нашей невеселой поездке, — хмыкнула я, попытавшись улыбнуться.

Доротея с Мартином вернулись в семь часов вечера, совершенно счастливые и абсолютно замученные. Уставший Мартин пытался передать все краски чувств, которые он испытал съезжая с разнообразных водных горок и досадовал на то, что Доротея не отпустила его на самые высокие. Плотнo поужинав, мы отправились в аэропорт и уже в девять ноль пять взлетели над Оттавой. Изнуренные дневными подвигами Доротея и Мартин, сидящие напротив нас, почти сразу впали в сон. Мартин сидел всего в шаге напротив меня, и я попросту не могла на него не смотреть. Хрупкая, детская шея держала опущенную на грудь, светлую головку мальчика и, казалось, будто во время сна всё его детское тельце вдруг стало совершенно беззащитным. Боковым зрением я посмотрела на сидящего рядом Роланда. Он откинул голову на кожаное сиденье, закрыл глаза, но было видно, что он не спит. Снова переведя взгляд на сопящего Мартина, тяжелое дыхание которого могло оборваться в любую секунду, я посмотрела в иллюминатор и незаметно протерла правый глаз. *Какие же взрослые малодушные. Они замечают существование ребенка лишь тогда, когда это существование стоит под угрозой.* Я никогда не была для Мартина хорошей няней, иногда он даже меня презирал. Все его безумные выходки — вовсе не результат перекипания детской злости, а самая настоящая попытка привлечь к себе моё внимание — *он каждую секунду своего присутствия в моей жизни заставлял меня думать только о нем.* Но почему я смогла заметить это только сейчас? Есть ли у меня еще время исправить ошибки своей слепоты?

У меня окончательно сбились внутренние часы. Разрыв часового пояса между Оттавой и островами составлял час, так что в наши номера мы заселились глубокой ночью. При входе в отель на наши шеи упали гирлянды из свежих экзотических цветов, после чего нас отвели в заранее забронированные апартаменты в виде отдельных домиков (благо был не туристический сезон, так что из восемнадцати номеров было занято всего пять, включая два наших). На сей раз проблем со стороны Мартина по поводу заселения не возникло, так что мы быстро разошлись по своим номерам, но и здесь не обошлось без заминок. Моего чемодана не оказалось на месте. Следующий час Роланд разбирался с моим багажом, который, по непонятным причинам, считался утерянным. В итоге я так сильно расстроилась, что впала в нервную икоту.

— Выпейте воды, — предложил Олдридж, протягивая мне целый графин, так как стакана под рукой не оказалось. — Ничего страшного в утере багажа нет.

— Для Вас нет, — снова икнув, ответила я и сделала глоток из графина, чувствуя себя в эту секунду совершенно нелепо. — У меня там все мои вещи.

— Всё равно у Вас не было купальника, и завтра нам по-любому пришлось бы с этим что-то делать. Вместе с купальником приобретем Вам и остальную одежду. Я всё оплачу.

— Нет, — ответила я в графин, отчего мой протест отразился странным эхом. — Вы выплатите мне за последние несколько суток, и я обновлю гардероб за свой счет.

— Почему мне всё время приходится объяснять Вам пункты заключенного между нами контракта? Сегодня же перед сном прочтите договор, который удосужились подписать. В нем говорится, что наниматель, то есть я, оплачивает все расходы и убытки своего сотрудника, то есть Вас.

Этой ночью я быстро заснула и также быстро проснулась. Еще не встав с постели, я начала оценивать место, в котором нахожусь. Пастельные тона изящного интерьера, выполненного в традиционном карибском стиле, могут навсегда заморозить среднестатистического британца, который в жизни ничего кроме офиса и своего дома не видел.

Доротея тихо спала в своей постели, хотя в самом начале ночи и срывалась на эксцентричный храп. Аккуратно соскользнув с кровати, я вышла на террасу и с наслаждением потянулась, окинув взглядом фэнтезийный мир, раскинувшийся вокруг меня. Солнце только начинало всходить, но уже было достаточно светло, чтобы рассмотреть крутые холмы, поросшие густой, тропической зеленью, и насладиться бирюзовым цветом океанической воды. Отойдя от края небольшого бассейна из плитки цвета молока, находящегося на самом краю террасы, за ограждением которой сразу же следовал обрыв, я начала кружиться, раскинув в разные стороны руки над головой. Так кружатся только самые счастливые или самые потерянные люди в мире. Я же просто пыталась наслаждаться этим местом сквозь плотную призму боли, засевавшую где-то у меня в грудной клетке.

Очертив пять кругов вокруг своей оси, я остановилась из-за того, что заметила, что терраса принадлежит не мне одной, она соединяла два домика — наш с Доротеей и братьев Олдриджей. Через панорамное окно соседнего номера даже можно было увидеть Роланда, спящего на кровати возле выхода на террасу. Втянув голову в плечи и встав на цыпочки, я легким, неслышным шагом ретировалась в свой домик, в надежде на то, что не успела

привлечь к себе ничьего внимания. Следующие полтора часа я лежала в постели, дожидаясь пробуждения остальных.

* * *

Утро оказалось более чем просто добрым — мы сидели на террасе под чужеземным солнышком и наслаждались неизвестными деликатесами. Так как мой чемодан был до сих пор утерян (я всё еще надеялась, что это не навсегда), мне пришлось всё утро провести в белоснежном халате с лейблом отеля. В обед, для похода в ближайший мини-бутик, мне пришлось облачиться в широкую блузку Доротеи, которая была достаточно длинной, чтобы казаться на мне безвкусным платьем. Как бы удивительно это не было, но за необходимыми тряпками я отправилась именно с Мартином. Мальчишка так радовался тому, что может, как самый настоящий мужчина, оплатить мои расходы, как самой настоящей женщины, что совершенно не обращал внимания на то, что, по факту, мы оба еще были детьми. В итоге он заставил меня приобрести помимо необходимых маек, шорт и сандалий несколько совершенно ненужных мне парео, пляжных шляп и прочих незначительных мелочей. Впрочем, не смотря на три десятка пакетов с всевозможными женскими одеяниями, у нас еще оставалось двадцать процентов от выделенной нам суммы.

Когда мы вернулись в номер, Доротея и Роланд уже находились на пляже, и мы поспешили к ним присоединиться. Я надела роскошный, отдельный, черный купальник, обрамленный широкими, белыми полосами вдоль краев, выгодно подчеркивающий небольшим пуш-апом мою и без того красивую грудь. Из-за боязни плавать у меня еще никогда не было купальника — я в нем попросту не нуждалась (купальник пятилетней Глории Пейдж не в счет). Поэтому сейчас, стоя перед зеркалом практически голой, с огромной пляжной шляпой на голове, я чувствовала себя едва ли не королевой красоты. Голой. Голой королевой красоты. Я никак не могла смириться с тем, что мне придется расхаживать перед всеми в одних трусах и лифчике, пусть даже они будут самыми шикарными на планете Земля.

— Что ты делаешь? — поинтересовался вошедший в мой номер Мартин.

— Надеваю парео, — невозмутимо ответила я, смотрясь в зеркало.

— Ты еще хиджаб напяль на пляж, — возмутился мальчик и вырвал из моих рук полупрозрачную ткань. — Мы идем на пляж — там загорать надо. Хватит возиться, а-то так весь день буду ждать, пока ты соберешься.

* * *

— Солнце здесь светит совсем по-другому, — уже идя в сторону пляжа, заметила я, поправляя роскошную, огромную шляпу на голове.

— Потому что это совсем другое солнце, тупица. Я с родителями часто ездил позагорать на пляжах, пока они не улетели на небеса, — мальчик так спокойно называл меня тупицей и одновременно говорил о гибели своих родителей, что я не выдержала перед соблазном спросить.

— Ты по ним скучаешь?

— Очень, — почему-то весело ответил Мартин, после чего спокойно добавил. — Но я знаю, что скоро их увижу.

— Это как? — моё сердце ушло в пятки. Неужели он что-то узнал?!

— Не знаю. Наверное, они прилетят обратно и увидят, как сильно мы с Роландом подружились.

— А Вы раньше не дружили? — с облегчением выдохнула я.

— Я знал, что у меня есть старший брат, но папа не хотел нас знакомить из-за того, что мама думала, будто папа может полюбить Роланда больше, чем меня. А потом родители улетели и Роланд забрал меня к себе — мы так и познакомились.

Я и прежде знала, что Мартин до сих пор не знаком с понятием смерти, но сейчас, когда он буквально носил её в своей голове, от этого у меня в душе всё словно переворачивалось. Почему она выбрала того, кто о ней толком ничего не знает? Хотя... Едва ли кто-то на земле знает о ней больше, чем Мартин... *У нас у всех слишком примитивные понятия о существовании после смерти.*

Мы подошли к Доротее, которая сидела на шезлонге под огромным зонтом и наблюдала за Олдриджем, вдалеке занимающимся виндсерфингом на бирюзовых волнах. Он был минимум в пятистах метрах от пляжа и казался настолько маленьким, что был даже смешон. Зрелище оказалось настолько забавным, что я последовала примеру Доротей и села рядом с ней на соседний шезлонг, чтобы наблюдать за смешным пятном под маркой «Роланд Олдридж». Мартин же сразу занялся постройкой песочного замка, но уже через пять минут окончательно исчерпал себя в инженерном деле.

— Хочу в воду, — решительно заявил мальчик.

Мы с Доротеей переглянулись, мысленно спросив друг у друга, кто же пойдет страховать мальчишку.

— У меня от перелетов ноги распухли, — извиняющимся тоном призналась Доротей, и я посмотрела на её ноги, и вправду словно накаченные гелием.

— Без проблем, — пожалала плечами я, и Мартин сразу же вскочил на ноги. — Только не нырять и глубоко не заходить.

— Ну вот еще! — возмутился мальчик. — Смысл тогда вообще идти в воду?

— Дождись Роланда — он тебя подстрахует, — положив шляпу на шезлонг, ответила я.

— Вообще-то брат платит тебе как раз за то, чтобы этим занималась именно ты, а не он. Почему Роланд должен выполнять твои обязанности? — возмущенно спросил Мартин, когда мы подошли почти вплотную к воде.

— Потому что я не умею плавать, — зайдя только по колено в воду, призналась я. — Так что если ты хоть раз нырнешь, мы сразу же выйдем из воды.

— Такая взрослая и не умеешь плавать? — удивился мальчик, явно словивший интригу сего заявления.

— Надеюсь, что ты меня поймешь и не будешь делать глупостей, — ответила я, скрестив руки на груди, пройдя чуть дальше и уже зайдя в воду чуть выше пояса.

— А знаешь, как я научился плавать? — Заулыбался мальчик. — Папа держал меня за руки и говорил, что не отпустит, а потом вдруг резко взял и отпустил. Тебе просто тоже нужно резко упасть в воду, и ты сразу же научишься плавать.

— Не лучшая идея, — не согласилась я, прикрыв глаза от солнца.

Я зашла в воду по самую грудь, но Мартин не торопился заходить в воду выше пояса. С полминуты он стоял напротив меня, явно обдумывая какую-то детскую идею, после чего

неожиданно нырнул. От страха перед тем, что я упустила мальчика из вида, моё сердце вдруг заколотилось с бешеной скоростью, как вдруг неожиданно меня кто-то потянул за ноги, и я врезалась затылком в водную гладь. Я сразу же поняла, что меня подкосил Мартин и что он уже вынырнул, оставив меня под водой. От накатившей на меня паники, все мои мышцы словно вытянулись и моё тело словно сковало. Я не могла пошевелить ни одной своей конечностью, чтобы хоть как-то бороться со стихией, отчего интуитивно начала отсчет. Один, два, три, десять, двадцать... Я чувствовала, что моё тело относит быстрым потоком всё дальше от берега, но совершенно ничего не могла с этим поделать, с ужасом ожидая, пока Мартин снова нырнет, чтобы, наконец, вытащить меня из-под давящей толщи воды. На тридцатой секунде он, наконец нырнул, но когда его кончики пальцев скользнули по моим стопам и он снова поспешил на поверхность, я вдруг поняла, что ни его силы, ни его легких попросту не хватит на то, чтобы меня вытащить. Когда мальчик скрылся из поля моего зрения, я закричала от ужаса и это была моя фатальная ошибка. В мои легкие через нос и рот хлынули потоки воды, вытесняя остатки сохранившегося у меня кислорода. Я поняла, что теряю сознание, когда уже без конвульсий опустилась на дно. В этот момент прямо передо мной появилось что-то очень крупное, рассекающее своей мощью потоки воды вокруг моего тела, и, схватив меня за руку, оно начало меня куда-то тащить. Секундный страх перед тем, что моё тело забирает себе морское чудовище — и больше я ничего не чувствовала, кроме тишины и темноты.

— Я просто хотел научить её плавать, — звоном в моих клокочущих ушах раздался хлюпающий голос Мартина, на фоне белого шума, излучаемого океаном. Я выплюнула минимум пол-литра жидкости из легких, но всё еще словно находилась в другом измерении. На мою грудь вновь беспощадно начало давить что-то горячее, и я уже хотела закричать от боли, но вместо крика из моего рта снова бурным фонтаном брызнула жидкость. Запрокинув голову, я неожиданно не смогла сделать вдох носом и спустя секунду почувствовала, как в мой рот словно вдувают кислород из мощного насоса. После этого мои многострадальные легкие снова начали отплевываться.

— Она открыла глаза! — заверещал Мартин, и я поняла, что моя голова лежит у его ног.

— Как Вы могли отпустить её с Мартином, зная его отношение к Глории?! — разъяренно поинтересовался мужской голос, принадлежавший огромной, расплывающейся перед глазами, фигуре.

— Я не знала, что Глория не умеет плавать, — дрожащим звоном послышался ответ Доротеи.

— Честно, Роланд, Доротея не знала... Глория сказала мне об этом, когда мы вошли в воду, — обеспокоенно затараторил Мартин, и только сейчас я поняла, что разъяренный мужской голос принадлежал Олдриджу. Наверняка я не узнала его лишь потому, что прежде не слышала, как Роланд кричит. Было ясно, что он вне себя от ярости, но он не срывал злости на Мартине, который является очевидным виновником ЧП. Мой внутренний голос обрадовался тому, что Роланду хватило ума не кричать на брата, который и без того наверняка был в шоке от произошедшего.

Постепенно осознав суть произошедшего, я без единого сомнения пришла к выводу о том, что теперь Роланд наверняка уволит нерадивых нянек, которые только и делают, что страдают от распухших ног, теряют багаж, тонут и никак не могут поладить с ребенком.

От боли в дыхательных путях и легких мне захотелось плакать, но вместо этого из моего рта начала вытекать очередная струйка воды, от которой я вдруг закашлялась. Олдридж снова слегка надавил на мою грудную клетку, после чего резко перевернул моё обездвиженное тело на левый бок и, уверенными постукиваниями по спине, начал заставлять меня выплевывать остатки жидкости. Я чувствовала себя так, будто меня не спасали, а наоборот — подвергали пыткам перед смертью. Глаза слепило слишком ярким солнцем, гортань сжимало в спазмах и щемило от боли, каждый вдох и выдох словно прорезал себе путь острым ножом через дыхательные пути прямо в легкие и обратно. Отплевывая остатки воды под монотонные удары между лопаток, я сжала в правом кулаке сырой песок и захотела снова отключиться, но с такими резами во внутренних органах бессознательность мне точно не светила.

После заключительного плевка водой, я еще с минуту смотрела сощуренными глазами на белоснежный песок, после чего меня больно подкинули вверх. В одну секунду солнце буквально врезалось своими колкими лучами в моё лицо, и я закрыла ладонями глаза, всерьез опасаясь ослепнуть. Только после этого я поняла, что меня, в позе эмбриона, куда-то переносят. Осознание собственной ничтожности накрыло меня с головой, и я начала плакать, вот только слёзы отказывались катиться из болящих глаз, поэтому из моей груди вырывались лишь короткие всхлипы. В результате я лишь содрогалась всем своим телом от

сухого рыдания и боли в легких.

— Тихо-тихо, всё в порядке, — послышался где-то над моей головой голос Роланда, отчего мне еще сильнее захотелось плакать, так как я совсем не чувствовала себя в порядке.

Примерно через пять минут меня опустили на что-то мягкое. Отдернув ладони от лица и осмотревшись, я поняла, что оказалась на шезлонге и Олдридж внимательно смотрит мне в глаза с максимально близкого расстояния, словно пытаюсь проверить мои зрачки. Эта неловкая для меня сцена продлилась буквально несколько секунд, после чего Роланд тяжело выдохнул и куда-то поспешно ушел. В секунду, когда он отстранился от моего лица, передо мной сразу же возникли фигуры обеспокоенных Доротей и Мартина.

— Чего ты плачешь? — обратилась я к Мартину настолько сиплым голосом, что самой стало страшно.

— Я чуть... Не... Утопил тебя, — рывками ответил Мартин, потирая свои покрасневшие глаза.

— Только не плачь, — явно не своим голосом попросила я. — Иначе твой брат меня прикончит.

— Прикончит? — вдруг сквозь слёзы улыбнулся Мартин, явно радуясь подобному варианту развития событий, после чего подошел ко мне вплотную, продолжая раззадоривать свою улыбку. — Выходит, он спас тебя лишь потому, что хочет собственноручно прикончить? Ты бы видела, как он вытаскивал твоё обездвиженное тело из поглощающей тебя пучины, а потом вдруг начал тебя целовать, называя свои поцелуи «вентиляцией легких», и трогать твою грудь, называя это «непрямым массажем сердца». Я расплакался только от того, что брату из-за меня пришлось испытывать подобные муки.

— Ты безнадежен, — улыбнулась я и сразу же скривилась то ли от резкой боли в горле, то ли от очередного осознания собственной ничтожности. Я могла только надеяться на то, что Роланд не заработает нервный тик от того, что ему пришлось дотрагиваться до моей груди и прикасаться своими губами... Фу-у-ух... Я наверняка выглядела отвратительно! Лучше бы я не знала, как Олдриджу пришлось ради тупицы-няньки принести себя в жертву! Я вдруг почувствовала себя ужасно опозоренной...

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно поинтересовалась у меня Доротея.

— Нормально, — только и смогла прохрипеть в ответ я.

— По-моему, нас уволят, — наклонившись ко мне ближе, чтобы Мартин не расслышал её слов, серьезным тоном заключила Доротея.

— По-моему тоже, — нервно согласилась я, вдруг почувствовав, что мне страшно холодно в тени.

Через пару минут перед нами появился Роланд с молодой женщиной в белом халате, которая приказала перенести меня в номер. Несмотря на меня, Олдридж ловко подхватил моё тело и отправился с ним в сторону отеля, пока я от стыда испарялась в его руках.

Уже спустя несколько минут мы оказались в нашем с Доротеей номере. Меня усадили на кресло из ротанга с мягкой обивкой, после чего приступили к пыткам. Всё началось с подкожного введения раствора кофеина, который должен был стимулировать мой дыхательный центр и быстро нормализовать уровень артериального давления. Затем последовала оксигенотерапия, суть которой заключалась в вдыхании смеси кислорода с воздухом с помощью портативного кислородного аппарата. Закончилось же всё дегидратацией — выведением лишней жидкости из организма, для уменьшения увеличенного объема циркулирующей крови, при помощи введения большой дозы

сильнодействующего мочегонного средства.

В итоге я на час закрылась в уборной. В течение этого часа я всё-таки смогла слезть с унитаза, принять пятиминутный душ, снова посидеть на унитазе, переодеться в чистый купальник и обмотаться прозрачным, молочным парео. Когда я вышла из уборной, я застала в своём номере только Роланда. Нервно сглотнув, я поняла, что сейчас меня рассчитают, но сильная жажда не позволила мне сосредоточиться на предстоящем разговоре и я, покачивающимся шагом, подошла к журнальному столику, на котором стоял хрустальный графин с водой. Если бы не присутствие Олдриджа, я бы не затрачивала энергию на переливание воды из сосуда в сосуд и сразу бы залила её в горло, из-за жгучей жажды смочить наждак, в который превратился мой язык. Но Олдридж был здесь, так что правила приличия пришлось соблюдать. Взяв с жестяного подноса стакан, я сразу поняла, что мои руки достаточно сильно трясутся, а моё тело покачивается, словно всё ещё пытаюсь вторить тяжелым волнам. Сев на плетёный стул и зажмурил глаза, белки которых порозовели от давления, я, наконец выпила заветный, первый стакан. Олдридж молча поднес графин к опорожненному и сжатому в моей руке стакану, желая налить мне ещё воды, но моя рука так сильно дрожала, что в итоге он молча отобрал у меня стакан и вернул мне его уже полным. Такого сильного обезвоживания я ещё никогда не испытывала, даже после попойки с Риком.

Допив очередной стакан воды, я выпила предложенную Олдрижем шипучку, которая должна была восстановить мой водно-солевой баланс, и снова отправилась в туалет своим покачивающимся шагом, от которого меня в итоге замутило и стошнило. Только заново выпив шипучку и аккуратно опустившись всем телом на мягкую постель, я смогла собрать все разбросанные по уголкам сознания слова и превратить их в мысли.

— Я уволена? — шепотом поинтересовалась я, не желая, чтобы Олдридж услышал мой хрипящий голос, больше похожий на звучание наждака в действии.

— Вы почти успешно уволились около часа назад, — серьёзным тоном ответил Роланд, после чего сел на край кровати слева от меня.

— Почему «почти успешно»? — всё-таки сорвалась на скрежет голосовых связок я.

— Потому что Вы не утонули, что значит, что Вы до сих пор работаете на меня. Почему Вы до сих пор не прочли контракт, подписанный Вами на время нашей поездки? Там сказано, что если Вы погибните во время путешествия, Вы останетесь у меня в вечном служении.

— Ужасная участь, — слабо и одновременно криво улыбнулась я.

— Должен ведь я оправдывать звание тирана, которым наградил меня Ваш отец, — взаимно кривовато улыбнулся Олдридж, после чего притронулся тыльной стороной ладони к моему лбу. — Вы замерзаете. Лучше будет накрыть Вас одеялом и выключить этот дурацкий кондиционер.

Наверняка он до сих пор пребывал в шоке от произошедшего и лишь поэтому ещё не спустил на меня своих цепных псов, как сделал это на пляже с Доротеей. Когда же он, наконец, поймет, что мне больше ничего не грозит — он наверняка вколотит меня в стену.

Как только одеяло из-под меня было успешно вытащено и плотной пеленой опущено на моё резко ослабевшее тело, я моментально провалилась в тяжелый, но глубокий сон.

Мы провели на Виргинских островах немногим больше недели, прежде чем вернуться на туманный Альбион. За это время произошло две совершенно невероятные вещи: я перешла на дружеские отношения с Мартином и научилась плавать. По сути, Мартин изменил своё отношение ко мне после незапланированно-неудачной попытки убить меня посредством утопления, но по-настоящему мы сдружились лишь после того, как я вскользь упомянула о своем желании когда-нибудь научиться плавать, после чего Мартин стал моим официальным репетитором по плаванию. Каждое утро мы встречались на террасе у бассейна и начинали разминаться перед вхождением в воду. Сам факт серьезности возложенной ответственности на Мартина, как на маленького мужчину, делал его сосредоточеннее и ответственнее, чем иногда напоминал своего собранного, старшего брата, которому он пытался подражать во всем (вот только никак не мог перенять у Роланда пресловутую ему собранность). После недельных занятий я всё-таки научилась плавать, но настолько плохо, что могла осилить не больше десяти ярдов, прежде чем начинала уходить на дно.

За день до отлета я с Мартином вышла на вечернюю прогулку по берегу и наткнулись на гигантскую ридлею^[35] длина которой составляла не менее двадцати семи дюймов, и вес которой определенно варьировался от девяноста до ста фунтов. Обрадовавшись подобной находке, мы наблюдали за тем, как оливковая черепаха медленно, но верно добирается до нежных волн, которые с тихим шепотом подступали к берегу, чтобы вылизать его своей пеной.

— Никогда раньше не видел таких больших черепах! — восхитился Мартин.

— Ей, наверное, больше ста лет.

— Больше ста?!

— Я где-то читала, что черепахи могут прожить около трехсот лет, вот только из-за различных факторов они обычно не доживают до столь преклонного возраста.

— Круто! Я бы тоже хотел прожить так долго. Жалко, что человеку тоже мешают различные факторы. Например, старость...

Я нервно отвернулась от мальчика, желающего себе долгой жизни и даже не подозревающего о том, что фактором, который в скором времени отнимет у него дыхание, будет являться не старость, а злосчастный механизм, помещенный злым гением в его крохотную, черепную коробочку. Отшатнувшись от черепахи, я уставилась на затылок Мартина, под выгоревшими волосами которого скрывалась аневризма. Мне хотелось протянуть руку к его голове и вытащить злосчастную нить смерти, но я смогла лишь запустить пальцы в отросшие, густые волосы мальчика, напоминавшие пучок свежего сена. Кажется, я нервно выдохнула через подступившие к глазам слёзы. *Страшнее смерти только бессилие. Бессилие, пожалуй, самая страшная вещь на земле.*

* * *

Мы оказались в аэропорту Хитроу в воскресенье, в шесть часов утра по местному времени, и уже в начале девятого Роланд высадил меня у родительского дома, с пожеланием увидеть меня завтра на рабочем месте в положенное время.

Я открыла вход собственным ключом и, поставив чемодан возле трельяжа, тихонько закрыла за собой дверь, надеясь не разбудить обитателей дома, которые по воскресеньям не отличались особой любовью к ранним подъемам. Только повторно обернувшись, я увидела папу, в его сине-белой пижаме и темно-зеленом халате, с кружкой дымящегося какао в руках. Он заговорчески прошел ко мне по коридору, приложив указательный палец к губам, после чего крепко обнял меня.

— Мама всё еще не в восторге от твоего решения, — шепотом сообщил мне отец. — Будет устраивать тебе бойкот, а бабушка займется поучительно-наставительными речами. Сама понимаешь, чтобы избежать твоей участи, мне с дедушкой придется молчать в тряпочку и немо соглашаться с женщинами. Этих прекрасно-опасных существ слишком много в нашем доме. Всего на двух мужчин и несмышленьша Дина приходится целых шесть тёток. Попомни моё слово, матриархат ни к чему хорошему в нашем доме не приведет.

Я заулыбалась, смотря в глубокие голубые глаза отца, который снова показался мне слишком молодым для своего возраста, и он улыбнулся мне в ответ.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, — отстранился папа, отхлебнув горячий напиток из своей любимой кружки. — Ммм!.. Да ты похорошела. Сразу видно, что вернулась из страны Оз.

Как только он сделал данное заключение, на лестнице послышались шаги и отец откровенно шархнул, наверняка опасаясь редкого, но меткого гнева мамы. К великому облегчению папы, шаги принадлежали сонной Тэмми. По-видимому, в нашей семье, при моём появлении на горизонте, соблюдался режим чрезвычайного положения, так как Тэмми, по примеру нашего мудрого отца, неоднократно побитого жизнью и мамой, решила порадоваться моей персоне как можно тише — издать тихий писк радости и заключить меня в свои относительно-крепкие объятия.

— Невероятная трансформация! — заявила проснувшаяся Сэм, пока Тэмми стягивала с себя пижаму. Я стояла посреди их комнаты и почесывала затылок. — Ты отъезла формы настоящей голливудской звезды, а твоё тело словно соткано из сотен солнечных лучей. Если бы я не знала, что ты летала по мегаполисам, я бы подумала, что ты провалялась на каком-нибудь миллиардерском курорте.

— Вообще-то, последние полторы недели я провела на Виргинских островах, — широко улыбаясь, скромно ответила я.

— Что-о-о?! — в голос удивились девушки.

— И у меня куча подарков для вас двоих, — я пнула ногой шикарный, огромных размеров саквояж, в который упаковала все свои новые вещи. Я оставила себе лишь пару купальников, любимое парео и новые солнечные очки, отложив их в другой чемодан.

— Что там? — захлопала в ладоши Тэмми.

— Надеюсь, золотые слитки, — заговорчески отозвалась Саманта.

Следующий час девушки примеряли разнообразные парео, шляпы, пляжные платья и туники с вязаными сумочками. Сэм больше всего понравилась пара пляжных юбок в пол, которыми Тэмми даже не заинтересовалась, а сестре приглянулись плетеные сандалии. В итоге было решено оставить Эмилии две из восьми парео, одну шляпу и салатное пляжное платье, остальные вещи были сразу же разобраны и спрятаны. Не думаю, что это было нечестно, потому как Эмилия чаще Саманты, и тем более чаще Тэмми, баловалась гардеробными обновками, посредством мимолетной щедрости своего жениха.

— Племяшка, — обратилась ко мне Сэм, сев на корточки и начав разглядывать

шикарный саквояж. — Я бы оценила, если бы ты дала мне эту чудесную вещь в мою следующую поездку.

— Забирай насовсем, — безразлично пожала плечами я.

— Правда?! — Саманта вскочила, держа пустой саквояж правой рукой.

— А ты что, собралась уезжать? — сдвинула брови я.

— Вообще-то, уже завтра. В Синиш — небольшой город и морской порт Португалии с населением около четырнадцати тысяч человек. Так что подаренные тобой пляжные обновки как раз кстати. Там сейчас минимум двадцать пять градусов по Цельсию.

— Почему Португалия? — поинтересовалась я, пытаюсь скрыть досаду. Откровенно говоря — я не хотела, чтобы единственный здравомыслящий и по-настоящему волевой человек во всей нашей семье снова уезжал в загадочное путешествие, как вдруг словила себя на мысли о том, что безумно желаю умчаться вместе с ней. Раньше я никогда не хотела следовать на край света за рыжеволосой Самантой, но сейчас внутри меня словно что-то дернулось, какая-то прежде обездвиженная шестеренка завелась, заставляя меня желать отправиться в неизвестный мне Синиш. Однако я своевременно отогнала эту безумную мысль, испугавшись того, что что-то внутри меня начало работать в противоположную от размеренной жизни сторону.

— Пять лет назад я познакомилась с Одетти Антонелли Капиту да Гомес Перес...

— Какое длинное имя, — перебила Сэм Тэмми.

— Одетти Антонелли Капиту — личные имена, Гомес — фамилия матери, Перес — фамилия отца, — пожала плечами Сэм. — Имя не менее интересное, чем человек. В свои пятьдесят лет она является одним из трех ведущих археологов Португалии, но из-за травмы ноги, полученной ей около семи лет назад во время раскопок, Одетти решила окончить практику, после чего полностью посвятила себя семье и работе над научными трудами, четыре из которых, на данный момент, являются всемирно известными. Она пригласила меня к себе, так как у нас, как у археолога и этнографа, всегда есть масса интересных тем для обсуждения. Плюс ко всему, в прошлый раз мы стали по-настоящему дружны, но, к общему сожалению, в последний раз виделись больше двух лет назад. Одетти относительно богата, так что она с легкостью убедила меня в том, что я должна принять от нее полную оплату билета туда и обратно. Я поживу в пристройке для гостей, расположенной рядом с её домом... Эта поездка займет у меня примерно полтора месяца, а потом я приеду на свадьбу своей старшей племянницы.

У Саманты всегда всё было легко и не только на словах, но и в действиях. Я была уверена в том, что её план нерушим и сработает как идеально налаженные часы, шестерни которых смазаны оливковым маслом.

Как и предполагалось, мама была непоколебима в своем мнении о том, что молодой девушке не следует покидать родительское гнездо с незнакомым мужчиной, пока на её безымянном пальце не красуется заветная деталь. Ну а после — после конечно можно, но только под тщательным присмотром мужа. Если бы я не знала свою мать, после подобных её рассуждений я бы всерьез решила, будто она поддерживает сексизм. Хорошо, что в этой семье никто кроме Сэм и Тэмми не знал о том, что я была далеко не только в Швейцарии. Я была более чем уверена в том, что если бы моя мама вдруг узнала о Виргинских островах, её воспаленные ассоциации мгновенно бы провели параллель с нудистскими пляжами и запретным пати на тонированных яхтах. Когда эмоции берут верх над Одри Пейдж, она теряет остатки объективности — такова тенденция её темперамента.

Папа всё еще безрезультатно посещал биржу труда и ожидал своего первого пособия по безработице, пока Тэмми умудрилась устроиться на работу безо всяких бирж. По сути, ей улыбнулась удача или, если говорить точнее, дедушкина вставная челюсть. На прошлой неделе дед узнал, что в булочной на соседней улице, в которой наши старики каждое утро покупали сдобные изделия, требуется продавец. Какая профессия может быть лучше, чем продавец пончиков? Для Тэмми лучшей профессии не существует. Моя младшая сестра была безумно счастлива и, кстати, не только из-за новообретенной профессии. Оказывается, в течение всего моего отсутствия, она каждый вечер, с семи до одиннадцати часов вечера проводила своё время с Риком. Было ясно, что старшее поколение нашей семьи находится на седьмом небе от возможности приобрести в зятя САМОГО МАГИСТРА! но Тэмми явно не желала обсуждать эту тему, так что все радовались исключительно втихомолку.

Быстро перекусив собственноручным сэндвичем (мама решила прекратить производство сэндвичей для своей средней дочери), я поцеловала Тэмми в висок, пожелав ей удачи в её первый рабочий день, незаметно показала отцу поднятый вверх, сжатый кулак, немо означающий «держись», словила в ответ знаменитую «ухмылочку» родителя и ретировалась за дверь. Когда я оказалась на пороге поместья, солнце уже всю припекало мне в макушку.

— Джонатан! Вы помолодели с нашей последней встречи, — заулыбалась я открывшему дверь швейцару.

— В нашу последнюю встречу Вы были пьяны.

— Я уже знаю, что с моего пьяного тела стаскивал дряхлые кроссовки мистер Олдридж, — хитро улыбнулась я.

— Как неловко. Мистер Роланд, по-видимому, забыл меня предупредить о том, что обо всём Вам рассказал.

— О чём? — надеясь не узнать страшных подробностей, поинтересовалась я.

— О том, что с Вас пришлось снимать обувь. Как Вы себя ощущаете после поездки?

— Не смотря на то, что я уже привыкла к роскошным перинам и мягким подушкам, спать на собственной раскладушке оказалось куда приятнее, — широко улыбнулась я.

Вернуться в поместье в качестве настоящей няни, а не тупицы со стажем, было немного необычно. Впервые в стенах этого дома Мартин не пытался измазать меня красками, нарочно разбить вазу или разбросать свою поистине легендарную коллекцию из двенадцати Докторов Кто, специально созданную для него старшим братом. К сожалению, Рик

прекратил свои уроки, чему радовался только несмышлениш Мартин. Мы же (Роланд, Рик, Доротея и я — больше никто не знал о состоянии здоровья Мартина) прекрасно понимали, что нет смысла тратить жизненное время ребенка на образование, которое ему уже никогда не понадобится. Без Рика мне стало куда скучнее обедать, и не с кем было обсудить последние новости из жизни Мартина (Доротея с Роландом и так всё знали).

* * *

Для Британии лето выдалось слишком жарким — дождей почти не было. До конца июля в нашей семье всё так плотно устоялось, что казалось, будто оставшаяся жизнь пройдет именно так — мама до конца дней будет меня бойкотировать, папа будет метаться в поисках работы, бабушка с дедушкой совершать свои двухчасовые утренние и вечерние прогулки, Тэмми продавать хлебобулочные изделия в лавке на соседней улице, Эмилия жить с Эмметом и изредка приходить к нам в гости, а Дин с Элис навсегда останутся маленькими трикстерами. Вот только всю схему нарушали дети, которые точно не собирались оставаться маленькими. До дня рождения двойняшек оставалась всего неделя, когда я узнала, что день рождения Мартина на четыре дня раньше — двадцать седьмого июля. И снова пришлось экспериментировать с подарком. Ситуация была настолько щепетильной, что даже мама внесла свой вариант подарка мальчику-аристократу, чтобы «не было стыдно за Глорию ни перед именинником, ни перед его братом».

Папа: водяной пистолет — отклонено, так как я не хочу быть пострадавшей от собственного же подарка.

Дедушка: любой другой пистолет — отклонено, так как я не хочу быть пострадавшей от любого другого собственного подарка.

Бабушка: настольная игра — у мальчика их тысяча.

Эмметт: копилку — в первый же день треснет от его сбережений.

Эмилия: модный девайс — хорошо, но недостаточно средств на действительно стоящую вещь.

Тэмми: машинка на пульте управления — принято, как подарок от двойняшек, а что по поводу подарка от меня?

Мама: рыбка в аквариуме — конечно жаль живое существо, но себя жаль еще больше, так что утверждено.

Рыбку я отправилась выбирать в компании племянников, которые зависли на джунгариках, пока не заметили маленьких золотистых хомячков. Выбрав самую золотую из десятка золотых рыбок, я приступила к выбору самого круглого из полусотни круглых аквариумов на ножке. Когда же Дин на кассе успешно разбил вдребезги только что оплаченный мной сосуд, мне пришлось приобрести аналогичный, после чего я твердо решила нести живое существо самостоятельно. В конце концов, я уготовила для бедняги жестокую жизнь бок о бок с Мартином, так что отдавать его на растерзание двойняшкам точно не собиралась.

Праздник оказался на удивление большим. Кроме Лео и двойняшек пришла еще дюжина неизвестных мне детей, в основном мальчишки — неизвестные мне друзья Мартина из Лондона. Естественно всё началось с дарения подарков. Моложавые мамочки подходили со своими марципановыми сыночками к имениннику и вручали золотые запонки, хрустальные

статуэтки, декоративные изделия из фарфора, элитные ручки — в общем, всё то, что принято дарить ребенку из высшего общества и всё то, что ему определенно не понадобится в ближайшее десятилетие его детской жизни. Хороший подарок преподнесли Лео и Доротея — большой плюшевый лев, который символизировал «связь» между Мартином и Леонардом, о которой Лео произнес очень красивую речь. Суть «Теории Связи» заключалась в том, что оба мальчика львы — Лео по имени, Мартин по зодиаку.

Еще один неплохой подарок подарила пожилая женщина по имени Ава — декоративный калейдоскоп, от которого Мартин был в глубочайшем восторге. Аве было около пятидесяти пяти, она была слишком худой и, в отличие от остальных присутствующих дам, совершенно натуральной — никакого силикона или ботокса — пусть даже и потрепанное, но всё своё. Эта женщина явно ни разу в жизни не делала подтяжек, отчего была усыпана многочисленными, натуральными морщинками. Она не складывала губы в трубочку, позируя на фотокамеру, поэтому её улыбка была самой искренней. Из искусственного у нее был только цвет волос. Она была крашеной блондинкой с рваным каре, едва касающимся плеч. Ава много курила через слишком длинный мундштук и не снимала свою огромную шляпу до тех пор, пока все не сели за праздничный стол. Чем эта женщина могла одновременно располагать к себе и отталкивать от себя — это резкая честность. Если она считала, что золотые запонки в качестве подарка ребенку — это выпендрож, она говорила, что это выпендрож. Если она считала, что силиконовые сиськи — это силиконовые сиськи, она не виляла своим ответом на заявление хозяйки сисек о том, что бюст настоящий. Судя по всему, у Роланда с Авой были крайне доверительные отношения, не смотря на презрительные взгляды в её сторону со стороны остальных присутствующих.

Радиоуправляемую машинку от двойняшек Мартин принял с большим энтузиазмом, нежели вазу из голубого хрусталя от пластилиновой брюнетки и её точной копии в виде эгоцентричной девочки, но было ясно, что подобный подарок не является чем-то сверхжеланным, в отличие от подарка Роланда, от которого мальчик пришел в полный восторг. Старший Олдридж попал в самое яблочко, подарив брату какую-то грязную футболку с автографом знаменитого бразильского футболиста, которому она прежде принадлежала. Без комментариев. Я никогда не пойму сути подарка в виде зловонной тряпки, но свой подарок, после успеха Роланда, мне дарить откровенно расхотелось. В итоге так вышло, что я была последним человеком, чей подарок Мартин раскрыл. Подняв крышку коробки, мальчик замер.

— Это Гектор? — округлив глаза, неопределенно спросил мальчик.

— Гектор? — переспросил Роланд и заглянул в коробку. Моё сердце оборвалось. Что за дурацкая идея дарить золотую рыбку сыну аристократического общества, если она минимум не из девятьсот пятьдесят восьмой пробы?

— И в правду Гектор, — неожиданно заключил Роланд и отошел от Мартина, вытаскивающего аквариум из непомерно большой коробки в сине-голубую полоску.

— Гектор?! — наклонившись к Роланду, неприкрыто удивленным шепотом поинтересовалась я.

— Его золотая рыбка, которая потерялась во время переезда из Лондона, — заговорческим шепотом ответил Олдридж.

— Потерялась?! — продолжала шептаться я.

— По правде говоря, я её случайно смыл в унитаз...

— Случайно?!

— Долгая история, — гулко вздохнул Роланд, после чего посмотрел на меня и решительно добавил. — Правда, случайно.

— Глория! Ты нашла моего Гектора! Это лучший подарок! За это время он так вырос...

— Что ж, Ваш вариант подарка определенно переплюнул мой, — шепотом и с притворной завистью признал поражение Олдридж.

— И не только Ваш, — самоуверенно заулыбалась я, слыша за спиной завистливое перешептывание самоуверенных мамаш, которые были уверены в том, что нельзя обманывать ребенка, даря ему поддельного Гектора.

После праздничного ужина вечер потек легче. В гостиную внесли главный символ дня, и Мартин задул десять бирюзовых свечей на огромном двухуровневом торте с декоративным дизайном. Я всю жизнь думала, что подобные произведения искусства — это что-то не из мира сего, но вкус этого чуда в сто крат превзошел его внешний вид. Казалось, будто мои рецепторы впервые в жизни включились на полную мощность.

После торта взрослые разбрелись по гостиной, разбившись на небольшие кучки, а дети отправились играть на задний двор главного особняка. К моему удивлению, двойняшки с легкостью поладили с детьми из высшего общества, в то время как Лео остался в стороне, всем своим видом показывая своё нежелание играть в пятнашки. Так мы и остались втроем на краю террасы — я, Доротея и Лео. Когда же моя группа поддержки попрощалась с именинником и покинула праздник, я впервые за весь вечер почувствовала себя словно не в своей тарелке. Не зная куда деть руки, я решила воспользоваться предложением Джонатана и угостилась бокалом шампанского.

— Одно из лучших шампанских, которое я когда-либо пила в этой жизни, — заявила остановившаяся справа от меня Ава. — Роланд всегда знал толк в выгодных сделках, дорогих автомобилях и качественной выпивке, хотя и вырос в относительной бедности. Кажется, вкус у него в крови.

— Вы хорошо знаете мистера Олдриджа?

— Хорошо знаю? — вздернула брови женщина. — Лучше, чем все вместе взятые на этом празднике. Право слово не понимаю, зачем он потратил отменное шампанское на подобное сборище.

— Вам здесь не нравится?

— Не больше чем тебе, милочка. Не путай моё отношение к этому месту с отношением к присутствующим, — поправила свою раскидистую шляпу женщина и, поставив опустошенный бокал на поднос официанта, поднесла к губам мундштук. — Ты ведь не хочешь пить, тогда зачем взяла бокал?

— Чтобы остальным меньше досталось, — изогнула бровь я.

— Ха! Это интересно... Интересно... Знаешь ли, не смотря на свой шестой десяток, я не прочь злоупотребить дымом или выпить лишний бокал шампанского.

— Вам шестьдесят? Выглядите минимум на пять лет младше.

— Это всё Тибет, деточка.

— Вы буддистка?

— Еще в младенчестве я была окрещена в христианку и христианкой я и умру. Но это совершенно не значит, что я закрываю глаза и затыкаю уши в отношении других вероисповеданий. Хочешь дам совет?

— А если я скажу «нет», что-то изменится?

— Определённым образом всё. Ведь ты никогда не узнаешь, что именно я хочу тебе

сказать.

— Таким образом, можно утверждать, что для меня также всё изменится, если я услышу то, что Вы хотите мне сказать. Пожалуй, я откажусь. *Я знаю достаточно из того, что мне нужно знать, и не знаю определенно ничего из того, чего мне знать не нужно. Не будем же нарушать эту тонкую грань золотой середины.*

— Я рада, что хотя бы у одной мозг оказался бóльшим размером, нежели у Гектора, — выдохнула дым из легких Ава и взяла новый бокал шампанского. Я не до конца поняла, о чем именно только что сообщила мне обычно прямолинейная Ава, но решила не уточнять, чтобы не разрушить её ложное мнение о моем интеллекте.

* * *

Я решила уйти за полчаса до того, как начнут расходиться остальные гости. Тем более запыхавшиеся и покрасневшие двойняшки сами подбежали ко мне, избавив меня от попыток выловить их среди хаотично движущейся детворы. Однако нас сразу же отловил Олдридж, с которым я хотела лишь мимолетно попрощаться, но, благодаря гиперактивности племянников, всё пошло прахом.

— Мистер Роланд, Вы ведь отпустите Мартина на наш день рождения? Он у нас первого августа, — громко поинтересовалась раскрасневшаяся от беготни Элис.

— Конечно, — заулыбался Олдридж.

— А что он нам подарит? — встрял Дин, и я чуть не провалилась сквозь землю.

— А что бы вы хотели?

— Пусть лучше Мартин сам придумает, — дернула за руку брата Элис. — А знаете что? Вы тоже приходите! И принесите свой подарок.

— Да-а-а! — восхитился идеей сестры Дин. — Тогда будет на один подарок больше. Только Вы дарите мне и Элис отдельные подарки, а не как бабушка Пэт и дедушка Кристофер. Они всегда дарят нам общий подарок, а Элис потом не хочет делиться со мной воздушным змеем!

— Неправда, это ты со мной не делишься, — мгновенно возмутилась Элис.

Из-за этих двоих мне было так неловко, что вдруг захотелось испариться в пространстве. После того, как Роланд вдоволь отсмеялся куда-то в сторону, он снова посмотрел на двойняшек, после чего произнес с легкой усмешкой:

— Обязательно приду с подарком.

Все были в шоке от того, что Дин и Элис осмелились пригласить Олдриджа, совершенно забыв посоветоваться со старшими, но в больший транс всех вгонял тот факт, что миллионер принял приглашение. Если честно, после этого я была так зла на своих племянников, что они всячески пытались избегать лишних встреч со мной.

Последующие пять суток перед днем-икс дом стоял на ушах: мама с бабушкой тряслись над списком продуктов и составлением меню, папа с дедушкой тряслись над починкой всей сломанной мебели в нашем доме, Тэмми тряслась над генеральной уборкой, а я просто тряслась. Меньше всего на свете я хотела увидеть Роланда Олдриджа из шикарного дворцово-паркового ансамбля в своей захудалой хижине, в которой, когда на втором этаже дети устраивают ковбойские дуэли, с потолка сыпется труха. Я так и видела, как на небрежно причесанные волосы Роланда сыплется опилки, а под его прокаченной задницей трещит и кренится влево папин «лучший» стул. Главное, чтобы у дедушки в очередной раз не выпала челюсть или щенки двойняшек не справили нужду в самый неподходящий момент в самом неподходящем месте. Катастрофа!

В «День-Икс», сидя на своем месте за столом, я чистила уже тридцать первую картофелину и наблюдала за происходящем в доме: мама готовила праздничные торты, бабушка занялась приготовлением основных блюд, Эмилия слушала указания мамы и протирала пыль в указанных местах, Тэмми в сотый раз перемывала все окна в доме, дети не решились выходить из своей комнаты, чтобы не попасть под раздачу, а мужчины занимались ремонтом. Если говорить откровенно: сломанная ножка табурета, вдавленная дверная ручка, покосившаяся еще десять лет назад люстра, накренившийся кухонный шкафчик, отломившийся крючок вешалки в коридоре и сползший еще месяц назад карниз — были починены еще за сутки до. Видимо поэтому дедушка, папа и Эмметт перешли на «недополомки» и, уставившись в телевизор, занялись подозрительно-относительной починкой мамино каблука и дедушкиных ходиков с кукушкой, которые, на моей памяти, вообще никогда не работали.

Все взрослые так сильно увлеклись подготовкой к приходу другого взрослого, что совершенно забыли о существовании маленьких виновников торжества. Таков абсурдный мир взрослых, который они с таким трепетом лелеют и взращивают — они готовы напрочь забыть о смысле детского дня рождения из-за мелочи вроде нежданного гостя, а через десять лет, когда отношение с уже выросшим ребенком портятся, могут даже не вспомнить о том, что именно сделали не так.

— Нет, честное слово, я уже хочу с ним познакомиться! — вдруг заявил папа, когда в очередной раз ударил себя по пальцу молотком, в попытке прибить гвоздь в стену, ради слетевшего еще год назад натюрморта, который до сих пор прекрасно чувствовал себя на подоконнике в гостиной. Подобное заявление заставило меня ухмыльнуться. Как именно объяснить отцу, что он уже знаком с Олдриджем? «Пап, ты покупал у него щенков» или «Не переживай, Роланд тебя уже знает»?

— Мне тоже было бы интересно увидеть этого человека вблизи, а не из-за его танка, в котором он в прошлый раз увёз Глорию, — как-то напряженно произнесла мама.

— Его танк стоит больше, чем ваш дом, — ухмыльнулся в ответ Эмметт.

— Мам, прекрати. Я тебе уже говорила, что Олдридж не извращенец, и ничего

предосудительного между нами нет, — выставляя по шесть розовых и голубых свечей на праздничные торты двойняшек, отозвалась я. Мама, на все дни рождения домочадцев, собственноручно делала самые вкусные торты в мире, но на фоне торта Мартина, они выглядели всего лишь миленькими пирожными.

— Смотри, что именно ты исключаяешь из рамок предосудительного, — сдвинув брови, ответила мне мама.

— Кому как не вам с отцом знать всё о результатах воспитания собственных детей, — с иронией парировала я.

— Ну-да, ну-да, — многозначительно согласилась мама, наверняка сразу же вспомнив о невеселых результатах того самого воспитания.

Без пятнадцати шесть все собрались в гостиной, чтобы совместно разработать нервный тик левого глаза. Всё было готово: входная дверь с отремонтированной ручкой отполированы, коврик на пороге вычищен, праздничный стол накрыт на заднем дворе, окна вымыты до дыр в прямом смысле этого слова — на кухне бабушка так сильно пыталась отчистить пятно со стекла форточки, что выдавила его с корнем. Десять натянутых до предела струн рассыпались по гостиной в нервном ожидании гостей, две из которых постоянно выглядывали в окно (папа и мама). Дин никак не мог смириться с удушающей его бабочкой на шее, Элис норовила стащить с головы огромный бант, а я кусала свои ногти, наблюдая за всем этим цирком, разрядившимся в пёстрые цвета. Папа надел под темно-коричневые штаны свою белоснежную рубашку, которую берег лишь для значимых моментов своей жизни; мама надела свою лучшую блузку в розово-белую полоску и тонкую юбку из натуральной шерсти, что для лета было слегка не подходящим вариантом; Эмметт напялил деловой костюм, что смотрелось слишком неестественно на общем фоне (будто он на собеседование к Роланду собрался), но в паре с Эмилией, которая была в своем новом розовом костюме из гипюра и выглядела слишком празднично для семейного застолья, этот парень смотрелся вполне гармонично; Тэмми была в своей любимой юбке из неопрена цвета слоновой кости и шафрановой майке; двойняшки мучались в вычурно-пестрых, неудобных одеяниях, от которых им явно было не по себе. На общем фоне казалось, будто я одна решила не заморачиваться над своим внешним видом и остаться в джинсах, в тандеме с хлопковой майкой (в конце концов, Олдриджи видели меня и в худшем одеянии, так что их точно сердечный приступ не должен был хватить от моих повседневных джинс). Все вместе мы выглядели так неестественно, что создавалось впечатление, будто для начала шоу в нашей компании не хватало только клоуна, который уже скоро должен был появиться в дверном проеме со словами: «Да начнется хаос!» — После чего все мгновенно подпрыгнут со своих мест, начнут бегать по дому в поисках дополнительных салфеток и шикать друг на друга из-за неправильно произнесенных слов одним из присутствующих.

— Это он? — во второй раз поинтересовалась бабушка, указывая на машину, завернувшую на нашу улицу.

— Это какая-то старая кляча, мама, — разочарованно выдохнул отец, впустую подошедший к окну.

— Вполне приличная машина...

— Перестаньте стоять у окна, — попросила Тэмми, уже давно подхватившая общий мандраж.

— Никто и не стоит, — пожал плечами папа, словно он вообще здесь ни при чем и вообще он просто проходил мимо окна.

— Дерек, перестань, — попросила отца мама, и он сразу же перестал теревить свой замученный воротник.

— Это он! — вдруг слишком громко заявила подпрыгнувшая на месте Эмилия, и все мгновенно ринулись к окну, чтобы посмотреть на машину. Переведя взгляд со спин, прилипших к окну родственников, на сдирающую с головы вместе с волосами бант Элис, я закрыла лицо руками, безумно желая надеть шапку-невидимку.

— Это он, — панически подтвердила бабушка.

— Все к входу! — отдала приказ мама, после чего все сразу же ринулись через маленькую гостиную в коридор, по очереди спотыкаясь о журнальный столик. Я осталась сидеть на месте, стараясь отрешиться от происходящего. Открыв глаза лишь спустя полминуты, я увидела сидящего перед собой на полу Дина, который всё еще тщетно пытался снять удушающую бабочку со своей многострадальной шеи. Я рукой поманила племянника к себе и легким движением руки разобралась с его удавкой, после чего мальчишка с воплями индейца рванул за остальными. Конец. Это конец моей репутации, моего образа, моей карьеры... А если в конце вечера бабушка снова вздумает показывать мои детские фотографии в жанре ню, тогда гарантируется еще и снижение моей самооценки в паре с самоуважением. Зажмурившись от осознания собственного бессилия, я резко встала и направилась в переполненный коридор, чтобы, облокотившись о дверной косяк, встать позади всех и воочию наблюдать за падением Римской Империи.

— Дерек, открывай, как только раздастся звонок, — шепотом скомандовала мама и звонок тут же раздался. — Открывай!

— Добрый вечер, мистер Олдридж! Ровно шесть, какая пунктуальность! — широко улыбаясь, с восклицанием произнес папа, и я буквально упала внутри себя в обморок от подобного радушия. Наверное, Роланд к концу вечера с ума сойдет от наигранно-радостного отношения к своей персоне.

— Добрый вечер, — улыбнулся Роланд, после чего протянул маме огромный букет из пионов.

— Спасибо, — ахнула мама, принимая цветы. Странно, но она с невероятной скоростью сменила ропот на радушие по отношению к моему работодателю, который, в отличие от остальных, додумался одеться в обычные джинсы и тёмно-синее поло.

— Здравствуйте, — бодро произнес показавшийся из-за спины Роланда Мартин, после чего протянул аналогичный букет бабушке, мгновенно расцветшей от счастья.

— Проходите, — попросила мама. — Ой, совершенно не нужно разуваться!

— Ну, раз уже разулись, не обуваться же им обратно, мать, — со смешком заявил отец, и я поняла, что вечер будет долгим.

* * *

Игра началась. Сначала были раскрыты две огромные коробки от Мартина, в которых оказались роскошные портфели с всевозможными школьными принадлежностями. Мартин сразу признался, что считал подобный подарок «отстойным», так что Роланд сам занялся его организацией. Дети были в восторге, но еще в большем восторге пребывало старшее поколение, которому, к началу первого учебного года двойняшек, теперь не придется раскошелиться на круглую сумму. И, судя по содержимому подарка, о школьных расходах

вообще теперь можно было забыть на ближайшие пять лет. От презента Роланда дети были в меньшем восторге, но он буквально вогнал в экстаз остальных здравомыслящих членов моей семьи. Дину достались золотые запонки, а Элис аккуратненькие, золотые серьги. Родители начали отнекиваться от «столь дорогого подарка», папа даже пытался засунуть коробку с ювелирными украшениями обратно в руки Олдриджа, отчего тому вдруг стало неловко, а мне в очередной раз захотелось раствориться в пространстве.

— Пап, лучше прими, — не выдержав, прошептала я, чувствуя, как моё лицо заливают краской. — Ты ставишь мистера Олдриджа в неловкое положение.

Я буквально спасла Роланда, чему свидетельствовал его облегченно-тяжелый выдох. В итоге, еще десять минут все обсуждали запонки с серьгами, пока Роланд стоял спиной к кухне и во все глаза наблюдал за кипящим муравейником.

— Вы покраснели, словно вареный рак, — полупшепотом заметил Олдридж, пока остальные нависли над подарком.

— Как хорошо, что Доротея с Лео не смогли прийти, — тяжело выдохнула я.

— Расслабьтесь, — вдруг ухмыльнулся мой собеседник, — всё будет хорошо.

— Прошу за стол, — обратилась бабушка к присутствующим и все, под главенствующие крики восторженных двойняшек, ринулись в сторону заднего двора, по дороге снося всё, что только попадалось этой мощной волне семейного цунами. Больше всего досталось братьям Олдриджам — парней волна снесла первыми, отчего хорошенько их потрепала. Я оказалась в конце этой процессии, в то время как Роланд очутился в самой её середине, ведомый за левое предплечье отцом. Хорошо, что папа не узнал в Роланде продавца щенков. Теперь главное, чтобы Олдридж сам не обмолвился об этом — тогда мы избежим получасового «разбора полетов» со стороны отца, которыми он частенько грешит.

Нам сильно повезло с погодой. Накануне дождь обошел наш город стороной, так что ножки стола и стульев сейчас не утопали в грязи неудачно постриженного газона. Сначала Роланд сел в дальний угол стола — он зашел во двор одним из первых и, последовав логике, прошел дальше, чтобы не устраивать затор — но отец сказал, что это «непорядок» (цитата папы: «Почетный гость должен занимать почетное место») и пересадил всех заново. С двух сторон стола во главе сидели папа и дед, справа от папы сидел Роланд, напротив него расположилась мама, слева от мамы я и дальше по возрастающей. Всё началось с накладывания еды гостю. Я прошипела маме, что Роланд и сам в силах справиться с выбором пищи, но словив на себе улыбающийся взгляд Олдриджа, решила — будь что будет, больше не буду встречать в процесс, тем более что Роланд до сих пор пребывает в нормальном самочувствии (а ведь прошло целых десять минут с момента, как он переступил порог этого дома!).

В итоге тарелка Роланда выглядела как Эребор^[36]. Зная, что Роланд предпочитает есть всё и по чуть-чуть, а не всё и сразу, я глубоко вздохнула и из солидарности положила себе большую отварную картофелину с салатом из крабов, за которыми Эмметт с утра пораньше специально ездил на рыбный рынок.

К моему великому удивлению, Роланд вёл себя достаточно раскованно: поддерживал все темы деда о варикозе, сколиозе и зубных протезах; стойко выдержал получасовой рассказ отца о недостатках биржи труда и отсутствии рабочих мест; согласился продемонстрировать знания немецкого языка для мамы; ответил на бизнес вопросы Эмметта, которые были настолько примитивными для гигантских размеров ведения бизнеса Олдриджа, что мне вдруг стало жаль Эмметта, который воображал себя акулой шоу-бизнеса на местном

радиовещании. Как же Эммет искренне удивился, когда Роланд сказал, что не слушает по утрам радио! На почве этого у них состоялся достаточно интересный диалог:

— Вы не слушаете местное радио?! — ошарашенно переспросил Эммет, когда узнал, что Роланд не является слушателем его радиопрограммы «С добрым утром, Англия!», транслирующейся с шести до семи часов ежедневно!

— Только не по утрам, — спокойно улыбнулся в ответ Роланд.

— Почему нет?

— Каждое моё утро сильно загружено.

— Мальчик — трудоголик, — тихо произнесла себе под нос бабушка, но её замечание услышали все.

— И чем же? — не отставал от Олдриджа Эммет.

— Как раз с шести до семи я усердно сплю, — снова улыбнулся Роланд, заставив всех за столом посмеяться с предшествующего его признанию замечания бабушки о «мальчике-трудоголике».

Но больше чем раскованное поведение Роланда, меня удивил его аппетит — он съел всю тысячу калорий, выложенную на его тарелку, и еще попросил добавки в виде салата. Данный поступок так сильно порадовал маму, что она снова наложила бедняге больше просимого (по-видимому, через свой желудок Роланд в буквальном смысле нашел путь к сердцу моей матери). Я бы никогда не поверила в то, что в этого парня способна утрамбоваться двойная порция того, что обычно влезает в моего отца, если бы не увидела этого собственными глазами. Было очевидно, что сегодня вечером Роланд работает на женщин этого дома — чем больше он съедал, тем ярче светились лица слабого пола, накануне старательно готовящих «вот этот вот салатик с крабами» и «фирменную курочку по-бразильски в апельсиновом соке с „секретом“ внутри».

Я думала, что первые два часа были самыми сложными в этом вечере, но я ошибалась. Разгар веселья начался после того, как двойняшки задули свечи, съели по куску торта и отправились с Мартином в свою комнату. Проводив детей наверх, мама достала, знаменитое в нашей семье, дешевое шампанское, любимый эль отца и крепкую настойку бабушки. Под небольшим градусом все стали в два раза разговорчивее и в три раза не сдержаннее в смехе. Эмилия и Эмметт удалились наверх, чтобы посмотреть, чем заняты дети, когда слегка осмелевшая мама вдруг выдала:

— И всё-таки, я не понимаю современных отношений молодых людей. По мне так сначала нужно брать девушку в жены и только потом везти её в Швейцарию.

Я так сильно подавилась компотом из клюквы, что разбрызгала жидкость перед собой и нагнулась влево, чтобы дать возможность бабушке со всей силы врезать мне между лопаток. Но мама не собиралась останавливаться.

— Ведь из-за возникшего непонимания, у молодой особы потом портятся отношения с семьей...

Мама пыталась, как бы издалека намекнуть на положение вещей в нашей семье, после моей своевольной поездки в другую страну, но у нее так плохо это получалось, что намек стал настолько прозрачным, будто его соткали из воздуха. Пока я отходила от кашля (у меня даже заслезились глаза), пытаюсь поскорее взять слово, чтобы исправить плачевную ситуацию, лицо Олдриджа застыло в немом удивлении.

— Вы, наверное, неправильно поняли, — подняв левую бровь, начал Олдридж. — Глория согласилась поехать с нами лишь потому, что узнала о болезни Мартина, которого

признали неоперабельным на территории Британии.

— То есть Вы... — папа вдруг поперхнулся и продолжил, — Выезжали за границу, чтобы сделать операцию?

— К сожалению, у нас ничего не получилось. Во всем мире Мартин официально признан неоперабельным, так что никакой операции не было и не будет. Я думал, что Глория вам уже всё рассказала... Прошу прощение за то, что из-за нас возникли недоразумения в вашей замечательной семье.

— Просто я не хотела распространяться, — задыхающимся голосом ответила я, пытаюсь прийти в себя после откашливания.

— Да, это хорошая идея. Будет лучше, если никто больше об этом не узнает, — согласился со мной Роланд.

— Даем слово! — за всех ответил отец, после чего за столом повисла тишина, в которой каждый из присутствующих пытался осознать приближающуюся смерть ребенка. Ребенка, которому несколько дней назад исполнилось десять лет и которому может уже никогда не исполниться одиннадцать.

Следующий час прошел под лозунгом неестественных улыбок в сторону Роланда. *Взрослые всегда улыбаются, когда чувствуют неизбежное приближение чего-то страшного, тем самым пытаясь убедить себя или человека, к которому приближается это неизбежное «нечто», в том, что «это» произойдет нескоро, а сейчас всё в порядке и можно, и нужно наслаждаться текущим моментом, так как никто понятия не имеет, когда именно и как оборвется этот момент.* Поэтому, к десяти вечера, всё снова вернулось в своё русло: папа старался выпить больше отмеренного мамой, мама пыталась уследить за всеми махинациями папы, бабушка с дедушкой бормотали между собой о булочках, Эмилия с Эмметтом вернулись за стол с покрасневшими лицами и странно притихли, Тэмми ретировалась на свидание с Риком, о чем знала только я, а я откинулась на шезлонге слева от мамы и наблюдала за тем, как Олдридж искусно находит нужные слова для общения с родителями, особенно с мамой, лояльность которой в отношении него вдруг возросла до ста двадцати процентов. Жаль, что этого всего не видела Саманта. Она бы громко посмеялась над продавцом щенков бернского зенненхунда.

Папа рассказывал о своей любви к профессии радиомеханика, когда Роланд вдруг сказал что-то вроде: *«Если ты занимаешься чем-то одним — ты оттачиваешь навыки и становишься настоящим профессионалом в своем деле, если же занимаешься многим — ты зачастую распыляешься, если только не являешься гением».* После этих слов отец чуть не заплакал (сказался лишней бокал эля), отчего Роланду вдруг стало неловко и он попросил показать ему местонахождение туалета. А вот теперь неловко стало мне, так как туалет на первом этаже был сломан, а на втором находился не в самом приглядном состоянии — хорошо еще, что Тэмми убрала развешанные на трубах лифчики. Я притворилась отстраненной, чтобы не вести гостя в столь унылое место, и папа в двух словах объяснил, куда именно необходимо подняться Олдриджу и какую дверь открыть. Спустя десять минут, когда Роланд всё еще не дал о себе знать, я забеспокоилась, что его смыло в треснувший унитаз слишком быстрым потоком воды, который папа так и не успел починить перед приходом гостя, будучи слишком занятым маминым каблуком. Встав из-за стола, чтобы отправиться на поиски Немо, я заодно прихватила с собой гору грязной посуды, захламляющей пространство на столе. Уже расставляя тарелки в переполненную посудомоечную машину, я услышала знакомые шаги за спиной.

— У Вас достаточно милая спальня, — тихо произнес Олдридж, по-видимому, не желая привлекать своим голосом внимание людей из заднего двора. Я обернулась на него с резко округлившимися глазами, явно давая понять, что не в восторге от того, что мою кладовку увидел кто-то кроме меня. — Во всем виноваты Ваши племянники, попросившие достать щенка из-под Вашей кровати, — пожав плечами, оправдался Олдридж, глядя в мои широко распахнутые глаза. — Не переживайте так — ничего сверхъестественного, кроме платяного шкафа, в котором наверняка живет колдунья, я не увидел.

— Просто днем я выбираюсь в этот мир, — буркнула я, судорожно представив, как Роланд раздвигает коробки с барахлом под моей скрипящей, дряхлой раскладушкой. — Ночью же я в шкафу, а на работу добираюсь исключительно на метле.

— Давайте помогу, — вдруг предложил Олдридж, после чего начал мыть стакан. Со стаканами у нас была явная катастрофа, которую обнаружили лишь после того, как все

уселись за стол. Однажды, в порыве гнева на Джудит, мама случайно разбила почти все стаканы в доме, а с их отсутствием на сегодняшнем застолье разбилась и моя самооценка. Когда выяснилось, что сосуда не хватило именно Роланду, все чуть не закидали его своими стаканами, после чего оказалось, что не хватило стакана еще и Дину — мальчишка искренне хотел, но не смог бросить свой стакан в Олдриджа. В итоге, на другом конце стола, четыре человека делили друг с другом два стакана. Унизительнее была только речь мамы о моем предположительном положении любовницы в доме Роланда.

— Значит, Вы решили, что Мартину запонки не нужны, — хмыкнула я, наблюдая за тем, как руки Роланда опускаются в пену. Зрелище было настолько непривычным, что казалось даже непристойно откровенным, поэтому я быстро отвела свой взгляд.

— Если Вы имеете в виду, что я передарил подаренные несколько дней назад Мартину запонки, Вы ошибаетесь. Мартин их потерял, поэтому пришлось покупать новые.

Я хотела сделать замечание о том, что недопустимо терять золото, но вдруг поняла, что на самом деле сама мысль о том, что я могу предполагать, будто Роланд сэкономил на подарке, попросту передарив ненужные ему вещи, ему может показаться неприятной. А это, как выразился бы отец, откровенное свинство с моей стороны, с учетом того, насколько ценные вещи Роланд подарил детям.

— Вы попали в точку с подарками, — решила исправить своё глупое замечание я. — И дети, и родители в восторге.

— Вашу семью легко вогнать в сильные эмоции, — улыбнулся Олдридж, и мне вдруг снова стало не по себе от того, что он моет нашу посуду.

— Давайте я домою, — приблизилась к нему я.

— Бросьте, я уже закончил, — ухмыльнулся Роланд, после чего протер стаканы и, взяв пару из них, отправился на задний двор. Я последовала за ним, но столкнулась в дверях с мамой и Эмилией, вносящих в дом недоеденные блюда (с учетом того, сколько мама утрамбовала в Олдриджа, странно, что таковые вообще имелись).

— Глория, Глория, — подозвала к себе Эми, пока мама ставила салат в холодильник, — мы тут с Эмметтом подумали и решили пригласить Олдриджа на свадьбу.

— Не думаю, что это хорошая идея...

— Да брось! Он наверняка что-нибудь стоящее подарит, а нам сейчас деньги нужны позарез, сама знаешь.

Я хотела сказать, что в нужду они себя вогнали сами, продав машину ради проведения крупной свадьбы, но мама меня перебила прежде, чем я отдернула сестру.

— Да, Эми, вы правы. Он положительный персонаж...

— Положительный персонаж? — ухмыльнулась я. — Это потому, что он богат, или потому, что он не оказался совратителем своего рабочего персонала?

— Ох, дочка, если честно, я была бы более счастлива от того, что он тебя совратил, нежели от того, что ты до сих пор девственница.

— Откуда ты знаешь?! — прошипела я, оглянувшись, чтобы убедиться в том, что Эмилия успела ретироваться прежде, чем услышала мамины слова.

— Я твоя мама, я знаю о тебе всё. И не думай, что я сужу о человеке по деньгам. Ты ведь знаешь, что всех богачей я считаю надутыми индюками и от парочки золотистых украшений не растаю, и не изменю своего мнения относительно человека. Если я и считаю мистера Олдриджа положительным персонажем, то лишь по той простой причине, что вижу в нём положительную личность. А теперь возьми охлажденный торт и отнеси его на стол.

В последнее время мама любила часто употреблять слово «положительный», когда ей что-то или кто-то нравился, что выглядело достаточно странно.

Роланду снова достался самый большой кусок, на сей раз торта, и мне было заметно, что он впихивает его в себя скорее из вежливости, нежели от крокодильего аппетита. Кто был в восторге от его упорства в этом деле, так это мама с бабушкой, ради которых он, собственно, и старался не упасть лицом в крем. Когда торт был съеден, а чай выпит, мама довольно вздохнула и спросила у нервно улыбающегося гостя:

— Может быть добавки?

— Нет! — испуганно отозвался Олдридж, перед этим спокойно откинувшийся на мягкую спинку своего стула. — Торт просто изумительный, в жизни ничего подобного не пробовал. У Вас золотые руки, миссис Одри.

— О-о-о, спасибо, молодой человек, — моментально растаяла мама.

— Вы не хотели бы посетить нашу свадьбу? — вдруг поинтересовалась Эмилия, протягивая через дремлющее тело своего будущего мужа розовый конверт с пригласительным. — Всегда ношу с собой парочку, на всякий случай, — скромно улыбнулась Эми.

— Вы женитесь? Приношу свои поздравления, — отозвался Олдридж, просматривая содержимое конверта.

— Свадьба уже скоро, всего через пару недель, — усмехнулась довольная этим фактом сестра.

— Да, конечно, я приду, — своим коронным, серьезным тоном подтвердил своё участие в нашем семейном безумии Роланд.

— Правда?! Это замечательно! Приходите вместе с Мартином.

К концу вечера я не боялась уже ничего. Самое страшное, что могло произойти, уже произошло: на всех не хватило стаканов; меня обозвали любовницей; Олдридж видел нашу ванную и мою спальню; папа слегка перебрал и был готов называть Роланда сыном.

Уже провожая Роланда, которому по контейнерам разложили остатки еды, я чувствовала себя настолько измотанной, что после его отъезда молча поднялась в ванную, стянула с себя одежду и встала под прохладную струю воды, так как папа забыл починить дождик. Зато каблук у мамы был починен.

Когда я выходила замуж, я не предполагала, что рожу четверых детей. После рождения Дэниела и Эмилии Дерек заявил, что хочет большую семью, и я согласилась родить еще одного ребенка. Тэмми же стала приятным сюрпризом, который мы не планировали.

Я раньше поражалась тому, насколько разными бывают дети одних родителей, пока мои собственные ребята не достигли подросткового возраста. Хотя я и старалась уделять детям максимум своего внимания, у меня это не всегда получалось, из-за регулярной глажки белья, готовки еды, мойки посуды и прочих житейских мелочей, от которых зависела вся наша семья. У Дерека же, из-за работы и усталости после нее, оставалось еще меньше времени на общение с нами. *Люди всегда меняют Счастливое Будущее для себя и своих близких на деньги, которые способны обеспечить Терпимое Настоящее или надежду на Смутное Будущее. А ведь для Вашего Счастливого Будущего достаточно общения с дорогими Вам людьми в Настоящем. И как бы очевидно это не было, Вы всё равно снова и снова не находите время на то, для чего на самом деле дана Вам жизнь. А зря. Рискуете не успеть. Рискуете попросту прожить жизнь впустую.*

Мы слишком часто откладывали разговоры с близкими нам людьми. В итоге, Дэниел вырос с отсутствующим внутренним стержнем, который делает из мальчика мужчину. Когда в двадцать лет он собрался стать отцом двойняшек и мужем семнадцатилетней девчонки, я поняла, что дальнейшая наша жизнь будет несладкой, благодаря стараниям расхлёбанного мальчишки и прежнему отсутствию стараний со стороны его родителей в его воспитании.

Я любила Дэниела так, как только мать может любить своего ребенка, но с каждым днём лишь сильнее убеждалась в том, что где-то в глубине своего сознания, Дэниел лишен понятия ответственности. Он рисковал навсегда остаться несамостоятельным мальчиком, который всю свою жизнь будет заниматься лишь тем, что доказывать окружающим свою несуществующую мужественность. Но как же я его любила! Он был моим единственным сыном, внешне так похожим на меня и отличающимся от своих сестер, которые в большей мере унаследовали отцовские черты.

Дэниел любил мой пастуший пирог, просыпаться раньше всех, чтобы побыть наедине с собой в палисаднике, он любил запах жасмина и вкус бабушкиного сабле. Иногда он врал, чтобы прикрыть сестру или ругался из-за поцарапанного коллекционного диска. Он был верным другом, хорошим братом и любящим сыном. Но я не уберегла его от ошибок, которые привели его к гибели. Я не уберегла его от самого себя.

То же произошло и с Эмилией. Моя старшая дочь всегда была ко мне ближе, чем Глория или Тэмми. Возможно, поэтому она всегда ставила себя выше остальных детей и в итоге выросла с слегка завышенной самооценкой, и чрезмерной самоуверенностью, которая и сыграла с ней злую шутку. Один из десяти шансов на то, что моя старшая дочь когда-нибудь сможет почувствовать счастье материнства — слишком мало для нее. Слишком мало для меня. Я навсегда виновата перед ней в том, что не сумела заранее предупредить это страшное недоразумение, которое уже начало и продолжит коверкать её жизнь. Второй ребенок — вторая непростительная ошибка.

Когда моя младшая дочь забеременела из-за перебора легких наркотиков в одном из туалетов ночного клуба, я этого даже не заметила, ведь я была занята тем, что злилась на нее из-за того, что мне пришлось забирать её из полицейского участка. Когда спустя неделю у Тэмми случился выкидыш ребенком, о котором не подозревала даже она, мне показалось, что весь мой мир — это карточный домик.

Три ребенка из четырех допустили самые страшные ошибки в своих жизнях. Выражаясь в статистике — семьдесят пять процентов из ста говорили о том, что я плохая мать. Я никогда не винила в произошедшем с нами Дерека, ведь он был единственным человеком в моей жизни, который понимал меня без слов, поддерживал без укоров, который никогда не осуждал меня и принимал на себя основной удар последствий нашего воспитания наших детей, которым мы занимались лишь тогда, когда в сутках выдавалась свободная от работы и «важных» дел минутка.

Как именно Глория до сих пор избегала последствий пропущенного сквозь пальцы воспитания — я не знаю. Она ведь воспитывалась в одной колыбели со своим братом и сестрами, дышала с ними одним воздухом, смотрела на мир их глазами. Конечно, и она пострадала от недостатка внимания с нашей стороны — у нее всегда были проблемы с учебой, которые ей пришлось преодолевать без помощи со стороны старших. Поэтому, когда Глория заявила о том, что собирается поступать в университет, я проплакала всю ночь от счастья, а когда она поступила, у меня не было большей гордости в жизни. Мы с Дерекком снова были заняты: восстановление психологического состояния Тэмми, которая уже никогда не сможет стать прежней, воспитание подрастающих двойняшек, работа, уборка, стирка, готовка... Верно сказал Роланд Олдридж о том, что *когда пытаешься заниматься всем и сразу — распыляешься, и в итоге твоего внимания не хватает почти ни на что. Это как разлить литр воды по десяти графинам — в итоге ни один не наполнишь до края.* Только сейчас я поняла, что всё это время была сразу со всеми и одновременно ни с кем. Неудивительно, что когда Глория заявила о своей поездке с богатым нанимателем за границу, в мою голову сразу же закрались самые страшные мысли. Надеюсь, что меня можно понять. На примере других своих детей, я заработала такой горький опыт, что в данной ситуации ни о чем, кроме как о самом ужасном, думать больше не могла. Мне было страшно, что вот он — тот самый момент, когда Глория, как и её сестры, разобьется из-за того, что когда-то я не смогла уделить ей больше внимания, чем кухонному гарнитуру. Это не просто страх — это паника женщины, которая не хочет становиться стопроцентным лузером на материнском поприще.

После отъезда Глории я, наконец приняла тот факт, что моя дочь уже не в том возрасте, в котором человека можно перевоспитать нравоучительными речами, поэтому всё что мне оставалось — это надеяться на её благоразумие. Конечно, по её приезду я не собиралась так просто сдавать свои позиции. Я всерьез была настроена сохранить целостность души моей единственной здравомыслящей дочери, однако я изначально не вводила себя в заблуждение по поводу того, что борьба с Глорией будет легкой. Она всегда умело отстаивала своё мнение, если считала его правильным.

В течение месяца после её возвращения, я наблюдала за её поведением, боясь обнаружить признаки беременности. В моей голове развернулась карта самых страшных событий, которые могла повлечь неразумная поездка с миллионером за границу: моя дочь забеременеет от толстосума, который не захочет признавать ребенка и заставит сделать её аборт или наоборот, отберет ребенка сразу же после его рождения. После всего

произошедшего с моими детьми, моя материнская фантазия определенно становилась воспаленной. Но прошло полтора месяца, а Глорию не тошнило, не тянуло на соленые огурцы, которые я каждое утро специально выставляла на стол, и она не страдала излишней сонливостью. Вроде бы всё и было в порядке, но сама идея о том, что она может являться любовницей своего начальника, так глубоко забралась в моё подсознание и так сильно леденила мою душу, что у меня не хватало мужества поговорить с собственной дочерью. *Может показаться, что главная проблема взрослых — боязнь разговаривать со своим ребенком, но на самом деле главной проблемой является боязнь его услышать. Зачастую родители делают вид, что слушают ребенка и утешают себя мыслью о том, что этого достаточно. Но этого недостаточно. Недостаточно просто говорить: «Я пытаюсь тебя понять» или «Я тебя понимаю». Нужно действительно пытаться понять, что именно тебе хочет сказать твой маленький или уже повзрослевший ребенок и очень важно в итоге его всё-таки понять. Недостаточно ему поддакивать и утвердительно кивать головой на его слова, потому что для того, чтобы избежать семейных катастроф, недостаточно создавать видимость того, что ты находишься у руля. Нужно либо действительно быть у руля, либо место у руля в итоге займёт кто-то или что-то более сильное, чем родитель, не понявший своего ребенка — не понявший часть себя.*

Я боялась услышать от Глории подтверждения своих опасений, поэтому продолжала вгонять себя в ужас всякий раз, когда моя дочь специально просыпалась пораньше, чтобы бежать на холм к поместью Олдриджей ради начала своего рабочего дня на пару минут раньше положенного времени. Мне было страшно от того, что может стоять за подобным рвением к работе няней и именно из-за своего страха я снова всё проморгала — всё оказалось куда страшнее, чем я могла себе представить.

Сегодня я не выдержала и высказала прямо в лицо этому молодому мужчине своё опасение по поводу его отношений с Глорией. *Взрослые зачастую считают, будто правильнее устроить разбор ошибок своего ребенка в кругу многочисленной семьи или на глазах у посторонних, вместо того, чтобы уединиться с ним и обсудить возникшее недопонимание. На самом же деле им так просто легче — легче давить на своего ребенка в компании других взрослых, чем признать своё поражение после тет-а-тет с человеком, которого произвел на свет. Ведь взрослые не любят проигрывать, потому и не дают ребенку сиюминутную возможность на объяснения. Для начала чадо должно хотя бы минимально пострадать, прежде чем выяснится, что взрослый — слепец.*

Оказалось, что моя Глория самостоятельно решила пережить смерть маленького мальчика. Хуже этого — только быть самим мальчиком или его братом. Естественно я соболезновала мистеру Олдриджу, которому предстояло пережить подобный ужас, и мне было безумно жаль Мартина, но я не могла не попытаться отговорить Глорию от подобного решения. После смерти взрослого, человек зачастую не может найти себя вновь, но после смерти ребенка он рискует навсегда пересечь черту невозврата к прежнему себе.

Я встретила с Глорией на кухне, когда все разошлись по своим спальням, а она спустилась после душа на кухню, чтобы выпить стакан воды.

— Дорогая, прости меня за то, что не поговорила с тобой сразу, — начала я издали и уловила, как моя дочь сразу же съежилась. Она всегда ежилась, когда не хотела разговаривать на определенную тему. — Но я не могу допустить эту ошибку повторно — мне нужно с тобой поговорить.

Мы сели за стол, усыпанный хлебными крошками, и я инстинктивно провела по нему

ладонью, пытаюсь расчистить пространство перед собой. Наконец я посмотрела в глаза дочери, прикрытые мокрыми клочками волос.

— У Мартина неоперируемая аневризма головного мозга, — глухо начала Глория, прежде чем я успела ляпнуть очередную чепуху. — Ему осталось жить не больше года. В течение следующих последних месяцев его жизни я буду рядом с ним.

Услышав это, я поняла, что всё уже решено. Я поняла, что снова оплошала. Если бы я поговорила с ней в самом начале, когда она не была так сильно привязана к мальчику, я уберегла бы её от кинжала в области её наивного сердца, который уже летит в его направлении. Слишком много «если бы» и «я бы», и ни одного «вовремя» или «успела».

Мне снова нечего было сказать своей дочери, поэтому я лишь молча подошла к ней и обняла. Закрыв глаза, я вспомнила, как в детстве, когда она переживала перед школьным спектаклем или экзаменом, я всегда её обнимала. Мои объятия всегда помогали моим детям в трудных жизненных ситуациях. Вот только грядущую смерть маленького ребенка сложно назвать просто «трудной жизненной ситуацией». На сей раз мои объятия были бессильны. Бессилен был весь мир.

С начала июня до середины августа аневризма Мартина увеличилась на полмиллиметра. Полмиллиметра до неизбежной катастрофы. Полмиллиметра к неминуемой боли. Полмиллиметра в сторону детской смерти.

С июля Мартин состоял на учете в Национальном неврологическом госпитале, который мы посещали еженедельно для проверки состояния мальчика. Вариант переезда в Лондон для того, чтобы каждую пятницу не тратить время на поездку туда и обратно, был отклонен, так как Мартину определенно должно было быть лучше на природе, нежели в железобетонных джунглях.

Я с Роландом подсели на чай из мяты с пустырником, пытаюсь успокоить нервы, с каждым днём сдающие позиции. Со стороны могло показаться, будто мы сидим под теплым солнышком, за садовым столиком на террасе и приятно потягиваем чаек. Но любой подошедший к нам ближе заметил бы наши нервные взгляды, направленные на Мартина, мирно рисующего в своём потертом блокноте. Можно было подумать, словно мы по чуть-чуть готовимся к самому страшному событию в наших жизнях, но к подобному нельзя подготовиться заранее. Вообще к смерти близкого человека невозможно когда-либо быть подготовленным на сто процентов, а к смерти ребенка даже на один процент.

Приступы головной боли, потемнений в глазах и головокружений незаметно начали учащаться. Подобный звоночек заставлял меня каждый вечер, перед уходом домой, задумываться над тем, увижу ли я Мартина следующим утром. Поэтому, каждое утро я вставала на полчаса раньше, чтобы встретиться с мальчиком прежде, чем он успеет навсегда уйти и даже не попрощаться.

Мы с Мартином негласно стали друзьями, дружба которых держалась на сарказме и взаимной иронии. Для своих лет мальчишка был необычайно смышлен, поэтому трудности в общении с ним возникали лишь тогда, когда кто-то пытался разговаривать с ним как с ребенком. Иногда мне даже казалось, будто Мартин понимает взрослых куда глубже, чем я, хотя и не умеет подбирать мягких слов для общения с окружающими. Однажды он сказал внезапно нагрянувшей на обед Кэрол, что для нее не найдется дополнительных приборов, на что девушка отреагировала нервным тиком правого глаза. После этого инцидента Кэрол появлялась ровно один раз в неделю, преимущественно во второй половине дня, чтобы выловить старшего Олдриджа без нашего присутствия. Она вычислила, что после обеда я с Мартином отправляюсь дремать или играть в палисаднике, поэтому приходила именно в это время. Отношения между Роландом и Кэрол были для меня непонятны. Эти двое точно не были парой, но утверждать, что между ними не было иной интимной связи, я не бралась.

Доротей поменялась со мной местами и теперь я ладила с Мартином лучше нее, но хуже чем это получалось у Лео. Не смотря на диагноз Мартина, Доротей, в отличие от моих родителей, решила не препятствовать общению своего внука с нашим подопечным. Родители напрямую не говорили о том, что не желают, чтобы двойняшки привязывались к Мартину, но мне и без слов было кристально ясно, что они боятся травмировать детей, поэтому пытаются держать их подальше от неминуемой, ежесекундно приближающейся смерти их новоиспеченного друга (тем более что он в любой момент мог умереть у детей на глазах). В итоге, со дня своего рождения, двойняшки ни разу не побывали в доме Олдриджей, под предлогом дошкольной подготовки, которой фактически не существовало. Лео же почти

каждый вечер приходил в гости. Во мне смешался эмоциональный коктейль из стыда, обиды и смутного понимания сложившейся ситуации. Я прекрасно осознавала, что мой выбор находиться рядом с умирающим ребенком не должен решать присутствие остальных рядом с ним, но одновременно мне было обидно за то, что люди думают только о том, как сберечь целостность своей нервной системы, совершенно не в силах полноценно осознать тот факт, что ребенок, находящийся рядом с ними, скоро перестанет существовать. Создавалось впечатление, будто я мчусь на скоростном поезде прямо в стену, из-за невидимости которой не могу предугадать, когда именно произойдет столкновение, после которого мою душу придется собирать по частям. С приходом в этот дом моё мироощущение изменилось, с неминуемым уходом из него «Няня Глория Пейдж» перестанет существовать — вместо нее появится «Бывшая Няня Глория Пейдж», о которой я пока еще ничего не знаю.

Свадебное платье — самый важный атрибут сегодняшнего дня, хотя если бы его не было, мою старшую сестру это бы точно не остановило — она бы отправилась под венец в своем идеальном, дорогом, праздничном нижнем белье. В этот праздничный день на Эмили было платье в греческом стиле цвета кремового айвори, а в руках она держала достаточно увесистый свадебный букет из ярко-алых роз.

В итоге, на свадьбу было приглашено сто семь человек и потрачено больше изначально отведенной суммы, так что в нашей семье не осталось даже заначки на черный день. По-видимому, этим самым черным днем, на который так активно откладывали старики, оказался день свадьбы моей старшей сестры.

Было решено провести церемонию в местном костеле, в котором в своё время был крещен мой отец, обвенчались родители, после чего в ней были крещены все их дети и внуки. Удачный выбор, если не учитывать того, что, по сути, выбирать было не из чего.

Пока мы занимались последними приготовлениями невесты, гости уже постепенно начали собираться. В этот праздник, самым печальным для меня и почти никем незамеченным моментом стало то, что Сэм, из-за злополучного вывиха лодыжки, обретенного ею накануне перед вылетом, в итоге не смогла приехать на свадьбу.

В половину двенадцатого мы оставили Эмилию наедине с отцом и отправились в костел. Когда мы оказались на месте, все приглашенные уже были в сборе (я лично проверила росписи напротив каждой фамилии). Мама выловила в общей толпе братьев Олдриджей и, в буквальном смысле, установила их у самого алтаря, на самом видном месте, рукой указывая мне на точку рядом с ними, на которой должна была расположиться я. Тот факт, что слева от Роланда оказался Рик, был заранее продуман. Мы старались свести знакомых друг с другом гостей и развести враждующих (коих было предостаточно) в разные стороны. Встав справа от Роланда, я оказалась с самого края у ковровой дорожки. В нашем ряду за Роландом следовал Рик, затем Тэмми, Мартин и Дин. Мои соседи были заняты обсуждением бледного жениха, что не сразу заметили моё присутствие, зато я успела рассмотреть наряды главных гостей церемонии. Роланд и Мартин выглядели как настоящие джентльмены, придя в одинаковых, классических черных костюмах от Армани. Тэмми же в своем бледно-розовом платье, длиной чуть выше колен, выглядела настолько смущенной рядом с красавцем Риком, пришедшем в тёмно-синем костюме от Бриони, что казалась красной помидоркой. Не удивительно, ведь это их первый совместный выход в свет. Вся наша семья знала о том, что Рик и Тэмми встречаются, но Тэмми так сильно стеснялась представить нам Рика в качестве своего парня, что отцу буквально пришлось настаивать на том, чтобы она привела его на свадьбу собственной сестры. Никто кроме меня даже не подозревал о том, что новоиспеченная парочка впервые поцеловалась лишь неделю назад, с учётом того, что Рик перед этим ежедневно обхаживал робкую недотрогу на протяжении полутора месяца. С такими темпами, их первый секс состоится не ранее чем через полтора года. Однако с Тэмми точно нельзя было по-другому построить отношения. Если терпение парня и дальше не сдаст своих позиций — он добьется больших успехов с этой девушкой.

— Глория, мы тебя не заметили, — улыбнулся Рик, и все обернулись на меня. — Красивое платье.

— Спасибо, — ответно улыбнулась я. На мне было короткое, нежно-розовое платье из

неопрена, а на ногах красовались аналогичного цвета лабутены, благодаря которым я была всего на пару дюймов ниже Олдриджа. Если честно, на покупку моего с Тэмми наряда, плюс укладку и макияж, я потратила все свои остатки от накоплений, которые мне были выплачены в счет сопровождения Мартина за границей.

— Эмметт такой бледный, — решила отвести внимание от своей персоны я, очевидно порозовев от пронзительного взгляда Роланда, от которого у меня даже в кончиках пальцев закололо.

— Думаешь, он передумает? — хитро улыбнувшись, поинтересовался Мартин.

— Нет-нет, — впервые взяла слово Тэмми, желая заступиться за беднягу. — Эмметт очень ответственный и он очень любит Эми — они точно сегодня поженятся.

— Даже если гром грянет? — не успокаивался мальчишка.

— Даже если грянет, — решительно кивнула головой Тэмми и все улыбнулись от того, как премило она выглядела в этот момент — словно пятилетняя девочка. В жизни у меня никогда не получалось выглядеть так мило, как моя младшая сестра. Её неподдельность всегда подкупала окружающих.

Невеста приехала ровно в полдень. Я обрадовалась тому факту, что сестра не задержалась, как это часто бывает в бразильских сериалах. По-моему, Эмметт не пережил бы даже минутной задержки невесты и обомлел бы прямо у алтаря, прежде, чем беленькая ножка Эми запоздало ступила бы на красную ковровую дорожку.

Церемония началась и все замерли. Эмилия Пейдж должна была принять сегодня увесистую фамилию Бланкар и всю свою оставшуюся, сознательную жизнь гордиться прапрапрадедом Эмметта, коему тот обязан громким происхождением. Перед невестой, ведомой к алтарю отцом, шла в белоснежном платье из органзы миниатюрная Элис, разбрасывая по сторонам белоснежные лепестки роз. По-моему, девочка была единственной из приглашенных, кто вообще не парился над значимостью мероприятия, так как, совершенно позабыв о присутствующих, она с каждым шагом подпрыгивала всё выше, что-то улюлюкая себе под нос и бросая чрезмерно надушенные лепестки куда попало, лишь бы только поскорее избавиться от их остатков. Так она одним жестким броском попала одновременно и в глубокое декольте близстоящей дамы, и в ошарашенную мордочку пикинеса, которого та держала на уровне своего откровенно торчащего бюста. Когда же невеста подошла к алтарю, Элис перевернула плетеную корзинку над своей головой, позволяя последним трем лепесткам свалиться на её уже потрепанные локоны, после чего девочка радостно подбежала ко мне и, улыбаясь остатками молочных зубов, радостно заявила: «Всё!». Если бы она была права — я бы была на седьмом небе от счастья, но суровая реальность была жестока и всё только начиналось.

После долгожданных взаимных соглашений молодоженов, обеими сторонами была подписана соответствующая бумага о добровольном согласии на пожизненное рабство и произведен обмен кандалами. Кольца молодожены выбирали так долго, что все ювелирные салоны Лондона запомнили эту счастливую парочку в лицо. После того, как бракосочетавшихся на выходе из церкви забросали крашеным рисом, гости отправились на место проведения мероприятия. Молодожены арендовали усадьбу за городом, вместе с прилегающим к ней, небольшим вишневым садом и искусственным озером.

По завершению часовой фотосессии с новобрачными, начался свадебный обед, во время которого гости соревновались в произношении самой длинной и увесистой речи, и мерились подарками. Молодожены отказались от идеи составления свадебного реестра, позволив

гостям самостоятельно выбирать варианты подарков. В итоге, идея оказалась удачной, так как, в течение оставшегося дня многие, гости брали слово и, произнося трогательную речь, предоставляли свои подарки на общий суд, что внезапно оказалось отличной развлекательной программой. Почти все дарили запечатанные конверты, но были и те, кто отклонялся от нормы. Например, крёстная Эми подарила большой и дорогостоящий фарфоровый сервиз, друг жениха решил подарить набор постельного белья из натурального шелка, начальник Эми преподнес молодым в подарок бронзовую подкову, а бывшая одноклассница невесты отделалась месячным сертификатом на парное посещение конного клуба.

Я, Роланд, Мартин, Рик и Тэмми сидели за одним столиком, расположенным справа от стола молодоженов и напротив стола, за которым разместились родители, бабушка с бабушкой, двойняшки и крёстные Эми. По сути, наш столик был одним из самых привилегированных.

Все столы были круглыми, что позволяло стереть границы между присутствующими, отчего я впервые в жизни почти почувствовала равенство с Олдриджем, всё же не забывая кто здесь Артур Пендрагон^[37]. Впервые в жизни в присутствии Роланда я могла потянуться за очередным канапе, совершенно не переживая о том, что именно он обо мне подумает.

После шоу мыльных пузырей и конкурса среди неженатых мужчин, из-за соседнего столика поднялась пожилая женщина, которая оказалась троюродной тётёй со стороны жениха, о существовании которой, до недавних пор, не подозревал даже сам жених. Она преподнесла неожиданный подарок — детское автокресло для будущего наследника фамилии Бланкар. Наш город был небольшим, благодаря чему девяносто пять процентов среди присутствующих была осведомлена о том, что Эми страдает от невозможности родить ребенка. Конечно, женщина не была в курсе этого печального факта, однако праздничное настроение оказалось под угрозой. Все начали перешептываться, когда побледневшая Эмилия, с натянутой нервной улыбкой поднялась, чтобы принять из рук женщины увесистый подарок.

— Блин, — откинувшись на спинку стула, прошептала я.

— Что такое? — поинтересовался Олдридж, не понимая всеобщего замешательства.

— Моя сестра страдает от бесплодия. Врачи дают один из десяти шансов на то, что она когда-либо сможет родить, — шепотом пояснила я, чтобы никто кроме моего соседа не обратил на меня внимание.

— Вот ведь хрень, — выругался Роланд, и мои глаза округлились от неожиданности его высказывания. Прежде я никогда не слышала, чтобы он позволял себе срывать на грубые выражения. — Мартин, твоя очередь. Давай, быстро, — буквально выгнал из-за стола своего младшего брата Роланд.

— Дамы и господа, — радостно громко произнес Мартин в микрофон, заставляя всех приковать свои взгляды к нему. У него было такое счастливое выражение лица, словно только что наступил звездный час всей его жизни. — Я хочу подарить молодоженам необычный подарок. Только не думайте, что я сейчас начну читать стихи на табурете или петь.

Все вдруг заулыбались, отчего тучи над праздником начали постепенно рассеиваться. Интересно, он готовил речь заранее или импровизировал на ходу?

— Так как я еще несовершеннолетний, мне пришлось воспользоваться услугами своего взрослого брата, чтобы подарить молодоженам то, что я хочу, чтобы брат подарил мне на

совершеннолетие. Правда, к тому времени я выберу подарок покрупче, но хочу чтобы Роланд имел в виду.

Все снова заулыбались, некоторые даже перешли на смешки, а я вдруг ушла в себя от ужаса перед осознанием того, что никакого совершеннолетия у Мартина не будет. У него вообще мало чего будет в отмеренной ему жизни. У мальчика может не быть уже завтрашнего дня.

Еще секунда и я бы сорвалась на слёзы, но вовремя перевела затуманившийся взгляд на улыбающегося Роланда, и мне вдруг стало легче. От него веяло печальным спокойствием и он улыбался Мартину так же, как это делали остальные гости. Неосознанно, я тоже улыбнулась и поняла, что *это сложнее чем кажется — улыбаться, чтобы не плакать.*

— Мой подарок находится за пределами этого шатра, так что тем, кто хочет его увидеть, придется выйти наружу, — усмехнулся Мартин и все словно сорвались со своих мест, следуя за счастливым мальчишкой. Из-за в конец испорченного настроения, я решила остаться за столиком, как, впрочем, и Роланд. Рик хотел последовать нашему примеру, но Тэмми робко потянула его за рукав, и он моментально понял, что нужно делать. В итоге, в шатре остались только я с Олдриджем и несколько дряхлых старушек за дальними столиками. Все остановились напротив декорации в виде огромной, подарочной коробки с большим бантом, на фоне которой прошла бóльшая половина фотосессии с молодоженами.

— Только не говорите, что подарок находится внутри декораций, — ухмыльнулась я, встав со своего места, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим снаружи.

— Вообще-то, это не декорации, а подарочная упаковка. Просто гости неправильно восприняли оформление.

— Вы подарите молодоженам их совместную скульптуру в натуральный рост? — хмыкнула я, наблюдая за тем, как Мартин приказывает одному из гостей дернуть за подъемный кран, который начал поднимать крышку коробки вверх. Я услышала восторженные возгласы, напрягла глаза и поняла, что люди обступили что-то крупное. — Автомобиль?! Вы подарили им автомобиль?

— Мартин подарил.

В течение оставшегося дня все только и занимались тем, что обсуждали Мазерати кватропорте последнего поколения, в комплект к которому входило десятилетнее обслуживание в одном из лучших автосалонов Лондона. Первый час Эмметт трещал по швам от неожиданного счастья, свалившегося на его новоиспеченную семью. Эмилия же была на седьмом небе от того счастья, которым брызгал во все стороны её муж, и уже никто не обращал внимания на ликующую даму, которая в сотый раз норовила напомнить всем, как она метко угадала с подарком в виде детского автокресла. Праздник был официально спасен, но меня не покидало странное чувство долга, которое я вдруг начала испытывать по отношению к Олдриджу. Я понимала, что подобные подарки для него мелочи, но одновременно мне казалось, будто теперь вся наша семья должна вписаться в пожизненное рабство к этому человеку. Как бы то ни было, дальше празднество потекло в пять раз веселее, чем прежде. К вечеру жениха и невесту начали поздравлять уже подвыпившие бравурные личности, заранее открывающие свои конверты, чтобы предоставить на всеобщее обозрение количество зеленых банкнот. Около восьми часов, когда шоу мимов, волшебство фокусника, трюки барменов и танец отца с невестой были позади, в центр зала выкатили тележку с огромным пятиярусным тортом, на который ушли остатки родительских сбережений. Под общие возгласы, молодожены разрезали кондитерское чудо и в течение

следующего полчаса все поглощали лишние калории, наслаждаясь плейкастом из детских фотографий жениха и невесты, транслируемого на огромном белоснежном полотне, растянутом за их спинами. Когда на экране неожиданно всплыло фото, на котором я, в трехлетнем возрасте, обмазываю старшую сестру сметаной, стоя на табурете в настолько коротком ситцевом платье, что из-под него проглядывались мои голенькие булки, я крикнула от неловкости, нехотя выдав себя людям, сидящим за одним столиком со мной. В этот момент Роланд сразу же искренне засмеялся, заставляя меня покраснеть еще гуще. Я изо всех сил старалась, чтобы фотографий с моим участием не попало в ленту, но, по-видимому, мама приложила больше усилий для того, чтобы незаметно впихнуть этот снимок в фоторепортаж. Шикнув на смеющегося Олдриджа, я поняла, что он отлично проводит время. К концу вечера он сидел уже без костюма, с закатанными по локоть рукавами белоснежной рубашки, и потягивал очередной бокал не самого дорогого шампанского. Судя по всему, он искренне веселился и точно не чувствовал себя скованно на свадьбе едва знакомых людей. Да и с чего ему вдруг чувствовать себя скованно после предоставленного им роскошного подарка молодым, тем более за столом с ним сидели давно знакомые люди, за исключением моей младшей сестры. Рик поддерживал безалкогольный режим Тэмми, налегая на слабоалкогольный арбузный пунш, Мартин наслаждался дополнительным куском торта, Роланд вкушал чудное для него шампанское, а я наблюдала за счастливой старшей сестрой. Еще никогда в жизни я не видела Эмилию настолько вознесенной от счастья. Вечер подходил к концу и, судя по всему, все её мечты по поводу организации собственной свадьбы, были исполнены.

В половину девятого начались танцы. Сначала всё было достаточно тихо и мирно, но уже через час свадебный шатер трещал по швам, так как плейлист молодоженов оказался достаточно своеобразным. Рик всё же уболтал Тэмми подарить ему танец как раз на предпоследнем романтично треке. Сразу после начала танцевального батла и громких восторженных завываний присутствующих, Рик с Тэмми вызвались отвезти начинающего скучать Мартина домой. Лучшего предложения покинуть бурное мероприятие придумать было нельзя. Когда они скрылись из виду, неожиданно после поп-рока, ведущий объявил белый танец. Вообще нельзя не отметить качественную работу этого парня в течение всего праздника (естественно, столько денег отгреб!), но белый танец сразу после поп-рок разноса — это перебор.

— Замечательно, потанцуем, — довольно улыбнулся Олдридж, и я удивилась тому, как он умудрился не опьянеть после выпитого им немалого количества дешевого шампанского. Неожиданно Роланд резко встал и потащил меня на середину танцпола, сделав нас пятой танцующей парой. Я даже не успела понять, как именно это произошло!

— Так держать, детка, — после продолжительного свиста, прокричал в нашу сторону отец, на которого шампанское, в отличие от Олдриджа, явно подействовало. Ну или виной тому было что-то более крепкое. — Это моя дочь!

— Вот ведь, — раздраженно прошептала я. — Это белый танец, смысл которого заключается в том, что дама приглашает кавалера, а не наоборот.

— Не нужно объяснять мне правила танца, если только это не Купе-де-Кале^[38]. Я специально ждал этого танца. Пусть теперь все думают, что Вы ко мне клеитесь.

— Считаете это остроумным? Мои родители и так извелись от мысли о том, что Вы извращенец. Теперь они начнут мучиться догадками о том, что на самом деле извращенка я.

— Вы и есть самая настоящая извращенка.

— Я?! Почему это?

— Когда Вы напились перед поездкой в Швейцарию, Вы лезли ко мне целоваться.

— Что?! — внутри меня всё задрожало и внизу живота вдруг что-то судорожно сжалось.

— Вы с меня чуть штаны не спустили, благо на мне был тот самый ремень, с которым Вы позже не справились в Шато-Лорье.

Неужели я и вправду способна была вешаться ему на шею?! Подобного позора я еще в жизни не испытывала. Я вдруг почувствовала себя такой жалкой, что мои ноги едва соглашались передвигаться.

— Расслабьтесь, я шучу, — вдруг задорно заулыбался Олдридж, уловив моё состояние. — Вы просто напились в стельку и отключились в спальне для гостей.

— Вы идиот! — впервые я позволила себе выпалить такие резкие слова в адрес Олдриджа. И хотя мне стало легче от того, что он назвал всё вышесказанное им шуткой, всё равно ощущение неопределенности начало меня мучать и новая волна переживаний накатила на моё подсознание. Сам факт того, что я совершенно не помню тот хмельной вечер, заставлял меня с нарастающим волнением думать о том, что именно я могла забыть.

Танец закончился, и все незамужние девушки собрались в центре зала, в надежде словить букет невесты. Я не хотела участвовать в данном мероприятии, так как у меня, в отличие от визжащих соперниц, даже кандидата на вечное рабство не было, но мама меня буквально вытолкала в центр зала, явно давая понять, что она серьезно намерена в ближайшем будущем избавиться от еще одной своей дочери. В конечном счете, за спиной невесты собралось около двух десятков пищащих девиц, радостно направляющих Эмилию своими подвыпившими воплями, выкрикивая ей правильную траекторию полета букета. Что я могу сказать? Моя старшая сестра никогда не отличалась хорошей координацией. В итоге букет полетел куда-то вправо от толпы обезумевших девушек, которые лишь и могли наблюдать за тем, как увесистый букет из красных роз со всего размаху ударяется в висок Олдриджа, стоящего у стола с напитками и мирно потягивающего очередную порцию шампанского. Все в один голос ахнули, наблюдая за тем, как неподъемный пук цветов врывается в голову Роланда. Но как мгновенно и красиво это было! Олдридж подхватил уже летящий вниз букет, параллельно стряхивая с себя осыпавшиеся лепестки, так и не заметив последнего, оставшегося у него на голове. Если бы подобное чудо врзалось в мою голову, я бы потеряла сознание на месте, заработав очередное сотрясение мозга, так как Эмилия для своей церемонии выбрала поистине свинцовый букет. Разогнувшись с вовремя словленным букетом, Олдридж мгновенно заулыбался и все, словно расслабившись, начали свистеть, хлопать и смеяться. Ведущий начал острословить по поводу наличия аптечки у организаторов праздника и скором порабощении Олдриджа, пока Роланд убирал последний алый лепесток со своей головы. Уже через пять минут все вышли на улицу, чтобы насладиться продолжительным фейерверком, после которого жених с невестой должны были удалиться. Я успела выйти на улицу лишь к третьему разрыву купола в небе и сразу обратила внимание на отстраненно стоящих с молодоженами родителей и Олдриджа. Естественно я сразу направилась к ним.

— Но ведь это переулочек новых домов, — расслышала слова отца я, сквозь звук очередного разорвавшегося в небе фейерверка.

— На этой улице всего дюжина домов, — ответил Роланд. — Ваш десятый.

— Ваш? — переспросила я, остановившись рядом с невестой.

— Он дарит нам дом, — ошарашенно посмотрев на меня, произнесла Эмилия.

Жилплощадь в нашей семье всегда была больной темой. Семейство Пейдж привыкло жить в стесненных условиях и родители даже не мечтали в ближайшие годы своей жизни купить отдельное жилье для Эмметта с Эмилией. Именно поэтому свалившийся на голову новоиспеченной семьи дом казался манной небесной даже для Балто и Герды, которые в последнее время слишком много скулили от чрезмерного внимания или его полного отсутствия со стороны двойняшек, из-за чего дед называл их двуличными пустолайками. Естественно все в один голос говорили о том, что дом — это слишком дорогой подарок и его невозможно принять, одновременно пряча ключи от заветной двери во внутренний карман пиджака жениха.

Дом был одноэтажным, трехкомнатным (если не считать гостиную и достаточно просторную столовую, совмещенную с кухней) с широким задним двором и отличным гаражом, рассчитанным на два автомобиля. Обладатели ста тридцати квадратных метров уже к концу августа обставили их достаточно шикарно, за счет тех денег, которые копились парой на покупку двухкомнатной квартиры. В итоге из среднестатистической семейной пары, мои родственники превратились в среднестатистическую состоятельную пару и это всего за пару часов знакомства с Олдриджем. Эмметт стал считать себя не просто радиоведущим, а настоящим шоуменом, разъезжая по городу на новом Мазерати, в то время как самооценка Эмилиии возросла минимум на пять пунктов, пока она протирала собственную пыль собственной тряпкой в собственных апартаментах, что позволяло ей держать голову еще выше, чем прежде.

Подходящее к концу лето в этом году выдалось слишком солнечным и теплым для Британской земли. Однако отныне всякую радость, даже самую незначительную, вроде солнечных валлийских дней, омрачала тень надвигающейся смерти. На фоне увеличивающейся аневризмы, врачи прогнозировали скорое окончание дней жизни Мартина. Они давали лишь один из десяти шансов на то, что мальчик сможет дожить до следующего лета. Мартин всё еще не о чем не догадывался, но всё же он не мог не обращать внимания на учащающиеся головные боли, головокружения и увеличение дозы лекарственных средств, которые я выдавала за обыкновенные витамины. И хотя было очевидно, чем именно всё закончится, мне всё равно не хотелось верить в то, что «это» должно произойти. Я чувствовала себя барахтающейся на поверхности океана отчаяния, который, не смотря на все мои усилия, рано или поздно поглотит меня в бездонную пучину боли. Даже представить сложно, что переживал каждый день Роланд. Он хотел казаться невозмутимым, принявшим жестокую реальность и смирившимся с мыслью о скорой смерти единственного брата, но он всё чаще стал теряться во времени и словно улетать в другое измерение, наблюдая за бегущими по палисаднику братом, при этом обжигая свои губы горячим чаем. Однажды, наблюдая за рисующим Мартином, он уронил ключи от автомобиля в вазу с садовыми цветами и даже не заметил этого.

* * *

Неожиданно наступил сентябрь. Я бы даже не заметила его прихода, если бы радостные

племянники не носились по дому в предвкушении своего первого школьного дня и переволновавшаяся на этом фоне мама не старалась бы заставить отца выплюнуть лишний кусок бекона, тщетно напоминая ему об осенней диете, которая на самом деле предполагала не сброс лишних калорий, а экономию в нашей семье дорогих продуктов вроде бекона. В этот и другие дни, в моей семье было как обычно шумно и весело, в то время как в поместье Олдриджа становилось всё мрачнее.

Спустя полчаса после окончания плотного завтрака, я везла Мартина в Национальный неврологический госпиталь, в котором он проходил еженедельный осмотр. В последние дни мальчик сильно притих, стал меньше есть и соглашаться на подвижные игры с Лео, что заставило меня беспокоиться. С некоторых пор меня кидало в дрожь от малейшего отклонения от нормы в самочувствии Мартина, как, например, икота после длительной прогулки или чих от банального сквозняка. Кажется, только за август я обрела букет нервозности, который прямым путем медленно вел меня к скрытой паранойи.

Когда ведущий Мартина доктор увидел нас за сутки до назначенного приема, он побледнел ровно на два тона, но уже через час оказалось, что Мартин в относительном порядке. С тех пор как мы узнали о смертельном диагнозе Мартина, он всегда был в относительном порядке, что означало следующее — аневризма не увеличилась, но всё равно когда-нибудь лопнет и прикончит её обладателя. Поэтому, когда доктор в очередной раз произнес устоявшееся выражение, я словно очнулась от надежды. Все три месяца лета я хотела услышать что-то обнадеживающее на продолжение детской жизни, но слышала лишь утверждения на смерть. Это как снова и снова пытаться обжаловать смертный приговор, и раз за разом слышать, что тебя всё равно убьют. Больно, жутко, обидно.

В Лондоне, среди бетонных стен и погасшего за тучами солнца, было настолько уныло, что даже Мартин захотел побыстрее вернуться домой, не заглядывая по пути в его любимое кафе-мороженое. Поэтому уже через час мы были в нашем маленьком городке и готовились к обеду. И всё же я не могла не заметить потухшего настроения мальчик, которое преследовало меня уже несколько дней. Как всякий взрослый, всё это время я делала вид, словно всё в порядке, пытаясь развлечь ребенка всевозможными играми, что иногда у меня даже получалось, ни разу даже не попытавшись узнать причину детской меланхолии. Наверное, я боялась услышать от него самое страшное — что он узнал о своей болезни. А ведь он мог подслушать разговор Роланда с Доротеей или узнать это от Лео, который в свою очередь мог случайно подслушать от своей бабушки. От одной только подобной мысли меня бросало в дрожь. *Все взрослые, боясь услышать то, чего не хотят слышать, затыкают уши, совершенно не задумываясь о том, что именно в этот момент вертится на языке ребенка.* Я — не исключение. Лишь после того, как Мартин отказался от его любимого вишневого крамбла, я реально запаниковала. *Только паника способна заставить взрослого засунуть свое раздутое эго глубоко, хотя и ненадолго, пока то снова не раздуется до размеров его внутреннего мира.*

— Что-то произошло? — наконец поинтересовалась я, сев на край кровати Мартина, валяющегося на ней навзничь.

— Сегодня первый учебный день... Почему я не пошел в школу? Сначала Рик перестал со мной заниматься, потом брат забыл о том, что со второго полугодия я должен был пойти в школу...

Он не узнал, что именно с ним происходит... Вернее, что должно произойти. Я с облегчением выдохнула.

Как объяснить ребенку, что ему нет смысла тратить оставшиеся часы жизни на правописание и арифметику? Как объяснить ребенку, что всё, что у него осталось — это неопределенный, очень короткий отрезок времени, за который он должен успеть искренне улыбнуться больше, чем это было предназначено на линии его жизни? Как объяснить ребенку, что он — бомба массового поражения, после взрыва которой часть тебя исчезнет вместе с ним насовсем?

— Ты хочешь, чтобы Рик возобновил с тобой занятия? — попыталась улыбнуться я.

— Тупица! — обиженно рявкнул Мартин, и я почувствовала, что он прав. — Я хочу ходить в школу.

Казалось бы — нет ничего благороднее, чем способствовать желанию ребенка ходить в школу, но это не так. Ведь нет ничего ниже, чем упущенное по вине взрослого, жизненное время ребенка.

* * *

— Думаете, мы поступим правильно, позволив ему пойти в школу? — поинтересовался Олдридж, сидя в своём кабинете напротив меня, в дорогом кресле, за столом из красного дерева. — Он ведь может в любой момент... Гхм... Даже во время урока...

Такой богатый и такой беспомощный. *Болезненное чувство бедняка, ищущего помощи у богатого, только чувства богатого, которому не к кому обратиться за помощью.* Человеку, который всю свою жизнь решал абсолютно все поставленные перед ним задачи, не просто «больно» столкнуться с задачей, которая ему не по плечу, и признать своё поражение — он впервые в жизни чувствует себя беспомощным. Беспомощность для людей данного типа подобна смерти, что значит, что смерть Мартина может поставить крест и на Роланде, даже если он этого сначала и не заметит.

— Я считаю, что мы должны хотя бы попробовать, лишь потому, что это желание Мартина. У него появится новый круг общения со сверстниками, и он сможет найти друзей...

Вот только тот факт, что времени на поиск новых друзей почти не осталось, мы не обсудили. Мы уже давно не обсуждали всё, что связано со словом «время».

После первого школьного дня Мартина стало понятно, что это была не лучшая идея, от которой мальчик всё ещё отказывался отказываться. По его настроению можно было понять, что он не в восторге от добровольно внесенного им в его жизнь новшества. Мартин ясно дал понять, что не имеет желаний обсуждать первый день в новой школе, а вечером отказался от ужина, сославшись на отсутствие аппетита. Естественно, когда на второй день он сел в машину с отстраненным выражением лица, я поняла, что пора вступать в игру. Встретившись на третий день с классным руководителем Мартина, я поняла, что наш разговор должен был состояться двумя сутками раньше. Оказалось, что мальчика не только не приняли ровесники, но у него еще обострились отношения с детьми старшей возрастной категории. Многие родители могут считать детские проблемы в школе всего лишь этапом, который проходит каждый ребенок на пути к взрослению, вот только Мартину этот путь закрыт, отчего всё внутри меня сжалось в комок боли. Самым большим ударом во всей этой ситуации для меня стал тот факт, что причиной издевок над мальчиком стала я — «няня», подвозившая и забирающая его из школы. К Мартину обращались исключительно по кличке «беспомощный», даже не подозревая о том, насколько они правы. Болезнь Мартина сделала беспомощным не столько его, как близких ему людей, заставив нас каждый день захлебываться в собственной беспомощности.

Сначала я разозлилась на учителя за то, что он сразу не предупредил меня или Роланда о проблемах Мартина, затем я вернулась на землю и поняла, что никто кроме нас не виноват в том, что мы не заметили проблем мальчика самостоятельно, не смотря на то, что они были очевидны. Следующие сутки я думала над тем, как решить сложившуюся ситуацию. Естественно я пришла к выводу о том, что мне стоит прекратить отвозить и встречать Мартина из школы, передав эту обязанность Роланду или Джонатану, но я не успела поделиться своими мыслями с Олдриджем, как Мартин всё самостоятельно разрулил. На следующий день после моего разговора с классным руководителем Мартина, Роланда вызвали в кабинет директора, чтобы сообщить о стычке мальчишки с пятнадцатилетним подростком. Когда я увидела разбитый нос Мартина, я чуть не обмлела от ужаса, но словив довольно улыбающийся взгляд мальчика, немного успокоилась. Оказалось, что мальчик сцепился с задиравшим его старшеклассником.

— Я сломал ему левую руку дверцей школьного шкафчика, — буквально светясь от счастья, заявил Мартин приглушенным, из-за полученной травмы, голосом.

Роланд весело улыбнулся младшему брату, после чего они обменялись мужским рукопожатием, что заставило меня улыбнуться им в ответ, однако весь мой внутренний мир напрягся, и вскоре я поняла, что, не смотря на улыбку, Роланд находится со мной на одной волне. Уже через полтора часа мы сидели на коридоре Национального неврологического госпиталя, ожидая результатов компьютерной томографии. Облегчение, с которым мы узнали, что сотрясения мозга у мальчика нет, невозможно передать словами, однако сама ударная волна о череп ребенка могла негативно сказаться на аневризме, так как мозг несомненно отреагировал на стресс. В итоге Мартину прописали еще три вида различных дорогостоящих транквилизаторов, после чего отпустили домой.

На обратном пути Мартин заснул и мы ехали в полной тишине, то ли боясь разбудить мальчика, то ли боясь, что он не проснется, если мы его окликнем.

После первой учебной недели наступили долгожданные выходные. Отчасти они были столь желанны из-за того, что я получила больше времени на то, чтобы разобраться в школьной жизни Мартина, отчасти от того, что у папы в субботу должно было состояться долгожданное собеседование, которое организовал ему Рик. Должность охранника мебельной фабрики оказалась не только желанной, но и неплохо оплачиваемой для нашего городка. Так что если отец вдруг устроится на это место по рекомендации Рика, в нашей семье будет плюс два плюса к карме сразу двух мужчин — отец будет благодарен Риму, а Рик будет доволен своим удавшимся подкатом к отцу своей девушки.

К концу выходных, со слов Мартина я поняла, что его «героический» поступок посредством переломанной конечности обидчика, сделал его едва ли не самой авторитетной личностью в школе (о чем также свидетельствовала его переписка в соцсетях, которую я, как настоящий, искренне переживающий взрослый, эгоистично изучила, пока мальчик был в душе, не удосужившись просто поверить ребенку на слово). Еще одной хорошей новостью стало новообретенное рабочее место отцом, что повлекло за собой бурное застолье с участием Рика, который с каждым днем внедрялся в нашу семью всё глубже. Бедняга даже не подозревал, что норовит стать частью Семейки Аддамс^[39]. Естественно и во время этого застолья не обошлось без происшествий: новые ботинки Рика погрыз Балто, Дин забрызгал джинсы гостя фирменным грушевым компотом бабушки, а отец неуместно начал расхваливать Тэмми, словно пытаясь её сосватать, чем едва не довёл сестру до внутренней истерики. Но что поделаешь — если парень действительно серьезно настроен по отношению к моей младшей сестре, тогда, по мере знакомства с её родней, ему придется привыкнуть и к худшим моментам.

Следующая неделя выдалась настолько тёплой, что даже дедушка, всегда скептически настроенный по отношению к погоде, отметил необыкновенно теплое для Британии лето и не менее обнадеживающее начало осени. У Мартина настолько всё наладилось в школе, что он отказывался возвращаться домой сразу после уроков, подолгу задерживаясь на кружках по настольному теннису и шахматной игре. Он также оказался весьма успешным по школьным предметам, буквально опережая своих ровесников по знаниям, из-за чего преподавательский состав считал его одаренным ребенком, что являлось заслугой Рика, который занимался с ним по гипер-ускоренной программе.

Что касается меня и Доротеи — наши дни проходили слишком лениво. Мы потягивали малиновый чай, копошились в палисаднике из-за собственного пристрастия к цветам, а не из-за необходимости помочь Якобу, читали модные глянцево-журналы и пекли маффины по фирменному рецепту прабабушки Доротеи, заставляя объедаться ими штат прислуги и восхищаться местного повара. К концу недели Доротея начала всерьез беспокоиться по поводу наших рабочих мест, опасаясь того, что Роланд вдруг вспомнит о том, что в его доме ошиваются две абсолютно бесполезные особы, и сократит свой штат минимум на одного человека (которым, пессимистически настроенная женщина, естественно, считала себя), так как для занятий с ребенком вечером достаточно и одной, цитирую: «бездельницы». Я была с ней солидарна относительно того, что нам платят огромные деньги лишь за распитие чаев и несколько часов общения с мальчиком, но, по-видимому, Олдриджа всё устраивало. За прошедшую неделю я несколько раз сталкивалась с ним лоб в лоб: когда он шел по

коридору, уткнувшись в свои многомиллионные бумаги; читал книгу сидя в гостиной; разговаривал по телефону в заднем палисаднике; едва не сбивал меня с ног, выходя из дома и размахивая огромной связкой ключей, — но он ни разу даже не намекнул на то, что собирается кого-то из нас уволить. Конечно, я была рада за Мартина, за его успехи в учебе и отношениях с ровесниками, но к концу недели я словила себя на мысли о том, что начинаю скучать без этого мальчика. Когда я поняла, что мне не хватает его шумных рассказов о Звёздных Войнах, его возни у камина, регулярных насмешек и растерянных вопросов о том, почему я иногда на него странно пялюсь — я испугалась. Я испугалась того, что уже сейчас мне скучно без него и поняла, что после ухода мальчика из моей жизни, мне не просто будет его не хватать — внутри меня образуется вакуум с ярлыком «Мартин», боль от которого едва ли возможно будет заполнить чем-то безалкогольным или более сильным, чем оупевшее горе.

В свете последних событий, я всячески пытался поддержать Роланда, прекрасно осознавая, что ежедневные совместные занятия спортом и походы по местным кафетериям не помогут избежать трагедии, и даже не притупят боль перед надвигающимся на него ужасом. Ничто не поможет. Единственное, чем я мог поспособствовать другу — это стараться хотя бы на некоторое время заглушать его осознание того, что именно с ним вскоре должно произойти. Я прекратил занятия с Мартином, но старался не терять с ним связь, которая, в итоге, порежет руки в кровь всем, кто её удерживает. В тот день, когда я узнал о том, что Мартин приговорен, я прекрасно понял, что до раскола внутреннего мира моего лучшего друга остались считанные дни.

Четыре года назад, от лейкемии скончался на двадцать четвертом году жизни мой старший брат. Это была тяжелая смерть, с которой пришлось долгое время бороться и еще дольше бороться с её последствиями. Естественно Кит всё знал о своей болезни. Иногда мне казалось, что он знал даже больше, чем ему следовало знать о том, к чему именно всё идет. Белокровие брата впервые диагностировали, когда ему было двадцать лет, но вследствие продолжительного курса лечения цитостатиками, после которого последовала успешная ремиссия, было утверждено, что химиотерапия прошла успешно и вероятность возникновения рецидива ставилась под серьезное сомнение. Однако, не смотря на утешающие прогнозы докторов, спустя три года, незаметно для всех, произошел рецидив, который диагностировали слишком поздно. Всё потому, что продолжительную слабость и утомляемость, включая подверженность к инфекционным заболеваниям, Кит долгое время списывал на результат кропотливой работы над диссертацией (в свои двадцать три он готовился к присуждению магистерской степени), а появление красных точек на коже принял за признаки аллергической реакции на клубнику. Плюс ко всему, Кит никогда не отличался крепким здоровьем, так что на первые звонки его страшного заболевания брат обратил внимание лишь после того, как у него начались обильные кровотечения носом. После общего анализа крови подтвердились худшие опасения — острый лимфобластный лейкоз. Лейкоцитов в крови моего брата было настолько много, что первоначально назначенная ему пересадка костного мозга была отменена уже спустя неделю, так как её результаты стали бы неоправданными муками, которые лишь сделали бы оставшуюся жизнь Кита еще более мучительной, но не спасли бы её.

К концу следующего полугодия после подтверждения диагноза, Кит обрел букет из основной симптоматики, актуальной для безнадежно больных ОЛЛ:

- 1) Интоксикация, повлекшая за собой постоянное недомогание брата, его резкую потерю веса, периодические лихорадки, провоцируемые вирусными, бактериальными и грибковыми инфекциями.
- 2) Гиперпластический синдром, заставивший его носить бандану на шее, чтобы спрятать страшно опухшие лимфоузлы.
- 3) Кровоизлияние в глазную сетчатку и отечность зрительного нерва, из-за которых у Кита резко ухудшилось зрение. Офтальмоскопия выявила в рамках глазного дна наличие

лейкемических бляшек, но доктора не смогли посоветовать ничего лучше, чем приобрести очки (смысл тратиться на лазерную терапию, если парень всё равно скоро скончается? Зачем ему в последние дни ясным взором видеть этот жестокий мир?).

4) Тахикардия и дыхательные нарушения на фоне анемического синдрома и опухших периферических лимфоузлов, из-за которых Кит с каждым днем урезал свой прогулочный маршрут и в итоге стал ограничиваться задним двором, который мама, специально ради него, впервые привела в порядок.

Цитостатики вскоре перестали помогать, не помогала и вера в чудо.

Белая смерть — одна из самых безжалостных, любящая пытать свою жертву и находящаяся с ней рядом. Естественно, Кит почти круглосуточно находился под дозой морфина, что должно было гарантировать анестезию, но всё равно его страдания оставались слишком сильны. За последний месяц его жизни мы все постарели минимум на пять лет — у еще молодого отца появилась очевидная седина на висках, а мать под села на антидепрессанты, с которых потом смогла слезть лишь спустя полтора года после смерти сына.

Кит умер солнечным, мартовским днем, но смерть его была беспощадно мучительна. К моменту своего последнего вздоха, мой старший брат настолько устал жить, что все желали ему скорейшей кончины, даже я. *Мучительная смерть близкого человека делает из тебя, возможно, последнюю сволочь или, может быть, законченного мученика, заставляя тебя желать дорогому тебе человеку не выздоровления, но смерти.* Но она не спешит приходить даже после того, как ты признаешь своё бессилие, своё поражение. Она стоит рядом с тобой и наслаждается твоими муками, муками твоих близких и умирающего, пока ей не опостылит и она не захочет новой дозы отупевшего горя. И лишь после длительного раздумья, она, наконец обрывает нить завывающей от боли жизни, чтобы отправиться к другому несчастному, давно ожидающему её у своего изголовья. После подобного самые близкие умершему люди словно перестают жить — они переходят в многолетний режим существования, тратя свою жизнь на транквилизаторы, алкоголь и прыжки с парашютом, в надежде на то, что купол над их головой не раскроется. Я пробовал все вышеперечисленные варианты, поэтому, когда осознал, что стою на грани отчисления из Кембриджа, даже не успел огорчиться. Из подающего надежды студента я перешел в ранг самого отстающего по всем статьям и показателям разгильдяя, но мне было откровенно наплевать. Я снова взялся за учебу лишь потому, что случайным образом обнаружил, что полное погружение в книги помогает забыться лучше, чем алкоголь или беспорядочные половые связи. На момент обнаружения рака крови у Кита, я встречался с длинноногой блондинкой, безрассудно приурочивая химию между нами такому великому чувству как любовь. Но лишь только после смерти брата я понял, чем на самом деле является любовь и что несет с собой это чувство — боль. Отупевшую, глухую боль, сводящую с ума даже самых сильных мира сего. Мне не было больно расставаться с Моникой, которая больше двух месяцев не смогла вынести моей кислой мины и отсутствие с моей стороны желания затаскивать её в постель ежедневно, как это было прежде. Порвав лишние связи, мне даже стало легче от того, что больше никто не выносил мне мозг псевдозаботой и новым нижним бельем.

Мне было настолько больно от мучительной смерти Кита, что я буквально отупел от силы этой боли. Мне не хотелось больше любить кого-то кроме оставшихся у меня родителей, которых в будущем я неизбежно должен буду по очереди потерять. Передо мной начали мелькать разномастные девушки, порой не отличавшиеся трезвостью или

сексуальностью, но меня это не останавливало, так как я наверняка установил для себя границы: никакой новой любви в моей жизни, по крайней мере, в ближайшие десять лет, и никаких нежелательных беременностей от моих походов. Если с выпивкой и острыми ощущениями вроде банджи-джампинга или хели-скиинга было покончено в течение года, то от привычки залезать под юбку каждой подвернувшейся девице я избавился лишь после окончания университета. Спустя четыре года после образования кратера в области моего сердца, я почувствовал, что устал от чужого запаха на моем теле. Внезапно я решил утихомирить свои гормоны, что у меня с легкостью получилось, и вскоре я сократил количество секса в своей жизни до одного раза в месяц. В итоге, полгода назад, я решил поэкспериментировать и отказаться от него вовсе, однако спустя три месяца почувствовал ломку, но было уже поздно слезать с иглы, так как к тому времени я встретил Тэмми.

Я не верил в любовь с первого взгляда и не потому, что мои родители были приверженцами воспитания исключительно на почве реализма, а потому, что со времен моей первой оборванной косички рыжеволосой одноклассницы, это понятие ассоциировалось у меня с чем-то туманным и неопределенным. В моем сознании любовь с первого взгляда стояла на антресоли бессознательности, между эффектом Плацебо^[40] и мифами Древней Греции. Поэтому, после того, как я увидел сестру Глории сидящей на крыльце её дома, мой мозг наотрез отказывался выдавать логическое объяснение тому, почему он отрекается думать о чем-то кроме незнакомки, которая меня даже не заметила. Однако уже после шумного ужина в компании семейства Пейдж, во время которого состоялся мой первый обмен словами с завораживающей красавицей, я понял, что по уши влюблен. *Внезапно я почувствовал себя последним идиотом, позволяющим себе втрескаться в неизвестного человека лишь потому, что он притягивает меня к себе сильнее, чем гравитация к земле.*

Вскоре после ужина я узнал о существовании несуществующего парня девушки, после чего последовала череда бессонных ночей, и всецелое посвящение всего свободного времени на продвижение собственного проекта. Второе, впрочем, в отличие от первого, было весьма продуктивно. После откровенного разговора с Глорией, состоявшимся за бокалом качественного виски с моей стороны, я с болезненной остротой осознал, что собственноручно едва не оттолкнул шанс стать невероятно счастливым, доверившись смутным догадкам. Я чувствовал себя законченным дураком, но теперь наверняка знал, что обязан притянуть к себе вплотную девушку, которая сводит меня с ума, для того, чтобы всю оставшуюся жизнь повреждаться рассудком при одном только взгляде на нее.

После того, как Роланд с Глорией уехали на поиски помощи Мартину за границей, я решил активно вступить в игру, так как до отъезда в Австралию у меня оставалось максимум шесть месяцев — дальше тянуть было невозможно, только если я не хотел лишиться дела, на которое возложил последние три года своей жизни. Я осознавал, что должен действовать быстро, но уже после первого свидания понял, что мне придется денно и ночью трудиться над тем, чтобы получить желаемые результаты. Также я прекрасно помнил историю, которую в охмелевшем состоянии проболтала мне Глория, о несчастном случае с Тэмми, произошедшем с ней в подростковом возрасте. Возможно поэтому я был к ней более терпелив, чем мог бы быть с любой другой девушкой. Плюс ко всему, я учитывал юный возраст избранницы. В свои двадцать шесть я не был склонен считать себя стариком, но принимая во внимание шестилетнюю разницу в возрасте между нами, я чувствовал себя пожилым кадром.

С этой девушкой было откровенно сложно, но без нее мне было уже невозможно. Когда я не был занят проектом, я всё свободное время отдавал мыслям о Тэмми, в итоге переходя на атаки избранницы звонками и смс. Я впервые в жизни вживую мог созерцать девушку, которую я мог смутить комплиментом касательно её распущенных волос или вогнать в краску попыткой сделать её фото на мобильный. Это всё равно, что встретить живого дракона, вид которого вымер несколько тысячелетий назад, из-за отсутствия здорового питания девственницами, которые свели в могилу прекрасных существ своим отсутствием.

Первая попытка поцелуя произошла спустя восемь дней после первого свидания, в конце седьмого свидания. Всё провалилось из-за того, что я слишком медлил, боясь спугнуть её, чем, собственно, в итоге и спугнул — она вылетела из моей машины как ошпаренная. Следующее свидание состоялось с большим разрывом, которого прежде не было, в целых три дня и я понял, что лучше потерпеть еще месяц, чем терять драгоценные дни перед отъездом на другой континент. В итоге лишь на двенадцатом свидании мы без происшествий впервые взяли за руки (за исключением пунцовости щек Тэмми, которые горели во время всей прогулки по парку, и которые можно было даже не считать происшествием, так как наши ежедневные свидания едва ли проходили без её, хотя бы кратковременного, смущения). Однако дальше дело никак не двигалось. Уже было начало августа, а мы всё еще ходили за ручки, и, казалось, Тэмми это вполне устраивало, но не меня. Мне было мало изредка разрешаемых ей прощальных объятий, и-то в случае, если я проводил её до дома пешком (отчего последнюю неделю июля я забыл о передвижении на автомобиле) и целомудренного держания партнерши за её ладошки, прозрачные, словно пергаментная бумага. Нас уже весь город считал состоявшейся парой, а я всё еще не украл у девушки ни единого поцелуя. В первых числах августа я даже начал подумывать о том, чтобы приучить её к поцелуям в щеку, чтобы прозрачно намекнуть девушке на то, что платоническая любовь — это конечно круто, но я желаю её приберечь к более преклонному возрасту, пользуясь пока прелестями физического влечения к партнёру. Но меня передергивало от одной только мысли о том, что следующие пару месяцев мне придется довольствоваться её скупыми поцелуями в мои выбритые скулы (которые я ежедневно брил в безысходной надежде!). В итоге, на очередном свидании, я, как притаившаяся рысь, начал поджидать, пока у выбранной мной лани притупится внимание. Идеальным шансом стал момент, когда мы остановились в трехста метрах от её дома. Мы всегда так делали, чтобы не привлекать внимание её домочадцев, которые каждый вечер поочередно сменяли караул возле окон своей гостиной, в надежде увидеть нечто большее, чем монашеское прощание (если честно, я сам ежевечерне надеялся на это не менее её родственников). Именно в секунду, когда Тэмми по обыкновению повернулась ко мне, в своей беленькой соломенной панаме, чтобы в очередной раз улыбнуться мне на прощание, я резко зафиксировал её талию правой рукой, чтобы контролировать её вечно бегущие от меня ноги, и, не дав ей ни единой секунды на то, чтобы понять что именно я собираюсь сейчас сделать, быстро наклонился к ней и поцеловал. Естественно, это был обычный поцелуй, сопровождающийся слабым давлением на губы, без каких либо попыток перейти на французский, чтобы не получить оплеуху, на которую Тэмми вполне была способна, судя из рассказа Глории о потере Тэмми прежнего рабочего места. Резко осознав возможность пощечины, затрешины, необоснованных слёз, попытки бегства и прочих необъяснимых мужчинами женских капризов, я отстранился. Тэмми буквально горела от смущения, что заставило меня широко улыбнуться — еще ни разу в

жизни мой поцелуй не доводил девушку до высшей степени смущения — немоты. Она вдруг схватилась за щеки, словно пытаясь себя остудить, после чего так искренне улыбнулась мне, что засмушалась еще сильнее. Пробормотав себе под нос в мой адрес что-то вроде: «До встречи» или «Доброй ночи» — Тэмми побежала в сторону своего дома. Судя по её счастливому виду, всё прошло гладко, однако я всё равно переживал по поводу того, не откажется ли она от запланированного нами на следующий день свидания. Но она не отказалась.

Любой здравомыслящий мужчина сейчас сказал бы, что вот — наконец у нас наступил период страстных поцелуев на лавочках и не менее страстных объятий в темных переулках на заднем сиденье автомобиля, но я уже давно убедился в том, что наши отношения может оценить лишь скромная девственница, старый евнух или наивный младенец, но только не трезвомыслящий мужчина. Спустя неделю мы ни на дюйм не приблизились к тому, чтобы дотронуться до губ партнера языком. Вплоть до свадьбы Эмметта и Эмилии мне пришлось изображать немого сома, глупо шевелящего губами у губ золотой рыбки, пытающегося не сожрать её на месте. Иногда мне даже становилось смешно от происходящего, тогда я просто обнимал Тэмми так, чтобы она не видела моего лица, расплывающегося в улыбке.

Осознание того, что барьером между нами служит психологическая травма моей новоиспеченной девушки, заставляла меня с трудом засыпать по ночам. Я уже знал её историю, но Тэмми не догадывалась о том, что она мне известна. В итоге, после свадьбы, когда мы отвезли Мартина в поместье Олдриджа, я буквально клещами вытянул девушку из окаменевшего панциря страха, склонив её к разговору о её прошлом. К концу вечера я всё узнал из её уст и, в итоге, рассказ закончился потоками слез Тэмми, отчего мне вдруг стало неловко. Однако вскоре чувство щемящей боли в груди подавило мою неловкость с такой силой, что я был не рад этой победе. После этого я отвез Тэмми к себе, но не пытался склонить её к интимным отношениям, так как наверняка знал, что даже после удавшейся этим вечером близости — мы навсегда расстанемся.

Я жил в достаточно просторной, однокомнатной квартире с нишей, на которой располагалась двуспальная кровать. Однако это была откровенная, холостяцкая берлога, которую минимум неделю нужно было вычищать перед приходом молодой особы прекрасного пола, поэтому мои попытки за пять минут прибрать разбросанные носки и пустые пластиковые бутылки Dasani^[41] не сильно помогали.

Я напялил на Тэмми свою самую чистую футболку с v-образным вырезом (по крайней мере она лежала сложенной в шкафу, в отличие от своих собратьев, и пахла кондиционером) и отправился собирать разбросанные по всей квартире вещи, машинально пытаясь вспомнить, куда именно их можно засунуть, так как стиральная машина уже трещала по швам. Честно говоря, я пылесосил или готовил завтраки с большим энтузиазмом, нежели занимался стиркой, которую откладывал уже вторую неделю к ряду. Именно поэтому мой шкаф был забит качественными вещами, количество которых позволяло мне не стираться около месяца при их ежедневной смене. Когда же я в итоге добирался до стирки и глажки собственного имущества, мои муки длились более суток, так что я всегда выделял на этот изматывающий процесс одни выходные в месяц.

Следующие полчаса оказались самыми необычными в моей жизни. Мне пришлось буквально на пальцах объяснять Тэмми, что мы точно не переспим, если ляжем спать в одну кровать. В итоге мои доводы закончились клятвой о том, что я не прикоснусь к ней вплоть до нашей свадьбы. Поэтому, не отходя от кассы, я попросил Тэмми стать моей женой.

Естественно я хотел жениться на Тэмми с момента первой нашей встречи, но, на момент моего предложения руки и сердца этой девушке, главную роль сыграл тот факт, что в моей жизни не было секса уже больше полугода, после случайной половой связи со шведкой в гостинице Нью-Дели (и это было далеко не самый лучший опыт во всей моей практике). Так что да, для женщин, в данной ситуации, я был извращенцем, но для мужчин — героем. Настоящая дилемма по гендерному признаку.

Я изначально не надеялся на то, что этот вопрос будет легко решить. Весь оставшийся август я уговаривал Тэмми согласиться выйти за меня замуж, пытаюсь разорвать её список отрицательных доводов из следующих пунктов:

1)

— Мы слишком мало знакомы.

— Нет, мы знакомы достаточно, чтобы я смог понять, что всю оставшуюся жизнь хочу провести рядом с тобой.

2)

— Я не смогу стать для тебя хорошей женой.

— Я убежден, что тебе для этого и стараться не придется — только стирай мои носки, пожалуйста, и корми меня мясом.

3)

— А вдруг ты разочаруешься моими отсутствующими знаниями в постели?

— Для успеха в этом деле будет достаточно моих отточенных навыков.

Но все мои убеждения были тщетны, поэтому, в начале сентября, я перешел в наступление, составив свой собственный марзматический список доводов для Тэмми:

1)

— Выходит, ты меня не так уж и сильно любишь, чтобы соглашаться провести со мной всю свою оставшуюся жизнь.

— Рик, я люблю тебя и хочу каждый день своей жизни быть с тобой.

2)

— Но у нас не получится быть вместе, так как уже через четыре месяца я буду вынужден уехать в Австралию на подписание контракта, после чего мне будет необходимо закрепиться на другом материке (я умолчал о прямой связи контракта с моей грядущей, в случае успеха, прибылью в семьсот тысяч долларов).

Последний довод застал Тэмми врасплох. Спустя десять минут после того, как она осознала реальность моего отъезда либо неминуемого и полного краха моего неокрепшего бизнеса из-за того, что я останусь с ней в этом городке, она согласилась стать моей женой. Если бы я знал, что этот довод станет ключевым, я бы сказал ей о кенгуру и веджимайте ^[42] еще в июле. Еще я бы не упомянул о том, что отъезд может состояться вплоть до конца декабря, так как Тэмми сразу изъявила желание тянуть со свадьбой до последнего момента. Будь я хитрее, я бы сразу смекнул на то, что нужно было говорить, будто мы должны успеть всё сделать в течение месяца. Хотя начинать семейную жизнь с обмана — край безответственности по отношению ко второй своей половине, пусть даже мямлящей и робкой, но самой ценной из Вас двоих.

До середины сентября Тэмми собиралась с духом перед ужином, на котором я должен был просить её руки у её родителей. Если мне это казалось таким же легким, как щелкнуть пальцами обеих рук одновременно, то для Тэмми данный процесс представлялся муками

мученискими. И хотя я все две недели казался сам себе беззаботно спокойным, уже стоя на пороге дома невесты и звоня в его вечно барахлящий звонок, я на пятьдесят процентов приблизился к паническому состоянию своей избранницы. Я знал о том, что мистер Пейдж не терял энтузиазма относительно своих незамужних дочерей и о том, что миссис Пейдж откровенно не верила в то, что её младшая дочь способна выйти замуж, по крайней мере в этой жизни. Поэтому я был лишь слегка рассеяннее обычного, что сказалось на моей натянутой, нервной улыбке, походившей на улыбку мистера Дерекса, в которой он каждый раз расплывался с надеждой при виде меня.

Сев за стол, я не стал дожидаться пока один из щенков снова захочет почесать свои зубы о мою лодыжку или один из двойняшек начнет выпчихивать на меня не дожёванную конфету, или один из стариков снова заметит, что я сегодня выгляжу лучше, чем прежде (судя по их рассуждениям, я с каждым разом выгляжу всё лучше и лучше, что непроизвольно наталкивает меня на мысль о том, что при первой нашей встрече в их глазах я был тем еще Квазимодо). Отклонив от себя радостно улыбающегося Дина, норовившего угостить меня размякшем подобием песочного печенья, промокшим в бабушкином клюквенном морсе, я сказал куда-то в относительно не шумное пространство (наверное, сказалось отсутствие Эмметта и Эмили), стараясь при этом смотреть на отца семейства, сидящего по другую сторону стола и размахивающего перед собой наколотым на вилку черри:

— Я хочу жениться на Тэмми.

— Что-о-о?! — спустя три секунды вырвалось из груди ошарашенного мужчины. Я вдруг не смог сориентироваться в его реакции и начал теряться в догадках: хочет ли он меня разорвать на мелкие куски и втоптать в протертый коврик у входной двери или же водрузить на мои плечи мантию и вручить в мою руку скипетр власти? Поварешка миссис Пейдж вывалилась из её рук и заставила треснуть стоящую под ней фарфоровую тарелку, в которую мне только что должны были наложить гигантскую порцию рагу (так как, по мнению бабушки, я в этом возрасте должен выглядеть плотнее, для чего мне необходимо питаться много и часто).

— Тётя Тэмми, как и тётя Эмилия, выходит замуж? — еле слышно спросила Элис у своего брата, в руке которого раскрошилось уже знакомое мне печенье.

— Дорогой, что он сказал? — смотря почему-то на меня, поинтересовалась миссис Пейдж у своего мужа. Похоже, у нее был шок или что-то в этом роде. — Он что, хочет взять в жены нашу Тэмми?

Миссис Пейдж побледнела и села на свое место, мистер Пейдж смотрел на меня раскрыв рот, дедушка и бабушка начали проверять свои слуховые аппараты, двойняшки впервые в моем присутствии замолчали, Глория смотрела на меня словно на Супермена, пытающегося вынести беззащитного котенка из-под завалов родительской опеки, сама же Тэмми побледнела на два тона и стала тихо, глубоко вдыхать и выдыхать, судя по всему, пытаясь не потерять сознание.

— Одри, он только что сказал, что хочет жениться на Тэмми, — вдруг отошел от потрясения мистер Пейдж, обратившись к своей жене, всё еще не в силах опустить наколотую на вилку помидорку.

— Да, я прошу у Вас руки Вашей младшей дочери, — утвердительно наклонив голову, повторил я, пытаюсь помочь мистеру Дерексу окончательно выйти из ступора.

— Руку, ногу, печенье... Бери её всю!

— Мистер Дерекс, я буду заботиться о Тэмми...

— Называй меня просто папой! — с таким громогласным восторгом заявил мужчина, что я вдруг нервно дернулся. — Я уже, наверное, сто раз говорил тебе, какая Тэмми замечательная!

— Папа... — умоляюще, но слишком тихо взмолилась Тэмми, так что её услышал только я.

— А меня можешь называть мамой, — судорожно заулыбалась миссис Одри.

— А меня Дарт Вейдером, а Элис Леей Органа-Соло^[43], — улыбаясь шатающимися молочными зубами, отозвался Дин.

Родители были на седьмом небе от того, что их младшая дочь, не падающая прежде надежд на самостоятельную жизнь, выходит замуж за столь «красивого», «успешного», и «умного» молодого человека, о чем, естественно, этот молодой человек узнал из их уст в первую же минуту после своего громкого заявления. Неудивительно, что к концу вечера родители с подозрением смотрели на меня, явно сдерживая свои эмоции по поводу того, что обе мои сестры нашли себе мужей раньше меня, с учетом того, что одна из них (между прочим!) на два года младше меня, а я даже захудаленького парнишку до сих пор не подцепила (кажется, скоро они будут готовы выдать меня даже за семнадцатилетнего сына соседей, лишь бы я не осталась старой девой).

Конечно, родителей расстроила новость о том, что Тэмми придется стать женой декабриста и уехать за ним на другой конец света, но не настолько, чтобы перестать жаждать сбегать свою младшенькую дочь в хорошие руки. Оказалось, что Тэмми согласилась на предложение стать миссис Белл еще две недели назад, но она так боялась нам в этом признаться, что даже мне об этом не сообщила. Естественно, парочка уже обсудила такие подробности, как дату свадьбы и свадебное путешествие — свадьба состоится двадцать первого декабря, после чего молодожены отправятся в свадебное путешествие куда-нибудь в сторону Индонезии и, по окончании медового месяца длиной в неделю, они очутятся в Австралии, так как третьего января Рик должен будет подписать какой-то мега-важный контракт, к которому ему необходимо заранее подготовиться. Осталось только подать заявление на регистрацию брака и определиться с местом проведения церемонии, так как новоиспеченной парой уже было решено, что гостей будет относительно немного — только родственники и несколько близких друзей. Вообще создавалось впечатление, будто Рик сам всё решает в этой странной паре терпения и сдержанности, но стоило его послушать более пяти минут, как можно было понять, что он говорит словами, вложенными в его уста Тэмми. Смотря на этих двоих, я впервые осознала значение слов: «Муж — голова, а женщина — шея. Куда шея поворачивает, туда голова и смотрит».

Сама идея маленькой свадьбы и отдыха на островах мне также нравилась, как и осознание того, что Тэмми, наконец увидит мир, который, из нашей семьи, за исключением Сэм, никто толком и не видел. Кажется, после моей поездки за границу, я слишком часто стала рассматривать каталоги интересных мест, заглядывать на порталы путешественников и просматривать дешевые туры, даже не рассчитывая в ближайшем будущем куда-нибудь вырваться из этого городка. В своё время Эмметт и Эмилия склонились в пользу роскошной свадьбы, отклонив свадебное путешествие «до следующего раза», чего я определенно не могла понять, поэтому сейчас я всеми фибрами души поддерживала идею Рика и Тэмми о мини-свадьбе с отпуском на каком-нибудь белоснежном пляже Бали или Джакарты.

* * *

— Она молчала две недели и не сказала даже тебе? — удивился Мартин, когда в понедельник на закате дня мы выбрались на улицу, чтобы покататься на ретро-велосипеде

Доротеи, на котором она ежедневно являлась к порогу поместья Олдриджей.

— Представь себе, — довольно ухмыльнулась я мальчишке, сидящем на бежевой раме велосипеда, у руля которого была я.

— Рик, конечно, крутой! Тэмми понравилась мне еще на свадьбе твоей старшей сестры. Мне бы столько родственников, как у тебя, честное слово!.. Но твоя младшая сестра слишком скованная. Ей бы распоясаться.

— Уж Рик-то её распоясает — более чем уверена в этом.

— И как страж мебельной фабрики отреагировал на то, что его кондитерскую фею хотят перевести на другой материк? — ухмыльнулся Мартин, имея в виду должность охранника моего отца и работу Тэмми в булочной.

— Он на седьмом небе от счастья. Ему бы только поскорее всех своих дочерей выдать замуж и, наконец, ни с кем кроме мамы не воевать за пульт от телевизора.

— А ты не собираешься выходить замуж?

— Не-а.

— Только если вдруг соберешься, предупреди меня. Не хочу терять няню прежде, чем успею найти тебе замену.

— Уж поверь мне, я буду с тобой до конца, — грустно вздохнула я и попыталась перевести тему. — И даже если вдруг меня похитит прекрасный принц или хотя бы граф, о тебе сможет позаботиться Доротея. Всё равно кроме совместного распития чаев мы с ней почти не участвуем в твоём воспитании.

— Вот еще! Да я с тобой общаюсь больше, чем с одноклассниками. Ты та еще зануда, поверь мне, — утвердительно пару раз кивнул головой Мартин, чтобы я даже не думала сомневаться в его словах. — Если я когда-нибудь рехнусь и решу жениться, и ко всему прочему моим первым ребенком будет девочка — я точно не назову её Глорией.

— И как же ты её назовешь? — решила поддержать непринужденный разговор я, с болью ощущая где-то глубоко в душе, что все наши с ним разговоры относительно его будущего — лживый фарс с моей стороны.

— Назову Дэкиэной.

— Странное имя.

— Оно румынское, означает «волчица». У меня мама-румынка, значит у меня наполовину Британские, наполовину Румынские корни. Поэтому мальчика я хочу назвать Британским именем, а если родится девочка, тогда исключительно Румынским.

— А что если у тебя и второй родится девочка?

— И вторую тоже Глорией не назову.

— А если твой третий ребенок тоже будет девочкой?

— У меня будут только мальчики.

— А если у тебя будет дюжина девочек и ни одного мальчика?

— У меня по-любому будет мальчик, потому что мы с женой будем рожать до тех пор, пока не родится мужик, даже если перед этим нам придется родить с три десятка девочек. Хотя, если честно, я от ужаса уже после пятой поседею, даже если к тому времени мне будет всего тридцать. Разве такое возможно, чтобы рождались только девочки?! Ужас! Даже у твоего отца один из четверых детей был нормальным.

— *То есть, по-твоему, девочки — все ненормальные?*

— *Не знаю как все, но ты точно. Хотя знаешь... Если десятой к ряду у меня родится снова девочка, я точно назову её Глорией.*

— Почему?

— Потому что после такого имечка никто кроме мальчика у моей жены родиться не сможет.

Мы со всей скорости скатились с ровной горки вдоль сада, мимо которого я каждый день бегаю на работу. Домой же мы возвращались по ухабистым кочкам сада. Я вела велосипед справа от себя и наслаждалась поздними сортами яблок, которые взрывались вкусовыми гаммами у меня во рту. Сад несколько лет назад был выкуплен одним из соседей Олдриджа, но так как новоявленный хозяин сада приезжал в город лишь на Рождественские праздники, а сам сад был не огражден, он считался общественным, чему его хозяин не возражал. И зачем было покупать сад, если он тебе не нужен?

Утопая в ароматах увядающей травы, растоптанных яблок, прелого мха и блаженствуя от оранжевых лучей заходящего солнца, я наслаждалась жизнью так, словно лишь вчера родилась. Наверное, всему виной был адреналин в крови, который я подняла до максимума, пока летела с горки на бешеной скорости с орущим от восторга Мартином, крича что-то невнятно-веселое ему в ответ и совершенно не боясь, что в любой момент мы можем потерять равновесие. Сейчас Мартин весело лепетал о мимо пролетевшей птице, уверяя меня в том, что это был дятел; бросался вперед мелкими ветками, пытаясь побить мой рекорд; приходил в восторг от найденной им под одной из яблонь небольшой норы, которая наверняка принадлежала ежу, коих в этом сезоне наплодилось столь много, что я лицезрела их метания на опушке у сада каждый вечер, а один из них даже зачастил в мамин палисадник... Всё вокруг пахло, светилось и радовалось жизни. Мы с Мартином продвигались вверх по саду и улыбались лишь потому, что нам хотелось улыбаться. А потом наступил завтрашний день.

Это произошло за полчаса до выезда в школу. Из-за разболевшейся головы Мартин отказался от завтрака, положив в портфель пару свежеприготовленных мной сэндвичей. Он стоял посреди гостиной, ожидая меня, пока я копошилась на кухне в поисках ключей от автомобиля, которые всё никак не могла отыскать. Когда в гостиной раздался звук упавшего тела, я чуть не отключилась от накатившего на меня ужаса, как вдруг поняла, что за грохотом последовали страшные звуки, походящие на возню мышей, которых одновременно кто-то пытается буквально размазать по паркету. Оставив ненайденные ключи и своё сердцебиение на кухне, я молниеносно вбежала в гостиную. То, что я увидела, привело меня в ужас, который не позволил мне оцепенеть от неожиданности перед увиденным — Мартин лежал навзничь на полу, с закатившимися глазами и содрогался в конвульсиях. Мгновенно упав перед мальчиком на колени, я попыталась его приподнять, но поняла, что его тело, словно натянутая струна, сопротивляется мне судорогами, из-за чего мне не под силу будет перетянуть его на мягкую поверхность. Осознав это, я быстро метнулась к дивану и, стащив с него валик, подложила его под голову мальчика. Мартин всё еще бился в страшных конвульсиях и у него начал появляться страшный хрип. Испугавшись того, что мальчик может подавиться собственной слюной или задохнуться завалившимся языком, я расстегнула воротник его рубашки и туго затянутый ремень, с огромным трудом перекатила его на бок и попыталась зафиксировать его трясущиеся ноги, одновременно набирая номер телефона главного дома, в надежде на то, что Джонатан быстро ответит на звонок, но он поднял трубку лишь со второго раза.

К тому времени, как Роланд, Джонатан и Якоб прибежали мне на помощь, Мартин уже сидел на полу и смотрел на нас непонимающим взглядом.

— Он просто упал и его начало трясти, — дрожащим голосом говорила я, принимая трясущимися руками из рук Роланда стакан с водой. — А потом он притих и я думала, что он... Что он уже... Что это конец, — я громко всхлипнула и сделала глоток. — Но он потом вдруг открыл глаза. Я не знаю что это было... Похоже на эпилептический приступ... По крайней мере, я предприняла все меры первой помощи, о которых узнала еще в университете на лекциях по неврологии, но я... Я не уверена, что сделала всё правильно...

Мартин находился в своей спальне под присмотром Джонатана и Якоба, и единственное, что его сейчас беспокоило — это повышенное внимание со стороны странно обеспокоенных мужчин. Из слов мальчика стало ясно, что он не помнит ничего из произошедшего, поэтому Роланд решил сказать ему, что у него был обычный обморок.

Врачи в белых халатах появились в нашем домике уже спустя десять минут, но мне казалось, будто они ехали целую вечность. Медики установили лишь незначительно пониженное давление ребенка и настаивали на полном его обследовании. Они даже таблетку не смогли прописать, страшась того, что случайно вызовут рецидив или, чего хуже, прикончат беднягу. На лице главной докторши читался страх перед тем, что именно в её смену произошло ЧП в поместье Олдриджа. От злости я чуть собственноручно не вышвырнула за порог этого дома трясущуюся над своей репутацией докторшу, чему, впрочем, она была рада — буквально бежала в сторону города, в котором живут среднестатистические дети, коим не страшно выписать быстродействующие транквилизаторы.

Уже через час мы находились в элитной поликлинике соседнего города, в которой впервые диагностировали аневризму Мартина. Посетителей, как и в прошлый раз, почти не было, поэтому результаты ЭЭГ^[44] мы получили достаточно быстро. По обыкновению, Мартин отправился в детскую комнату ожидания, а я с Роландом, бледные как девственный мольберт художника, усадились на сидящего напротив нас доктора.

— То есть, это был приступ эпилепсии? — приглушенно уточнил Роланд.

— Да, — подтвердил доктор, и я гулко сглотнула, подумав о том, что час от часу становится всё сложнее. — При аневризме головного мозга у пациента могут случаться эпилептические припадки. С учетом того, что Мартин считается... Гхм... Неоперабельным, — наконец выдал доктор, обойдя слово «приговоренным». — Можно утверждать, что инцидент не будет единственным. Вам необходимо быть готовыми к подобным ситуациям, чтобы предотвратить преждевременную потерю мальчика...

Доктор начал со слов о том, что Мартин может банально удариться головой о косяк и закончил тем, что ухудшение когнитивных функций происходит лишь в сравнительно редких случаях, что значило следующее — умственно отсталым Мартин, в последние дни своей жизни, не должен стать, если только он не «тот самый редкий случай».

* * *

До двух часов ночи, под шум внезапно грянувшего ливня, я просидела в поисках информации об эпилепсии. По привычке я начала с википедии:

«... Особенно опасен эпилептический статус в связи с выраженной мышечной активностью: тонико-клонические судороги дыхательной мускулатуры, вдыхание слюны и крови из ротовой полости, а также задержки и аритмии дыхания ведут к гипоксии и ацидозу; сердечно-сосудистая система испытывает запредельные нагрузки в связи с гигантской мышечной работой; гипоксия усиливает отёк мозга; ацидоз усиливает нарушения гемодинамики и микроциркуляции; вторично все больше ухудшаются условия для работы мозга...».

Дальше — хуже. Я прочла массу статей о том, что эпилепсия ведет к смерти, зацкливаясь на таких моментах как:

«...Активация НМДА рецепторов активирует поток кальция в нейрон с аккумуляцией внутриклеточного кальция до уровня выше, чем вмещает цитоплазматический кальций связывающий белок. Свободный внутриклеточный кальций является токсичным для нейрона и ведёт к серии нейрохимических реакций, включающих митохондриальные дисфункции, активирует протеолиз и липолиз, уничтожающие клетку...» — Этот замкнутый круг и лежал в основе гибели больного при эпилептическом статусе.

Еще битый час я шарила по форумам эпилептиков и читала далеко не утешающие факты из их личных медицинских карточек, изучала Войта-терапию и основы Кетогенной диеты. В итоге, спать я легла около трех часов ночи, в совершенно разбитом состоянии, а

проснувшись в шесть поняла, что мне просто необходимо с кем-то поговорить. Конечно, мне хотелось, чтобы здесь и сейчас передо мной возникла Сэм, но это было бы слишком шикарно для моей скромной персоны. Тэмми же, на которую обрушился Эльбрус^[45] в виде хорошей работы, свободной от старших сестер комнаты и предстоящего замужества, мне не хотелось дергать. Поэтому, заплетя волосы в тугий хвост, совершенно забыв о макияже, я достала из шкафа свою не самую любимую ветровку из плащевки (выбирать что-то более благолепное не было настроения), запрыгнула в свои старые садовые сапоги (всё лучше, чем Свинка Пеппа) и направилась, по уже изученному маршруту, в сторону нового местожительства своей старшей сестры. Прекрасно зная о том, что Эми не любит неожиданных сюрпризов, я позвонила ей заранее, чтобы предупредить о своём приходе.

Дождь лил как из ведра и меня едва спасал огромный бежевый зонт-трость бабушки, который я без спроса заняла на сегодняшний день. Вообще, это был лучший зонт в нашей семье, за который мы зачастую устраивали эмоциональные битвы. И если посчитать количество дождливых дней над туманным Альбионом, можно с точностью вычислить сумму наших боев, и, разделив полученное число пополам, отдать пятьдесят процентов эпохальных побед папе.

— Если честно, мне никто не рассказал о том, что мальчик болен, — кутаясь в махровый халат от холода, которым от меня сильно веяло, сообщила Эми, протягивая мне чашку кофе. Я обратила внимание и на новый халат сестры, и на остатки прежде красиво уложенных локонов, которые она раньше не любила, и на дорогую чашку в её руках, и на докупленные к интерьеру стеклянный журнальный столик с ковром молочного цвета. Было видно, что сестра начала новую, семейную жизнь и наслаждалась мелкой бытовой роскошью, которую мог себе позволить организовать её супруг, растрачивая накопления с подаренных друзьями на свадьбу денег.

— Они вообще это не обсуждают, чтобы сберечь свои нервы, — я выдохнула и, пытаюсь сдерживать досаду где-то внутри своих, вдруг сжавшихся после прогулки на холодном воздухе, легких, добавила. — Они даже двойняшек оградили от общения с ним. Ну, знаешь, чтобы не травмировать...

— Отвратительно себя чувствуешь, — скорее утвердительно, нежели вопросительно произнесла Эми.

— Да.

— Еще более дерьмово ты будешь себя чувствовать после того, как всё произойдет.

— Мама того же мнения...

— А отец?

— С папой мы не разговаривали на эту тему... Я ведь говорила, что все предпочитают молчать в тряпочку, чтобы не комментировать мой выбор, от которого явно никто не пребывает в восторге лишь потому, что все боятся за моё душевное спокойствие, о котором я совершенно не пекусь, считая его, в данной ситуации, привилегией эгоистов.

— Только не говори, что ты считаешь их эгоистами...

— Их нет. Скорее я зачастую считаю себя эгоисткой, неосознанно желая вмешать во всё это дело свою семью. Мне хочется, чтобы Мартин дружил с двойняшками... Но я не могу подвергать подобному стрессу собственных племянников и одновременно не могу объяснить Мартину, почему Дин с Элис перестали к нему приходить.

— Что по этому поводу говорит Олдридж?

— Он ничего не говорит. Сам понимает деликатность всей ситуации...

— Вот что я тебе скажу... Если ты считаешь, что не вовлекаешь во всю эту историю свою семью — ты глубоко ошибаешься. Эта боль не пройдет по боку. Она заденет каждого, кто с тобой связан. Смерть Мартина — это цепная реакция боли, которая начнется с тебя и закончится скулением Балто, и Герды.

Я вздрогнула от неожиданности слов сестры. Эми никогда не отличалась деликатностью в вопросах поддержки, поэтому я всегда предпочитала ей Сэм или Тэмми, услугами которых я не могла сегодня воспользоваться. Словосочетание «смерть Мартина», вырвавшееся из уст моей сестры, было настолько ошарашивающим, что буквально ввело меня в ступор. Я еще ни разу не произносила и не слышала рядом с именем Мартина слово, означающее окончание его жизни, а всякий раз, когда мой мозг выдавал сближение этих двух, казалось бы, несовместимых слов, я резко переключалась на схожие формулировки вроде «уход ребенка» или «потеря связи», заклиная свои эмоции заткнуться.

Меня вдруг затошнило от дорогого кофе сестры, и я отставила чашку. Прищурясь, она посмотрела на меня и глубоко выдохнула:

— Просто будь с ним рядом. Не стоит себя готовить к самому страшному. Ты всё равно никогда не будешь к этому готова. Данное рано или поздно произойдет, просто попытайся об этом не думать в присутствии мальчика. Хотя, что я такое говорю... Его присутствие — прямое напоминание о грядущем... Просто постарайся наслаждаться тем малым, что ему еще осталось — временем.

«Самое страшное», «это», «данное», «грядущее», — сестра явно поняла свою осечку со словом «смерть» и теперь всячески пыталась его завуалировать. В конце нашей беседы мы даже обнялись, и я поняла, что меня не избежит бич жалости, который начал хлестать мою трясущуюся душу уже сейчас. Он уже проявлялся в виде отсутствующих ранее объятий старшей сестры, дополнительных сэндвичей со стороны мамы и возможности пользоваться пультом от телевизора в присутствии папы. Это было настолько ужасно, как и занять у друга на выходные автомобиль, а затем разбить его вдребезги — сначала приятно, но после осознаешь, что искореженное авто уже не восстановить, как и не выплюнуть уже съеденный сэндвич, не переключить на «тот самый момент» в бейсбольном матче и не отвергнуть уже принятые объятия.

Успех — это труд, умноженный на труд? Вот только что, если этого недостаточно? Что если Вы заранее будете знать, что, несмотря на все Ваши усилия — бессонные ночи, разбитые в кровь руки, потерю времени — успеха всё равно не будет? Согласитесь ли вы трудиться? Нас было трое — согласившихся трудиться, не смотря на неминуемое поражение. Пока Роланд отвозил Мартина в Лондон на плановый осмотр в Национальный неврологический госпиталь, я с Доротеей изучали всё о первой помощи при эпилептическом приступе. Как оказалось, Доротея неплохо ладила с интернетом, хотя и была старше моей мамы, которая не знала, как изменить размер видеоролика в ютубе.

— Еще ни разу в жизни не сталкивалась с подобным, — нахмутив свой гладкий лоб, пробормотала Доротея, после чего зачитала отрывок из научной статьи:

«...Обычно со стороны, кажется, что приступ начался абсолютно внезапно. Человек издает крик и теряет сознание. В течение тонической фазы мышцы его напряжены, а дыхание затрудняется, из-за чего синеют губы. Затем судороги вступают в клоническую фазу: все конечности начинают напрягаться и расслабляться, выглядит это как беспорядочное подёргивание. Иногда больные прикусывают язык или внутреннюю поверхность щёк. Возможно самопроизвольное опорожнение кишечника или мочевого пузыря, обильное слюноотечение или рвота. По окончании припадка жертва болезни часто испытывает сонливость, головную боль и проблемы с памятью...».

— Всё примерно так и было, за исключением предпоследней строки... И крика перед припадком я не слышала... — ответила я, в очередной раз громко сглотнув от ужаса воспоминаний, и снова уткнулась в экран нетбука.

Оказалось, что необходимо засекают время начала приступа и его окончания, чтобы сравнивать разрывы между показателями и иметь представление о прогрессе или регрессе заболевания.

К счастью, братья вернулись к часу дня — еще полчаса подробного изучения собственного бессилия и у меня бы поехала крыша. Однако хороших новостей Роланд не привез. И без того обширная аневризма дополнительно увеличилась на злосчастную четверть миллиметра, что стало причиной выписки Мартину более сильных гормональных средств, которые имели перечень побочных эффектов списком длиной в полмили. Чтобы хоть как-то отвлечься от нависшего над нашими головами мрака, после обеда мы отправились на мини-гольф. К сожалению, погода не располагала к игре на свежем воздухе, так что мы спрятались от приближающейся непогоды под высокой крышей специально оборудованного помещения.

И хотя стиль игры в данный вид гольфа всегда считался обще-рекреационным, поначалу я чувствовала лишь убогость своих ударов на фоне изысканного «дро»^[46] Роланда или хитрого «чипа»^[47] Мартина. Не удивительно, ведь еще перед нашим приездом сюда Мартин рассказал мне о том, что раньше они с Роландом являлись завсегдатаями Royal Lytham & St Annes Golf Club^[48], прежде чем переехали в родовое поместье. По-видимому, моё чувство раздвоенности разделяла и Доротея, поэтому вскоре мы уединились от Олдриджей, после

чего, наконец, начали наслаждаться игрой, которая со стороны походила на копошение двух насекомых.

Спустя полтора часа мы вышли на улицу и от хорошего настроения, кое-как наскоро сошпопанного из отрешения, не осталось и малейшего следа. Над нашими головами повисли огромные массы свинцовых туч, еще не готовых разорваться, но уже предупреждающе трещащие по швам редким и гулким рокотом грома. *Воздух был настолько разряжен, что казалось, будто каждый из нас способен прикончить стоящего рядом с собой разрядом чистого электричества.*

Мы довезли Доротею до дома, что в очередной раз позволило мне удивиться чрезмерно высокой почасовой ставке и фактическому отсутствию полноценно выработанных часов, что совершенно не волновало Олдриджа. По возвращению в поместье, Роланд отправился на второй этаж, чтобы переодеться, Мартин метнулся в свою часть дома, и я быстрым шагом последовала за ним, так как с недавних пор боялась оставлять его хотя бы на минуту без своего присмотра.

Я остановилась на крытом коридоре, напротив любимого внутреннего дворика, лишь потому, что, через открытую дверь расположенного напротив дома, могла наблюдать за Мартином, разбирающим дорогушную, игрушечную железную дорогу, которую сегодня подарил ему Роланд, чтобы сгладить огорчение мальчика по поводу отмены посещения школы.

Одним из знаменитых тридцати трех удовольствий, я считала наблюдение за природой, погружающейся в колоритные банки с красками осени. Как я и подозревала, осенью плющ во внутреннем дворике наливается кровью, окрашиваясь в разнообразные оттенки алого — от тицианового до бордового. Это зрелище настолько захватывающее, что от его долгого лицезрения становится не по себе. Наверняка восторг от наблюдения за художницей-осенью, разлившей свои краски во внутреннем дворе, довел бы меня до мурашек, если бы этого не успели сделать раньше потоки ледяного дождя, внезапно обрушившиеся с неба на землю. Ливень беспощадно полосил между мной и садовым столиком из мрамора, практически абсолютно скрыв красноту плюща за дымчатой стеной влаги. Некоторые, самые проворные капли, попадали на отполированный деревянный пол и, разбиваясь в ледяные брызги, отскакивали на мои ноги. От сырости и ветра мне стало холодно, и я уже хотела продолжить свой маршрут по направлению к Мартину, всё еще разбирающемуся в конструкции железной дороги, когда заметила Роланда, приближающегося ко мне по коридору основного дома. Выйдя на крытую дорожку, он остановился в паре шагов от меня и посмотрел вдаль над моей головой. Я знала, куда направлен его взгляд, но продолжала тупо смотреть в центр его груди, облаченной в тонкую, серовато-белую кофту, пока вдруг он неожиданно не заговорил:

— *Вы наверняка уже знаете, что деньги ничего не решают, и также знаете, что всё решают связи. Вот только еще не до конца догадываетесь или вовсе не подозреваете о том, что этими самыми решающими всё связями являются связи с близкими Вам людьми. Представьте самого дорогого для Вас человека, на данном этапе Вашей жизни. Нарисуйте его явный образ перед глазами — вообразите его до боли знакомую улыбку, сверкающие глаза, манеру его забавного говора, вспомните, как он отвлекает Вас от Вашей работы или более важных дел, чем он сам. А теперь представьте что «пирик» и его вырвали из жизни. Не из Вашей жизни — из жизни в целом. Осознайте, что он есть здесь и сейчас, и больше нигде, и никогда. Представьте, что завтра Вы не сможете его обнять, а он не сможет Вам ответить, что Вы никогда не заставите его улыбнуться и никогда не сможете*

дотронуться к его родной коже. Представьте, что у Вас останутся о нём лишь воспоминания, которые со временем станут аберрацией памяти, постепенно превращаясь в жалкие клочки приукрашенной лжи или обесцвеченной реальности. Представьте, что этот человек Вас никогда не обнимет, никогда не разбудит своим прикосновением, никогда не попросит купить ему запретную, лишнюю шоколадку, никогда не будет ждать с Вами встречи после рабочего дня и с его номера никогда не поступит вызов на Ваш телефон. Представьте, что Вы дышите, не смотря на то, что его грудь больше никогда не вздымется в попытке сделать очередной глоток воздуха. Представьте, что Вы просыпаетесь, не смотря на то, что он навсегда уснул. Я буквально прошу Вас представить, что Вы перестали существовать... Представили?.. А теперь скажите, как именно Вы тратите то время, которое Вам отведено провести с этим человеком? Чем Вы заняты?

Весь оставшийся вечер я провела в компании Олдриджей, пытаясь сконструировать отрезок огромной железной дороги, внушительная часть которого была настолько приближена к реальной модели Weiranjiang* в Гуйчжоу, что пришлось скручивать его сваи реально настоящими болтами^[49]. Сняв с себя слегка промокшие носки, я села напротив облокотившегося на правый локоть Роланда и пыталась не думать о том, почему на его обнаженном запястье до сих пор висит моя красная нить. Пока мы с Роландом крутили гайки, Мартин практически ежеминутно отвлекался на Гектора, стоящего в полукруглом аквариуме рядом с нами, который он перетащил на пол с комода, дабы контролировать психосоматическое состояние рыбки. Мартин на полном серьезе считал, что Гектор, из-за страха перед разгулявшимся громом, способен покончить жизнь самоубийством посредством прыжка из аквариума.

— Отлей ровно столько воды из его аквариума, чтобы он не смог из него выпрыгнуть даже при всем своем желании и самоотверженных попытках, которыми он пока не отличается, — предложил Роланд, прикручивая очередной болт к какой-то железяке.

— Это издевательство над живым существом, — запротестовал Мартин. — Гринпис бы тебя за такое клеймил.

— Ну да, — улыбнулась я, представив где-то в области бедра старшего Олдриджа клеймо с надписью «Опасен». — По крайней мере, я суицидальных наклонностей у Гектора не наблюдаю. Вполне нормальная, физически и психологически здоровая золотая рыбка.

— А как же его выпученные глаза? — не успокаивался Мартин.

— Да, его глаза и действительно смотрят прямо в душу, — на мгновение отвлекшись от прикручивания рельс и посмотрев в вытаращенные глаза Гектора, признала я. — Но это всего лишь результат излишнего веса, который давит на его миниатюрный череп.

— И вправду, — согласился со мной Роланд, обращаясь к брату. — Тебе следует прекратить ежечасно его кормить. Иначе он станет как тот самый кот Арчибальд из инстаграма блондинки.

— И как ты запомнил кличку кота, когда тебя интересуют только блондинки? — ухмыльнулся Мартин.

— Вообще-то мне нравятся брюнетки.

— Ты это Кэрол скажи.

— Лучше сделай это ты. Мои слова на нее не влияют.

— Ты просто неправильно говоришь. Нужно по-другому. Вот ты ей постоянно говоришь: «Кэрол, я в тебе не заинтересован», а нужно говорить: «Женщина, я всё никак не могу вспомнить Вашего имени» или «От тебя ужасно воняет твоими новыми, дороговущими духами, отойди от меня, пока я не задохнулся», или «Оставь меня старуха, я в печали». Еще можно сказать то, чего она никогда тебе не простит, например правду: что у нее ужасный смех, что ты предпочитаешь брюнеток или, что у нее силиконовая грудь. Хотя, зная Кэрол, после этих заявлений она перестанет смеяться, перекрасится в брюнетку и вытащит имплантаты из сисек. Так что лучше попробуй с вариантом её преклонного возраста — она ведь на два или три года старше тебя?

Роланд искренне засмеялся от откровенной речи брата, и я тоже срывалась на усмешки, наблюдая за тем, с какой самоотдачей и детской искренностью говорит Мартин.

— Если я намекну на её возраст, её лицо треснет от очередной подтяжки, — засмеялся Роланд, и мы случайно встретились улыбающимися взглядами, после чего я отвела глаза и эта тема была закрыта.

Я не заметила, как быстро пролетело время, поэтому, когда отвечала на звонок отца, не верила в то, что уже начало двенадцатого.

— Не может быть... Но мы еще не дособирали железную дорогу, — огорченно отозвалась я.

— Какую еще железную дорогу? Дочь, ты обкурилась?! — так громко раздался негодующий голос отца в трубке моего телефона, что братья Олдриджи мгновенно брызнули смехом от услышанного.

— Уже поздно, а за окном ливень, оставайся на ночь здесь, — предложил Мартин, и я перевела взгляд на Роланда, который, в свою очередь, согласно поджал губы и закивал головой.

— Пап, уже поздно и на улице ливень... — начала цитировать своего подопечного я. — Пожалуй, я останусь ночевать здесь.

— Где это «здесь»?

— В поместье Олдриджей.

— Только не распускай там свои руки, извращенка, — гулко захохотал отец и резко положил трубку, после чего братья расплылись в насмешливой улыбке, переглянувшись между собой теми самыми мужскими взглядами, которые означают: «Ты это слышал?! Я тоже!».

В итоге мы дособрали конструкцию к началу первого часа ночи и, после пробного запуска эшелона, разошлись по спальням. Я отправилась в комнату для гостей, а Роланд решил остаться ночевать в кровати Мартина, отчего тот пришел в полный восторг.

Решив отложить принятие душа до утра, я переоделась в безразмерную пижаму для гостей и залезла под теплое одеяло, дрожа от первой осенней прохлады. Сначала было непривычно засыпать с мыслью о том, что я сплю под одной крышей с Роландом Олдриджем (ведь это далеко не отель!). Затем я задумалась над тем, почему даже не вспомнила о том, что в непосредственной близости ко мне также находится и мелкий Олдридж. В итоге я наплевала на дурацкие мысли и погрузилась в глубокий, беспокойный сон, в котором Роланд Олдридж страстно меня целует, после чего затаскивает меня в эту самую комнату для гостей и кладет моё, отчего-то вдруг ослабевшее тело на кровать, как вдруг останавливается из-за чего-то, что я никак не могу понять. И вот я пытаюсь понять, смотря в ошарашенные глаза Роланда, что же именно пошло не так, пытаюсь изо всех сил осознать, почему он смотрит на меня ошеломленным взглядом, но стук дождя вытаскивает меня из тонкой пелены сна, и я просыпаюсь. Мысленно выругавшись то ли на то, что не досмотрела сон, то ли на то, что Олдридж не завершил начатое дело, я встала с постели и посмотрела на часы — половина седьмого. Похоже, после эпилептического припадка Мартина, у меня начинал вырабатываться хронический недосып на фоне желания контролировать каждое телодвижение мальчика, из-за чего я стала раньше приходить на работу и позже с нее уходить (а теперь даже оставаться на ней на ночь). Приняв душ, высушив и уложив волосы, я, наконец, оделась и отметила, что температура воздуха в комнате явно повысилась с момента моей отключки на мягких подушках — наверное Джонатан включил отопление.

Меньше всего я ожидала встретить на кухне старшего Олдриджа, мирно выпивающего

чашку ароматного кофе, хотя и не была удивлена его бессоннице. Естественно он предложил мне присоединиться к его занятию, естественно я согласилась, и естественно это был самый вкусный кофе за всю мою жизнь. Когда же Роланд принялся мыть за мной чашку, у меня в очередной раз отвисла челюсть от повторного удивления — прежде я уже видела его моющим стаканы на моей кухне — так как я всё еще никак не могла привыкнуть к мысли о том, что его руки способны на что-то большее, чем на пересчитывание банкнот и подписание контрактов. Заметив моё замешательство, Роланд с иронией напомнил, что не всегда наслаждался благами роскоши, отчего «нищенские замашки» у него всё еще остались.

Весь оставшийся день мы провели в ленивой неги у разожженного камина, кресло-качалка перед которым, в итоге, досталась мне, так как братья слишком сильно увлеклись борьбой друг с другом за это место. Мы даже не помышляли высунуться на неприветливую улицу, где весь день моросил дождь, поэтому развлекали себя высмеиванием Гектора, железной дорогой, горячим шоколадом с круассанами, которые повар любезно передал нам после обеда, веселыми ответами на звонки Доротеи, которую Роланд чуть до инфаркта не довел необдуманной заявкой о том, что её услуги ему не нужны, забыв доставить слово «сегодня». К вечеру дождь прекратился, и я начала собираться домой, сопровождаемая грустными взглядами братьев.

— Не смотрите на меня так, иначе я и вправду поверю в то, что вы будете скучать по мне, — заулыбалась я, застегивая на себе куртку.

— Честно будем, — наигранно надул нижнюю губу Мартин.

— Честно-честно, — положила правый кулак на сердце, подтвердил Роланд.

— Обещаю прийти уже через десять часов, — усмехнулась я, откинув волосы назад, после чего потянулась к подставке за своим зонтом, вульгарно выделяющемся на фоне более дорогих своих собратьев, чьи отполированные ручки были украшены изысканной резьбой или полудрагоценными самоцветами.

— А я думал, что ты останешься с нами и сегодня, — вдруг и вправду искренне расстроился Мартин.

— Переезжай на постоянное местожительство в комнату для гостей, — неожиданно предложил Роланд.

— Правда?! — обрадовался Мартин, подпрыгнув от счастья.

— Л-л-ладно, я подумаю над этим, — решив больше не расстраивать сегодня мальчика, ответила я, заранее зная свой отрицательный ответ и пытаясь не выдавать своего замешательства. Наконец взмахнув ладонью в ответ на прощальные взмахи братьев, я ретировалась за входной дверью.

Защищаясь от чрезмерной влажности воздуха, я раскрыла зонт, не смотря на то, что небеса даже не моросили. Было приятно выбраться на ночную прогулку после полуторасуточного заточения, пусть даже и самого приятного в моей жизни. Однако, как только я покинула хорошо освещенное Б***-стрит и ступила на тропинку, ведущую вниз в город, мимо заброшенного и опустевшего сада, который после прошедшего накануне шторма неожиданно обнажил свои черные ветви, ощущение комфорта резко улетучилось. Мне вдруг захотелось поскорее оказаться дома, благодаря чему я домчалась до заветного крыльца в два раза быстрее обычного.

— Хотя бы одна явилась, — пробормотал сидящий на своем кресле в гостиной папа и, повысив голос, позвал меня, когда я замешкалась в коридоре. — Дочь моя, подойди ко мне.

— Пап, ты чего? — непонимающе спросила я, подойдя к родителям, сидящим за

журнальным столиком.

— Мы впервые за всю жизнь почувствовали холодок одиночества на спине, — иронично ухмыльнувшись, ответила мама.

— Одри, это не смешно! — запротестовал отец. — Ни одна из наших дочерей больше не ночует дома.

— Эми вышла замуж, — решила уточнить я, — я задержалась на работе, а с Тэмми что?

— Слышишь? Она задержалась на работе... На ночь!

— На самом деле твой отец не из-за тебя так пыжится. Тэмми вчера ночевала у Рика...

— Правда? Это ведь замечательно! — перебила маму я.

— И ты туда же, — гулко выдохнул отец. — Это уже не первый раз. Она наверняка считает, будто я не заметил её отсутствия ночью после свадьбы Эми, как и её внезапного появления с утра.

— Дерек, чего хорошего в том, что твоя дочь, являясь невестой такого замечательного парня как Рик, сейчас спит наверху в своей детской комнате?

— Вот именно, пап.

— Это всё женская солидарность — покрываете друг друга.

— Дорогой, ты прекрасно знаешь, что *такого понятия, как женская солидарность, в принципе не существует.*

— А ты чего улыбаешься? — обратился ко мне отец, сложив руки на груди. — Думаешь, мы забыли, что ты не ночевала дома?

— Я уже говорила, что осталась на ночь в поместье Олдриджей лишь потому, что потеряла счет времени и, плюс ко всему, за окном был шторм, — оправдывалась я, обойдя мамино кресло сзади, чтобы обнять её за шею. — Тем более я тебя предупредила...

— А он не мог подвести тебя на своем дорогом джипе?

— Боюсь, ценность моей жизни не оправдала бы царапину на его автомобиле, — ухмыльнулась я, забыв уточнить, что на самом деле Роланд неоднократно предлагал меня подвезти, отчего я наотрез отказалась.

— Он не такой жлоб, каким ты его рисуешь, — заметила мама, похлопав меня по тыльной стороне моей ладони.

— Ладно, соглашусь с тем, что преувеличиваю. Человек, который самостоятельно вручную моет чашки из-под кофе, еще не до конца потерян. Ладно, я жутко устала, хотя определенно ничего не делала. Хочу спать. Спокойной ночи, родители.

— И запомни, что незамужняя девушка должна преклонять голову лишь на подушку, отчего дома, — вполне серьезным тоном проводил меня отец.

— Дерек, очнись. За окном двадцать первый век и далеко не первое его десятилетие, — начала мама, но я не стала вслушиваться в их смехотворно-серьезный разговор и медленно поднялась наверх по скрипучей лестнице.

* * *

— Спишь? — поинтересовалась я, заглянув в комнату сестры сразу после того, как переоделась в свою самую просторную пижаму.

— Глория? — вынырнув из-под одеяла, отозвалась сестра.

— Отец негодует, пытаюсь не признавать того очевидного факта, что в глубине души он

рад, что его дочери наконец начали устраивать свои личные жизни... — не договорила я, подумав о том, что как раз средняя его дочь скорее занимается разрушением, нежели организацией своей жизни.

— Он такой милый, — захихикала Тэмми. — Когда вот так дуется, похож на хомячка.

— На что спорим, ты ему это сказала? — засмеялась я.

— Да, сказала, — прыснула тихим смехом Тэмми, словно боясь привлечь к себе внимание сидящих в гостиной родителей. — А он расхорохорился еще сильнее. Поспишь со мной?

Вообще я пришла к Тэмми именно с этой мыслью, поэтому с удовольствием легла рядом с ней на разложенную тахту и начала прислушиваться к поднявшемуся за окном ветру, из-за которого ветви огромного орехового дерева бились и скрежетали по мокрому окну нашей детской комнаты.

— Думаешь, у нас получится? — вдруг спросила Тэмми.

— Не знаю, — ответила я, эгоистично предположив, что сестра спрашивает о том, будет ли каждый из нас счастлив в ближайшем будущем. Мне не хотелось говорить о том, что в будущем я загнусь от душевной боли, поэтому я и выдавила дурацкое «не знаю».

— Я тоже. Вдруг Рик ошибается во мне? Вдруг у нас ничего не получится?

— Более чем уверена в том, что Рик знает, что делает, — посмотрев на сестру снизу вверх, попыталась реабилитироваться с ответом я. — Поверь мне, вы доподлинно будете счастливы. Во что бы то ни стало. Не бойся.

— С каждым днем я всё меньше боюсь. Мне уже поскорее хочется выйти за него замуж, — улыбнулась Тэмми и я готова была поставить сто фунтов на то, что она смутилась.

— За такого парня каждая хотела бы выйти замуж.

— Дело не в том, что я хочу за него замуж лишь потому, что он хороший человек, и я люблю его, — заерзала Тэмми. — Хотя конечно это самая главная причина!

— Правда? Тогда какая косвенная? — хитро ухмыльнулась я.

— Всё так по-дурацки получилось. После свадьбы Эми я рассказала ему о том... — Тэмми глубоко вздохнула. — Что произошло три года назад... О том, что я не помню, что именно было в том злачном клубном туалете, после которого до встречи с Риком не могла больше чувствовать себя чистой. Рассказала ему о... О выкидыше... А потом я расплакалась и Рик... В общем, он пригласил меня к себе и я хотела убедиться в том, что между нами ничего не будет, и в итоге он поклялся, что до свадьбы ко мне не прикаснется. Я как всегда всё испортила, — расстроено выдохнула Тэмми.

Да уж, я даже не представляла, какой Рик тонкий психолог! С такой выдержкой и самоуверенностью он точно добьется поставленной цели. И в данный момент я была рада тому, что этой целью было счастье моей младшей сестры.

— А ты, значит, не против была бы с ним переспать до свадьбы?

— Нет, всё не так, — спряталась под одеялом Тэмми. — Хотя нет, всё так. Но я боюсь всё испортить, так что уверена в том, что всё правильно. Уж лучше пусть это произойдет после свадьбы, тогда меньше шансов на то, что он бросит меня на следующий день.

— Глупая, — стянула с сестры одеяло и ткнула указательным пальцем в её лоб я. — Он уже тебя никогда не бросит. Неужели ты этого до сих пор не поняла?

Несмотря на прекрасное начало, эта осень отличилась скверной погодой, по-видимому, взимая с Британской земли дань за погожие летние денечки. Количество солнечных часов за всю осень еще никогда, на моей памяти, так близко не приближалось к нулевой отметке. Однако бабушка была заранее готова к подобным природным условиям и для того, чтобы внести яркие краски в наши серые будни, раздала всем носки золотистого цвета из мягкой шерсти, которые она связала еще летом. Когда она протянула мне три пары носок, я засмеялась, заметив, что я не сороконожка, на что бабушка улыбнулась и тихо добавила: «Это Роланду и Мартину». Большой поддержки от кого-либо из своей семьи, в принятом мной решении быть с Мартином до конца, я еще не получала. Конечно, я выглядела глупо, вручая рукоделия своей бабушки двум миллионерам, но они приняли «солнечные» носки с неподдельным восторгом, хотя, в итоге, Роланд их ни разу и не одел (если только не носил их перед сном в своей спальне, пока никто не видел). Каждый день мы с Мартином расхаживали по нашему домику в золотистом руно на ногах, весело скользя по паркету, однако это слабо помогало от депрессии. Мама на днях прочла в одном из популярных форумов о пяти признаках осенней депрессии:

- 1) Подавленное и тоскливое настроение, стремление к одиночеству;
- 2) Отсутствие аппетита, сонливость, резкое снижение активности;
- 3) Излишняя раздражительность;
- 4) Повышенная обидчивость;
- 5) Низкая самооценка и негативное отношение к себе.

Из её умозаключений, я могла бы отнести Мартина в категорию впавших в осеннюю депрессию детей, но, к сожалению, здравый смысл нашептывал мне обратное. А если быть более конкретной, нашептывали мне обратное заключения всезнающих и бессильных докторов. Все вышеперечисленные пункты — результат сильных гормональных транквилизаторов, которыми мы ежедневно пичкали Мартина. Конечно, унылая погода усугубляла его подавленное состояние, но с этим мы ничего поделать не могли, так как поездку в Египет пришлось отменить, из-за страха перед тем, что аневризма, разросшаяся с июня ровно на миллиметр, не выдержит перелета. В случае, если аневризма разрастется еще на один миллиметр, доктора прогнозировали её неминуемый разрыв и смерть мальчика в течение ближайших месяцев. Однажды нам сказали, что исходя из графика расширения злокачественного образования, у нас, возможно, осталось около полугода...

Казалось, будто мы все сдали в душевном спокойствии: Роланд срывал важные встречи, чтобы успокоить Мартина, размякшего после очередной дозы анксиолитика; Доротея стала нервно вздрагивать, при каждом «странном» звуке из спальни Мартина, а так как такими звуками она считала все — она постоянно дрожала; я же под села на чай из мяты с пустырником, словно на слабодействующий кокаин.

Самыми тяжелыми днями были те, в которые у Мартина случались эпилептические припадки. К концу ноября их случилось всего четыре, но после каждого из них я чувствовала себя разбитой молью на лобовом стекле джипа Олдриджа, на котором мы еженедельно мотались в Лондон и обратно, чтобы посетить очередное угнетающее заседание в кабинете очередного всезнающего и бессильного доктора Национального неврологического госпиталя. Откровенно говоря, сидя напротив мужчины в белом халате, деликатно

выражающего мысль о грядущей смерти Мартина, мне хотелось сдохнуть не меньше, чем Роланду, который в подобные моменты суицидально задерживал дыхание.

В моей жизни, с осознанием грядущей смерти, пусть даже не моей, появилась масса парадоксов. Например, не смотря на то, что я жаждала теплых солнечных дней, я не хотела, чтобы мрачные сутки заканчивались, ведь с ними должна была закончиться и жизнь Мартина, так как, по прогнозам врачей, было совершенно очевидно, что мальчик не доживет до следующего лета. Я готова была застрять во временной петле унылой серости, лишь бы не погружаться в красочные дни, переполненные горем. Наверняка зная, что в течение нескольких месяцев жизнь Мартина оборвется, я не представляла, как проживу следующий год, если уже сейчас начинаю по чуть-чуть сходить с ума.

В итоге, к началу декабря, мама определила у меня обширную, затянувшуюся осеннюю депрессию, а я определила отсутствие психиатрических навыков у своей матери. Мы обоюдно согласились с нашими заключениями, но что-то делать с настроем определенно было нужно.

Декабрь принес по-настоящему сильные заморозки, покрыв озимые и прилегающий к ним сад густым инеем. Первое воскресенье Адвента^[50] выпало как раз на самое начало декабря, и мама не смогла не упустить шанса вытащить меня из дородной скорлупы меланхолии, которой я всякий раз ограждала себя за пределами поместья Олдриджей, после тягостных попыток на протяжении всего дня «вносить радость» в жизнь Мартина. За полтора часа до рассвета, установив свою зажженную свечу Пророчества в ручной фонарь с прозрачными окошками, я взяла его за подвесную ручку в виде оловянного круга и вышла из дома вместе с мамой, чтобы присоединиться к потокам огня на улицах нашего городка. В детстве я с сестрами и братом обожали просыпаться в предрассветный час, чтобы с зажженными свечами отправиться в костел на роратную мессу^[51]. Меня всегда завораживали отсвечивающие мерцания огня от свечей неизвестных мне людей, которые, как и я, в предутренний час направляются на службу. Мне нравилось нести свою свечу, нравилось улыбаться незнакомым людям, идущим по другой стороне узкой улочки, но больше всего мне нравилось, что мы ходили на этот праздник всей семьей. Совместные походы в нашей семье большой редкостью, так как загородные поездки не удавались из-за количества членов семьи, а прогулки по городу с четырьмя маленькими детьми родители считали изнурительными. Потом дети повзрослели и всё пошло наперекосяк: Дэниел и Линда погибли, Тэмми отстранилась от семьи, а я уехала в Лондон, чтобы стать медиком. В итоге, последние шесть лет я не принимала участия в Святой Мессе, о чем каждый год искренне сожалела. В этом году тоже не всё было идеально. По непонятной мне причине, со мной пошла только мама, что меня огорчило, но встретившись в костеле с Эмметом и Эмилией, Риком и Тэмми, которая провела ночь со своим женихом, по моей душе снова разлилось мягкое тепло. Встав рядом со счастливыми парочками, занявшими нам места, я улыбнулась сама себе и растворилась в праздничных песнопениях... Каждый раз, испаряясь на праздничных службах, я приходила в себя лишь по их завершении...

Когда с рассветом мы все вместе отправились домой, я поняла, что впервые за прошедшие полгода мне стало хорошо, не смотря ни на что... Не смотря на то, что Мартина скоро не станет. Но это был не эгоизм — это была искренняя вера в то, что с Мартином обязательно всё будет хорошо, пусть даже не в том мире, в котором живу я.

Я была удивлена тому, что отец и дед, под чутким руководством бабушки, приготовили замечательный праздничный завтрак, больше походивший на обед (большинство блюд было приготовлено мамой еще с вечера). Впервые за последние три или даже четыре месяца, нас снова собралось так много — десять человек и два щенка, и все в поисках столовых приборов. Я единственная вспомнила о том, что следует выставить на подоконник гостиной «световую арку» в виде старинного канделябра прадеда по папиной линии, поэтому именно я отправилась искать его в шкафчике, стоящем у выхода в задний двор. В этот момент, в еще большее удивление, нежели шикарный завтрак, меня вогнал звонок в дверь.

— Гости? В такое время все сидят по домам, — хмыкнула я, идя к двери с разваливающимся канделябром в руках, пока остальные зависли между кухней и гостиной, вдыхая ароматы праздничных блюд.

— А вот и я-я-я! — радостно прокричала мне в лицо Сэм, мгновенно вогнав меня в икоту, после чего со всех сил обняла меня, обдав мой силуэт морозным воздухом. — Я привезла первый снег!

— И в правду снег идет, — задыхаясь в объятьях Саманты, отозвалась я, глядя на то, как белые точки мягко летят вниз, рассекая мрачную серость. — Поэтому, может лучше ты переступишь порог, и мы закроем дверь?

— Подожди, еще рано, впусти остальных, — встав слева от меня и положив на меня свою правую руку, радостно прогремела тетя, рыжий цвет волос которой казался лучиком света в беспросветной серости нашей улицы.

— Ты кого-то... — начала я, но вдруг прячущиеся слева от крыльца гости показались, и моя икота мгновенно исчезла. — Привела.

— Тада-а-ам, — радостно подпрыгнул ко мне Мартин в своем черном пальто, которое стоило как половина нашего дома. Округлившимися глазами я посмотрела на широко улыбающегося мальчика, потом перевела взгляд на Роланда и, тяжело вздохнув, ошарашено выдала:

— Нам снова не хватит стаканов.

— Неужели я и вправду пребывала в столь ужасном состоянии, что Вы решили пригласить Олдриджей? — почти вслух возмущалась я в сторону мамы, стоя у выхода в задний двор, пока общие возгласы, доносящиеся из кухни, буквально вгоняли меня в глухоту.

— Дорогая, ты начала по вечерам есть арахисовое масло и смотреть «Топ-модель собака», а ведь и то и другое ты не перевариваешь, — пожалала плечами мама, в тщетной попытке оправдать решение отца, который минуту назад отказался выйти со мной на диалог.

— Это чистая правда, — скрестив руки на груди, заметила Сэм и облокотилась о стену напротив меня, — твой организм и вправду не переваривает ни арахисовое масло, ни одетых в шмотки щенков, так как их наряды стоят больше, чем твои носки.

— Это мои любимые носки! — провозгласила я, заметив брошенный на мои ноги многозначительный взгляд Сэм, после чего с вызовом поставила лодыжку на пятку и указала на носок обеими ладонями выпрямленных рук, чтобы рыжеволосая могла лицезреть трижды перештопанную бабушкой, шикарные носки из верблюжьей шерсти, которые когда-то подарила мне Линда.

Стаканов и вправду не хватило, но по мнению папы «ничего страшного в этом нет, ведь Глория может пить из одного стакана с Элис», которая, между прочим, непроизвольно выплевывает в стакан остатки имбирного печенья.

Сначала я подумала, что идеально выбритые щеки Роланда порозовели от тяжести чемоданов Сэм, которые ему пришлось затаскивать в дом, но причина оказалась в другом — в прогулке морозным утром по улицам нашего захудалого городишки.

— Вы были на мессе?! — ошарашенно спросила я у старшего Олдриджа. — Почему у вас не видела?

— Наверное потому, что снова была далеко позади нас, — довольно ухмыльнулся Мартин.

— Однако к дому она пришла पहले нас, — приподняв бровь, заметил Роланд.

— Это всё потому, что твоя свеча чуть не потухла, — возмутился мальчик. — Я ведь говорил тебе взять полностью закрытый фонарь. И вообще, прекрати за нее постоянно заступаться.

Новость о том, что Олдридж постоянно за меня заступает, заставила моих родителей довольно улыбнуться, но в данную секунду мне было наплевать на их домыслы.

— Вы хотите сказать, что шли пешком?! — не прекращала удивляться я, принимая тарелку из рук бабушки, сидящей справа от меня. Роланда, как ключевого гостя, снова усадили во главе стола, напротив папы, меня по его правую руку, Мартина напротив меня, рядом с Мартином разместили Рика и Тэмми, и так по возрастающей.

— От самого поместья! — восторженно заявил мне Мартин, под общий гул обсуждения каких-то мелочей вроде красивой солонки, привезенной Сэм из Испании. Я нервно перевела взгляд на Роланда.

— Что?! — начал с вопроса своё оправдание Олдридж.

— На улице холодно.

— Не так чтобы очень...

— Такое большое расстояние!

— Ладно-ладно, я пошутил, — брызнул смехом Мартин. — Мы шли пешком только от

костела.

Праздничный завтрак походил на посиделки пчел вокруг огромной соты в трещащем по швам улье. Вскоре всё жужжание переключилось на тему приближающейся свадьбы Рика и Тэмми, местом проведения которой было выбрано поместье Олдриджа. Конечно, это была отличная идея, как и то, что Роланд, в качестве свадебного подарка, оплатил свадебное путешествие молодоженов, заменив их среднестатистический отпуск в Джакарте лакшери отдыхом на Бали. Но я была бы не я, если бы не призналась самой себе в том, что не жажду услышать отцовское «охреть и не встать!» в стенах поместья Олдриджей, поэтому уже предвкушала красочную свадьбу своей младшей сестры.

Я не могла не обратить внимания на приподнятое настроение Мартина, поэтому сразу после того, как мальчик отправился наверх с двойняшками, чтобы посмотреть на их календарь Адвента, который сутки мастерил дед, я буквально накинулась на Олдриджа.

— Вы что, позволили ему пропустить прием транквилизаторов? Только не отпирайтесь, я вижу в каком настроении пребывает Мартин.

Со стороны могло создаться впечатление, словно я слежу за тем, чтобы мальчик не выходил за рамки предписанной ему врачами меланхолии, но на самом деле я боялась его эмоциональных всплесков вроде эйфории или резкой злости, которые могут вызвать чрезмерную активность нейронов, после чего мозг может неверно среагировать на стресс и самоуничтожиться (ну или какая-то другая схема, которую я не до конца поняла со слов доктора, неизбежно ведущая моего подопечного к кончине).

— Глория, Вы настоящая полиция нравов, а не няня. Я ведь Вам не за вынос моего мозга плачу.

— А за сохранение мозга Мартина, — с горечью вырвалось у меня и, хоть это были тихо произнесенные слова, их услышали все, так как все уже давно притихли, пытаясь расслышать наш с Роландом диалог. Из-за моей глупости, каждый сидящий за этим столом только что узнал, что я уже постепенно загибаюсь от боли перед тем, что еще не произошло. От мгновенного осознания собственной жалости, я чуть не расплакалась. Повисла настолько продолжительная и неловкая пауза, что для того, чтобы все вновь зашевелились, мне пришлось попросить дополнительную порцию яблочного пирога, который в этот раз мне не понравился, о чем я не преминула прежде заметить вслух, но больше просить было нечего, так как всё уже было съедено. Из солидарности, Рик тоже попросил себе дополнительный кусок, хотя в принципе не любил яблоки. Бабушка сиюсекундно вскочила, чтобы организовать добавку и все натянуто весело заулыбались, позволяя нам с Роландом облегченно выдохнуть.

— Он пропил таблетки, — прошептал в мою сторону Роланд, на что я лишь кивнула головой и, чтобы проглотить образовавшийся в горле ком боли, сделала глоток воды.

Олдриджи ушли после полудня, еле отбившись от предложения остаться на обед. К моему счастью, отцу не удалось удержать Роланда за рукав его кофты из натуральной шерсти и Олдриджи минули разочарования в виде рисовой похлебки. Прихватив свои, еще горевшие в фонарях, свечи, они направились в сторону костела, где Роланд оставил свой автомобиль.

* * *

— И давно тебя так ломает? — зайдя ко мне в комнату, поинтересовалась Сэм.

— Ты о чем? — сначала решила прикинуться непонимающей я, лежа навзничь на своей раскладушке, но потом перевела взгляд с потолка на собеседницу и сдалась. — Уже полгода.

Кажется, мое признание было произнесено слишком дрогнувшим голосом, отчего я решила сесть, чтобы не разрыдаться. Неожиданно в комнату зашли Эмилия и Тэмми, и Сэм пришлось сесть на мою скрипящую раскладушку, чтобы не быть задавленной женским коллективом.

— А ты стала еще моложе, — заметила я, кисло улыбнувшись вечно молодой тетке. — Теперь выглядишь на все двадцать семь.

— Зато как изменилась Эми, — заметила Сэм, переведя взгляд на обнимающую Тэмми Эмилию. — Замужество явно тебе к лицу. Из невзрачной девушки ты превратилась в выделяющуюся даму.

Я посмотрела затуманившимся взглядом на «выделяющуюся» Эмилию и поняла, что Сэм попала в яблочко. В своем унынии я и не заметила, как Эми, позабыв свои старые серые наряды, начала облачаться в исключительно светлые тона далеко недешевых костюмов, завивать волосы, подкрашивать брови, пользоваться румяной и ежедневно менять бижутерию, которой прежде не уделяла внимания. Моя старшая сестра и вправду теперь выглядела как дама, занимающая значимую должность, хотя всё еще оставалась всего лишь секретаршей.

— Замужество всем к лицу, — улыбнулась Эми. — Вот увидите, как изменится наша младшенькая, когда выйдет за Рика.

— Ничего подобного, — сразу же смутилась Тэмми.

— Жаль, что ты не присутствовала на моей свадьбе, — перевела взгляд на Саманту Эмилия. — Видела бы ты, какие подарки преподнес Олдридж!

— Надеюсь в скором времени налюбоваться твоей тачкой и шикарными апартаментами.

— Вообще-то, у нас с Эмметом строгое разделение: тачка — его, дом — мой. Так что прежде чем садиться в его авто, мне приходится подстилать под задницу плед, чтобы не испортить обивку его дорогого сиденья, а если ему хочется сходить в туалет в моём доме — ему приходится поднимать толчок.

С минуту мы громко смеялись, после чего Эми заявила, что её задницу уже ждут, и оставила нас втроем. Всё еще смеющаяся Тэмми села на мою дрожащую кровать, которая готова была разломиться под нами в любой момент.

— Я в восторге от того, что вскоре увижу в каких условиях трудится моя средняя племянница, — заявила Сэм, говоря о свадьбе Тэмми.

— Мне тоже интересно, — скромно улыбнулась Тэмми.

— Только не говори, что ты даже не видела места, в котором через три недели состоится твоя собственная свадьба! — возмутилась Саманта.

— Нет, но раз Рик согласился провести банкет там, значит это хорошее место.

— Воу-воу-воу, дорогуша... С Эми бы такой вариант не прокатил. Если бы Эммет хотя бы посмел заикнуться о том, что выбрал место свадьбы, не показав его Эмилии, она бы повредила его в самом неожиданном месте. Что с тобой не так?

— Самоотверженность и всецелое доверие — вот кредо отношений этой парочки, — пожала плечами я. — Они даже еще не переспали.

— Что-о-о?! — разорвала воздух Сэм.

— Глория! — возмутилась Тэмми.

— Да ла-а-адно... — протянула я. — Ты всё равно бы ей рассказала.

— Такое вообще возможно?! — не могла успокоиться Сэм.

— Глупая ситуация... Я... Просто когда я впервые осталась у него ночевать, я хотела убедиться в том, что он не будет ко мне приставать, ну и... Он поклялся, что не переспит со мной до свадьбы... — в одно мгновение стала пунцовой Тэмми.

— И не переспал?!

— Нет, — поджала губы невеста и я сразу же закивала головой, как бы подтверждая слова сестры. — Вообще-то, я рада такому положению вещей, — искренне призналась Тэмми.

— Зная тебя — конечно ты рада! — шумно набрала воздух в легкие Сэм и резко выдохнула. — Зато твой жених уже минимум полгода ходит в состоянии круглосуточной эрекции. Тебе не жаль беднягу?

— Сэм, что ты такое говоришь, — вдруг расстроилась Тэмми, лицо которой вдруг покрылось новым слоем смущения.

— Да, Сэм, не говори при нашей Тэмми таких слов как секс, эрекция и презерватив.

— Говорит та, которая с легкостью произносит эти слова, не смотря на свою девственность, — едва всерьез не надулась Тэмми.

— Ладно-ладно, успокойтесь, девочки, — положила руки нам на плечи Саманта. — У меня не было времени изучить этого твоего Рика так же хорошо, как Эммета, отчасти из-за того, что твой кавалер не тянул со свадьбой шесть лет, в отличие от некоторых, и отчасти от того, что ваша тётка — Путешествующая Лошадь^[52]. Но, судя по тому, что я видела и слышала о твоём избраннике — он тот еще фрукт. А знаете что? Нам необходимо устроить эпический девичник!

— Ну уж не думаю, — поморщилась я, вспомнив, как на девичнике Эмили одна из одноклассниц Эми в хлам напилась на фоне разрыва с парнем и полезла в трусы стриптизеру, за что в конце вечера всем присутствующим пришлось ему доплачивать.

— Я, вообще-то, не планировала, — начала отпираться Тэмми.

— Ну уж нет! Девичник у тебя точно будет — это я тебе гарантирую! Как и то, что буду спать со своей любимой племянницей, если не в одной постели, тогда точно в одной комнате, пока прекрасный принц не отхапает её себе и не увезет на Бали.

— Эй, я всю свою осознанную жизнь думала, что я твоя любимая племянница! — наигранно возмутилась я.

— А вот и нет, — ухмыльнулась Сэм, притянув к себе Тэмми, чтобы наградить её своими коронными, крепкими объятиями. — Моя любимая племянка Тэмми. Ты же — моя проблемная племянка, которая если не облегчает жизнь окружающим, тогда обязательно корежит свою.

С приездом Сэм мне стало легче находиться в доме — в процессе выслушивания одного из завораживающих рассказов Саманты о приближающейся Хануке^[53] или адронном коллайдере^[54], никто не успевал на меня бросить свой тяжелый, сочувствующий взгляд. В последние недели перед приездом Саманты, домочадцы до щемящей боли обливали меня жалостью из чана заботы, отчего у меня иногда создавалось впечатление, будто умереть в скором будущем должна была именно я, а не Мартин. Хотя, может быть, так оно и есть...

В последнее время, от давящей на меня со всех сторон жалости, я стала чувствовать себя еще более беспомощной, чем это было в самом начале выбранного мной пути. Неужели я и вправду выглядела настолько жалко, не смотря на то, что старалась вести себя как обычно? Может быть, вся проблема и заключалась именно в том, что я старалась, но у меня ничего не получалось? Хотя, если быть честной, я всегда умела отличаться наплевательским отношением к мнению окружающих. Наверное, именно поэтому мне с самого начала и до сих пор было абсолютно фиолетово до того, что все мои родственники считали, будто мне пора «завязывать» с работой на Олдриджа, не смотря на то, что они искренне уважали его, а некоторые, вроде двойняшек, даже любили Роланда. Естественно, никто не высказывал своего мнения вслух, но это не означало, что я не слышала разговоров отца с дедом, занятых ставками на скачки, или не улавливала шепотки мамы с бабушкой, когда чистила зубы. Я понимала, что им больно за моё решение, но я уже приняла резолюцию быть в эпицентре урагана, поэтому терпела их немое мнение, прекрасно понимая и свою, и их безысходность. *Безысходность — это вообще одна из самых хреновых вещей на земле. Особенно, когда речь идет о жизни, а не об отсутствии в магазине ботинок твоего размера или билета на уходящий поезд.*

Сэм изо всех сил пыталась вытащить меня на ближайшие выходные в Лондон, ибо купальников и прочих необходимых побрякушек для отдыха на Бали купить в нашем городке было нереально. Плюс ко всему, Тэмми нужно было выбрать свадебное платье, так как в местном магазине выбор состоял в буквальном смысле из двух моделей восьмидесятых годов, если это вообще можно считать выбором.

Всё закончилось тем, что в Лондон поехала вся женская часть нашей семьи, за исключением трех безнадежных для шопинга особ: слишком старой бабушки, слишком молодой Элис и слишком ушедшей от семейных дел Глории. Вечером, рассматривая покупки Тэмми, которые полностью оплатил Рик, я пыталась изобразить искреннее сожаление по поводу того, что отказалась от этого «увлекательного» шопинга. И у меня даже удалось убедить в этом всех... Кроме Сэм. Она определенно смотрела на меня, как на дезертира. Но я всё равно была рада тому, что провалялась весь день в постели, так как накануне Роланд буквально вытолкнул меня за двери своего поместья, мотивируя своё решение тем, что мне нужен нормальный выходной для здорового сна, питания (ибо я, по его мнению и мнению напольных весов, похудела минимум на два кило) и общения с близкими. В итоге я проспала полдня, после чего объелась шоколадным мороженым и пообщалась с Балто, и Гердой, которые за прошедшие месяцы выросли до размеров взрослых особей. Когда, около восьми часов вечера, женщины вернулись домой, они решили, будто я слишком рано переделась в пижаму — я же просто не снимала её на протяжении всего дня.

У Тэмми еще никогда не было с полсотни пакетов с покупками — обычно её максимум

Сэм, опешила.

— Да, — поджав губы, засвидетельствовала Саманта, после чего я и вправду почувствовала себя круглой душой.

Через пять минут мы доползли до лежащей на уложенных на полу одеялах и подушках Тэмми, и начали по очереди обнимать её. Следующие пятнадцать минут мы пьяно спорили на тему «Кто именно достоин спать рядом с невестой». В конечном счете, по всем статьям проиграла Сэм, так как на протяжении жизни уделила ей меньше времени и внимания, чем её сестры. Саманте пришлось лечь справа от меня и разделить со мной одно из двух одеял.

В итоге, к концу вечера, упившимися тюленями были все, кроме невесты.

— Охренеть и не встать! Здесь полтонны чистой бронзы... — выдал отец, разглядывая огромную статую пегаса, которую Олдриджу презентовали на день рождения.

Церемония венчания и фотосессия новоиспеченного семейства Белл прошли настолько быстро, насколько это вообще было возможно, и сейчас мы находились в поместье Олдриджа. Так как отцу надоело, по его словам, «пыжиться перед камерой», он решил воспользоваться предложением Роланда и отправился рассматривать внутренности дворца, в котором денно и ночью пропадала его средняя дочь. Конечно, я отправилась за ним, не желая, чтобы он заблудился или, например, надорвался в попытке поднять крылатую, бронзовую лошадь.

— Пап, прекрати... Ты обломаешь крыло...

— По-видимому, этой особи уже обломали кое-что более важное, если только это не кобыла, — хитро ухмыльнулся мне в ответ отец. Вечер обещал быть долгим.

Беспросветная серость декабря не пожелала рассеяться даже на день свадьбы Рика и Тэмми, однако этот факт не испортил торжества. Моя младшая сестра выглядела настоящей принцессой в пышном, атласном, свадебном платье, шубе из белого меха, с белоснежной муфтой в руках и шикарным женихом в костюме от Кардена. Церемония состоялась в час дня, затем была организована трехчасовая фотосессия в городе и за его пределами, после которой задрогшие участники мероприятия отправились в поместье Олдриджа, согреться горячительными напитками. Накануне температура воздуха опустилась до минус пяти градусов и, с наступлением сумерек, за окном начали медленно опускаться на землю крупные хлопья снега, предвещая первый сильный снегопад в этом году.

Свадьбу и вправду удалось не испортить незнакомыми персонажами и дурацкими подарками вроде детских автокресел, так как список гостей состоял из тридцати трех пунктов (со стороны невесты было всего десять приглашенных — вся наша семья и никаких визжащих подруг) и молодожены позаботились о составлении свадебного онлайн-вишнеста заранее. Родители подарили паре фамильные драгоценности в виде подвески с кулоном для фотографии и золотого женского кольца от прабабушки по маминой линии, тем самым успешно избежав затрат (они заранее приберегли для каждой из своих дочерей по две семейные реликвии). Я же спустила всю свою заначку на роскошный домашний фонтан с подсветкой. Олдридж, в свою очередь, заранее оплатил свадебное лакшери-путешествие молодоженов и, уже в конце вечера, преподнес паре вылитый из семьсот пятидесятой пробы золотой ключ, весом в два килограмма, перед этим толкнув виртуозную речь о «Ключе семейного счастья». Неделей ранее я краем глаза увидела расходные чеки Олдриджа, которые Джонатан не успел вовремя убрать с журнального столика, за которым Роланд обычно распечатывал свою корреспонденцию канцелярским ножом в виде Жала Бильбо Беггинса^[55]. Когда я лицезрела общую сумму за проживание в лучшем номере на Бали, трехразовое питание в виде кальмаров и фугу, и неоправданно дорогие развлечения, я поняла, что либо Рик и вправду лучший друг Роланда, либо Олдридж попросту не знает, куда деть сто тысяч восемьсот пятьдесят один доллар. К концу вечера я была уверена в том, что мы снова выглядели бедными, если и вовсе не нищими родственниками.

Свидетелем со стороны жениха, с первого же дня объявления решения о женитьбе, Рик выдвинул Роланда, которому еще в студенческие годы, когда оба парня считали копейки на

общий проездной в метро, он пообещал это почетное место. Свидетельницей со стороны Тэмми напросилась Саманта. Если честно, я горела желанием быть свидетельницей любимой сестры, но вовремя отказалась от этой роли сразу после того, как узнала имя свидетеля со стороны жениха и представила светящиеся физиономии родственников (особенно папы), которые на протяжении всего праздника швырялись бы в меня и Олдриджа шутками в духе: «Не зря Вам залетело по башке свадебным букетом моей старшей дочери, а на свадьбе моей младшей Вы стоите рядом с моей средней».

Наверное, самым ожидаемым событием этого дня было не так венчание молодоженов, как знакомство родителей с двух сторон. Фердинанд и Алисса Белл были идеальной четой, не выпускавшей друг друга из поля зрения. Фердинанд был высоким, стройным брюнетом, усыпанным пепельной сединой. На фоне своего мужа, Алисса выглядела тонкой, но достаточно крепкой женщиной. Она была чуть выше мамы, из-за небольшого каблука, от которого миссис Пейдж предсказуемо отказалась на этот вечер. Волосы Алиссы Белл были выкрашены в натурально-каштановый цвет, отдаленно напоминающий оттенок волос её сына. Рик определенно был более похож на свою мать, нежели на отца, от которого унаследовал только высокий рост и крепкое телосложение. И хотя отец Рика был старше нашего отца всего на два года, а его мать и вовсе была ровесницей нашей мамы, супружеская пара Белл выглядела минимум на пять лет старше своего возраста, что к концу праздничного вечера неожиданно разъяснилось — мы узнали, что у Рика был старший брат:

— У нас было два сына, — тяжело вздохнув, ответил мистер Фердинанд на вопрос моего отца о том, почему они не завели еще одного ребенка. — Кит был старше Рика на один год и один месяц. Он скончался четыре года назад от острого лейкоза.

— Соболезнуем, — чуть ли не хором отозвались вместе со мной родители. Мы стояли с мистером Белл вдали от остальных гостей, поэтому никто кроме нас не услышал о личной трагедии семейства Белл.

— Сейчас об этом уже не так больно говорить, как год назад. *Время притупляет даже самую сильную боль, чтобы после мгновениями напоминать тебе о том, что прежде ты страдал сильнее. Это заставляет тебя стыдиться того, что, в какой-то промежуток твоей потускневшей жизни, в потоках ежедневной рутины, ты забыл о своей утрате... Подобным образом время словно издевается над твоим и без того надломленным сознанием, заставляя тебя проживать остатки своих дней в тупой боли.*

— Мы тоже потеряли ребенка. Старшего сына. Это была автокатастрофа, — отрывисто произнес отец, после чего сделал глоток шампанского.

— Примите мои соболезнования. Это ужасно.

— Белокровие куда более худшая карта, нежели смерть в автокатастрофе, — неожиданно выдал отец. — Во втором случае жертва не подвержена медленной и мучительной гибели на протяжении болезненной вечности длиной в год. Нам еще повезло не видеть мук собственного умирающего ребенка, если слово «везение» здесь вообще уместно.

— Не представляю, каково сейчас Роланду, — сдвинул мудрые брови Фердинанд.

— Вы знаете о Мартине? — вздрогнула я.

— О, да, я знаю о Олдриджах больше, чем любой из здесь присутствующих, ведь я крёстный отец Альберта Олдриджа.

— Вы крёстный отец отца Роланда?! — ошарашено переспросила я. — Как такое возможно, ведь Альберт Олдридж был старше Вас.

— Всего на три года. Просто он пришел к религии позже, чем это сделал я. Он очень сильно любил Мэрилин и после её предательства едва ли не сломался. Я дружил с Альбертом со студенческих лет и после развода я помог ему собраться. Я сделал это посредством христианства, однако я так и не смог его убедить наладить связь с сыном, которого он запер в каком-то зачуханном пансионе лишь из-за того, что не смог простить его мать... А потом Альберт встретил Сильвию и у них родился Мартин. К тому времени Роланд был уже на пороге совершеннолетия и Альберт окончательно забыл думать о каком-либо возобновлении родственных отношений со старшим сыном, решив, что финансирования его образования будет вполне достаточно для того, чтобы не видеть Роланда еще лет пять-шесть. А потом Альберт погиб вместе со своей женой в авиакатастрофе, оставив последних потомков фамилии Олдридж незнакомцами друг для друга. Если честно, Роланд не сразу согласился принять опеку над Мартином. Он боялся, что не справится и целую неделю оттягивал знакомство с мальчиком, пока тот жил под крышей моего дома, под временным покровительством Алиссы. В то время Рик и Роланд уже были лучшими друзьями. Если честно, когда я узнал, что Роланд совершенно случайным образом стал студенческим другом Рика, я не мог списать это ни на что иное, кроме как на карму. И вот, после трехдневного запоя и четырехдневного отходняка, в которых ему благородно помог мой сын, Роланд появляется на пороге нашего дома в потрепанной, белоснежной рубашке с расстегнутым воротником и требует передать опеку над его братом ему, мотивируя своё требование тем, что он является единственным кровным родственником мальчика. Бедняга... Представляю, как он сейчас себя чувствует. Боюсь, Вы тоже представляете, ведь Вы теряли ребенка. Только Роланду намного хуже, чем нам с Вами, не смотря на то, что Мартин ему брат, а не сын... Знаете почему ему хуже? Потому что мы с Вами потеряли взрослых детей, но у нас всё еще остались родные люди, а Роланд Олдридж вынужден потерять маленького ребенка, после чего у него не останется ни одного родного человека под солнцем.

Я сделала глоток шампанского, в надежде утолить боль в грудной клетке, и чуть не поперхнулась от того, что оно отказывалось лезть мне в горло. Интересно, Роланд в мыслях хоть раз возвращался к тому дню, когда решил принять на свои плечи груз ответственности за жизнь Мартина? Хоть раз хотел ли он повернуть время вспять и отменить свое решение, чтобы сейчас не гореть в муках от неминуемой гибели брата? Моё праздничное настроение постепенно растворилось в пузырьках дорогого шампанского.

На сей раз, на свадьбе из незамужних девушек были только я и Сэм, поэтому Тэмми находчиво предложила поучаствовать в розыгрыше букета невесты и холостяков. К всеобщему удивлению, в нашей компании оказался всего один холостяк — Роланд. Чтобы не калечить гостей, как это сделала Эмилия на своей свадьбе, Тэмми решила устроить церемонию разыгрывания букета лентами. Суть этой церемонии заключается в том, что невеста привязывает к букету одну ленточку и еще несколько лент зажимает в руке вместе с букетом, после чего участники выбирают себе по ленте и тянут за нее. Чья лента оказывается привязанной к букету — тот является счастливым обладателем следующего билета в один конец под венец.

В руке Тэмми оказались пять лент, так как изначально конкурс был рассчитан на большее количество участников, но именно незамужние девицы в последний момент сорвались и не приехали на праздник. Чтобы не выбрасывать лишние ленты, было решено, что оставшиеся две, если никто не выдернет букет с первого раза, дернет тот, кто первым успеет перехватить инициативу.

Еще до начала конкурса Саманта самоуверенно заявила, что букет будет её, о чем не преминула повторить перед непосредственным стартом. Я не успела опомниться, как мои соперники вдруг дернули свои ленты. Первая попытка не принесла успеха ни одному из участников и, пока я мяла в руках бледно-розовую ленту, Сэм и Роланд мгновенно подхватили по второй ленте, тем самым не оставив мне шансов на победу. Роланд на долю секунды успел опередить выбор Сэм и молниеносно дернул свою ленту, тем самым оставив мою тетю ни с чем. От силы рывка Олдриджа, Тэмми пошатнулась влево и выпустила приз из рук, однако Роланд ловко подхватил летящий вниз букет. Как бы парадоксально это не было, но свадебный букет снова достался Олдриджу.

— Судя по Вашей заинтересованности в конкурсе, Вы жаждите в скором времени жениться, — заметил мой отец, обратившись к Роланду и смеясь со всеми с того, как смешно, в процессе розыгрыша, выглядели участники. — И судя по тому, как Вам каждый раз везет, Вы уже наверняка определились с избранницей.

— По твоей логике, я не выиграла лишь потому, что мне абсолютно безразлично за кого выходить замуж, — расхохоталась Сэм.

— По той же логике, я останусь старой девой, так как мне не все равно и я всё еще не определилась с избранником, — оперевшись на плечо Саманты, смеялась я.

— Главное, чтобы он определился с тобой, — многозначительно заявила Сэм, посмотрев на Роланда, который вдруг специально отвлекся, сделав вид, будто не слышал слов моей безбашенной тётки. — Он-то за тебя и бу-уке-ет вытащит, — уже прошептав мне на ухо, ухмыльнулась Сэм. Обиженно отмахнувшись от издевок рыжеволосой, я вернулась к Тэмми, которая искренне расстроилась тому, что белые розы отошли не мне.

Перед самым отъездом молодых, Фердинанд и Алисса преподнесли молодоженам необычный подарок — денежный цветок из купюр номиналом в пятьсот долларов, бутон которого состоял минимум из двух дюжин баксов.

— Фальшивые? — слишком громко поинтересовался наш отец, на что все засмеялись, а я прикинулась невменяемой, чтобы не раскраснеться от стыда.

Рик и Тэмми уехали в девять часов вечера, после чего гости начали расходиться.

Новобрачных уже ждал забронированный номер в Milestone Hotel Kensington, откуда они должны были поутру отправиться в аэропорт и перелететь через океан. На протяжении всей своей жизни Тэмми никогда не выезжала за пределы нашего маленького городка, за исключением редких вылазок в Лондон. Было совершенно очевидно, что она взволнована предстоящим путешествием и новой жизнью. Не знаю почему, но теперь в её счастье я была больше уверена, нежели в счастье Эмилии.

Отправив родственников домой, я решила задержаться, чтобы уложить Мартина спать, так как у Доротеи был сегодня отгул — к ней неожиданно приехала нерадивая дочь. Естественно неугомонная Сэм осталась со мной, не смотря на все мои уговоры покинуть поместье прежде, чем Роланд, уже после окончания праздника, обнаружит под крышей своего дома свою соперницу по свадебному конкурсу.

— Ты не выиграла букет лишь потому, что ни один здравомыслящий мужчина не женится на рыжеволосой, — заявил Саманте Мартин, уже переодетый в пижаму и направлявшийся в ванную, чтобы почистить зубы.

— Какой милый мальчик, — сквозь зубы выдавила Сэм.

— Я имел в виду, что рыжие — темпераментные, — уже из ванной, громко прокомментировал свои слова Мартин. — *Мужчины не любят женщин с пылким темпераментом. Они любят чувствовать себя яркими и ненавидят блекнуть на фоне своей женщины. Это всё равно, что быть рамкой для искусной картины.* Ты же настолько яркая, что едва ли найдется мужчина, который согласится быть твоей собственной рамкой.

— И как ты с ним справляешься? — шепотом поинтересовалась у меня Сэм.

— У него весьма живой ум, — прошептала в ответ я. — Он всегда говорит то, что думает, даже не стараясь скрыть свои эмоции перед незнакомым ему человеком.

— Хватит шептаться, — прокричал из ванной мальчик. — Меня это из себя выводит и заставляет терять остатки симпатии к рыжеволосой.

— Ладно-ладно, — в ответ прокричала Сэм, после чего шепотом добавила. — Тоже мне, раздражительный персонаж.

Я улыбнулась в ответ на веселый шепоток Саманты, заглянув в её голубые глаза. Она и вправду была картиной — красивой и завораживающей. Хотя Сэм и обладала натуральными рыжими волосами с причудливым отливом, на её лице не было ни единой веснушки, а белоснежная кожа отливала аристократизмом. Но самой главной фишкой её персоны было то, что в свои года она выглядела студенткой четвертого курса — не старше.

Мы с Сэм поправляли подушки на диване в гостиной, когда неожиданно из ванной раздался душераздирающий стон, после которого последовал глухой звук упавшего тела. Сорвавшись с места, я побежала в ванную, по пути едва не опрокинув аквариум с Гектором. Лежа на темно-матовом кафеле, Мартин дергался в конвульсиях, буквально врезаясь затылком в пол. Я начала искать хоть что-нибудь, что можно было бы подложить ему под голову, когда Сэм протянула мне валик из скрученного махрового полотенца.

— У него кровь! — закричала я, впервые увидев кровотечение изо рта мальчика. — Почему у него изо рта идет кровь?! Раньше такого не было!

— Успокойся, — призвала меня Сэм. — Ты ведь недомедик, пошевели мозгами... Наверное, он прикусил язык.

Я засекала время на экране своего разбитого телефона. На сей раз приступ длился на пять секунд меньше предыдущего — всего тридцать две секунды. Однако, у Мартина впервые произошло самопроизвольное опорожнение мочевого пузыря. Это случилось на

двадцать четвертой секунде.

Сэм нервно наблюдала за тем, как после припадка я помогала Мартину сориентироваться в пространстве, совершенно не обращая внимания на лужу мочи под своими коленями. Уже через минуту после того, как Мартин понял, что он «всего лишь потерял сознание» и пролил воду на свои штаны, мне пришлось попросить Сэм выйти, чтобы я смогла помочь мальчику снять пижаму и принять душ.

Уложив Мартина в постель и убедившись в том, что он заснул, я принялась за протирание мочи на полу в ванной, ползая на четвереньках, так как не смогла найти швабру.

— И часто такое происходит? — скрестив руки на груди и наблюдая за тем, как я выжимаю тряпку, стоя на коленях перед унитазом, поинтересовалась Сэм, облокотившись о дверной косяк.

— Он впервые описался, — глухо отозвалась я, сдвинув брови.

— Я не про это. Часто он бьется в конвульсиях?

— Это первый припадок за декабрь, — наконец встав с колен, ответила я, встретившись с нервным взглядом Саманты. Я знала этот её коронный взгляд, говорящий «Ты хоть представляешь, с чем связалась?». — Если ты не против, я быстро сполоснусь и переоденусь. Подожди меня у камина, хорошо?

Я засунула испачканное платье в стиральную машину, решив выбросить в урну капроновые колготки, пропахшие мочой, после чего быстро избавилась от неприятного запаха на своей коже, посредством приема теплого душа с молочным гелем. Натянув на себя одежду, специально оставленную мной в комнате для гостей на случай чрезвычайной ситуации, вроде той, что только что произошла, я вернулась к Сэм, и мы отправились домой сразу после того, как я уведомила Джонатана о случившемся припадке Мартина. Уже идя домой, вдоль засыпанного снегом сада, я наверняка была уверена в том, что сегодня ночью Роланд будет караулить детский сон Мартина.

* * *

— Надеюсь, наши молодожены нормально добрались до гостиницы и их рейс на завтра не отменят из-за погодных условий, — наконец заговорила молчавшая всю дорогу до дома Сэм, когда мы поднимались на второй этаж, чтобы разойтись по своим комнатам. На улице началась настоящая пурга, из-за которой мы буквально промерзли до костей. — Поспим сегодня вместе? — вдруг предложила рыжая.

Предложение Сэм было бы куда более заманчивым, если бы оно не было выдвинуто на фоне произошедшего час назад припадка Мартина. Однако я всё равно не смогла устоять. Уже через пятнадцать минут мы сидели на бывшей кровати Тэмми, под моим пледом крупной вязки из шерсти мериноса, и наслаждались какао с молоком, которое наколдовала Сэм. Не смотря на то, что мы напялили на себя свои самые теплые пижамы, нам всё еще было очень холодно. За окном бушевал шторм, и все домашние уже спали, пока мы с Самантой пытались отогреть наши замерзшие кости.

— Сколько... Ему осталось, — рвано поинтересовалась Сэм, после того, как натянула, сначала на меня, потом на себя, связанные бабушкой носки.

— Не более полугода, — нервно сглотнула я.

— Как Роланд?

— Не знаю, — ответила я, не ожидая услышать подобного вопроса. — Уверена, что хреново. Он стал регулярно спать с Мартином, за исключением тех редких случаев, когда мальчик изъявляет желание остаться во сне наедине с собой. В такие ночи Роланд на всякий случай приставляет к нему кого-нибудь из прислуги, но Мартин об этом не догадывается...

— Ты должна быть с ним.

— Я и так с ним, — непонимающе отозвалась я.

— Не с Мартином. С его братом. Когда Мартина не станет, у вас с Роландом останется одна боль на двоих... Она уже начинает душить вас обоих.

— У меня с Роландом нет ничего общего, кроме боли. Этого недостаточно, чтобы понять друг друга.

— Да, но обоюдной боли достаточно для того, чтобы поддержать друг друга, а поддержка — это то, с чего начинается нечто большее, чем взаимовыгода. Например — понимание. Понимаешь, малыш? Ведь именно своей поддержкой, ты породил свою боль.

Наступили долгожданные Рождественские праздники. Не смотря на то, что я не раз и даже не два раза предупредила родителей о возможности эпилептического припадка у Мартина, они не отступили от своего решения пригласить Олдриджей на праздник. Дух Рождества ежегодно укладывал моих предков на лопатки, заставляя необоснованно веселиться, тратиться и приглашать всех кого ни попадя в гости, даже троюродную тётю Мэгги, решившую в прошлом году всё-таки принять наше сотое приглашение. Тем Рождеством тётя Мэгги отличилась скверным характером и отменным умением награждать двойняшек подзатыльниками, когда те наступали ей на ноги. Однако уже после единственного принятого ей приглашения, она наотрез отказалась ступить на порог нашего дома из-за того, что дед случайно уронил в её стакан свою глазную линзу, которую она едва не проглотила (вообще, в её родстве с нами сомневалась даже бабушка — едва ли всерьез можно воспринимать родство с падчерицей двоюродного брата деда, ведь она даже не одной крови с нами!).

Последние шесть лет наше Рождественское дерево не отличалось ни стойкостью, ни порядком на своих растрепанных иголках, так как ровно шестой год к ряду она подвергалась уверенному нашествию двойняшек (Дин умудрился опрокинуть на дедушку праздничное дерево уже в пятимесячном возрасте, даже не покидая границ своей колыбели, всего лишь потянув в рот висящую рядом гирлянду — благо она была отключена от розетки!). Сейчас же я пыталась придать нашей многострадальной елке хоть какой-нибудь праздничный, а не мученический вид, пока за моей спиной творился хаос — Дин и Элис пытались оседлать своих вымахавших щенков, от разбросанных ключьев шерсти которых никто в этот день не был в восторге.

— Мама, поставьте, наконец, индейку на середину стола, — бегая вокруг праздничного стола, пыталась привлечь к себе внимание бабушки мама. — Возьмите печеный картофель и каштаны. Дерек, брюссельская капуста, пастернак и бекон должны стоять рядом, ведь к ним подается клюквенный соус.

— На сей раз, мы не ударим в грязь лицом перед Олдриджами! — радостно заявил отец. — На что спорим, что Роланд потеряет дар речи, когда я вручу ему свой подарок?

— Боюсь, ты не удивишь его ни своим мини-баром, ни связанным бабушкой шарфом с его именем, — пробубнила себе под нос я. — Или ты забыл о гигантском бронзовом пегасе в его поместье?

— Дорогая, будь добра, поправь звезду на макушке праздничной ели и свою пессимистичность, — сдержанно попросил меня отец. — Этот мини-бар стоил мне целое состояние!

— Попрошу заметить, что пегас не позволит насладиться мистеру Роланду жизнью так, как сделает это мини-бар, и не согреет его в зимний вечер так, как мой прекрасный шарф, — вмешалась бабушка, и я решила придержать при себе колкое замечание о том, что у Роланда уже имеется минимум четыре мини-бара из красного дерева и, конечно же, он жаждет заполучить пятый из дуба. Плюс ко всему, у него уже есть брендовый шарф (бабушка), лучшие сорта вин в личном погребе (дедушка), разнообразные сейфы и не только в виде книг (мама), едва ли он не способен купить сам себе билеты на каток (Сэм), он вообще не увлекается курением, даже электронным (Эмметт), автомобильная массажная накидка с

подогревом (серьезно, Эми? и что она будет ему массажировать и подогревать? его крепкая пятая точка, больше походящая на кокосовый орех, должна повторно треснуть от регулярного перенапряжения?). Хотя, если посмотреть правде в глаза, подарки замечательные. Это ведь, Рождество, а не очередной показ золотых запонок и бронзовых пегасов, правда? Думаю, подарки в такой день должны быть особенными, поэтому — держи, Роланд, фотографию с изображением меня, себя и Мартина, в самой дорогой рамке, которую я только смогла откопать в этом городишке, и самой дешевой в твоей коллекции серебряно-бронзово-золотых рамок!.. Кажется, я уже не хочу, чтобы Олдриджи приходили к нам в гости. По крайней мере, сегодня.

* * *

После того, как паровой фруктовый пудинг был облит бренди и прилюдно подожжен, все напряженно стали гадать, кому же на сей раз достанется серебряная монетка, спрятанная глубоко в его недрах. Гадали все, кроме меня и мамы, так как мы заранее подстроили, чтобы монетка досталась именно Мартину. Видели бы Вы его лицо, когда он едва не сломал свой зуб о монету-везения. Вот ведь повезло, так повезло — зуб остался цел! Дин и Элис едва ли не расплакались от того, что прозевали удачу на следующий год, в то время как она отошла тому, кого в следующем году даже госпожа удача не способна будет спасти. Уловив довольный восклик Мартина, мы с мамой довольно переглянулись, мысленно радуясь тому, что не ошиблись с куском.

Обмен подарками начался после того, как Дин случайно опрокинул пуансеттию^[56]. Мартин признался, что еще никогда не имел чести огрести шарфом с собственным именем, которым бабушка случайно отшлепала его по щекам, пока завязывала изделие на тонкой шее мальчика. После Мартина она переключилась на Роланда, который от неожиданности онемел и округлил глаза, словно наш шарахнутый Гектор.

Все были заняты раскрытием своих подарков, но как бы незаметно замерли, наблюдая за тем, как именно воспринимает каждый распакованный подарок старший Олдридж — я давно успела всех убедить в том, что его невозможно удивить их выдумками. Роланд же улыбался и кивал головой в сторону дарящего всякий раз, когда вскрывал упаковку — отец был уверен в том, что Олдридж пришел в полный восторг от мини-бара и его убеждение всячески подпитывал сам Роланд, периодически задвигая речи о том, что подобного мини-бара у него еще точно не было. От автомобильной массажной накидки Роланда слегка перекосило, из-за чего он улыбнулся шире положенного, тем самым пытаюсь скрыть своё недоумение. «Ты прошел посвящение безумными подарками нашей семьи, поздравляю», — пронеслось у меня в голове в момент этой его «искренней» улыбки.

Когда во всеобщей суматохе Роланд открыл мою коробочку с фотографией, все уже забылись в своих обертках и не обращали на нас никакого внимания.

— Самый замечательный подарок, — внезапно улыбнулся мне Олдридж.

— Что там? Фотка? — сразу же активизировался под общий шум Мартин. — Отстой. А мне она подарила подсветку для аквариума, так что наверняка можно определить, что меня она любит больше.

— Ничего подобного, — необдуманно ответила я и лишь через пару секунд поняла, что именно ляпнула, когда словила на себе довольно улыбающийся взгляд Роланда.

— Она только что сказала, что любит тебя, причем даже сильнее чем меня, — начал входить в кураж Мартин, явно желая меня смутить.

— Вовсе нет, — начала сопротивляться я. — Я одинаково люблю вас обоих.

— Я ведь говорил тебе, что мы милашки, и она влюблена в нас обоих, — не успокаивался ухмыляющийся Мартин.

— Я ни в кого не влюблена, — чуть не пропищала от смущения я, чувствуя, как краска приливает к моему лицу.

— Так и знал, что однажды подарив мне Гектора, ты будешь отделяться легким испугом на всех последующих праздниках, даря мне дополнения к его комплекту, — отошел от опасной темы Мартин, и я незаметно выдохнула. — Сначала подсветка, затем водоросли, после камни и очистители воды, еще чуть позже аквариум побольше, так как он не будет вмещать специального фингербайка для рыбок...

— Успокойся, — взъерошил волосы младшего брата Роланд. — И поблагодари за подарок. Мы ведь прекрасно знаем, что ты боялся, что у Гектора разовьется никтофобия^[57].

— Ладно, признаюсь — я рад этому подарку больше, чем многогранному кубику-рубику от мистера Кристофера. Открывай уже наш подарок, — ухмыльнулся Мартин, явно ожидая моей реакции.

— Оу, да... Сейчас... А какая из этих оберток ваша? — окончательно запутавшись в коробках, поинтересовалась я, всё еще пытаюсь отойти от смущения.

— Красная, тупица, цвет любви, — ответил на поставленный мной вопрос наглый мальчишка и сразу же отхватил символический легкий подзатыльник от Роланда, то ли за то, что он назвал меня тупицей, то ли за то, что «цвет любви»...

Я раскрыла красную коробку и пару секунд просто пыталась понять, что передо мной не карманное зеркало, в котором отображается моё глупое лицо.

— Это что? — упершись правой рукой в бок, с претензией в голосе поинтересовалась я. Я всегда упиралась руками в бока, когда испытывала сильные эмоции. Конкретно сейчас я испытывала негодование.

— И ты еще обижаешься, когда я называю её тупицей, — обратился к старшему брату Мартин. — Ты ведь свой разбила при одной из первых наших встреч. Неловко вышло... Это мобильный телефон.

— Это дорогой мобильный телефон, — заметила я, не скрывая своего возмущения. — Он стоит как моя почка... Как две мои почки. Мы ведь договаривались, что Вы не будете дарить дорогих подарков, чтобы не ставить меня в неловкое положение, — скорее предъявляя претензию к Роланду, нежели к Мартину, напомнила я.

— Ну не дарить же тебе красную нитку, которую ты потом даже на ночь снимать не будешь из жалости к подарившему, — поморщил носом Мартин, словно вспомнив о чем-то противном. Он явно не одобрял ношение своим старшим братом моего подарка, на его атласном правом запястье.

— О, Артемида^[58]! — послышался вопль Эмметта за моей спиной, от которого все присутствующие в унисон содрогнулись.

— Это лучшая клиника в Британии, — пояснил Роланд. — Благодаря её услугам моя знакомая, страдающая бесплодием на протяжении всей своей жизни, впервые стала матерью в сорок пять лет.

Эмилия светилась от счастья, в то время как Эмметт вытирал подступившие к глазам слёзы, отчего мне вдруг стало неловко. Олдридж преподнес паре Бланкар необычный подарок в виде сертификата на экстракорпоральное оплодотворение, которым можно было воспользоваться в течение следующих пяти лет.

— Фортуна откликнулась на мои мольбы, и Артемида улыбнулась нам, — не мог обуздать свою радость счастливый отец еще даже не зачатого ребенка.

— Не тем богам ты молишься, зятёк, — не смогла умолчать я.

* * *

Новый год Олдриджи решили провести вместе со мной и Доротеей в Лондоне, но мне пришлось отказаться от поездки с ними, из-за маминой жуткой хандры по поводу того, что она вынуждена встречать Новый год без своих детей (Эми и Эммет решили отправиться на горнолыжный курорт Невис Рендж, Тэмми с Риком уже перелетели из Бали в Австралию, и я вдруг посмотрела в сторону Лондона). Я не преувеличиваю — она была сама не своя от печали: начала регулярно подавать молочный соус к утренним панкейкам, который никто в нашей семье кроме Эми не любил, отчего его почти никогда не делали; стала следить за прогнозом погоды вместе с бабушкой; забывала снимать бигуди после сна и даже начала делать ставки на любимую лошадь Тэмми, не смотря на то, что старая кляча постоянно проигрывала. Отец тоже был не в восторге от того, что его дочери, чей маршрут прежде совпадал с его маршрутом до работы, «покинули его и заставили ходить по утренним улицам города в гордом одиночестве». Если честно, даже я успела взгрустнуть от того, что за столом внезапно образовалась огромная брешь в виде пустующих мест моих сестер, и нам всем вдруг стало хватать стаканов для бабушкиного грушевого компота. Родители же были настолько подавлены, что в итоге я не смогла бросить их на Новый год. Тем более мне самой не хотелось оставлять своих стариков наедине с новогодней речью королевы.

Внезапно навалившиеся на меня лавиной выходные, на которые я совершенно не рассчитывала, так как слишком поздно узнала о планах Роланда, едва ли не расплющили меня у духовки, которую полностью отмыть после рождественской индейки удалось лишь к началу новогоднегo сочельника. Олдриджи уехали сразу после Рождества и должны были вернуться не скоро после Нового года, поэтому у меня была куча времени на себя и пахла эта куча далеко не голландскими тюльпанами: я наводила порядок в своей спальне, периодически натыкаясь на забытые мной год назад под шкафом ароматные носки; вручную стирала грязные детские салфетки, заляпанные тошнотворной массой непереваренного ужина Дина, так как мама искренне верила в то, что хлопок может повредиться из-за стирки в стиральной машинке (как по мне, так эти салфетки вообще больше никто и ничто не сможет повредить, если только Дин вновь не захочет проглотить одну из них!); делала массаж ступней бабушки, искренне пытаюсь убедить себя в том, что бабушка и вправду

вымыл ноги, просто сделал это дегтем...

Спасительным кругом для меня стала порхающая по дому Сэм, пристрастившая всю семью, включая и меня, к декупажу^[59], который она открыла для себя два месяца назад в пригороде Парижа. Еще вентиляционным люком для меня стал выгул Балто и Герды, которые, в последнее время, как и я не отличались позитивным настроем. Виной меланхолии этой парочки стали кастрация и стерилизация, которой подвергла их мама, не желая в будущем наблюдать оргии в своей гостиной.

Конечно были и плюсы моих незапланированных каникул, а именно: поедание шоколадных конфет, которые отцу вручили на работе в честь праздников; сон по восемь, а порой даже и по десять часов в сутки; декупированная мамой полка декупированных мной стаканов; разбросанные по всему дому мандарины, сезон коих серьезно спасал меня от авитаминоза.

Когда Олдриджи и Бланкары вернулись в город (а это произошло в один день, хотя и в разное время суток), мне показалось, словно прозрачную банку, в которой я просидела больше двух недель, раскупорили. Мама перестала хандрить по разъехавшимся детям (Эми почти каждый день заглядывала к нам на ужин, приводя с собой своего мужа, так как она до сих пор не смогла пристраститься к собственноручной готовке), а я снова сломя голову мчалась на работу, чтобы очутиться на пороге поместья на полчаса раньше положенного времени и собственноручно разбудить Мартина, после чего задерживалась допоздна и возвращалась домой лишь в начале одиннадцатого. Сэм снова уехала, пообещав вернуться с весной, папе выписали премиальные в виде тысячи фунтов, двойняшек в школе признали одаренными детьми, из-за их дара искать неприятности на свои микроскопические попки, Мартин на время вышел из меланхолии, по причине привыкания к транквилизаторам, которым мы в срочном порядке должны были найти замену в кратчайшие сроки. После затянувшихся каникул, тучи над моей головой словно рассеялись, заставляя меня безрассудно забывать о том, что гроза с каждым днем приближается к нам, уже пребывая в полной готовности испепелить не только мою душу... Это было лишь затишье перед бурей, но оно было прекрасно.

Во второе воскресенье после возвращения Олдриджей, мы решили воспользоваться билетами Сэм, которые она презентовала Роланду на Рождество, и отправились на каток (наверяд ли тот факт, что Саманта подарила ему именно три билета, является результатом отсутствия её навыков в арифметике). Это была наша первая совместная вылазка в мир, после возвращения Олдриджей из Лондона. Одев новый мягкий свитер из альпаки, подаренный мне на Рождество мамой, и снарядившись меховыми наушниками, гетрами с помпонами и короткими минетками, я стала походить на пушистую, белоснежную снежинку, медленно кружившуюся по скользкой поверхности катка. Мой продуманный мамой образ (раньше она занималась внешним видом Тэмми, но по отъезду младшей дочери мама стала постепенно переключаться на меня), вплоть до таких мелочей, как крупная завивка волос и серебристый макияж, жестоко портили старые, потрепанные и посеревшие от пыток временем коньки. Эти коньки видели многое: разбитый нос Дэниела, вывихнутую лодыжку Эмилии, сломанный большой палец правой ноги Тэмми и мои многочисленные падения, которые еще ни разу не приводили меня к серьезным травмам, если не брать во внимание многочисленные гематомы. Положа руку на сердце, я, скрепя зубы, могу во всеуслышание заявить, что мои коньки на этом катке были откровенно самыми страшными, но что было поделать, если я не хотела тратить деньги на неоправданно дорогой прокат инвентаря.

Если быть честной, хотя я и неплохо стояла на льду, ездок из меня был не мощный, поэтому я вышла на каток последней из нас троих. Я совершенно не удивилась тому, что Олдриджи не просто превосходно стоят на коньках, но и чувствуют себя словно рыбы в воде, скользя по поверхности замерзшей жидкости. Еще бы они были профи в шахматах, танцах, гольфе и не были бы профи в фигурном катании! Тьфу!

— Глория, если ты будешь воспринимать свои ноги как французские багеты, ты никогда не сможешь насладиться процессом, — заявил подъехавший ко мне Мартин, сразу после своего завораживающего прыжка, своей близостью заставив меня прислониться к борту.

— Послушайте моего брата, он дело говорит, — улыбнулся Роланд, резко остановившись возле меня.

— Тебя вообще кто учил кататься? — задыхаясь от быстрой езды, снова обратился ко мне Мартин.

— Дэниел и Эмилия, но, по правде говоря, они сами были не сильны...

— Тебе нужен сильный учитель, — заявил Мартин. — Меня учила кататься мама. Она замечательно выполняла винт, от которого у меня до сих пор кружится голова.

— У меня просто давно не было практики...

— Всё! — вдруг радостно выпалил Мартин. — Я научил тебя плавать, пусть даже не слишком уверенно, я же и заставлю тебя не проминуть уроками фигурного катания.

— Только если тебе будет от этого легче, — выдохнула я, представив свой разбитый нос и лужу крови где-то в центре катка, но не желая расстраивать вошедшего в азарт Мартина.

— Отлично! Роланд, ты её научишь! — радостно воскликнул довольный мальчик.

Я точно не была готова к тому, что Роланд Олдридж будет собирать меня по частям, пытаюсь отодрать лепешку в виде моего тела от треснувшего подо мной льда. Набрав воздух в легкие, я уже желала отказаться от предоставляемого мне, бесплатного мастер-класса, как

вдруг кто-то сзади дернул меня за плечо, тем самым заставив меня повторно схватиться за борт.

— Глория?! — удивленно произнес моё имя друг моего брата Мэйсон Уильямс, остановившись справа от меня. — Целую вечность не виделись! Я думал, что ты еще учишься в Лондоне и скоро напялишь на себя халат парамедика.

— Вообще-то я хотела стать терапевтом, — нервно улыбнулась в ответ парню я. — Я не закончила обучение... Гхм... Вернулась прошлой весной. Знакомься, это Роланд Олдридж, мой... Эмм... Начальник и его брат Мартин.

— Очень приятно, — Мэйсон пожал руку Роланда, затем Мартина, на что только Мартин ответил сжатое «ага».

— Значит, ты устроилась на работу. Выходит ты здесь надолго? Решила пустить корни в этом захудалом городишке?

— Теоретически...

— Замечательно. Какие планы на свой день рождения?

Роланд с Мартином испытывающе на меня посмотрели, явно удивившись тому, что я не упомянула о том, что таковой день в моей биографии существует и что он уже не за горами.

— Вообще-то, до моего дня рождения еще далековато... — сконфуженно пожалала плечами я.

— Двадцать седьмое не так уж и далеко, и если я не ошибаюсь в подсчетах, осталось всего пять дней. Так что ты делаешь в свой праздник?

— Работаю. Я работаю, Мэйсон, — нервно выдохнула я, начиная раздражаться назойливостью этого парня. Я не хотела рассказывать Олдриджам о своем дне рождения, чтобы вновь не огрести от них каким-нибудь айфоном или тысячной долларовой купюрой, а этот парень просто взял и за пару секунд всё растрепал!

Мэйсон Уильямс был широкоплечим парнем, хотя и не отличался высоким ростом, будучи всего на дюйм выше меня. Он обладал рыже-карей шевелюрой, тёмно-карими глазами и весьма милым, неправильным прикусом. Я наверняка знала, что ему было двадцать семь лет, так как он был всего на год старше Дэниела, но даже пору году, в которую родился этот парень, сейчас я вспомнить не могла. Все наши общие знакомые были в курсе неровного дыхания Мэйсона в мою сторону. Нас познакомил Дэниел, когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет, и этот парень сразу показал своё равнодушие к моей персоне. Мэйсон пытался подбивать ко мне клинья весь мой сознательный подростковый возраст, однако меня всегда резко отталкивала его чрезмерная настойчивость. Например, однажды на День святого Валентина он обманом затащил меня в кинотеатр на какую-то порнушку, перед этим уверив меня в том, что ведет меня на научную фантастику, выход которой я с нетерпением ожидала на протяжении целого полугода. Или на Хэллоуин он пытался поцеловать меня челюстью Дракулы, с учётом того, что я не хотела дарить ему своих поцелуев даже тогда, когда он пребывал в образе Мейсона Уильямса. Или еще он отрывал меня от соседского забора, пытаясь подхватить на руки, от одной мысли, о чем меня бросало в нервную дрожь. Но это было так давно, что я даже не предполагала, будто подобные рецидивы с его стороны возможны в данном промежутке наших, к счастью своевременно разминувшихся, жизнью.

— А после работы? — не успокаивался Уильямс.

— А после работы она празднует с нами, — самоуверенно заявил Мартин, которому явно не понравился новый знакомый. Мальчик определенно имел претензии на мою свободу

и меня в целом.

— Так ты на них работаешь за крышу над головой? — неудачно пошутил Мэйсон и рядом с ним неожиданно очутился еще один мой старый знакомый. Райан Бутман — типичный весельчак, со светло-русыми волосами и худощавым телосложением. Я познакомила и его с Олдриджами, после чего нервно огляделась по сторонам, в надежде не заметить на горизонте еще кого-нибудь из моего дальнего прошлого.

— ...да Мэйсон в друзья Дэниелу набился лишь потому, что хотел замутить с Глорией, — вырвал меня из матерящегося подсознания голос Бутмана, что-то весело заливающего Олдриджу. — Он даже составил персональный список свиданий, на которых планировал полапать красотку, но так и не смог его реализовать.

— Заткнись, Райан, — фыркнул Мэйсон и, неожиданно подъехав ко мне впритык, взял меня за руку. — Ты всё еще не сильна на катке, да? Давай прокатимся кружок.

— Мэйсон, я... — я не успела договорить, так как Уильямс неожиданно отодрал меня от бортика и, против моей воли, потащил в самый центр катка, буквально волоча моё тело рядом с собой. От испуга я вжала голову в плечи и задержала дыхание, пытаясь не впасть в панику, что, впрочем, было слишком поздно.

— Мэйсон... Мэйсон, отпусти меня... — восстановив дыхание, спустя минуту потребовала я.

— Ты что, мне не доверяешь?

— Мэйсон, я плохо себя чувствую...

— Расслабься.

— Немедленно верни меня к бортику! — потребовала я и сразу же попыталась вырваться из рук наглеца, но это лишь еще больше спровоцировало мою неустойчивость, отчего я неуклюже поскользнулась. Однако Мэйсон вовремя подхватил меня за левую руку и прижал моё тело к себе, буквально вцепившись мне в талию, тем самым предотвратив моё элегантное падение. Боковым зрением я заметила, что Олдриджи и Бутман, оставшиеся у борта, внимательно наблюдают за нами.

— Да что с тобой не так? — ухмыльнулся парень. — Почему ты шарахаешься от меня, как от огня?

— Это с тобой что не так?! Я ведь ясно дала понять, что не хочу кататься, — ответила я, наконец, сумев высвободиться из цепких рук Уильямса. Отодвинувшись от него, я испуганно посмотрела в сторону Олдриджей — мы слишком далеко отъехали от них. Мои колени начали нервно трястись, заранее опасаясь того, что я не осилю столь длинный маршрут, параллельно протискаясь мимо других отдыхающих.

— Тогда зачем ты пришла на каток, если не кататься? — вдруг прямо в моё левое ухо ухмыльнулся Мэйсон, после чего внезапно развернул меня в противоположную от Олдриджей сторону и снова потащил моё тело за собой.

— Мэйсон, я пришла сюда со своей компанией...

— Начальник — это разве компания? Отдых в подобной компании походит на рабство.

— Мэйсон, верни меня туда, где взял. Давай поговорим позже, хорошо?

— Ты предлагаешь свидание?

— Ничего подобного!

— Ладно, я откачу тебя обратно, если ты дружески поцелуешь меня в щеку.

— Отпусти меня! — попыталась остановиться на месте я.

— Ладно, тогда давай я тебя.

Мэйсон уже потянулась ко мне, как вдруг я изо всех сил оттолкнула его от себя, из-за чего в следующую секунду мы оба потеряли равновесие. Парень неуклюже накренился назад, схватил меня за запястье и машинально потащил за собой. В итоге, уже спустя две секунды, я растянулась на Мэйсоне как в самых мыльных операх бразильского кинематографа, после чего он попытался обнять меня, окончательно переходя все рамки приличия. От возмущения я врезала кулаком под его левое ребро и, оттолкнувшись от нахала, села на пятую точку, упершись ладонками в обжигающий холодом лед.

— Продолжим? — радостно улыбался садящийся на задницу Мэйсон, когда рядом со мной кто-то гулко остановился, забрызгав всю мою кофту ледяной крошкой.

— Не сегодня, — грубо отозвался знакомый голос где-то у меня над головой, после чего Олдридж одним резким движением поднял меня под мышки и уверенно покатил моё тело в неизвестном мне направлении. Лишь спустя пару секунд я скривилась от неожиданно резкой боли. Боль в области правой лодыжки была настолько острой, что я едва сумела сдержать возглас, вовремя перешедший в стон. Неожиданно моя правая нога подвернулась, и я, скривив нос и больно прикусив нижнюю губу, охнула. Мне повезло, что Роланд держал меня крепче, чем недотёпа Мэйсон. Благодаря крепкой хватке моего напарника, на сей раз я не прикоснулась к жгучей поверхности льда.

— Что случилось? — отстраненно поинтересовался Роланд, лишь слегка сбавив скорость.

— Кажется, у меня что-то с правой лодыжкой, — прошипела в ответ я.

До выхода со льда я докатилась на одной ноге, пытаясь не скрипеть зубами от боли, буквально пронзающей мою приподнятую ногу.

* * *

Ушиб правого голеностопного сустава — один из качественных прогнозов, способных хорошенько испортить ваш ближайший месяц.

Прежде чем на место моего ушиба наложили эластичный бинт, моя правая лодыжка увеличилась минимум на два размера и окрасилась в красно-фиолетовые тона. Первая помощь была оказана в частном медпункте, разделяющем крышу с катком и картингом, и уже через полтора часа я лежала на мягкой перине в гостевой комнате домика Мартина. За весь день я столько раз почувствовала себя идиоткой, что сейчас даже хотелось всплакнуть: сначала Мэйсон со своими дурацкими приставаниями и не менее дурацким падением, затем вывих, после которого попался врач неумеха, так сильно нажавший на травмированную ногу, что я не выдержала и расплакалась от боли прямо на глазах у Олдриджей, отчего мне секундно захотелось испариться в пространстве. Дальше — хуже. Мало того, что Роланд на руках тащил мою тушку до медицинского центра, так после он проделал это еще дважды: волоча меня до машины и вынимая из нее, чтобы занести в поместье. И хотя он не задыхался от тяжести моего тела, у него не подкашивались ноги, не тряслись руки, и не синело лицо, мне почему-то вдруг показалось, будто мой вес внезапно приблизился к слоновьему. Но сейчас мне хотелось всплакнуть не из-за ощущения дополнительного килограмма, который я набрала после Рождественских праздников, а именно из-за унижений, которые мне пришлось испытать за прошедшие пару часов, и банальной боли в ноге.

— Подождите... Нет... Это не правильно, — всячески пыталась выразить свой

искренний протест я, пока Олдридж стягивал носок с моей левой ноги, а Мартин отправился просить повара организовать ранний ужин. — Вы должны были отвезти меня домой! Почему сегодня никто меня не слушает?!

— С Вашей травмой Вы не сможете посещать рабочее место, так что Вам придется выбирать одно из двух: либо Вы живете ближайшее время на работе и получаете деньги даже за сон в компании Мартина, либо уезжаете домой, и в ближайшие недели мы с Вами не видимся. Во втором случае я откажусь выплачивать вам больничные и, плюс ко всему, к тому времени, когда Вы снова сможете нормально передвигаться, Ваши услуги мне уже могут быть без надобности.

Я прекрасно понимала, что здесь и сейчас Роланд намекал мне далеко не на увольнение посредством замены моей кандидатуры Доротеей или другой квочкой — он завуалированно говорил о смерти самого близкого ему человека...

— Я остаюсь, — в очередной раз сглотнув комок боли, хмуро согласилась я.

— Замечательно, — с каким-то тяжелым облегчением, словно только что разъяснив идиотке нечто вроде квантовой физики, выдохнул Роланд.

Следующие полчаса стали еще более унижительными, чем всё моё предшествующее бесславие сегодняшнего дня. Сначала я аккуратно пыталась стащить с себя штаны, от каждого малейшего движения страдальчески морщась и шипя на поврежденную ногу. После я напялила на себя хлопковый халат розового цвета и уже хотела отправиться в туалет, но даже вдоль стенки у меня не было шансов пройти к пункту назначения, не покалечившись повторно. Естественно у меня не было костыля или чего-нибудь на подобии, чтобы иметь возможность поддерживать пострадавшую ногу на весу, поэтому я окликнула Олдриджа, всё это время терпеливо стоящего за дверью, в тщетном ожидании моей расторопности. Я решила не говорить ему напрямую о том, что мне срочно нужно на горшок и о том, что мой мочевого едва ли в силах выдержать еще пять минут напряжения, поэтому я просто попросила его помочь мне дойти до нужной двери. Прежде чем я успела сориентироваться, Роланд молча подошел ко мне впритык и, обняв за пояс, слегка приподнял меня, прислонившись своей грудной клеткой к моей. В вертикальном положении он перетащил меня в туалет, после чего, уверенно придерживая правой рукой моё покачивающееся тело, поднял крышку унитаза и невозмутимо усадил меня на него. Хорошо еще, что трусы не спустил и не сказал: «Кто тут у нас пи-пи захотел? Давай-ка сосредоточимся...»!

— Закончишь, позови, — серьезным тоном резюмировал Олдридж, закрывая за собой дверь.

Он неосознанно обратился ко мне на «ты»? Я чуть не провалилась в унитаз от того, как многозначительно восприняла слово «закончишь»! Хотя маршрут от кровати до туалета занял не больше минуты, он показался мне часовой поездкой до Лондона и, как только я сделаю свои делишки, мне предстоит совершить часовой переезд обратно. Слишком сильная, слишком навязчивая, слишком приятная близость с Олдриджем вдруг выбила меня из колеи. Я не ожидала столь сильного потрясения от обычного контакта с Роландом, так как была уверена в том, что подобная близость с противоположным полом, например как с Мэйсоном или с Эмметом, не вызывает у меня схожих эмоций. Так почему Роланд Олдридж должен был быть исключением? И всё-таки он им был. Определенно был. Я буквально замерла от мысли о том, что моя грудь только что была вплотную прижата к его вздымающейся груди... От того, как его крепкие руки обвивали мою талию... От того, что запах мужского тела буквально врезался в мои легкие, окутал мою кожу, вплелся в волосы...

От одной только мысли о том, что через несколько минут мы снова будем слишком близко друг к другу, моё тело бросало в дрожь и в душе проносилось огненное торнадо. На фоне этих странных эмоций, мой организм отказался заниматься каким-то мочеиспусканием прежде, чем мой мозг снова не прокрутит последнюю минуту своей деятельности.

Когда Роланд, наконец посадил меня на кровать, я еще несколько секунд неосознанно задыхалась от его запаха и мощи его рук.

— Болит? — поинтересовался Олдридж, заметив моё оцепенение. Я решила сказать, что побаливает, так как это было не далеко от правды, после чего нахмурилась и залезла под одеяло.

Сначала я удивилась тому, что отец с подозрительной легкостью воспринял факт моего намерения в ближайшее время проживать в поместье Олдриджа, однако уже через минуту, услышав адресованный им маме шепоток, контекст которого можно сформулировать одной фразой: «Наконец у нее продвигается на личном фронте», — я поняла, что желание выдать замуж свою последнюю свободную дочь, у моего отца куда сильнее желания видеть меня дома на ближайшей неделе. Мама же, в отличие от отца, открыто заявила в дребезжащую трубку нашего телефона, что передаст мои вещи через Джонатана, так как не хочет «спугнуть интимную обстановку». Моя родня всегда отличалась склонностью преувеличивать, драматизировать и усложнять — с этим никогда ничего невозможно было поделать. По-моему, мои родители напрочь забыли о том, что моей «головной болью» был Мартин, а не его старший брат.

Рано поужинав, мы нашли пульт от восьмидесяти пяти дюймового чуда и наткнулись на мамину любимую комедию «Как украсть миллион», с её любимой актрисой и теской Одри Хепберн. Я удивилась тому, что братья Олдриджи не знают фильм, который в нашей семье просматривался минимум дважды в год, поэтому настояла на просмотре. Собственно, долго уговаривать их не пришлось, так как протесты Мартина быстро стихли после слов Роланда о том, что выбор сделан.

* * *

Еще никогда в жизни мне не было так хорошо болеть. Рядом со мной с раннего утра и до позднего вечера всегда находилась веселая компания в виде старшего и мелкого Олдриджей. Я днями лежала в постели, ела всё шоколадное, что подносили мне братья, и, если не проигрывала в плейстейшен одному из парней, смотрела натуралистические каналы. К концу третьего дня ничегонеделания я намекнула на то, что отлежала себе пятую точку и желала бы ходить в туалет, не опираясь о барный стул (к тому времени от помощи Роланда я категорически отказалась, не желая снова и снова отходить от шока, вызванного его горячими руками). На следующий день Мартин забежал в мою спальню с костылями-канадками и радостно объявил мне, что теперь я смогу писать с меньшими проблемами. Это было очень приятно. Честно.

Вечером четвертого дня, когда старший Олдридж вернулся после длительного телефонного разговора, и мы еще не сняли с паузы «Гордость и предубеждение», Роланд вдруг сказал:

— Пора приступать к массажу.

— К чему? — не обратив внимания на его слова, продолжала ковырять шоколадное мороженое я.

Роланд подкинул в воздух и подхватил салатный тубик, после чего начался театр абсурда, главной актрисой коего была я. Следующие двадцать минут, под звуки голоса мистера Дарси, Роланд, смотря в телевизор, массировал мою правую лодыжку, совершенно не обращая внимания на моё смущение (кажется у меня даже лодыжки стали пунцовыми!). Всё началось с легких поглаживаний, от которых я чуть не растворилась под одеялом,

стараясь не сорваться на писк. Затем большим пальцем он аккуратно надавливал на проблемную зону, совершенно не вызвав у меня этим движением болезненных ощущений. Далее начались легкие похлопывающие приемы по ступне ноги и замысловатые движения, направленные на подвижность моих пальцев. Во время растирания между пальцами ног, я чуть не треснула от интимности всего этого процесса. Всё же время массажа Олдридж слишком сосредоточенно смотрел телевизор, пока Мартин играл в какую-то аркаду на планшете.

— Вторую, — неожиданно скомандовал Роланд, отложив мою правую ногу и указав на левую.

— Зачем? — непонимающе, еще больше закипая от смущения, поинтересовалась я. Олдридж впервые за всё время массажа посмотрел на меня и, по-видимому, спешился от залившей моё лицо краски.

— Нужно проводить массаж обеих стоп, так как на здоровую ногу, во время передвижения, идет большая нагрузка, — совершенно невозмутимо ответил он, после чего выдавил на свою левую ладонь массажный крем и правой рукой вытащил мою левую ногу из-под одеяла, за которую ловко подтянул меня на пару дюймов к себе. Моя голова сползла с подушки, и моё лицо наполовину принакрылось одеялом, но я решила не выныривать из-под него, надеясь хоть как-то спрятать свою пунцовость. В момент, когда Роланд прикоснулся к моей стопе своей горячей рукой, я чуть не задохнулась, забыв включить функциональность легких. В конце массажа Олдридж совершенно спокойным взглядом посмотрел на меня и произнёс твёрдое: «Всё». Это и вправду было «всё». На протяжении оставшегося вечера я чувствовала себя по-дурачки, особенно на фоне невозмутимости массажиста.

* * *

Из-за постоянного валяния в постели, просмотра порой не самых интеллектуальных телешоу и поедания самого качественного мороженого во всей Британии, я совершенно забыла о своём дне рождения. Именно поэтому этот день у меня начался как обычно: принятие душа на четвереньках, сушка волос, очередные попытки полностью встать на пострадавшую ногу — сегодня у меня это даже получилось! В честь своей маленькой победы, я решила избавиться от хлопкового халата, в котором провела последние четыре дня, и переделалась в белый, вязаный кардиган, и темные джинсы, впервые почувствовав насколько они узкие, пытаясь безболезненно всунуть в них свою многострадальную ногу. Уже через час, когда я пересчитала все свои утренние мини-победы на пальцах, я вдруг поняла, что Олдриджи должны были появиться на пороге моей комнаты еще пятнадцать минут назад — они всегда приходили ровно в десять. В душу сразу же прорвался потаённый страх из потайной дверцы боли моего подсознания. Я попыталась отогнать мысль о том, что с Мартином могло что-то произойти, пока я спала, но у меня это слабо получалось. Уже потянувшись к своим костылям, я вдруг не обнаружила их у прикроватной тумбочки и вздрогнула от мысли о том, почему я не заметила их отсутствия перед походом в душ (по привычке, я добиралась до него на четвереньках). Кажется, я начинала впадать в панику, так как мне потребовалась минута, чтобы отдышаться от накатившего на меня страха.

— Ма-а-артин... Ро-о-оланд, — в надежде на то, что кто-нибудь всё-таки уже пришел в эту часть дома, окликнула я. — Есть кто-нибудь?

— Она назвала моё имя первым! — послышалось радостное улюлюканье за дверью.

Услышав голос Мартина, я с облегчением выдохнула и сразу же замерла, прислушиваясь к шорохам и шепоткам, и пытаюсь понять, что же всё-таки происходит. «Встань сюда... Держи ровнее... Тшшш! Она всё услышит». Мама?! Это был шепот мамы?!

— С днём рождения, дорогая!!! — радостно ворвавшись, завопила толпа из моих фанатов в состав которых входила вся моя семья, Олдриджи, Джонатан и Доротея, которую, на время моего больничного, Роланд принудительно отправил в оплачиваемый отпуск.

После того, как мне спели поздравительную песню, Элис так сильно чихнула, что пять из двадцати трех свечей на моем торте потухли автоматически.

— Что ж, тебе снова восемнадцать, — смеясь, остроумно заметил отец. — Надеюсь, что ты не вспомнишь свой восемнадцатый день рождения и не захочешь поесть свежесвыпавшего снега, после чего снова сляжешь с ангиной...

Следующие восемь часов были совершенно нереальными: бабушка с бабушкой соревновались в поедании канапе из креветок, папа с мамой сыпали неловкими рассказами о моём темном прошлом (например, как в пятилетнем возрасте я крала бабушкины очки, чтобы выжигать ими муравьев или как разбила соседскому мальчишке нос, отбирая у него голову любимой куклы Эми), Эмметт с Эмилией в середине вечера сообщили о своем решении воспользоваться экстракорпоральным оплодотворением уже в начале февраля, Дин и Элис всецело посвятили себя игре с Мартином (жаль, что Лео не смог прийти из-за внезапной простуды), Джонатан и Доротея общались на темы связанные с ведением хозяйства, а Роланд нагло угорал с рассказов моих родителей о моей персоне.

Олдриджи организовали праздник за моей спиной, при том, что девяносто процентов своего времени проводили у моей постели. В итоге я получила подарки в виде сумочки, собственного портрета, косметики ручной работы, карманного зеркала, термокружки и набора из ароматизированных свечей. Мартин подарил мне брелок для мобильного с кристаллами SWAROVSKI, но Роланд переплюнул всех, как впрочем и всегда. Он подарил мне участок на Луне размером в два акра. Прежде чем преподнести мне свой подарок, Роланд многозначительно заявил, что он не так дорог, как может показаться, явно опасаясь падения планки моего настроения. Все дружно умилялись, рассматривая сертификат на владение Лунным участком, пока я гуглила через мобильный о том, сколько на самом деле стоит акр Луны. Оставшись довольной результатом своего расследования, я, наконец додумалась поблагодарить Олдриджа, как вдруг поняла, что не знаю, как именно к нему обращаться. Раньше в подобных ситуациях мы пожимали друг другу руки, но в последнее время даже наше пресловутое обращение друг к другу на Вы выглядело слишком искусственно. Но при этом, приобнять его в качестве благодарности было также невозможно, как и обратиться к нему на «ты». В итоге я просто улыбнулась ему и прошептала «спасибо», чтобы не обратить на себя внимания никого кроме самого организатора всего веселья.

Все наелись до отвала, громко смеялись и в конце даже спели хит Аббы «Happy new year», хотя Новый год был давно позади. В целом всё прошло неплохо, за исключением того, что Дин опрокинул шикарную малахитовую вазу, после чего у той отломалась одна из позолоченных ручек, а бабушка пару раз слишком громко издал отрывку, после чего нарочито громко заявлял о том, что его желудок не привык к такому количеству съеденных им креветок: «Забодай меня носорог, если я съем еще хоть одну креветку! Пэт, подай мне третий кусочек торта» или «Надеюсь, что у меня не начнутся газы лишь из-за моего

пристрастия к морепродуктам... Пэт, как думаешь, мне можно съесть устрицу или она отзовется в моем организме далеко не отрыжкой?». Улыбаясь, бабушка подавала деду устрицы, параллельно съедая очередную канапешку с креветкой. Интересно, смогу ли я когда-нибудь кого-нибудь полюбить также сильно, как эта парочка любит друг друга?

Следующим утром я впервые после Рождества вернулась с небес на землю — у Мартина случился очередной эпилептический припадок, но на сей раз, Роланд был рядом. Оказалось, что на каникулах в Лондоне у мальчика тоже был кратковременный приступ в Мэрилебон^[60], случившийся сразу после посещения им музея восковых фигур мадам Тюссо. Итого два приступа за один месяц.

Весь день после припадка Мартин пролежал в своей постели, отказываясь оторваться от «Приключений Тома Сойера». Полдня я провела в компании мальчика, пока не осознала, что он действительно заинтересован книгой, до окончания которой оставалось минимум полсотни страниц. С разрешения Роланда, я отправилась в свою комнату, после чего он метался между мной и Мартином, словно боясь кого-то из нас упустить из виду, поэтому уже через полтора часа я снова вернулась в спальню своего подопечного, не желая наблюдать необоснованные метания Олдриджа в мою сторону.

* * *

Я стала чаще массировать ногу и ушиб начал постепенно спадать. Уже спустя пару дней я могла передвигаться без костылей, со стороны походя на оловянного солдатика. Я буквально подпрыгивала при каждом своем шаге, чтобы иметь возможность волочить своё туловище для того, чтобы добраться до комнаты Мартина, который в последние дни слабо поддавался уговорам покинуть свою постель. На десятый день моего пребывания в поместье, я с братьями Олдриджами отправилась в Лондон, на очередной запланированный прием в Национальном неврологическом госпитале. Ковыляя из поместья в сторону машины Олдриджа, я тащилась словно улитка, безумно опасаясь коварности ледяного налета под ногами. Естественно по приезду в Лондон я не разрешила Роланду помочь мне дохромать до входа в госпиталь, однако ему было глубоко наплевать на мои запреты, так как он не собирался тратить четверть часа на то, чтобы наблюдать за передвижением улитки в виде своей няньки. Вернее няньки его брата. В общем, он нетерпеливо хмыкнул на моё самоуверенное «нет», после чего резким движением подхватил меня на руки и, как ни в чем не бывало, опустил лишь в холле госпиталя.

— Ты бы видела, как вы по-дурачки смотрите со стороны, — злорадно улыбался Мартин, подошедший к дивану, на котором меня оставил Роланд, отправившийся к ресепшену. Красноречивая улыбка Мартина не оставляла у меня сомнений — мы точно выглядели по-дурачки. Всё еще краснея от смущения, я осмотрелась по сторонам и сразу же словила на себе взгляды пары зевак, отчего меня залила еще более густая краска.

* * *

— Плюс полтора миллиметра за восемь месяцев. Прогноз неутешителен. Боюсь, вам придется скоро попрощаться, — вздохнул доктор, поседевший за эти восемь месяцев минимум на два тона. Интересно, как часто ему приходится говорить людям о том, что в

скором времени они станут пустой копилкой, из которой вынут все до единой монетки радости, возможно даже посредством раздробления копилки изнутри самими монетками? В последнее время я ощущала себя именно такой копилкой. Вот-вот меня так сильно встряхнут, что, под тяжестью врезающихся в мою душу монет счастья, накопившихся за счет Мартина, раскроют моё нутро на миллион черепков. Я безумно боялась представить, что именно старший брат Мартина ежедневно вынужден переживать в своей душе.

* * *

Хотя Роланд и был не в восторге от моего решения, он высадил меня у дома вместе с моими вещами, пообещав в течение следующей недели присылать за мной автомобиль с Джонатаном (я согласилась лишь на неделю, так как регулярное пользование услугами личного водителя для меня было чрезмерной роскошью).

Несмотря на все перипетии, я снова была дома и снова чувствовала себя хреново, как, собственно, всякий раз по возвращению домой после длительного отсутствия. Первую ночь я даже не смогла толком выспаться из-за того, что отвыкла от своей скрипящей раскладушки.

Накануне дедушка с бабушкой вернулись в свою квартиру, так как молодой человек, которому они её сдавали, съехал в середине января, и наша семья больше не была в бедственном положении, чтобы препятствовать старикам жить отдельно. Если честно, я всегда хотела переехать из кладовки в более просторную комнату, но как только Эмилия и Тэмми выехали из нашей спальни, я вдруг поняла, что она слишком большая для одной меня, поэтому беспрепятственно уступила её своей племяннице. Элис была в восторге от того, что огромная комната, с двумя шкапами и тремя тахтами, отныне находится в полном её распоряжении. Дин же пребывал в восторге от того, что теперь ему не придется делить свои владения с девчонкой. Все были по-своему счастливы.

За столом вдруг образовалась огромная брешь, которую отец нейтрализовал посредством сложения стола, из-за чего в комнате появилось неожиданно много пространства и гостиная начала казаться слишком большой, так как столько места для уменьшенного состава нашей семьи было совершенно ни к чему. Откровенно говоря, мне было непривычно сидеть за маленьким столиком в скромной компании своих родителей и племянников. Уже проглатывая очередной кусок утреннего сэндвича, я вдруг впервые на тысячу процентов почувствовала, насколько грядущий год обещает быть тяжелым.

После новых препаратов Мартин стал агрессивнее. Он начал чаще срываться на крик и грубо высказываться, вместо того, чтобы попытаться попросить в мягкой форме подать корм для Гектора или почитать ему книгу. Когда он не кричал, он обязательно впадал в уныние, иногда даже плакал. Раньше я никогда не наблюдала слез в его глазах... Ну почему это произошло именно с Мартином? Почему эта злосчастная аневризма вылезла в неоперируемой области мозга с учетом того, что таких областей считанные единицы? Почему она образовалась «неправильной» формой? Почему все оказались бессильны?

В середине февраля, когда я уже могла самостоятельно добираться до работы, маму неожиданно госпитализировали из-за одностороннего гайморита, поэтому, в течение последующей недели (повезло, что не больше!), мне пришлось заведовать домашними делами самостоятельно. Из-за этого домашним пришлось довольствоваться панкейками, сэндвичами и картофельным пюре с готовыми салатами из магазина — это всё, на что

хватало моего времени. Я просыпалась в шесть часов, чтобы успеть приготовить завтрак и помочь племянникам собраться в школу, после чего завтракала, передавала двойняшек отцу, прибиралась со стола, приводила себя в порядок, выходила на работу, возвращалась домой, готовила ужин, снова мыла посуду, помогала двойняшкам с домашними заданиями, стирала и гладила одежду, принимала душ и ложилась спать за полночь. Моей большой победой стало то, что я убедила отца починить посудомоечную машину, чтобы больше не стоять над горой посуды. Хорошо еще, что папа взял на себя обязанность читать детям сказки перед сном и вовремя оплатил счета по дому, о чем прежде заботилась только мама. Так я впервые уяснила тот факт, что быть хранительницей домашнего очага, особенно если этот очаг состоит более чем из трех индивидуумов, и одновременно работать вне дома — практически нереальная задача. Как сказал однажды старший Олдридж: делая два дела одновременно, мы расплываемся, сосредоточившись на одном — оттачиваем навыки. Можно было бы утверждать, что мама, за двадцать шесть лет в должности домохозяйки, стала эталоном своего дела. Вот только подростковый возраст и бушующие гормоны собственных детей, сильно пошатнули платформу спокойствия под ногами наших родителей. Даже не представляю, через что им пришлось пройти, переживая все косяки Дэниела, Эмили и Тэмми... Они потеряли своего первого ребенка и единственного сына! Мои родители точно были разбитыми и заново склеенными копилками счастья.

Из-за моей занятости по дому я стала меньше засиживаться с Мартином, который отказывался понимать мою ситуацию, каждый день выражая своё недовольство претензиями о том, что я не осталась жить с ним. Однажды он даже заявил, что я прихожу к нему лишь потому, что его брат платит мне много денег, после чего, в приступе гнева, выпалил, что ненавидит меня. Естественно уже через полчаса он рыдал в подушку от раскаяния, делая мне своими слезами еще больнее.

Когда мама, наконец вернулась в строй, я снова начала задерживаться на работе, только еще больше, чем когда бы то ни было. Я приходила к восьми, крутилась на кухне возле повара, чтобы после отнести завтрак в постель Мартина, и уходила около полуночи. Я совершенно не обращала внимания на недосып и, прежде пугающие, хождения мимо заброшенного сада в предрассветные и ночные часы. Я думала лишь о том, как продлить всё это хотя бы на несколько часов дольше, чем это было отмерено судьбой.

Роланд стал чаще ступеньваться передо мной, особенно когда замечал моё появление слишком поздно, или когда встречался со мной, пребывая в компании Кэрл. Блондинка вернулась в город после двухмесячного отдыха в Альпах и снова взяла «быка за рога». Повидимому, Олдридж не отталкивал рыбу-прилипалу, так как зачастую я случайно наблюдала за их общением вне дома. Конечно, невозможно было не заметить, что она стала персоной нон грата в этом доме, совершенно утратив привилегию переступить порог поместья. Однако, частые разговоры Кэрл с Роландом на тротуаре напротив поместья, вернули меня с небес на землю. Я призналась себе в том, что моя душа разворачивается фейерверком, когда старший Олдридж смотрит на меня, и сворачивается в клубок, когда он смотрит на Кэрл. После этого признания мне стало легче осознать, что этот мужчина создан не для меня. В жизни не возможно повторение истории Золушки и принца — социальное положение выше дурацких сказок: я запутаюсь в названии элитных сортов его коллекционных вин, а он запутается в понимании моего пристрастия экономить копейки на проездной билет. Так и будем спотыкаться о пороги наших противоположных социальных статусов. Это замкнутый круг. Я окончательно разорвала в клочья блеклую, какую-то безумную надежду на то, что

даже если этот мужчина когда-нибудь обратит на меня внимание, он сможет не потерять ко мне интерес в ближайшие пару суток после того, как получит от меня «желаемое». Порвав в себе идеализированный портрет Роланда Олдриджа, мне вдруг стало легче. Я начала смотреть на него как на обычного мужчину, ничем не отличающегося от других парней, за исключением данных ему крестными феями красоты, набитого кошелька, фактической вседозволенности и безмерной боли от грядущей потери брата. Я также со стыдом для самой себя осознала, что в последние месяцы зачастую задерживалась на работе лишь из-за необоснованного желания подольше побыть в обществе Роланда, а не Мартина. Сейчас же, видя, что в конце дня Мартин находится под присмотром брата, я брала свою сумочку и уходила домой, не смотря на уговоры мальчика остаться еще хотя бы на полчаса и не смотря на напряженный взгляд Олдриджа, прожигающий меня непониманием.

В последнее время, после того, как я осознала собственную глупость и перестала краснеть в ответ на улыбки Роланда в мою сторону, мяться от неловкости во время наших случайных прикосновений и начала говорить сдержанным тоном трезвого человека — в общем, после того, как я вернула себе здравомыслие, Роланд стал постоянно смотреть на меня испытывающе, словно пытаюсь понять, что именно произошло с моим отношением к нему. Я не считала его заносчивым миллионером или эгоцентричным капиталистом, однако всякий раз, когда на горизонте маячила фанатичная Кэрл, а она это делала не реже чем сутки через двое, мне вдруг становилось совершенно наплевать на Роланда Олдриджа, как на вариант мужчины, который мог бы мне понравиться. Он всё еще носил мою красную нить, но теперь я смотрела на нее как на что-то совершенно не имеющее смысла, что-то, что он просто каждый день забывал снять — не больше.

Естественно Вы хоть раз в жизни задумывались над тем, что если не сделать ЭТО «сейчас» никакого «потом» может попросту не быть. Вот только, если Вы счастливчик, Вы никогда не прочувствовали всю остроту смысла этой мысли на собственной шкуре.

— Парижский Диснейленд? Ни разу там не была, — рассматривая брошюру парка развлечений, врученную мне Мартином, призналась я. — Я вообще не бывала за границей до тех пор, пока не съездила с вами в Швейцарию, Канаду и на Виргинские острова.

— Я был там с родителями на свой шестой день рождения. Моя мечта — побывать там еще раз. Когда Рождественская «монета удачи» попала мне в пудинге, приготовленном твоей мамой, я загадал желание побывать в Диснейленде в этом году. Я где-то слышал, что нельзя рассказывать о загаданных желаниях, если хочешь чтобы они сбылись, но я вдруг понял, что если я никому не расскажу, никто так и не узнает... Так что, чем больше человек узнает о моем желании, тем больше у меня шансов на то, что меня всё-таки свозят в Диснейленд.

Я пристально взглянула на Мартина, затем перевела взгляд на брошюру в своих руках и тяжело выдохнула.

* * *

— Диснейленд? — посмотрел на меня сверху вниз Олдридж, встретившись со мной на коридоре, когда я уже уходила после рабочего дня. В последние недели мы с ним снизили общение друг с другом до минимума, обходясь общими фразами вроде: «Добрый день», «Будьте добры, подайте мне пармезан» и «До встречи». Подобное общение с Роландом оказалось для меня настоящей формулой успеха, чтобы с легкостью выбросить из головы всякий хлам вроде воспоминаний о массаже моих стоп в его исполнении и о его многозначительных взглядах в мою сторону, которые теперь казались мне не большим, чем просто взглядами.

— Он сказал, что хочет там побывать, — утвердительно хмыкнула я, поправив сумку на плече. — Я считаю, что нам стоит попробовать исполнить его желание.

* * *

На следующей неделе мы получили заключение от Национального неврологического госпиталя о том, что Мартин может совершить перелет только под действием мощного транквилизатора, чтобы снизить влияние стресса на мозг до минимума, что, впрочем, никак не спасет его от перепадов давления. Слишком рискованно. Мы задумались.

Время шло, весна вступила в свои права, организовав самый теплый март на моей памяти, который стал для меня еще и самым напряженным. Не смотря на теплые дни, у Мартина выявили астению^[61] на фоне гипотонии^[62], после чего мальчика буквально

замучила весенняя мигрень^[63]. Так, с приходом солнечных лучей, мы приобрели букет из неприятностей. Казалось, будто организм Мартина устроил своему хозяину настоящую встряску, заставляя его глотать десятки разноцветных таблеток. Роланд же говорил, что Мартин и прежде страдал астенией и легкой гипотонией в начале марта, но мигрень была для него чем-то новым.

Доротeya стала меньше болтать и больше слушать, особенно когда Мартин рассказывал что-то не связанное с его поникшим состоянием, я же старалась ежевечерне вытаскивать мальчика на прогулку вдоль сада. Мартин любил гулять, но из-за пониженного давления зачастую еле волочил ноги. Естественно, многочисленные транквилизаторы, которыми буквально упивался мальчик, давали о себе знать: таблетка от головокружения вызывала головную боль, таблетка от головной боли вызывала сонливость, таблетка от сонливости бросала в раздражительность, таблетка от раздражительности обостряла мигрень... Замкнутый круг. Даже чай из мяты с пустырником практически перестал меня спасать от круглосуточного напряжения.

— У меня такое впечатление, словно моё сердце скоро остановится, — тяжело выдохнув, произнес Мартин, сев на лавочку возле сада. Хотя это и не было связано с аневризмой, он тяжело переносил длительные прогулки, из-за быстрой утомляемости на фоне низкого давления.

— Не говори так, — фыркнула я, усаживаясь рядом с ним.

— Ты взрослая тётка, а относишься к подобным выражением как маленькая. Тупица. Хммм... — гулко выдохнул мой подопечный.

— А ты типа смотришь на такие вещи по-взрослому? — не придавала особого значения нашему разговору я.

— В отличие от тебя, я абсолютно легко воспринимаю разговорные метафоры, связанные со смертью, вроде: «У меня сейчас сердце разорвется» или «Умереть от страха». Это, наверное, потому, что мои папа и мама уже умерли. Мне бы было страшно умирать, если бы вдруг пришлось это делать первому. А так, меня там уже будут ждать родители. Только боюсь, что они меня не узнают. Я ведь буду старым, когда с ними увижусь... Как думаешь, они ведь меня узнают?

— Конечно узнают, — скомкано ответила я, пытаясь сдержать судороги в горле.

— Даже если у меня выпадут все волосы, во рту будет вставная челюсть, и я буду хромать на протезе?

— Конечно узнают, — повторилась я, прикусив нижнюю губу. — Ты же их... Сын, — спустя секунду, отрывисто добавила я, подавившись болью.

— Нет, это будет ужасная встреча. Они будут такими же молодыми и красивыми, какими я их запомнил, а я буду плешивым старикашкой. Какой ужас! Уж лучше пусть я откину коньки молодым, — беззаботно захихикал Мартин. — Seriously, чего хорошего выглядеть старше собственного отца? Мама вообще бы пришла в ужас, получив вместо своего любимого маленького сыночка старую рухлядь. Да, определенно не хочу умирать старым. А ты?

— Что? — непонимающе переспросила я, быстро моргая, чтобы избавиться от влаги на глазах.

— Ты боишься умирать?

— Я? Гхм... Я не знаю...

— У тебя ведь уже брат на небе, да? И его жена? Значит, они тебя там будут встречать и

тебе уже не должно быть страшно.

— А тебе не страшно? — неосознанно перешла на «прибитый» шепот я.

— Нет. Единственное, я бы хотел сначала побывать в Диснейленде хотя бы разочек, а-то там его уже не будет. Хочу спуститься с самой высокой горки. Надеюсь, что на сей раз мой рост мне позволит — в прошлый раз пришлось таскаться исключительно по детским площадкам.

— Может быть потому, что ты еще ребенок? — отвернувшись от мальчика, имитировала иронию я, всячески стараясь скрыть подступающие к глазам слёзы.

— А ты тупица. Я хоть и ребенок, но я не боюсь ни умирать, ни скатываться с самой высокой горки, в отличие от тебя. Ставлю сто баксов на то, что ты ни за что бы не полезла на самый страшный аттракцион, как это сделал бы я. А ведь мне всего десять лет.

И в правду. Ему было всего десять лет. Так почему он должен был бояться умереть?

* * *

— Диснейленд?! — весело усмехнулся отец. — Дорогая, ты никогда не выйдешь замуж за Роланда Олдриджа, таскаясь с ним по Диснейлендам, вместо того, чтобы взять быка за рога и ткнуть его мордой в свою грудь.

— Не говори ерунды, Дерек! — возмутилась мама, одновременно треснув Дину по руке, чтобы тому больше неповадно было отпивать клубничный компот из стакана своей сестры.

— Не понимаю, чего вы оба так пристали к Олдриджу?! — взбунтовалась я. — Будто я и вправду должна с ним переспать...

— Дорогая, при чем тут секс? — непроизвольно вырвалось у папы.

— Дерек! Не говори подобных слов при внуках! — возмутилась мама, после чего Дин многозначительно улыбнулся и тихо прошептал себе под нос запретное слово, в надежде, что никто ничего не услышит. Но у мамы был настолько чуткий слух, что Дин получил подзатыльник прежде, чем ему удалось повторно отпить из стакана сестры.

— Извиняюсь. Но вопрос остается прежним. При чем тут «с» «е» «к» «с», — по буквам произнес папа, якобы надежно завуалировав то самое слово, от которого у Дина улыбка лезла на макушку. — Глория, поступай как младшая сестра — сначала свадьба, потом с...

— Дерек! Прекрати. Сейчас времена свободные от предрассудков и молодые люди давно уже начали заниматься «этим» прежде, чем жениться.

— Прекратите! — не выдержала я. — Хватит безосновательно делать вид, будто между мной и Олдрижем что-то есть или вообще может быть.

— А почему бы и нет? — непонимающе приподняла брови мама.

— Потому что мы не пара, — вспльчиво ответила я. — Вот Кэрол, например, вполне неплохо смотрится с ним, а он с ней. Почему бы вам не подумать над тем, чтобы начать сватать мне какого-нибудь Мэйсона Уильямса?!

— Потому что ты не любишь какого-нибудь Мэйсона Уильямса, — не сдавалась мама.

— Так же, как и Роланда Олдриджа. Я не люблю его.

— А он тебя? — кусая бутерброд, подал голос папа.

— И он меня!

— А теперь повтори это самой себе трижды, — хмыкнула мама. — Желательно перед зеркалом.

Слышали выражение: «Проживай каждый день, как последний»? Не слушайте людей, которые вам советуют подобное. Это отвратительное ощущение — когда ты каждый день проживаешь с мыслью о том, что он может стать последним. Ощущение, будто ты ежедневно умираешь от недостатка кислорода, но всё равно умудряешься выживать, чтобы завтра умереть и выжить снова. Со времен возвращения с Виргинских островов, я проживала каждый свой день «последним». Каждый день я ожидала разрыва своего внутреннего мира, предвкушая уготованную мне, неминуемую боль невероятной силы, отчего каждый прожитый мной час наполнялся душевными пытками и скрежетом в области сердца.

— Надеюсь, я не доживу до того дня, когда какая-нибудь девица превратит меня в своего раба, — хмыкнул Мартин, заметив брошенный мной через окно взгляд, направленный на Роланда и Кэрол, стоящих на тротуаре напротив дома.

— Не одобряешь выбор Роланда? — перевела взгляд на Мартина я.

— Наоборот, мне нравится его выбор. Вот только она дура, из-за чего он, собственно, и мечется. Это всё равно, что влюбиться в идиота, который, в силу своей умственной отсталости, совершенно не втыкает чего именно от него хотят. Представляешь? — не обращая никакого внимания на Кэрол, испытывающе смотрел на меня мальчишка.

— Кэрол не такая уж и дура, — неожиданно для самой себя заступилась за силиконовую куклу я.

— Глория, — обратился ко мне Мартин, приподняв бровь совсем как его старший брат, тем самым желая привлечь к себе всё моё внимание.

— Да, Мартин.

— Ты тупица, — как-то слишком многозначительно произнес мальчишка, но я не собиралась рассуждать на тему своей отсталости, так что спустила тему на нет.

* * *

Когда Мартин узнал о том, что мы собрались организовать для него поездку в Диснейленд, он впервые за прошедшие два месяца так сильно обрадовался, что едва не опрокинул аквариум с Гектором на пол.

Мы начали готовиться. Сначала стоило определиться с датой. Так как времени у нас с каждой секундой оставалось всё меньше, мы решили отправиться уже через пару дней, но Мартин неожиданно отказался. Он заявил, что его подарок еще не готов, а еще через минуту мы узнали от него о том, что, оказывается, на следующей неделе будет ровно год, как я устроилась няней в поместье Олдриджей. Мысленно я прокрутила время назад и вспомнила, что и вправду устроилась на работу в середине апреля. Мартин попросил подождать до дня годовщины, так как к тому времени он успеет закончить для меня свой подарок. Естественно мы согласились, и Роланд пообещал составить для меня новый контракт на продление моего «рабского труда».

* * *

— Теплая весна в этом году, — подставив лицо весеннему солнышку, выдохнула я, откинувшись на шезлонге во внутреннем дворе, связывающем поместье с домиком Мартина. По весне Якоб снова превратил это место в царство цветов, в чем я ему немного помогала, когда Мартин был не прочь посидеть рядом с нами.

— Представляю, каким тёплым будет лето, — выдохнул мой подопечный, заставив меня машинально вспомнить о том, что его аневризма вновь увеличилась и теперь приняла катастрофические формы, которые едва ли позволят ему увидеть лето этого года до конца. Врачи в один голос твердили о том, что с таким прогрессом расширения аневризмы, мальчик сможет дотянуть максимум до конца июня, поэтому я дала себе предательскую установку собраться именно до конца июня, заранее исключив варианты того, что Мартин может покинуть нас раньше. Теперь каждый прожитый нами день был для меня прямым иглоукальванием в сердце.

— Эмилия беременна, я уже говорила? — решила отвести тему в другое русло я.

— Нет, — удивленно округлил глаза Мартин.

— Она с Эмметом воспользовались услугами ЭКО и у них получилось с первого раза представляешь? Это с учетом того, что зачастую с первого раза не выходит.

— И когда должен родиться ребенок?

— Хммм, дай посчитать... В конце ноября — начале декабря.

— Круто! И как они его назовут?

— Почему именно его? Вдруг это будет она? Что ты, что Эмметт, честное слово! Ладно, я понимаю, что один помешан на «продолжении рода по мужской линии», но ты-то с чего решил, что будет мальчик?

— Вообще-то, говоря «его», я имел в виду «ребенка» и совсем не намекал на его пол.

— Хм, — только и сумела выдавить я, в очередной раз почувствовав себя тупицей в глазах Мартина. — Карл Чарли Бен Бланкар.

— Тройное имя? Круто. Даже у меня с Роландом двойные имена.

— Я уверена, что к концу девятого месяца в метриках малыша будет целый список из имен, честное слово. Ведь мы рожаем наследника! Только пока еще непонятно, что именно он унаследует, кроме смутной надежды на родство со знаменитым предком.

— О, ужас! Он ведь наверняка унаследует ДНК-код от твоей сестры, а это значит, что и от тебя. А если он будет таким же чокнутым, как вся ваша семейка? — задорно засмеялся Мартин. — Да ладно, шучу! Хочу уже посмотреть на Карла Чарли Бен Бланкара. Мне ведь дадут его подержать, если я попрошу?

В ответ я лишь утвердительно кивнула головой и, отведя от мальчика взгляд, в очередной раз тяжело выдохнула. В последнее время я стала замечать, что люди зачастую любят говорить о будущем, особенно дети. Они любят говорить о завтрашнем дне, предстоящем походе к стоматологу, поездке за город или далеко на Рождестве. Я заметила это потому, что теперь любая мысль о будущем вколачивала в мою грудь очередной гвоздь боли. Поэтому я передавала подобные темы своего подопечного Доротее, которая, к моему удивлению, наоборот вполне свободно относилась к обсуждению с Мартином его несуществующего будущего. Например, она поддерживала его желание вернуться по осени в школу и вступить в один футбольный клуб с Лео или спокойно обсуждала меню для дня рождения своего мужа, которое состоится лишь в конце августа, то есть после смерти Мартина. Я же не могла быть настолько сдержанной, чтобы поддержать или хотя бы выдержать подобные разговоры, поэтому зачастую покидала беседующих о будущем, чтобы

запереться в туалете и проплакаться, но сделать это так, чтобы никто не заметил следов моей минутной слабости. В последнее время я настолько часто начала запирается в туалете, что Олдридж заподозрил, будто грешным делом кормит меня не рокфором [64], а действительно испорченным сыром. Последнее время наше общение с Роландом походило на натянутую струну, которая была способна терпеть напряжение лишь до «дня-икс», после чего неизбежно звонко лопнет и непременно порежет до крови руки обеих сторон натяжения.

— Думаешь, стоит брать с собой эту футболку? Я имею в виду, что она приносит мне удачу, вот только нужна ли мне удача в Диснейленде? — поинтересовался Мартин, комкая в руках, подаренную ему Роландом на день рождения, футболку знаменитого бразильского футболиста.

— Конечно, нужна. Ты ведь хочешь попасть на все горки, без исключений по росту?

— Да, ты права, — серьезно ответил мальчик, сдвинув свои густые брови. — Определенно нужно брать. И мистера Губку Боба тоже. Его подарила мне мама.

— У тебя чемодан получился вдвое меньше моего, — подозрительно хмыкнула я.

— Смысл брать с собой лишнюю одежду, если по приезду в Париж Роланд купит мне всё, что я захочу? Кстати, тебя это тоже касается.

— В моём контракте с твоим братом не прописан пункт о моем полном содержании.

— Какая же ты всё-таки тупица. Другая бы на твоём месте пользовалась положением...

— Не настолько моё положение в этом доме весомое, чтобы я могла им пользоваться. Я всего лишь няня.

— Ты всего лишь тупица, — тяжело выдохнул Мартин. — Ладно, забей... Как думаешь, Джонатан не забудет регулярно кормить Гектора?

— Раньше ведь не забывал. С чего бы ему оплошать в этот раз?

— Что с ним? — вдруг невпопад, как-то отстраненно спросил Мартин, отчего моё сердце вдруг упало в пятку. Я обернулась и словила взгляд мальчика — в аквариуме на подоконнике Гектор всплыл брюшком вверх.

— Наверное, он сознание потерял, — решила оттянуть момент истины я, когда после минутного осмотра золотой рыбки поняла, что она безнадежна.

— *Ты слишком серьезно относишься к смерти,* — вдруг отозвался стоящий рядом со мной Мартин, потерев ладонью свой гладкий лоб. — *Нельзя относиться серьезно к тому, о чем ничего не знаешь. Я имею в виду, что ты ведь совершенно не знаешь, каково это — быть мертвым. Так почему ты считаешь, будто это страшнее, чем жить?*

Мы шли по заброшенному, отцветающему саду, с коробкой из-под обуви тридцать пятого размера в руках. Солнце уже клонилось за горизонт, я дирижировала миниатюрной садовой лопаткой, взятой взаймы у Якоба, а Мартин насвистывал себе под нос до боли знакомую мелодию.

— Слишком дорогой гробик вышел для нашего Гектора, — заметила я, рассматривая ценник на коробке прошлогодних ботинок Мартина.

— Не переживай, никакого пафоса не будет. Мы просто предадим его бранные останки земле, произнесем несколько теплых слов и уйдем. Главное зайти поглубже, чтобы не вспомнить, где именно мы его похоронили...

— Зачем?

— Чтобы не приходиться к нему в гости. Это очень печально... Терпеть подобного не могу, поэтому на могиле родителей был всего один раз. И знаешь, что я могу тебе об этом сказать? Это отстойно. Всегда хочется плакать, хотя и знаешь, что с ними всё в порядке. Хорошо, что я не был на их похоронах... А знаешь что?

— Что?

— Ты ведь старше меня, так что наверняка откинешь коньки побыстрее моих. Обещаю тебе, что не буду присутствовать на твоих похоронах и не буду часто приходиться к тебе. Может быть, всего один раз в год.

— Это типа из-за того, что... Что? — непонимающе спросила я, пытаюсь не думать о неверных подсчетах Мартина.

— Тупица. Ты меня что, совсем не слушала? Это из-за того, что мне точно будет грустно. Так что считай, что своим отсутствием на твоих похоронах я выражаю свою любовь к тебе.

— Ты что, меня любишь?

— Не то чтобы люблю, но точно не презираю, как в самом начале наших отношений. Ты для меня как старшая сестра, только тупица... Было бы здорово, если бы ты была не Глорией Пейдж, а Глорией Олдридж.

— Ну вот еще... Бред.

— И вовсе не бред. Обещаю, что если Роланд не женится на тебе до моего совершеннолетия, тогда на тебе женюсь я.

— Но ты ведь меня не любишь, — ухмыльнулась я сквозь призму боли.

— Вот именно. Поэтому на тебе женится Роланд.

— Это невозможно по той же причине.

— Тупица... — расстроено нахмурился Мартин. — А вообще любовь здесь ни при чем! Мы, миллионеры, вообще на нее не смотрим. Хотим — и женимся по расчету.

— Уж лучше удочерите меня, — усмехнулась я.

— Тебе точно грозит брак по любви... — многозначительно пробурчал себе под нос Мартин, словно знал куда больше моего. Конечно, на мне по расчету точно никто не женится, ведь я бедна как церковная мышь. — Здесь. Копаем под этой яблоней, — резко остановившись, провозгласил мальчик. Я встала на колени, совершенно не задумываясь о сохранности своих старых джинс, и начала работать новенькой лопаткой Якоба. Спустя пятнадцать минут дело было сделано, и коробка с Гектором оказалась под

десятисантиметровым слоем земли.

— Давай я начну, — заговорчески предложил Мартин, после чего начал свою речь, которой было далеко до траурной. — Дорогой Гектор! Ты был лучшей золотой рыбкой из всех моих золотых рыбок, а если быть конкретнее, ты был Гектором Вторым. Первый Гектор трагически погиб в Лондоне от пристрастия к гранулированному корму и, предположительно, его трупик был спущен в унитаз моим старшим братом, который жаждал оградить меня от потери друга. Первое время я утешал себя мыслью о том, что Гектор Первый смылся от меня в канализацию по причине одиночества, дабы найти себе прекрасную золотую рыбку и завести с ней минимум десяток мальков. Но подсознательно я понимал, что это ложь. Теперь я потерял тебя и знаешь что? Это круто — то, что мы с Глорией можем собственноручно тебя зарыть, так как именно мы всё это время были с тобой. Хотя я и сомневаюсь, что зарывание в землю — это лучшие похороны для рыбы. Возможно, Роланд был прав, предоставив Гектору Первому возможность пройти свой последний путь посредством смыва водой...

— С чего ты взял, что Роланд смыл Гектора Первого? — перебила Мартина я, зная, что Роланд не в курсе осведомленности своего брата.

— Гектор Первый всплыл кверху еще вечером, а с утра его плавник кружил на поверхности унитаза. И это с учетом того, что кроме меня и Роланда в квартире никого не было, — хитро улыбнулся Мартин, словно разгадал преступление века. — Теперь твоя очередь произнести что-нибудь трогательное.

— Ты как-то слишком легко переносишь гибель обоих Гекторов, — взаимно улыбнулась мальчику я.

— *Это жизнь, детка,* — похлопав меня по плечу, наигранно вздохнул Мартин, — *а я в ней Дон Корлеоне. Ты сам делаешь выбор, кто ты: золотая рыбка, способная помереть от лишнего стресса, или мафиози, способный создать этот лишний стресс.*

Прищурившись на Мартина, я поняла, что он прав — я та самая золотая рыбка, которая вскоре загнется от стресса, который этот маленький мафиози заранее мне приготовил.

— Дорогой Гектор! — не менее наигранно начала я. — Ты был чудесной золотой рыбкой и, к тому же, чистоплотной...

— А вот и неправда. Он был еще той грязнулей. Доротея каждый день меняла ему воду, поэтому тебе и казалось, будто он не срет больше положенного.

— Ну, ладно... Зато, Гектор, ты отлично умел слушать и почти не болтал.

— Ты его описываешь как идеального собутыльника.

— Так, всё, хватит, — не выдержала я и, засмеявшись, потянулась за мальчиком. Мартин мгновенно сумел выкрутиться из моей неубедительной хватки, после чего мне пришлось за ним изрядно побегать, прежде чем схватить его за шиворот. — Ты прервал мою речь! — смеялась я.

— Уже поздно пытаться её продолжить, — смеялся в ответ Мартин. — Несколько минут назад мы успешно потеряли место захоронения Гектора Второго.

— Вот блин! — я огляделась и поняла, что Мартин прав. — Мы потеряли лопатку Якоба!

— Якоб, прости, — вздохнула я, наблюдая за тем, как Мартин отсчитывает из своих карманных денег десять фунтов в пользу садовника.

— Только не говори Роланду, — прошептал Якобу мальчик, оглядевшись по

сторонам. — А-то он меня за воротник пришил к твоему садовому домику.

— Почему? — непонимающе прошептала я, инстинктивно повторив за Мартином и оглядевшись по сторонам.

— Это не первый мой инвентарь, который мальчишка портит, — заговорчески улыбнулся мне мужчина, и я улыбнулась ему в ответ, вспомнив как мой подопечный, еще в те времена, когда я совершенно с ним не ладила, прорезал садовыми ножницами поливочный шланг Якоба.

* * *

— Вот, держи, — протянув мне нечто напоминающее книгу в белоснежной обертке, улыбнулся Мартин. — Я знаю, что годовщина твоего рабства под моим игом наступит только завтра, но я хочу подарить тебе свой подарок раньше, чем Роланд успеет преподнести свой. погоди! Не открывай. Праздник ведь только завтра, вот завтра и откроешь. Просто сам факт того, что я хоть в чем-то опередил старшенького, меня воодушевляет, — наигранно злорадно заулыбался мальчишка.

— Твой подарок определенно понравится мне больше, чем подарок Роланда, — похлопала по плечу своего подопечного я.

— Не будь столь самоуверенной. Наверняка он преподнесет какие-нибудь бриллианты в виде сапфировых сердец или кольцо с алмазом в десять карат... Ну или что там еще дарят мужчины женщинам и наоборот, за исключением красных нитей на запястье?

— Чего ты так прицепился к этой нити?

— Я прицепился?! Будто это я денно и ночью её ношу, — возмущенно скрестил руки на груди мальчик.

— Я еще ни разу не была в Париже, — закрыв глаза и глубоко выдохнув, решила перевести тему я. — Мы едем уже завтра...

— А Диснейленд уже послезавтра! Я уделаю брата на «Автоутопии» — это мой любимый аттракцион. Вообще, предлагаю нам объединить усилия против Роланда и одержать верх над этим самоуверенным засранцем везде, где только сможем...

— Значит над засранцем, — неожиданно появившись в дверном проеме спальни Мартина, сложил руки на груди Роланд.

— Это не мои слова, — впервые за последние месяцы смутилась я, встретившись с Олдриджем взаимным теплым взглядом. — Ладно, мне уже пора, — отозвалась я, мотнув головой и буквально стряхнув улыбку со своего лица, чтобы оборвать свою пятисекундную слабость, после чего потянулась за сумочкой. Роланд последовал моему примеру и нацепил на своё лицо маску безразличия, схожую с моей. Я прошла мимо тихо произнесшего «до встречи» работодателя и вышла из спальни. Интересно, он счастлив с Кэрол?

Вовремя вспомнив о том, что с утра Доротея попросила меня по окончании рабочего дня зайти на кухню за рецептом орехово-рисового пудинга, обещанного ей поваром, я завернула на кухню. В итоге, решив выпить пару чашек фирменного лимонного чая, с такими же прислугами, как и я, я застряла здесь почти на полтора часа. Никогда не считала себя сплетницей, но рассказы пожилых тетюшек об их личных жизнях почему-то меня заинтриговали, хотя позже я толком и вспомнить не смогла, о чем именно в тот вечер говорили эти милые гусыни.

О том, что мне пора домой, я вспомнила лишь после того, как отец позвонил мне в начале одиннадцатого и аккуратно напомнил о моем долге взрослого ребенка, а именно — не доводить родителей до дополнительных седых волос посредством отсутствия моей персоны в их доме по ночам.

Стоя у выхода из поместья в новой толстовке, только что застегнутой мной на тугую молнию, я копошилась в своей сумочке, чтобы исключить возможность ТЗМ (Тупо Забытого Мобильного), как вдруг, словно гром среди ясного неба, раздался страшный грохот. Лишь через секунду я поняла, что звук исходил со стороны кабинета Олдриджа и явно походил на удар резко закрытой двери.

— Полудурок! — послышался разъяренный крик Кэрол и я, услышав приближающиеся, громкие шаги этой девушки, сиюсекундно превратилась в сжатый комочек испуга. Мне безумно захотелось сбежать с её пути, но уже было слишком поздно, поэтому я сделала максимум, что смогла предпринять в данной ситуации — окаменела.

— Извращенка, — раздался смеющийся голос Роланда, который, по-видимому, выкрикнул это слово из своего кабинета, после чего так искренне и громко рассмеялся, что мне стало даже страшно.

— Слабоумный! Идиот! Дурак! — громко ругалась Кэрол, когда предстала передо мной во всей своей остервеневшей красе. Мы встретились взглядами, и я замерла, в тщетной попытке слиться со стеной, полагая, что сейчас меня порвут на клочья.

— Эммм... — протянула я, решив для приличия уточнить, всё ли с девушкой в порядке, но вовремя осознав всю нелепость этого вопроса, решила заткнуться.

— Он козёл! Чтоб ты знала... — вдруг заявила Кэрол, словно пытаюсь меня предупредить, если не как подруга подруге, тогда точно как женщина женщину. Она нервно начала одевать свои лабутены, которые прежде никогда на входе не снимала. — Мерзавец... Фигов миллионер! Тоже мне Аполлон! Он не умеет ценить того, что для него делают! Идеалист хренов... Лапшу на уши повесит, а ты ходишь как... Законченная дура!

— Кому ты там правду о себе рассказываешь? — послышался веселый голос Роланда и через несколько секунд он вышел из коридора на входную площадку. Увидев мои округлившиеся от испуга глаза, он скрестил руки на груди и оперся о стену правым боком, в дополнение, скрестив еще и ноги, наблюдая за тем, как Кэрол нервно влезает в своё пальто от кутюр, из-за которого я на её фоне, в своей дурацкой, длинной толстовке, смотрелась крайне убого. Было заметно, что Роланд не пребывал в восторге от того, что я стала свидетелем этой ссоры, однако было также очевидно, что он уже ничего с этим поделать не может, поэтому я решила облегчить ему задачу.

— Пожалуй, я пойду, — аккуратно попятилась к двери я.

— Нет, это я пойду, — оборвала мой трусливый порыв Кэрол. — А ты оставайся. И поверь мне — я тебе не завидую! Теперь, когда я прозрела и у меня есть горький опыт общения с этим «ловеласом», — слово «ловелас» блондинка выделила воздушными скобками пальцев, — я могу тебе сказать, что мне искренне жаль тебя! Бедняжка, нужно же было так влипнуть... Сначала он воспользуется тобой, а после того как добьется желаемого, променяет тебя на какую-нибудь дешевку, — многозначительно посмотрела на меня сверху вниз блондинка. — Он ведь перелопатил большинство моих подруг!

— Не думал, что вопрос о силиконе тебя так глубоко заденет, — блеснув белоснежными зубами, самоуверенно пожал плечами Олдридж. — Если бы знал, раньше бы воспользовался данной брешью.

— Да как ты смеешь?! — набрав полную силиконовую грудь воздуха, истерично выкрикнула Кэрол. — Я ради тебя ложилась под нож...

— Я не нуждался в подобной жертве, — не переставая улыбаться, отвесил оппонентке словесную оплеуху Роланд.

— Ты никогда меня не ценил!

— Как и не занимался с тобой сексом, давай это признаем.

— Что?!

— И всё-таки, я пойду... — снова попятившись к двери, аккуратно напомнила взъерошенной парочке о своем присутствии я.

— Стоять, — как-то слишком перебрал с властностью в голосе Олдридж, и я машинально замерла, почему-то вдруг необоснованно почувствовав себя виноватой.

— Ты еще смеешь мне заявлять, что не спал со мной?! — начала отходить от шока Кэрол.

— Мимолетный перепахон пять лет назад в кампусе твоей подруги не считается. Я тогда был пьян.

— Во-первых, ты выпил не больше двух порций бурбона, а во-вторых — это был не мимолетный перепахон! Ты фигачил полночи!

— И, тем не менее, это была всего одна ночь, и я не давал тебе повода надеяться на продолжение.

— То есть, поэтому ты выдал мне полномочия найти тебе няньку?! — ткнув на меня указательным пальцем, на котором красовалось тонкое колечко из белого золота, пискляво вскрикнула Кэрол, заставляя меня ужаться под весом её восклицания минимум на два размера.

— Именно поэтому. Потому, что найти нянечку я могу поручить лишь человеку, далекому от моей постели. Тем более ты сама напросилась...

— Теперь я поняла твою логику, — всплеснув руками, истерично и даже как-то злорадно хихикнула Кэрол. — То есть я была человеком, который должен был подобрать тебе идеальную кандидатку в «нянечки». Извращенец! Ты посмотри на нее — ей едва ли исполнилось восемнадцать!

На пару секунд все дружно уставились на меня.

— М-мне двадцать три, — вдруг осипшим голосом произнесла я, пытаюсь оправдаться перед чем-то мне неведомым. — Недавно... Исполнилось...

— Чего ты к ней пристала? — перестав улыбаться, вдруг нахмурился Олдридж.

— Я пристала?! Далась мне девчонка в дешевой тряпке вместо нормального женского плаща, заношенных джинсах и выбеленных кроссовках! Бедняжке и так досталось по жизни,

так еще и ты...

— Мне не так уж и досталось по жизни, — хотела возмутиться я, но получилось как-то скомкано.

— Повтори эти слова Олдриджу в глаза сразу после того, как он разрушит твою жизнь! Просто подойди к нему впритык и скажи, глядя в его нахальные очи: «Мне не так уж и плохо жилось, пока ты не полез ко мне»!

Я растерянно уставилась в глаза нависшей надо мной блондинки и онемела от страха перед тем, что она вот-вот лопнет прямо на меня, после чего я не смогу отстирать свою новенькую, мягонькую толстовочку. Неожиданно блондинка отпихнула меня в сторону и буквально вырвалась из поместья, в очередной раз треснув дверь со всей силы. Я быстро заморгала, решив будто меня на несколько секунд контузило, после чего перевела взгляд на Роланда.

— Что Вы здесь делаете? — тяжело выдохнув и отстранившись от стены, поинтересовался Олдридж, после чего опустил прежде скрещенные на груди руки и пронзил меня своим колким взглядом. От этого персонажа сейчас буквально разило недовольством — он не скрывал того, что был недоволен тем, что я слышала больше, чем мне положено было знать.

— Я тут... Это... — судорожно начала рыться в сумочке я. — Где же он? Вот! Рецепт для миссис Аддингтон... Она попросила забрать у Вашего повара... Мы разговорились... И я задержалась там... На кухне... — как же глупо я выглядела, комкая обрывок рецепта с орехово-рисовым пудингом в своей руке и запинаясь почти на каждом слове! Глядя на Олдриджа, я чувствовала себя кроликом, смотрящим в глаза сгруппировавшегося льва. — Я, пожалуй, пойду. Доброй ночи!

Лишь закрыв за собой дверь, я с облегчением выдохнула, после чего вприпрыжку побежала домой по мощеному тротуару. «Это ничего страшного, что всё так вышло», — пыталась успокоить себя я. — «Завтра он об этом даже не вспомнит! Ну или послезавтра... Через какое время обычно забывают о том, что твоя прислуга узнала, что ты фигов бабник?.. Уж лучше бы он был с Кэрол, чем занимался сексом с каждой попавшейся, богатенькой пуштышкой. Хотя, нет, лучше наоборот. Всё лучше, чем насквозь силиконовая блондинка».

Полночи я потратила на переваривание следующих двух мыслей:

1) Хорошо, что Роланд Олдридж обращает внимание только на богатых девиц (Кэрол сказала, что он «перелопатил» всех её подруг, а я уверена в том, что эта блондинка не заводит дружбу с кем-то ниже графского статуса). Вывод: раз он «лопатит» только «шалых императриц» — я нахожусь вне зоны его сексуальных интересов и, соответственно, пребываю в полной безопасности.

2) Уже завтра мы поедем в Париж (Мартин, наверное, не сможет сегодня заснуть — так сильно он ждет этого дня!). Интересно, багет там и вправду вкусный, а Эйфелева башня величественная и побываем ли мы в окутанном шармом Версале? Мартин пообещал, что первым делом заставит меня обмакнуть свежее хлебобулочное изделие в горячий шоколад, уговорит Роланда подняться на Эйфелеву башню, а сам попробует сыграть на шарманке.

Я еще никогда не видела этого мальчика в состоянии напряженного ожидания. Казалось, будто наше решение отвезти Мартина в Диснейленд буквально заставляло его сопротивляться пагубному для настроения, влиянию транквилизаторов. В сладостном предвкушении он буквально порхал по дому и его восемь из десяти тем для разговора были связаны именно с грядущей поездкой. Интересно, я когда-нибудь смогу ждать чего-то так же

сильно, как Мартин сейчас ждет этого путешествия?

Я проснулась на час раньше обычного, чтобы накрутить крупные локоны. Когда же плойка перегорела на последней пряди, я, конечно, расстроилась, но одновременно была довольна тем, что это произошло в самом конце, а не где-нибудь на середине прически.

— Одри, скажи своей дочери, чтобы без кольца на безымянном пальце не возвращалась, — подтягивая к себе тарелку с тонко нарезанным беконом, обратился отец к маме.

— Перестань, пап.

— Почему сразу перестань? Эмилия и Тэмми повыходили замуж, Эми уже на втором месяце беременности, а ты всё еще в старых девах.

— Не в таких уж и старых... — буркнула в ответ я.

— Но всё-таки в девах.

— Уж лучше в девах, нежели иметь такие последствия как у её сестер, — наконец решила заступиться за меня мама.

— Спасибо, мам.

— Снова эта женская солидарность, — фыркнул себе под нос отец.

— И снова я тебе повторю, Дерек, что *определенно никакой женской солидарности не существует. За исключением момента, когда необходимо поделиться прокладкой.*

— Скоро у меня родится внук и тогда...

— У тебя уже есть двое внуков, — глухо оборвала отца мама. — До сих пор стонешь от того, что их нужно провожать до школы.

— А вдруг это будет не внук? — вставила свои пять копеек я.

— А кто?! — непонимающе вытаращил на меня свои огромные, голубые глаза папа.

— Внучка, — удивленно ответила я.

— Какая еще внучка? Внук будет!

— Да, дорогая, — выдохнула мама, потянувшись ножом за маслом, — это определенно будет мальчик. Так как Эмметт уже заявил, что не способен на девочку.

— Это как? — непонимающе ухмыльнулась я.

— Типа его семя способно оплодотворить яйцеклетку Эми только так, чтобы она зачала мальчика. Бред собачий.

— Это точно, — хмыкнула я, откусывая тост с творожным сыром.

Этим утром я не шла к поместью Олдриджей — я буквально летела, подпрыгивая на каждом шаге и присвистывая под нос мелодию из утренней рекламы мужских бамбуковых носков. Я с Олдриджами должна была заехать за моим чемоданом к себе домой ровно в час дня, после чего мы хотели очутиться в Лондоне в начале третьего. Здоровье Мартина не позволяло нам перелетов, поэтому мы решили пересечь Ла-Манш на высокоскоростном поезде, что должно было занять у нас примерно девять часов (Роландом были заранее организованы сопроводительный медицинский персонал и специальное оборудование, на случай ухудшения самочувствия Мартина). Всё было тщательно спланировано и сотню раз перепроверено — у нас всё должно было получиться.

Утреннее солнце, щебет мелких певчих птичек, теплый ветерок, щекочущий по моим щекам распущенными локонами, — всё сегодня предвещало замечательный, теплый день.

Я оказалась на пороге поместья ровно в половину восьмого, держа в руках небольшой

букетик из полевых цветов, которые своим разнообразием буквально заполонили окраину сада.

— Джонатан, это Вам! — радостно улыбаясь, протянула скромный букет старику я.

— Мне?! — удивился швейцар.

— Да, Вам. Мы с Вами знакомы ровно год. Год назад, Вы впустили меня в эту дверь, после чего продолжали открывать её мне каждое мое рабочее утро. Уже сегодня мой контракт закончится, и я подпишу новый.

— Прошел целый год... Я бы даже не вспомнил этого, если бы Вы мне не сказали, — принимая цветы, скромно улыбнулся Джонатан. — Позвольте заметить, что Вы сегодня превосходно выглядите.

— Спасибо, Джонатан, — улыбнулась я, подозревая, что и вправду выгляжу чудесно. На мне были мои любимые, корсетные джинсы и белая блузка с рукавом до локтя.

— Я бы тоже не вспомнила, если бы меня Мартин не оповестил. Он еще спит?

— Предполагаю, что да, мисс.

— Замечательно. Специально пришла пораньше. Сегодня особенный день, хочу разбудить его круассаном с горячим шоколадом.

Я отправилась на кухню за подносом с завтраком, который я преждевременно заказывала каждый вечер, узнавая у Мартина, что именно он хотел бы съесть на завтрак. На сей раз я проигнорировала его желание закидаться с утра пораньше жареными овощами, решив устроить ему «французский» сюрприз.

— Со-о-оня, вставай, — раскрыв шторы и поставив поднос рядом с кроватью, потрепала за плечо мальчишку я.

— Гло-ория, сколько время? — мученически простонал Мартин.

— Без пятнадцати девять.

— Пффф...

— Только не нужно фыркать, как надувшийся сурок. Мы сегодня начнем свое путешествие в сторону Диснейленда! В честь этого лови круассан с горячим шоколадом.

— Круто, — резко взбодрился Мартин. — Ты даже не заставляешь меня для начала почистить зубы. Я прям чувствую, что это мой день!

— Так и есть, — довольно улыбнулась я. — Но зубы ты всё равно почистишь. Сразу после завтрака.

— Договорились... Ты уже видела Роланда? — вгрызаясь в круассан, поинтересовался мальчишка.

— Еще нет. А что?

— Значит, он тебе еще ничего не подарил, — улыбнувшись, констатировал мой собеседник. — Так что я опередил бы его, даже если бы преподнес свой презент сегодня, а не вчера. Ты уже его открывала?

— Нет, — улыбнулась я. — Но он лежит у меня в сумочке. Открыть?

— Не нужно. Откроешь после того, как Роланд подарит тебе свой подарок. Хорошо?

— Договорились.

— Я в тебя верю.

— Ты о чем? — непонимающе подняла бровь я.

— Помнишь, я ставил сто долларов на то, что ты не поднимешься на самую высокую горку из-за страха? Так вот, я верю в то, что ты сможешь. Я в тебя верю.

— Что ж, тогда я тоже признаюсь. Я считаю тебя бесстрашным.

— Правда?! — радостно улыбнулся мой подопечный, облизав крошки со своих губ. — Это потому, что, в отличие от тебя, я ничего не боюсь?

— Ну, я бы не сказала, что ты ничего не боишься, — заговорчески произнесла я, приглушив голос. — Кто еще вчера расплачивался с Якобом за утерянную лопатку, чтобы Роланд не узнал о том, что ты снова повлиял на состав садового инвентаря?

— Эй, вообще-то я расплачивался за твои промахи. Кто тебя просил разбрасываться чужими вещами? Ну ладно, — вдруг сдался Мартин. — Ты права. Иногда я боюсь Роланда, но не того, что он на меня накричит, а скорее его неодобрения.

— То-то же.

— Ты ведь знаешь, что я тебя люблю? Так вот...

— Вообще-то я не знала, — довольню заулыбавшись, уперлась руками в бока я.

— Но ведь догадывалась?

— Не-а.

— Ну ла-а-адно... Знай, что я тебя люблю. Так вот, Роланда я люблю чуть-чуть сильнее. Это вполне естественно, ведь он мой брат. Так что не смейте обижать друг друга.

— Никто никого даже не собирался обижать, — скрестив руки на груди, утвердительно кивнула головой я.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся мне в ответ мальчик.

— Как и я не сомневаюсь в том, что Вы, молодой человек, пытаетесь заговорить мне зубы, чтобы не чистить свои.

Мартин довольно улыбнулся, словно его план только что успешно раскусили, и быстро вскочил с кровати, не позволив мне шлепнуть его по пятой точке. Пока мальчик чистил зубы, я заправила его кровать, открыла окно для проветривания комнаты и, взяв поднос с грязной посудой, вышла в гостиную. Остановившись на пороге, я замерла с улыбкой на лице, но моё сердце уже успело остановиться. Мартин тихо стоял посреди комнаты в своей белоголубой пижаме, с полотенцем на плече и неадекватно тер глаза, будто ничего перед собой не видел.

— Мартин? Всё в порядке? — дребезжащим от страха голосом, спросила я.

Мартин никак не отреагировал на мой вопрос. Он его не услышал...

Я всё поняла. Мои руки машинально опустились, поднос полетел вниз и фарфоровая тарелка, в унисон с моим сердцем, разлетелась на тысячи маленьких кусочков. Мартин ослепшим взглядом посмотрел в мою сторону лишь спустя несколько секунд после падения посуды, заторможено отреагировав на звук. Он смотрел вперед, но он меня не видел — я это уже знала.

— Глория? — каким-то скрипучим, неестественным голосом позвал меня мальчик, буквально разорвав мою душу в клочья.

— Мартин... Мартин, — задыхаясь от щемящей боли где-то в легких, я окликнула мальчика, который всё еще не мог меня найти. Он стоял на месте и ошарашенно смотрел по сторонам округленными глазами. Я подбежала к нему и, встав на колени напротив него, прижала его тонкое детское тело к своему, похолодевшему от ужаса перед тем, что сейчас должно произойти.

— Всё будет хорошо, — соврала я. — Ты меня слышишь? Всё будет хорошо. — Продолжала врать я. Мартина вдруг словно подкосило. Он обомлел и начал клониться к полу. Я аккуратно помогла ему улечься к себе на колени, обняв его за плечи.

— Глория? Почему я тебя не вижу? — заплетающимся языком спросил мой

подопечный, отчего моё горло сжали тиски отчаянной боли и к глазам подступили слезы.

— Всё хорошо, Мартин. Я с тобой, слышишь? — покачивая его, словно младенца, дрожащим от отчаяния голосом, прошептала я.

— Ммм... — простонал мальчик, явно хотевший подать знак, что всё еще слышит меня.

— Мы поедем в Диснейленд. Ты, я и Роланд. И ты скатишься с самой высокой горки и меня заставишь скатиться... Мы ведь договаривались, помнишь?

— Глория...

— Да.

— Глория, — снова позвал меня мой подопечный, еле ворочая языком. — Почему я ничего не вижу? Почему я тебя не вижу?

— Мартин, всё будет хорошо, — вдруг закричала зубами я, почувствовав что-то горячее у себя на щеках.

— Всё будет хорошо, — испуганно пролепетал мальчик, лежащий у меня на коленях.

— Всё будет хорошо, — уже вовсю рыдая, эхом отозвалась я.

— Не бойся, — внезапно попросил меня Мартин, и мы вдруг словно поменялись местами. — Ты ведь сама с утра говорила, что я бесстрашный. Всё будет хорошо. Пообещай мне, что не будешь плакать.

— Я не буду плакать... Я не буду плакать, — еще больше начиная рыдать, давала несбыточные обещания своему подопечному я, прижавшись губами к его холодному лбу.

— Я уже чуть-чуть вижу тебя... Я вижу тебя, — еле слышно произнес Мартин и замерев, вдруг замолк.

— Мартин? Мартин?! Мартин, скажи что-нибудь! Нет-нет-нет... Мартин! Нет!!!

Монетки минувших дней с моим подопечным, разбили меня изнутри.

Представь, что ты взбираешься по ухабистой скале, но всё не можешь достигнуть её вершины. Ты начинаешь ускорять шаг, но склон становится круче и вот ты уже разбиваешь пальцы в кровь, цепляясь за острые микротрещины скалы, как вдруг срываешься и летишь вниз, так и не увидев своего заветного пика. Это даже не падение за дюйм до победы, это просто бессмысленное поражение, ведь ты даже не увидел вершины... Заранее зная, что не увидишь вершины, захочешь ли ты хотя бы попытаться сделать шаг в её сторону? Я захотела. В тот самый день, когда узнала, что вершины мне никогда не увидеть.

Я почти не помню, что произошло после того, как Мартин замолк. Помню, как позвонила Джонатану и что-то кричала в трубку своего мобильного, раскачивая на коленях обездвиженное тело мальчика. Помню, как заламывала руки, в тщетной надежде ожидая, что Мартина, уложенного в больнице на каталку и увезенного в неизвестном направлении, скоро выкатят обратно и, наконец, разрешат нам обняться. Помню, как Роланд стоял спиной ко мне и почему-то тряся, постоянно зачем-то утирая скрытое от меня лицо. Помню, как глупая медсестра с одутловатым лицом вдруг ниоткуда появилась перед Роландом и, протянув ему какие-то бумаги, спросила что-то о кремации^[65]. Помню, как от услышанного я впала в истерику и набросилась на эту идиотку, требуя, чтобы она и пальцем не посмела дотронуться до моего мальчика. Помню, как от силы исходящего от меня удара, она едва устояла на ногах, неуклюже накренившись и попятившись назад. Помню, как Роланд оттаскивал меня в противоположную сторону от этой дуры. Помню, как что-то острое вонзилось в моё левое плечо и всё перед моими глазами внезапно расплылось. Больше ничего не помню.

Прошел год с моего первого дня знакомства с моим учителем. Триста шестьдесят пять дней трансформации из взрослого человека в Понимающего Ребёнка Взрослого Человека. Целая эпоха, для того, чтобы я успела понять самое важное: *не Вы даны ребёнку — ребёнок дан Вам. Так будьте добры быть его достойным.*

Боязнь плавать.

Программа подготовки к поступлению в университеты Англии.

Ансамбль из пяти человек.

Работа Нашего Города.

Кусок ярко-красной ткани, которой во время корриды дразнят быка.

Индийский амулет.

Французский военный деятель, генерал-лейтенант, барон, участник революционных и наполеоновских войн, отчим Поля Эжена Бонту.

Американский эпический остросюжетный вестерн.

В древнегреческой мифологии — преисподняя.

Улыбка — идеальная иллюзия. Никто и никогда не узнает, что на самом деле под ней скрывается.

Верь в себя с такой силой, чтобы весь мир не мог не поверить в тебя.

Мультипликационные персонажи детективных нуар-романов о кролике Роджере, созданных писателем Гэри Вульфом, а также последующих комиксов, киноадаптации и мультсериалов.

Персонаж английского комедийного телесериала.

Правящие, привилегированные круги общества, а также вся система их власти.

Международная шахматная федерация (ФИДЕ, фр. Fédération Internationale des Échecs, FIDE).

Гибрид эхеверии горбатоцветковой.

Божество богатства в мифологии Древней Греции.

Английский пирог из бананов, сливок, карамели и варёного сгущённого молока.

Трикстер — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения.

Дарума — японская традиционная кукла-неваляшка, олицетворяющая Бодхидхарму, в японской синкретической мифологии — божество, приносящее счастье.

Один из наиболее типичных аксессуаров культуры Эдо. Он используется главным образом как платок и как полотенце, но также как кусок ткани.

Традиционная японская одежда.

Распространённая японская фигурка, часто сделанная из фарфора или керамики, которая, как полагают, приносит её владельцу удачу. Скульптура изображает кошку с поднятой вертикально лапой.

Японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног.

Традиционный японский зонтик.

Ветряной колокольчик.

Барристеры — юристы, имеющие исключительное право выступать в высших судебных инстанциях.

Солиситоры — более многочисленная категория юристов.

Лапута — вымышленный остров, который Гулливер посетил в своём путешествии, описанном в третьей части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

Одно из четырех юридических заведений (корпорации или палаты) Лондона, к которым относятся барристеры Англии и Уэльса.

Кусок ярко-красной ткани, которым во время корриды тореро дразнит быка.

Крупнейший международный аэропорт Лондона.

Председатель кантонального совета.

Центральная часть города

Черпаха.

В легендарииуме Дж. Р. Р. Толкина название горы и расположенного под ней королевства гномов.

Циклообразующий персонаж кельтской мифологии и рыцарских романов, легендарный вождь, объединивший Англию под своей властью; основатель знаменитого Круглого стола.

Новое направление клубного движения Кот-д'Ивуара.

Группа вымышленных персонажей, созданная в 1938 году американским художником Чарльзом Аддамсом для газетных комиксов, публиковавшихся в газете The New Yorker.

Эффект Плацебо — вещество без явных лечебных свойств, используемое в качестве лекарственного средства, лечебный эффект которого связан с верой самого пациента в действенность препарата.

Торговая марка питьевой воды.

Веджимайт — густая паста тёмно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии.

Вымышленные персонажи вселенной «Звёздных Войн».

Электроэнцефалография.

Эльбрус — стратовулкан на Кавказе, самая высокая горная вершина России и Европы, входящая в список высочайших вершин планеты «Семь вершин»; кабардинское название Эльбруса Ошхамахо переводится как *«гора счастья»*.

Дро — специально выполненный игроком боковой крученный удар, с менее сильным отклонением от прямой траектории по сравнению с «хуком».

Чип — лёгкий удар с небольшим подскоком мяча, после которого он продолжает катиться (выполняется с расстояния от 0 до 5 метров от края грина).

Частный гольф-клуб.

Железнодорожный мост.

Адвент — время ожидания, предшествующее празднику Рождества Христова, во время которого христиане готовятся к празднику.

Роратная Святая Месса совершается в честь Божьей Матери традиционно рано утром, до восхода солнца весь период Адвента. Участвуя в этой Святой Мессе, верующие вместе с Девой Марией бодрствуют в ожидании Рождения Христа. Роратная Свеча символизирует Божью Матерь, которая, как утренняя звезда, предсказывает близость восхода Солнца — Господа Иисуса Христа.

Путешествующая Лошадь — символическая звезда ба-цзы.

Ханука — еврейский праздник, начинающийся 25 кислева и продолжающийся восемь дней до 2 или 3 тевета.

Большой адронный коллайдер — ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, предназначенный для разгона протонов и тяжёлых ионов и изучения продуктов их соударений.

Кинжал, найденный персонажем Дж. Р. Р. Толкиена Бильбо в пещере троллей во время путешествия к Одинокой горе.

Цветущая пуансеттия или молочай прекраснейший является символом достатка и уюта. Это растение не случайно называют еще «рождественская звезда», так как именно в рождественские дни ее яркие цветы-звездочки зажигаются над зеленью листьев.

Навязчивый иррациональный страх боязни темноты, усиливающийся со временем.

В древнегреческой мифологии девственница, всегда юная богиня охоты, плодородия, женского целомудрия, дающая счастье в браке и помощь при родах.

Декупаж — техника декорирования различных предметов, основанная на присоединении рисунка, картины или орнамента к предмету, и, далее, покрытии полученного лаком ради эффектности, сохранности и долговечности.

Мэрилебон — зажиточный квартал на севере Вестминстера, берущий название от приходской церкви Девы Марии.

Весенняя усталость — состояние общей слабости организма, бессилие.

Болезнь, выражающаяся в пониженном кровяном давлении.

Приступы головной боли.

Рокфор — сорт сыра с плесневым грибком, отличающийся особой остротой вкуса и запаха.

Сжигание (трупов) в особых печах.